

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 4 2020

Поздравляем читателей с Пасхой Христовой!

“Ты говоришь: человека не имею!

Я стал человеком, чтобы человека Богом сделать, ибо сказано: “Богами и Сынами Вышнего будут все”.

И кто другой вернее Меня служит тебе? Тебе всю тварь в услужение создал. Небо и земля тебе служат: то влагой, а эта плодами. Ради тебя солнце светит и греет, и луна с звёздами ночь освещает! Для тебя облака дождём землю напояют, и земля в службу тебе возвращает всякую траву семенную и дерево плодовитое! Ради тебя реки приносят рыбу, а пустыни питают зверей!

Ты говоришь: человека не имею!

А кто верней, чем Я, человек?”

*Преподобный Кирилл Туровский,
“Слово о расслабленном”.*

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
Ю. В. БОНДАРЬ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Евгений КИСЕЛЕВ
Поздравление с Днём геолога 3

Проза

Валентина АРХАНГЕЛЬСКАЯ
Любовь моя – геология.
Отрывок из повести 18

Александр КОНСТАНТИНОВСКИЙ
Далёкие голоса. Рассказы 30

Александр САГИР
Розыгрыш. Рассказ 54

Виталий ФЕДОРОВ
Тайна брошенного шурфа.
Рассказ 41

Лидия НИКОЛАЕВА
О чём рассказывают золотинки.
Рассказы 65

Юрий ПОТАПОВ
Валя. Рассказ 78

Василий ЧЕМЕЗОВ
В жизни геолога всякое случается.
Рассказы 84

Альберт ЛИХАНОВ
Незабытые игрушки.
Маленькая повесть 92

Дмитрий ВОРОНИН
Честная служба. Рассказ 112

Андрей АНТИПИН
Живые листья.
Из книги миниатюр 122

Поэзия

Виктор КОВРИЖНЫХ
Дорога, вводящая на карьер 12

Юрий МИХАЙЛОВ
Русь начинается с Кузбасса 15

Александр НАТАЛЕНКО
Личное 27

Павел ПАНОВ
Бродят звери и века 38

Ярослав ВАСИЛЬЕВ
Несу по ветру флаг 49

Игорь ШПУРОВ
За себя и за Родину... 61

Поэтическая мозаика 72

Елизавета МАРТЫНОВА
С биением сердца в унисон 88

Николай ЗИНОВЬЕВ
Жизнь начинается с любви 109

Константин СМОРОДИН
Гармония воскресения 119

Диана КАН
Опять иду на красные флажки 142

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
*первый заместитель
главного редактора* —
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора,
зав. отделом критики* —
(495) 625-02-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

Я. В. Сафронова —
*редактор по связям
с общественностью* —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Очерк и публицистика

Лев КИЧИГИН	
Геолог — легенда XX века	4
Станислав КУНЯЕВ	
“К предательству таинственная страсть...”	145
Преумножение талантов. Беседа с А. Г. Елфимовым	159
Александр СМОЛКО	
Альтруизм против русофобии	170
Евгения ДЕКИНА	
Время нарциссов	185
Татьяна МИРОНОВА	
На поле брани	192
Алексей КОЛОМИЕЦ	
Бережь русское слово	200
Михаил СТРАШНОВ	
Осиротевшие	207
Александр СМЫШЛЯЕВ	
Там, где река Амгуэма...	220
Юрий ТАТАРЧУК, Владлен ШЕВЧЕНКО	
Ратные подвиги военных геологов	228
ЮРИЙ КАЛИНИН	
Афганские очерки	232
Семен ГРОШИН	
От Карелии до Кореи	238
Александр ТОЛСТОВ	
Воспоминания	242

Память

Сергей КУНЯЕВ	
Вадим Кожин	247

Критика

Пётр ТКАЧЕНКО	
“Во мгле мерцающие строчки...”	256
Борис КУРКИН	
Собачья лира “пролетарского поэта”	264

Среди русских художников

Евгений ЧЕБАЛИН	
Адьютант его величества Духа	279

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Оператор: Н. С. Полякова. Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 25.03.2020. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0100-2020. Тираж 4300 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ДЕНЬ ГЕОЛОГА

Уважаемые коллеги, друзья! Поздравляю вас с профессиональным праздником – Днем геолога!

Этот праздник всегда был и остается заметным событием в нашей жизни. Утвердив государственный статус Дня геолога, страна по достоинству оценила труд геологов.

Работа геологов стабильно обеспечивает минерально-сырьевую и энергетическую безопасность России, защиту ее геополитических интересов, в том числе в Мировом океане, Арктике и Антарктике.

Отмечая День геолога в год 75-летия Великой Победы, объявленный Президентом России Годом памяти и славы, мы помним, что среди героев Великой Отечественной войны были тысячи геологов. Все они своим ратным, трудовым, гражданским подвигом вписали Победу в мировую историю!

Отдельная благодарность и поздравления ветеранам геологии, передающим молодому поколению не только свои знания, высокий профессионализм, но и лучшие традиции первопроходцев. Впереди у геологии новые рубежи и задачи, решение которых требует применения накопленных знаний и опыта многих поколений геологов.

Коллеги, друзья! Желаю всем вам доброго здоровья, упорства и оптимизма, крепости духа и молодости души, неизведанных дорог, радости новых открытий и личного счастья!

**Заместитель Министра природных
ресурсов и экологии Российской Федерации –
руководитель Федерального агентства
по недропользованию
Е. А. Киселев**

ЛЕВ КИЧИГИН
заслуженный геолог ЯАССР

ГЕОЛОГ — ЛЕГЕНДА XX ВЕКА

Очерки и стихи о геологах

*Лучше друга нигде не найти мне.
Мы геологи оба с тобой.
Мы и в жизни умели руду золотую
Отличать от породы пустой.*

Популярная песня

Вряд ли существовала другая страна, где геологи были так популярны, как в СССР. Огромная по территории, промышленная, научная, культурная держава уважала геологов. В стране имелись тысячи замечательных профессий, и все же геологи были на виду, не где-то “в верхах”, а, как говорится, в широких кругах населения, в народе. К тому же геологи, при своей немногочисленности, трудились почти везде. Они ведь первопроходцы, исследователи территорий и земных глубин, а потом дна морей и океанов. Примерно так же в первой половине XX столетия восхищались полярниками, открывавшими тайны Арктики и Антарктиды. Старшее поколение еще помнит, что о геологах сочиняли стихи, распевали песни. Сами геологи не были чужды стихотворчеству, любили застольное пение. Геологи считались умными, смелыми личностями, надежными друзьями. Сама трудовая деятельность, нередко в отдаленных, безлюдных местах, воспитывала в геологах дух коллективизма, товарищества.

Дружба сохранялась на долгие годы. Неудивительно, что при своей немногочисленности в большой стране геологи чувствовали себя единым профессиональным сообществом, знали друг о друге. Профессионально советские геологи были готовы работать где угодно не только в своей стране, но и в любом другом месте на земле, во всем мире. Они и работали везде — в Африке, в Азии, в Южной Америке. Если бы СССР не исчез, то первым на Марсе был бы, конечно, геолог.

Образ геолога XX века, конечно, собирательный: не только собственно геологоразведчики, но и другие родственные специальности — геофизики, топографы, маркшейдеры, а то и просто бывалые таежные трудяги, маршрутные рабочие, проходчики канав.

Романтика романтикой, а работа геолога — это, прежде всего неустанный труд без удобств и комфорта. Сам о себе заботься, сам себя береги, отвечай

КИЧИГИН Лев Николаевич родился в 1939 году в селе Охотский Перевоз Якутской АССР. Окончил Якутский государственный университет. Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог ЯАССР. Ныне живёт в Ростове-на-Дону.

за себя и за других и за дело, которое тебе поручено. Как профессионал, геолог складывается долго. Только по книжкам, учебникам не научишься. Объект исследования – земные недра – многосложен, требуется большой практический опыт, пока станешь понимать, что есть руда, а что – пустая порода. Но советское геологическое образование, включая студенческие практики, было лучшим в мире. Оно готовило специалистов, кадры для решения любых задач по развитию минерально-сырьевой базы страны. Легенда геологии в XX веке не только симпатичный образ разведчика, исследователя земных недр. Главная легенда той эпохи в открытиях огромного количества месторождений полезных ископаемых. Немало среди них уникальных по размерам и геологическому статусу (нефть-газ, уран, цветные металлы, алмазы и другие). Это были великолепные результаты работы выдающейся плеяды геологов.

Опыт создания минерально-сырьевой базы в СССР уникален. Впервые в истории создание и развитие базы минеральных ресурсов стало государственной задачей, делом особой важности. Стало самостоятельной отраслью промышленности, обеспечивающей многообразные потребности экономики страны. Из вспомогательного ранее цеха горнодобывающей промышленности разведка полезных ископаемых превратилась в индустриальное производство по изучению, освоению земных недр. Это распространилось на всю страну и привело к потрясающим достижениям, открытиям. Мы узнали, какими неслыханными богатствами земных недр обладает наша держава. Естественно, такое не могло произойти без геологов, без массовой подготовки кадров для геологоразведки. За этим дело не стало.

Геолог – исторически молодая профессия. Издревле были рудознатцы, практики поисков меди, золота, драгоценных камней. Это было искусством одиночек. Разработка месторождений металлов (меди, железа, олова, свинца и других) сформировала профессию горного инженера, обладавшего определенными знаниями о строении земных недр, горных породах, составе и строении рудных месторождений, россыпей золота. Еще и в XIX веке геологические наблюдения и обобщения были частью горного дела, краеведения, географических исследований (натуралисты). Геологией занимались профессора европейских и российских университетов. В 1882 г. в Петербурге создан Императорский Геологический Комитет (Геолком) для организации геологических исследований по единому плану на всей территории страны, в первую очередь Европейской части. При Геолкоме основаны библиотека и минералогический музей. Каждый “член Геолкома” имел огромный рабочий кабинет со значительным штатом помощников. Все это в роскошном здании на Васильевском острове, где ныне размещается ВСЕГЕИ.

Первая геологическая карта Европейской России (главный редактор А. П. Карпинский) масштаба 60 верст в одном дюйме появилась в 1893 г. Под руководством Ф. Н. Чернышева (1893) и Л. И. Лутугина (1897) закартирован Донецкий угленосный бассейн. Определяющее значение для изучения геологического строения России имели исследования Урала А. П. Карпинским, Сибири – В. А. Обручевым и В. Н. Зверевым, Азии – В. И. Мушкетовым, Тимана и Новой Земли – Ф. Н. Чернышевым и другими членами Геолкома. Правопреемником Геолкома стал Советский Геолком, впоследствии ВСЕГЕИ.

Геологические исследования Якутии начаты членом Геолкома В. Н. Зверевым, сделавшим описание геологического строения и полезных ископаемых в бассейнах рек Алдан, Мая, Вилюй (1913–16, 1926). Геологам Южной Якутии хорошо знакома его классическая работа “Материалы для характеристики Томмотского золотоносного района” (1931). Его последователями стали Ю. А. Билибин с соратниками (В. И. Серухов, В. М. Шумилов и другие). Возникла алданская геологическая школа. Перейдя на Колыму, Ю. А. Билибин основал колымский геологический коллектив (Дальстрой). В других регионах СССР проходили аналогичные процессы. В стране стала формироваться профессиональная геологическая государственная служба.

Геолога-профессионала, специалиста по геологическому картированию, поискам, разведке, подсчету запасов полезных ископаемых, подготовке месторождений к промышленному освоению родил XX век. Массовой профессией геологоразведка стала в СССР в ходе индустриализации народного хозяйства. Стране потребовалась минерально-сырьевая база, способная удовлетворить все нужды промышленности и сельского хозяйства. Рассчитывать на чью-то помощь извне было невозможно. Надо опираться на собственные

силы. Создана соответствующая организационная структура (министерства, территориальные управления, геологические экспедиции), поставлены задачи, выделены деньги. Тысячи и тысячи молодых, талантливых людей стали геологами.

И все произошло как задумано, все получилось. При этом увидели (не вдруг и не сразу), что создание минерально-сырьевой базы нашей огромной страны не есть только число открытых месторождений, количество тонн, кубометров разного вида минерального сырья, не только миллионы квадратных километров геологически изученных площадей (точнее, всей страны). Великая цель призвала и выдвинула несколько поколений героев, исследователей природных богатств своего Отечества: инженеров, ученых, интеллектуалов, поэтов, романтиков. Впервые в истории геологи стали героями общества.

В конце прошлого столетия – в начале нынешнего, одним словом, на рубеже веков, при поддержке Российского геологического общества и Министерства природных ресурсов РФ издано 25 томов очерков и стихов под общим названием “Геология – жизнь моя” (главные редакторы В. П. Орлов, В. Ф. Рогов). Как сообщается в аннотациях, очерки написаны ветеранами геологической службы России, хотя точности ради можно добавить, что авторы очерков – это ветераны советской геологической службы. Очерки рассказывают о событиях советского прошлого, в некоторых случаях более чем полувековой давности, воспринимаемого ныне как глубокая история.

Особняком стоят два объемистых сборника стихов самодеятельных поэтов-геологов (составитель В. И. Власюк). Они имеют свое название – “Негаснущий костер”. В поэтические сборники вошли стихи около трехсот авторов. Это только часть обширного поэтического творчества геологов.

Возможно, не все бывшие и действующие работники отрасли знакомы с упомянутыми книгами. Но те, кто читал или хотя бы полистал очерки и стихи, согласятся, что многотомный труд удался и заслуживает высокой оценки. Очерки написаны известными профессионалами, ведущими специалистами и организаторами производства – в общем, людьми, которым есть что сказать в своих воспоминаниях. Авторы очерков трудились в самых разных регионах Советского Союза. По прочтении книг перед глазами мысленно встает грандиозная панорама геологоразведочных работ на территории СССР и даже за рубежом. Около 100 авторов написали свои очерки, с разных точек зрения освещая минувшие события. Объединяет их, кроме тематики, оптимистический тон повествования. Обо всем рассказывается без уныния и разочарования, без сползания в “разоблачительный” пафос. Каждый отдельный очерк не всем может быть интересен, но, сведенные вместе, они дают яркую картину “золотого века” геологии, как выразился в предисловии Президент Российского геологического общества Виктор Орлов.

Можно назвать это “эхом” ушедшего времени, можно считать коллективным отчетом о проделанном и прожитом. То же самое относится к стихам поэтов-геологов. Они такие же свидетельства эпохи, как и мемуарные очерки. Это не история создания минерально-сырьевой базы страны. На то есть другие труды. На мой взгляд, очерки и стихи, собранные под названием “Геология – жизнь моя”, являются непридуманным рассказом о жизни, судьбах нескольких поколений советских геологов, о том, что это были за люди, какие ставили перед собой цели, как их достигали, чем жили... В древние века такие повествования называли сагами.

Будет безнадежной затеей в кратком обзоре охарактеризовать изложенное в двадцати пяти толстых книгах. Возможно, найдется среди нашей братии усердный рецензент, который возьмется за такой труд, Бог ему в помощь. Саги о жизни, прожитой в геологии, дают повод задуматься, какова личность советского геолога, кем он был, чем интересен. В СССР было много других хороших и важных профессий.

Как выразился бывший министр геологии СССР Е. А. Козловский: “... Минеральные ресурсы создает природа, а выявляют их, готовят к использованию в народном хозяйстве люди” (БАМ глазами геолога, 1986). В советском обществе геологи были на виду. Достаточно напомнить, что День геолога в апреле каждого года широко отмечался в стране. Нечего и говорить, что в Якутии, на Северо-Востоке и в других отдаленных регионах, где роль геологов весьма существенна, День геолога отмечался как праздник для всех. Во всех кругах общества профессия геолога не только уважалась. Носители ее

почитались за особую касту специалистов, приобщенных к тайнам земных недр, недоступных непосвященным. Если, например, в медицине, в искусстве каждый волен считать себя знатоком, то мало кто отважится, не имея специальных знаний, судить о земных глубинах. Немалое значение имел ореол романтики, окружающей нашу профессию. В силу таковых особенностей, геолог считался человеком интересным, “умным”, порядочным и т. п.

Геологическая деятельность в СССР, до того бывшая лишь научным занятием, стала геологической индустрией государственного масштаба. Ее функционированию присущи: а) территориальный охват всей страны через территориально-производственные структуры; б) полный цикл геологоразведочного производства от научного прогноза до разведки и подсчета запасов промышленных категорий; в) поиски и разведка всех полезных ископаемых, имеющих народнохозяйственное или оборонное значение, для сырьевого самообеспечения страны.

Такой подход привел к огромному объему и индустриализации геологоразведочных работ. Геология превратилась в промышленную отрасль, которой потребовался соответствующий работник: специалист с разносторонним образованием, обладающий глубокими геологическими знаниями, знакомый с техникой и технологией разведки, с бурением, горным делом. Вместо эксперта по тем или иным вопросам появился универсальный горный инженер-геолог, пригодный для работы в любом регионе, на разных стадиях производства. Кроме основных дисциплин, геолог изучает в вузе математику, физику, химию, философию и другие дисциплины. Геологическая профессия стала достаточно массовой. Вместо эксперта-одиночки, вроде члена Российского Императорского Геолкома, появились коллективы профессионалов. Очень важно, что благодаря Геолкому (позднее это ЦНИГРИ, ВСЕГЕИ), Горному институту, Томскому и другим старым российским вузам, советская геологоразведка изначально росла в рамках научного подхода к изучению земных недр. Она целиком восприняла и продолжила традиции российской геологической науки.

Геологические знания первым советским геологам давали ученые дореволюционной формации: А. Н. Заварицкий, В. И. Вернадский, А. К. Болдырев, В. А. Обручев, Д. В. Наливкин и другие питерские и московские ученые. Они стали наставниками яркой плеяды геологов: Ю. А. Билибина, Д. С. Коржинского, Д. В. Вознесенского, В. И. Серпухова, П. М. Шумилова. В. А. Царградского и других знаменитых фигур советской геологии.

Стоит отметить, что первые учителя советских геологов писали блестящим русским языком, что не могло не передаться их ученикам. И как ни смешно теперь говорить о влиянии марксизма на геологическую науку, но не без влияния марксистской философии, вдалбливавшейся в наши головы, мы истово исповедовали принцип системности в исследовании земных недр. Это принесло свои плоды. Советский геолог был инженером и ученым одновременно. Его работа требовала творчества и познавательного устремления. Объект исследования – земные недра – не допускает шаблонного подхода. Каждому геологу известно, что месторождения полезных ископаемых не бывают идентичны. На каждом месторождении геолог сталкивается с ранее неизвестными явлениями и должен не только их увидеть, но и дать убедительное объяснение. Аналогичные задачи стоят во всей геологической работе, будь то изучение осадочных толщ, магматических комплексов или тектонических процессов. Геолог “привыкает” к творчеству, раскрывает свои способности, которые могли бы оставаться втуне, избери он другой жизненный путь. У немало числа из нас творчество становилось второй натурой и распространялось не только на профессиональную деятельность.

В творческом поиске геолог обращается к специальной литературе, изучает опыт других исследователей, общается с коллегами. Очень верно заметил об этом Президент Российского геологического общества В. П. Орлов: “Своеобразие... образа жизни и характера труда людей геологических профессий – основной источник творческого, в том числе поэтического, начала”.

На волне колоссальной по объему и новизне геологической информации стремительно росла теоретическая наука. Она развивалась в вузах, в отраслевых и академических институтах. В советской геологии не было особых перегородок между производством и наукой. Информация, идеи, кадры сво-

бодно перетекали между ними. Это поддерживало высокий интеллектуальный уровень в производственных организациях. Нормой был большой удельный вес работников с высшим и средним специальным образованием. Ценилась преданность профессии, увлеченность своим делом. Геологи были начитаны, почти поголовно имели опыт жизни или хотя бы учебы в столицах и больших городах и, соответственно, знакомство с культурными ценностями. Они, по общему признанию, составляли “высоколобую” часть технической интеллигенции. Люди мыслящие, геологи осознавали свою роль в делах страны, гордились не только своими открытиями, но и успехами своих коллег в других регионах. Прочитывая стихи геологов, натыкаешься на строки:

*Живи в делах, земное братство,
Весь мир объявшее умом.
(Ю. Баталин)*

Геологи отождествляли себя со страной:

*Есть у геологов страна...
Садись тесней,
Налей полней —
Давай поговорим о ней!
(В. Дмитриевский)*

Осознание принадлежности к “всесоюзному” геологическому братству было характерной чертой профессии. Мы учились по одним и тем же учебникам, работали по общим для Мингео инструкциям, говорили и писали на одном профессиональном языке. Наш профессиональный сленг, с его изощренной терминологией и чудовищными канцелярско-бюрократическими языковыми оборотами, понятен геологу из Якутии, с Тянь-Шаня, Кавказа и даже из Прибалтики.

Много геологических стихов посвящено прославлению трудовых и профессиональных достижений, описанию полевого труда и быта. Не чужды геологу размышления о космизме души:

*Послушай музыку Вселенной
в глубинах собственной души.
Ее мотив, святой, нетленный,
запомнить сердцем поспеши.
(Н. Шило)*

В свете сказанного неудивительно, что немало нашего брата, геологов и геофизиков, если не уходило в науку, то искали себя в литературном занятии, иногда в живописи. Было увлечение коллекционированием: филателисты, фалеристы, не говоря о повальном советском “книжном сумасшествии”, когда за книгами и книжными подписками стояли, как за колбасой. Не только приобретали книги, но и читали запоем.

Письменное творчество близко геологу. Дело не в особом складе души, как иногда можно услышать. Геолог всю жизнь пишет, в поле и на камералке. Продуктом его труда обычно является отчет о результатах работ. Когда-то, в довоенный период, отчет был тоненькой, плохо оформленной книжицей с примитивными рукодельными графическими приложениями. В 70–80-е годы отчеты превратились в многотомные произведения с множеством прекрасно исполненных карт. Эти творения стоили большого труда и творческого напряжения. Приходилось изрядно попотеть, излагая свои мысли и соображения. Есть люди, от природы способные гладко писать. Большинству из нас приходится учиться. После второго-третьего отчета даже тугодум худо-бедно овладевает изложением материала, набивает руку. Автор на личном опыте, на примере коллег убеждался в справедливости слов, что “терпение и труд — все перетрут”. После нескольких отчетов геолог начинает видеть в себе корифея слова и морально готов заняться литературной прозой, а то и стихами. Это не считая тех, кто от природы склонен к литературному занятию. Грубо говоря, в геологической среде количество “ходовков” в литературу удваивается. На фоне других “технарей” геологи просто блещут литературными

талантами. Очередным примером служат 25 томов, о которых шла речь в начале очерка.

В отличие от поэтов, прозаиков среди геологов немного. Известные имена Олега Куваева (роман “Территория”), Григория Федосеева (“Смерть меня подождет”, “В хребтах Дугджур” и другие таежно-приключенческие произведения), Юрия Сергеева (“Становой хребет”) принадлежат не геологам по специальности. Одна из причин, видимо, кроется в укоренении геологов в своем профессиональном языке, далеко от языка А. Н. Заварицкого, В. А. Обручева, В. И. Вернадского.

Но в мою задачу не входит оценка литературных достоинств творений геологов. Я лишь хочу подчеркнуть, что творчество в разном его проявлении было характерно для геологов. Причина не только в умении работать за письменным столом. Многое объясняется общественной атмосферой “золотого века” геологии. Здесь необходимо небольшое отступление, помогающее понять истоки и особенности самодетельной геологической поэзии.

Стихотворчество в геологической среде расцвело в 60–70-е годы. Вряд ли надо пояснять, что это было за время в жизни советского общества. В геологии оно совпало с подъемом геологоразведочных работ, формированием крупных геологических коллективов. Именно в таких коллективах – геологических “общинах” возникла почва для стихотворчества. Его вдохновляла романтика полевой геологии. Ее голосом стала народившаяся бардовская песня. В кратком очерке невозможно объять эту тему. Мне поневоле придется ограничиться примерами Якутии, благо поэтические всходы были там обильными. Судя по сборникам “Негаснувший костер”, в других регионах было то же самое. В 50–60-е годы организованы крупные, преимущественно молодежные экспедиции в Южной Якутии (Чульман, Алдан), в Западной Якутии (Нюрба), в Восточной Якутии (Батагай, Усть-Нера, Хандыга). Это были геологические “общины”, вобравшие народ с разных градусов и весей страны. В каждой из геологоразведочных экспедиций – “общин” ПГО “Якутскгеология” работало до двух тысяч и более человек, и примерно четверть из них – это геологи, геофизики и другие инженерно-технические работники. Внутри таких коллективов не могла не кипеть, по указке свыше и без оной, общественная работа, художественная самодетельность, спортивные страсти, книголюбие. Телевидения еще не было. Возвращение геологов с полевых работ приносило массу впечатлений и эмоциональный заряд. В Якутию пришли магнитофонные голоса бардов: Визбора, Городницкого, Кукина... Образ жизни был, можно сказать, походно-полевой. Об оседлости не думали, быт не был устроен, о нем мало заботились. Между жизнью “в поле” и дома было мало разницы, и нравы “таежной демократии” пропитывали все бытие геологических анклавов. “Поле” всех уравнивает: начальников и подчиненных, инженеров и рабочих. Все в одинаковых спецовках и кирзовых сапогах, спят в одних палатках, едят из одного котла, делят последнюю папиросу-беломорину. Все у одного костра, песни общие, гитара звучит для всех. Это и называется романтикой. Все это в единении с природой, которая тоже одна на всех, которая является почти домом. И после поля праздники встречаются сообща, все соседи – сослуживцы, дети ходят в один детсад, в одну школу. Жены-мужья если не геологи, то врачи и учителя.

В такой обстановке духовные силы раскрепощаются, жаждут созидательной работы. Сочиняются стихи, пьесы, ставятся спектакли. Самодетельные барды воспевают этот образ жизни, в котором есть какая-то “свобода духа”. Запах этой свободы притягивал к геологам людей, уставших от жизни в больших городах, взыскующих “воли”, поисков обетованных “Беловодья”, “Синегорья”. Они-то, в основном, и сочинили:

*Снятся людям иногда
голубые города,
у которых названия нет.
(Л. Куклин)*

*А я еду, а я еду за мечтами,
за туманом и за запахом тайги.
(Ю. Кукин)*
Люди идут по свету,

*им вроде немного надо —
была бы прочна палатка,
да был бы не скучен путь!*
(И. Сидоров)

*Какая радость, что меня
опять услали в эти дали!
Мои костры хотят огня,
Леса таинственнее стали.*
(Г. Горбовский)

Довольно популярна тема “робинзонства”:

*Сырая тяжесть сапога,
роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга
И мы — посередине.*
(И. Жданов)

*...Мне пришлось по тайге
В одиночку скитаться.
Мне немало пришлось
Разводить одиноких костров.*
(Ю. Ливеровский)

Поэтическая тематика у геологов обширна. Им не чуждо воспевание труда и отдыха, природы, земных глубин, тайн мироздания. Ни один юбилей не обошелся без стихотворных од и поэм. И только геологу мог придти в голову поэтический образ буровой скважины, как бутылки дорогого вина:

*Добурав до нужной глубины,
изучают поднятые пробы...
...И закроют пробкой на года,
как бутылку винную пометив.*
(А. Грабовский)

Замечательные таланты трудились в геологии в прошлом веке. Задумываешься, отвечая на вопрос, кем он был — геолог советской формации? Инженером, слагающим стихи об отважных походах в неизведанные места? Ученым, мечтающим о “голубых городах” будущего? Может быть, интеллигентом в полевой “робе” с рюкзаком за плечами? Поэтом, размышляющим о тайнах земных недр?

А может, он — герой советского времени, призванный к трудовым подвигам суровой эпохой, исполнивший свой долг и теперь ставший просто легендой?

Уже не скажешь сегодня, что геологи пишут стихи о своем благородном труде, о романтике геологических маршрутов, палаток, спальных мешков. Геологических песен не слышно. Барды больше не доказывают, что “лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал”. Государство, в свою очередь, все меньше интересуется устройством земных недр (исключая нефть и газ), перестало обращать внимание на геологов. По телевидению не показывают, кино не снимают, как раньше было. Сегодня другие герои, а главное — сегодня другие идеалы.

В 90-е мне пришлось работать над совместными проектами освоения месторождений (в Якутии) с европейскими геологами, а также с канадцами и австралийцами. С некоторыми я подружился, мы общались не только по работе. Иностранцы не без труда вникали в особенности нашего геологоразведочного производства, прежде всего с документальной его стороны. Наш документооборот, отчетность, инструкции для них как китайская грамота. У них проще. Научность их мало интересовала. Наш замечательный марсианский геологический язык с его изощренной терминологией порой не мог переводиться на английский. Наша служебная вертикаль, восходящая к разным

госорганам, не была им понятна. В свою очередь, иностранцы объясняли, что европейские геологи выполняют у себя дома, в своих фирмах узкопрофессиональные, чисто технические функции. Их не озадачивают стратегическими задачами развития МСБ, не обязывают руководствоваться государственными интересами. Государство же не переживает за судьбу геологии и геологов, не ждет от них стихов, песен, общественной активности. Ничего похожего на “советского геолога” не было и нет ни в Европе, ни в Канаде. Мы и они – это разные миры.

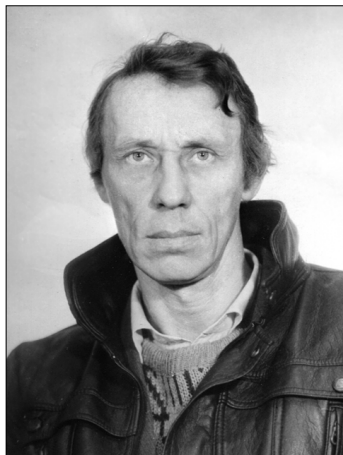
Сам собой возникает вопрос: какой же станет фигура российского геолога XXI века?

Хороший, как говорится, вопрос, если знать, к кому следует с ним обратиться. Одно ясно: романтиком он уже не станет. В своем современном преобразовании геологическая отрасль, геологическая служба прошли “точку невозврата”. Геолога советского образца природа дважды не производит. Нынешняя траектория развития геологической отрасли, а также геологических наук в России, не имеет однозначного вектора. Приоритеты не определены. Геолог не может, подобно барону Мюнхгаузену, вытащить сам себя за волосы из болота.

Впрочем, не одни только геологи задают вопросы о своем будущем. Так же гадают учителя, врачи, ученые, другие уважаемые люди. Они тоже вопрошают без ответа, в пустоту. А может быть, нам лучше сначала задать главный вопрос: какое будущее мы хотим для России? Какое общество мы строим, какую экономику, промышленность? Если мы сумеем найти ответ на исторический вызов, обозначившийся перед нами в XXI веке, то у нас в руках появится компас, указующий верное направление цивилизационного маршрута. Тогда все состоится: геология, здравоохранение, образование и другое.

В заключение скажем следующее. Повествование о геологе не есть только занимательный исторический экскурс о делах минувших дней. Советский опыт геологоразведочных работ должен быть глубоко осмыслен. Без его итогов, уроков не обойтись, как бы кто ни хотел отринуть все “советское”. Последнее было бы глупостью, за которую страна заплатит оскудением добра, на котором сидит. Нельзя утратить системный подход к разведке земных недр, выработанный в СССР. Нельзя растратить инженерный потенциал, созданный в советское время. Советский инженер-геолог был лучшим в мире по профессиональной квалификации, умению работать. Кадровый состав геологической службы СССР соответствовал огромной территориальной и природной проблематике работ. Такой другой страны в мире нет, она уникальна по своим размерам, сложности в управлении земными недрами. Этот опыт должен послужить стране и в будущем.

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

ДОРОГА, УВОДЯЩАЯ НА КАРЬЕР

* * *

Ничего от удачи и Бога
И от прочих таинственных сфер.
Просто выпали дом и дорога,
Уводящая на карьер.

Здесь земля, что дала мне силы, —
Рёв “БелАЗов”, отвалы, дым.
Если чем и была красивой,
То людьми и углём своим.

Но мечталось, и в люди вышел,
Овладел непростым ремеслом.
Ну, а что соловьёв не слышал,
И сейчас не жалею о том.

Коль хватило любви мне и света,
Чтобы песнею стать и судьбой:
Экскаватору, пыльному ветру
И отвалу с полынной травой.

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился в 1952 году в посёлке Старобачаты Беловского района Кемеровской области. Трудился трактористом, электросварщиком, на угольных предприятиях Кузбасса шофёром, машинистом ж/д крана, составителем поездов. Последние 15 лет работал в МЧС. Автор семи поэтических книг. Стихи и проза публиковались во многих журналах и альманахах, в коллективных сборниках, антологиях и хрестоматиях. Лауреат многих литературных премий, член Союза писателей России. Живёт в селе Старобачаты Беловского района.

РАБОЧЕЕ УТРО

Зарю кузнецы куют.
Звон наковальни.
Весело что-то поют,
значит — нормально!

Кукует кукушка в лесу,
росы хрустальны.
Вот к наковальне несут
лемех отвальный.

Летят из гнезда огня
птицами звоны
в зелень озона, звеня,
до небосклона.

Созрел золотой на корню
колос глагола!
Новому светлому дню
выкован голос!

НАПАРНИК

Вытирая ветошью ведёрко,
проворчит уже который раз:
— Не спеши, писака, крюк не дёргай.
Это ж кран тебе, а не Пегас...

Я молчу. Он — крановщик со стажем,
вроде, высшей лиги крановой.
Он в работе ловок, быстр и сложен,
я ему завидую порой.

Наградил Господь его смекалкой
и ехидством тож не обделил.
Вот опять не быть смешным и жалким
изо всех пред ним стараюсь сил.

Говорит язвительно и гордо:
— Твой бы Евтушенко здесь зачах.
Вы, поэты, никуда не годны!
Хвастаться горазды лишь в стихах...

На педаль спокойно ставлю ногу
и на крюк внимательно гляжу.
Докажу ему — поэты смогут!
Вот лишь научусь и докажу!

И работал я не так, как прежде, —
подавал увереннее груз.
И казалось, что глядит с надеждой
на меня писательский Союз.

ПРОТЯЖКА ГАЕК

Вот мы взяли ключи...
Вот мы гаек набрали...
Вот пошли, не спеша, вдоль пути...
Потому не спешим,

что идём не на праздник,
а крепёжные гайки крутить.

Заскрипели болты,
так протяжно и нудно.
Скрежет их — аж до боли в зубах.
Растянулась на час
по спирали минута.
Греет гайки тугая резьба.

Выпрямляется путь!
Мёртво стяжками схвачен.
Взбухли жилы на мускулах рук.
Но в упругую сталь
до упора накачан
огранённый и яростный звук!

Путь настроен! А нам
от усталости — тесно!
Эх, сейчас бы на сутки привал...
В рельсах зрел до поры,
словно в трубах оркестра,
торжествующей музыки шквал!..

ЮЖНЫЙ КУЗБАСС

На юго-восток уплывают молчаньем зимы
застывшие громы таежных хребтов и урочищ.
На северо-запад бегут за холмами холмы,
накинув на плечи накидки березовых рощиц.
Скуластый Охотник преданий и темных легенд
скликает ветрами зверей на замшелые плечи,
и равного духом себе поднимает с колен,
попавшего в сети двух рек огневой Междуреченск.
В былинное небо уперся прирученный лес,
а ниже корней — зачумленные промыслы риска.
И звезды обрушенных черных шахтерских небес
вмерзают в гранитное небо седых обелисков.
Умолкни, восторженный тенор турбин и машин,
в бетонных краях перепутавший цепи со счастьем!
К дорогам сбежались стада поселений с урчанием,
в бесплодной попытке испить доброты и участия...
Просторам и недрам под стать и дерзают умы,
в проектах с ухмылкой сквозит Мефистофель прогресса.
Режимное Время, врачуя, заводов дымы
бинтами кладет на открытые раны разрезов.
В остывших громах вспыхнут синие молнии рек,
и вскрикнет душа, и прольется дерзающим веком!..
Громадой свершенных побед заслонен человек,
и свет родниковый грядущим закрыт человеком.
Под взглядом общественных зданий тускнеют леса,
распятие улиц венчает «Христос потрясений».
И воды времен, напитавши собой небеса,
бегут по привычке по руслу его откровений...

В связи с тем, что в недалёком будущем Россия отмечает 300-летие открытия Кузбасса, литературное творчество кузбасских геологов и шахтёров будет опубликовано в номере журнала, посвящённом этому историческому событию.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

РУСЬ НАЧИНАЕТСЯ С КУЗБАССА

* * *

Русь начинается с Кузбасса –
Я не шучу...
Там, где космическая трасса,
Зажёг свечу
Мой пращур с новою надеждой
Над той землёй,
Что, как кристалл горячий, между
Огнём, золой,
Грядущим и былым в широком
Разливе лет,
Что между Западом, Востоком –
Как тёплый свет...
Века в себе соединила
Моя земля:
Песчинки золотого ила
И блеск угля
Среди чернеющих осколков
На берегу,
Где брёл русак – Михайло Волков,

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович родился в 1953 году в посёлке Разведчик. Работал в Глушинской ГРП. Окончил Кемеровский педагогический институт. Автор нескольких поэтических сборников. Работает в Берёзовском Центре развития творчества детей и юношества. Награждён медалью “За особый вклад в развитие Кузбасса”.

Где я бегу,
Бегу, живой вдыхая воздух —
Бальзам сосны,
И слышу мудрый хвойный возглас:
“Вы — их сыны!..”
Следы моих отважных предков
Повсюду здесь...
Отец служил в углеразведке
И был в ней весь.
В буранный день, суровый самый,
Покрытый мглой,
Его в тайгу катили сани
До буровой.
Его душа в надземном крае
Теперь живет,
А уголь всё не прогорает
И сердце жжёт...
Ведь он — не каменная масса —
Соль жизни всей.
Русь начинается с Кузбасса
В душе моей.

АНДРЮХА

Из глубин земного брюха
Черноликим духом гор
Поднимается Андрюха,
Молодой, крутой шахтер.

Зубы белые сверкают,
Глаз прищурил, словно рысь.
Синь небес над ним такая,
Что душа несется ввысь.

Воздух, на дрожжах веселья,
Лихо всасывает грудь.
Словно после подземелья
Только в нем всей жизни суть.

Словно суть в листочках липких
У чумазого чела,
Так Андрюхина улыбка
Простодушна и мила.

Счастье в сердце-то какое...
Как расцвел родимый край...
Только выйдя из забоя,
Можно так влюбиться в май.

* * *

Таежный дух, густой, тугой,
Весеннею насыщен влагой.
Встает над сумрачной тайгой
Веселый день хмельною брагой.

Копер бывалой буровой
Уткнулся в синь, как в неизвестность.

Станка мелодией родной
Вся оглашается окрестность.

Уходят штанги глубоко
В земные недра нитью тонкой.
Я чувствую, как нелегко
Грызет внизу скалу коронка.

Сто метров чохом не пройти.
Здесь ни к чему дурная удаля.
Мотор рычит медведем, и,
Как в масло, столб уходит в уголь.

А за порогом тепляка
Апрель ручьями серебрится.
Заброшу шапку в облака —
Пускай гнездится в ней синица.

* * *

Мне ухо щекочет пырей,
И трется о щёку ромашка...
Чудесна любая букашка,
Когда я — с землею моей.

Когда я — с землею родной,
Ничто в ней меня не отторгнет.
И сердце ни разу не дрогнет
В лихую грозу или зной.

С землей довелось пережить
Жестокость, бессилье и жажду...
Вину свою понял однажды:
Преступно наивными быть...

Шумя, возрождается бор,
Где твердь рассыпалась в забое,
Где почва стенала от боли,
И сек все живое топор...

Отринув безмолвье и смерть,
Нас снова березы встречают,
Для радости и для печали.
Как много пришлось одолеть...

Цветет иван-чай по буграм,
И таволга радуется новью —
Жива моя совесть сыновья:
За все отвечаю я сам...

ВАЛЕНТИНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ЛЮБОВЬ МОЯ — ГЕОЛОГИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Первые дни и месяцы учебы в Московском геологоразведочном Гале запомнились больше всего вводной лекцией декана геологического факультета о том, что такое геология и что ждет студентов после окончания института. Начал он с того, что геология — это наука о планете Земля, о ее строении, происхождении, находящихся в ее недрах полезных ископаемых, о главных причинах их возникновения и признаках обнаружения. Студенты геологического факультета, сообщил он, будут разделены на два потока. Первый будет осваивать специальность геолога-съемщика, второй — инженера-геологоразведчика.

В соответствии со своими пожеланиями студенты уже после первого курса разбились на потоки по специальностям. Галя, как и задумала, выбрала геолога-съемщика. В ее группе оказались в основном девушки. Старостой назначили Азу — низенькую толстушку в обтягивающем сером костюмчике, приехавшую откуда-то из Донбасса. В группе также оказалась дочка первого секретаря какого-то крайкома партии, незадолго до того арестованного, красивая высокая молчаливая Дора Акимова.

Учеба Гале давалась легко. На первом курсе лекции и практические занятия, главным образом, по общеобразовательным предметам: высшей математике, электротехнике, начертательной геометрии и другим, а из числа

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Валентина Вячеславовна родилась в 1922 году в подмосковном городке. Доктор геолого-минералогических наук, крупный ученый, специалист в региональной геологии и минерации редкометалльных месторождений, одна из первооткрывателей уникального редкоземельного Катугинского месторождения. По специальности имеет более 200 опубликованных статей, 6 монографий. Со студенческих лет пишет прозу и стихи, часть которых опубликована.

специальных геологических дисциплин — только лекции по общей геологии. Но какая захватывающе интересная, оказывается, была эта наука! Еще в школе Галя прочитала (и много раз) богато иллюстрированную откуда-то у нее появившуюся книгу с гравюрами Доре о катастрофических природных явлениях — землетрясениях, извержениях вулканов, цунами и т. д. Собственно, это и стало главной причиной ее решения пойти в геологию. А ещё желание постоянной работы на свежем воздухе, возникшее после смерти отца, как ей тогда казалось, из-за его работы учителем в душных, пыльных, плохо проветриваемых классах провинциальной школы.

Геодезическая практика проходила в Подмосковье. Теодолиты, вешки, визиры, составление топографических карт — все так необычно и интересно. Одно плохо: мало еды, да и та плохая. Рядом с палатками студентов располагались колхозные поля, засеянные морковкой. Две девочки из Галкиной группы — Зиночка и Надя — не утерпели, наведались ночью на поле, набили наволочки морковкой, которая еще и не выросла полностью, и утром вся спальня ею лакомилась. Ботву выбрасывали в окна. В обед пришел бригадир из колхоза и два милиционера. Девочек забрали, и больше группа их не видела. Руководство практикой и сами студенты пытались как-то облегчить их судьбу, но безуспешно: их судили за кражу и отправили куда-то на принудительные работы.

На втором году учебы в расписании занятий значились уже в основном геологические дисциплины: общая геотектоника, общая геоморфология и другие. Особенно захватила Галю гипотеза о движении материков Альфреда Вегенера, книгу которого она изучила досконально. Очертания западных берегов Евразийского и Африканского континентов и восточных берегов Северной и Южной Америки действительно оказались совпадающими. А еще больше впечатляет сходство геологического строения противоположных берегов Атлантического океана и продолжение металлогенических зон (достаточно узких полос концентрации месторождений различных полезных ископаемых) через этот океан из обеих Америк в Европу и в Африку, особенно из Южной Америки в Африку.

Ближе к весне уже мечталось о первой производственной геологической практике где-нибудь подальше от Москвы — в Средней Азии, в восточной Сибири или даже в Заполярье. Наиболее продвинутые в практическом отношении студенты, особенно мальчики, заранее договаривались с руководителями полевых геологических партий, организующихся на базе различных московских геологических НИИ, о зачислении их к ним практикантами.

22 июня было ясное теплое утро. Галя сидела в поезде, ехала в институт, когда заметила на пролетающих мимо платформах толпы народа под тарелками репродукторов. В первые же дни почти все ребята — студенты старших курсов — добровольно ушли на фронт. Скоро Москву немцы начали бомбить. Но занятия в институте продолжались.

Пассажирские поезда по западному направлению стали ходить с большими перерывами, и теперь Галя, возвращаясь из института, была вынуждена добираться домой другим путем. Она автобусом доезжала до окраины Москвы, а далее до дома пять километров добиралась пешком по Минскому шоссе. Пройдя два километра, уже можно было разглядеть “Воронью слободку” — дом стоял на горке, на перекрестке Минского шоссе с Аминьевским. И всегда перед этим замирало сердце: стоит он, или уже разбомбили?

Немцы подбирались к Москве все ближе. 16 октября, после решения правительства об эвакуации правительственных, производственных и других организаций и учреждений в городе началась паника среди обывателей, а в институте еще днем — запись оставшихся студентов и преподавателей в районный коммунистический батальон. Естественно, вся Галина группа целиком записалась. Всем записавшимся приказали через три часа явиться с вещами в школу № 15 в Тестовском переулке. Галя помчалась домой, хотя знала, что ни при каких условиях не успеет вернуться к сроку. Но надеялась, что опоздавших все-таки примут. Дома никого: мама и сестра в школе. Запихала кое-какие вещи в мешок, оставила записку. Скорее, скорее назад! Вдруг стук в дверь. На пороге Шура — одногодка, соседка, тоже дочь учителей.

— Галя, помоги! Мама с папой в школе, мне поручили упаковать вещи. Мы эвакуируемся. Помоги, пожалуйста!

— Не могу, я и так опаздываю.

— Ну, пожалуйста! Я совсем потеряла голову.

Шурина семья “не от мира сего”: и родители, учителя географии, и дочь непрактичные, рассеянные. Прошли к Шуре. Посредине комнаты стоит оцинкованное корыто с продетой в отверстие веревкой, из которого горой вылезают вещи: одежда, обувь, какие-то кастрюли, тазы...

— Да вы что? Корыто с собой берете?

— У нас нет рюкзаков. Во что-то надо грузиться.

— А как же повезете? Волоком?

— Не знаю, не думала еще.

— Я сейчас мигом...

Галя ушла к себе, вернулась с дерюжными мешками из-под картошки, бросила у корыта.

— Вот! В каждый угол по небольшой картофелине, углы с ней обвязать веревкой в узелок, положить вещи, веревку потом накинуть на горловину, завязать. Прощай, я пошла.

Бегом на вокзал. Слава Богу: как раз успела к поезду. Идет медленно. Наконец Белорусский вокзал. Скорей на трамвай. Вот и школа!

Но у ворот красноармеец с ружьем.

— Куда? Не велено никого пускать.

— Мне сюда, я записана в коммунистический батальон, опоздала немного к сроку.

— Ничего не знаю. Никуда не пуццу!

— Тогда вызовите командира.

— Ну да, как же! Я за командиром, а пост пустой. А ты за мной. Нет!

— Что же делать?

— Ты вот что, девочка. Езжай в райком комсомола, возьми сюда направление, тогда пропущу.

— Так бы сразу и сказали.

Снова трамвай, два квартала пешком, дом райкома, на второй этаж, дверь полуоткрыта. Галка боком влезла в дверь. У окна стол, за ним бело-брысый парень в очках, пишет, сбоку на скамейке мощная деваха: из-под коротких рукавов выпирают бицепсы, толстые ляжки и круглые колени чуть прикрыты юбкой. Парень поднял голову:

— Вам что, девушка?

— Я... Я записана в комбатальон, опоздала в школу № 15, в Тестовском переулке. Живу за городом, не успела приехать с вещами к назначенному сроку. А у двери часовой, говорит, что надо от вас направление получить, тогда пропустит. Вот! Дайте, пожалуйста!

— Хм...

Оценивающим взглядом окинул Галю. Субтильная фигурка, грязные белые туфли-тапочки, голые оцарапанные колени, измятое ситцевое платьице, тощий мешок за плечами, умоляющие большие зеленые глаза.

— Смотрите сюда.

Жест в сторону мощной девахи.

— Знаете, кто это? Она чемпионка Москвы по лыжам. Тоже опоздала, тоже просится в коммунистический батальон. Так я и то пока еще сомневаюсь — дать ли ей туда направление. А уж вам...

— А я студентка второго курса Московского геологоразведочного института, выносливая, не смотрите, что невысокая и худенькая. Там все мои друзья. Ну, пожалуйста!

— Я лучше дам вам направление на военный завод. Он в том же поселке. Идет?

Потерянно взяла направление. Доехала, а потом дошла до завода. Было уже восемь часов вечера, там, вероятно, пересменка: из ворот валила толпа. Своими близорукими глазами Галя увидела, что люди в толпе все как один с ярко-желтыми лицами и руками. Тол, что ли там, производят? Ну, уж нет! Не хочу стать такой же. И Галя, разорвав направление, повернула прочь.

Через два дня завод взлетел на воздух. Взрыв был слышен в Кунцеве.

Занятия в институте прекратились: он эвакуировался в Семипалатинск. В основном выехали иногородние студентки и преподаватели, а москвички далеко не все, некоторые, Галя и Ира в том числе остались. Ксана же эвакуировалась с родителями в Свердловск. Надо устраиваться на работу, получить рабочую продуктовую карточку. У сестры изживенческая, у мамы служащая. И любой ценой попасть на фронт!

Всю вторую половину октября булочные в Кунцеве торговали, как заметили мама и сестренка, странным образом: люди тащили по пять и больше батонов белого хлеба, по несколько буханок черного, видимо, сколько можно унести за раз. Выяснилось, что талоны из карточек продавцы вырезали правильно, но хлеба отпускали на все деньги, которые давали покупатели. Мама, Галя, сестра стали ежедневно порознь ходить каждая со своей карточкой и с намного большей, чем нужно в соответствии с нормой, суммой денег. Приносили по семь, а Галя так и по десять белых батонов и по пять-шесть буханок черного хлеба. За несколько дней насушили большой мешок белых сухарей и полмешка черных, которые и помогли им продержаться первую, самую голодную военную зиму.

Примерно в это же время в доме, где жили Галя с сестрой и мамой, на первом этаже, в опустевшей после эвакуации ее жильцов комнате, поселилась кем-то брошенная красивая рыжая собака — колли, сильно ослабевшая от голода. Она еле двигалась и большей частью лежала на кем-то брошенных газетах. Галя заметила ее случайно, проходя мимо открытой двери комнаты. Собака встала, потянулась к ней, лизнула руку. Все у нее на месте, ран нет, глаза не гноятся, ноги ходят. Сердце у Гали сжалось. Но что делать: собака большая, кормить нечем. Недели две Галя ее все-таки подкармливала, отдавала ей свою обеденную пайку, которую брала, уезжая в Москву, сто граммов хлеба, две-три вареные картошки, хотя видела, что этого ей мало, мало, мало. Однажды утром комната оказалась пустой. То ли собака сама ушла, как вообще уходят все животные умирать в укромное место, то ли ее убрали, а может быть, и съели нищие с бывшего рядом с “Вороньей слободкой” рынка, облюбовавшие пустующие в доме комнаты под ночлежку.

В первых числах ноября в том же райкоме комсомола, где Галя побывала после опоздания в коммунистический батальон, она добилась записи в специальный отряд, попавших в который, по слухам, должны готовить для заброса в тыл. Ей повезло: на месте секретаря сидел другой человек. Отбор в отряд был жестким по анкетным и медицинским данным. К окулисту, благо на медкарточке не было фотографии, а Галя не носила очков, вместо нее сходила не уехавшая в эвакуацию ее сокурсница и подруга Ира с хорошим зрением. Медкомиссию Галя прошла. Перед началом учебы весь отряд послали на курсы парашютистов. После первого же прыжка Гали со скандалом отчислили: инструктор усмотрел неправильное приземление (хотя она и не сломала ничего), поманил ее пальцем, а она и лицо-то его видела неотчетливо, где уж тут палец! Сообщили в отряд. И всё.

Пришлось записаться на ускоренные курсы военных фельдшеров и медсестер. Ира там уже училась. На курсах давали продовольственные рабочие карточки. После занятий обе они ежедневно работали в эвакогоспитале: таскали по лестницам носилки с ранеными, кормили слабых, делали уколы, легкие перевязки, позднее даже ассистировали врачам при сложных операциях. Когда привозили новые партии раненых, работали ночи напролет.

Но вот сданы экзамены, получены справки об окончании курсов. Гале прислали повестку из райвоенкомата по месту жительства: явиться с вещами. Собрала вещмешок, пошла. Екатерина Васильевна, прочитав повестку, молча хмуро смотрела на Галины сборы, сказала только, чтоб оставила вещи, она поднесет, когда будут отправлять в действующую армию. Ведь не сразу же.

А вот и военкомат. Битком набитая комната призванными, как и Галя, по повестке, но в основном мужчинами. Махорочный дым волнами. Кто в штатском, кто в военном. И опять сначала медкомиссия, опять все уперлось в глаза! Галя без очков, таблицы для проверки зрения в комнате нет.

Пожилой врач взял со стола в руки книгу в красном переплете, положил на нее пальцы, Галю поставил далеко от себя, в угол.

— Сколько пальцев видите? Да стойте, не приближайтесь!

— Два, — ответила она наобум.

Снова, переменив пальцы и подозвав Галю поближе:

— Сколько пальцев?

Пришлось сдаться.

— Не вижу. Кажется, три.

— С вами все ясно. Давайте повестку. — Написал записку. — Возьмите, подойдете к секретарю, комната по коридору налево. Он выпишет вам белый билет. Вы не военнообязанная. И мой вам совет: вы можете работать в любом госпитале как вольнонаемная.

До возвращения института из эвакуации в 1943 году она работала сначала с месяц на военном заводе, где делали “лягушки”: деревянные с защелкой коробки, которые начиняли толлом, и получались противотанковые мины, а потом — медсестрой и фельдшером в эвакогоспитале.

Все это время ее точила горькая мысль о том, что все хорошие люди на фронте, воюют, а она сидит среди стариков и детей одна такая несчастная. Галя проклинала свою близорукость, хотя раньше она ей почти и не мешала.

Жилось скудно. Работа и дорога домой, пять часов туда и обратно, отнимали по шестнадцать часов ежедневно. Дела на фронте не радовали. Город Руза был захвачен немцами, а в нем оставались родители Екатерины Васильевны — бабушка и дедушка Гали, а также ее незамужняя тетя и семья умершего перед войной дяди. Зимой 1942 года Галя и мама узнали, что Рузу освободили. Но писем от родных не было, а для поездки туда нужен пропуск. И Галя решила ехать без пропуска, выяснить, что с ними стало. Екатерина Васильевна согласилась.

Собрали небольшую посылку: кое-что из продуктов, выданных по карточкам — крупу, немного сливочного и бутылку растительного масла, буханку хлеба, чай, пол-литра водки, соль, кусок мыла. Галя положила еще пузырек медицинского спирта, который ей дал один из хирургов эвакогоспиталя.

Поезд уходил утром. Галя, зная все “дырки” на Белорусском вокзале и кунцевской платформе, обошла контролеров, подобралась к предпоследнему вагону. В последний лучше не лезть, в нем обычно находился кто-то из поездной бригады. Юркнула, затаилась где-то посередине, в углу на лавке.

В Рузе на улицах оказалось пустынно, но в центре все дома целы. Добежала до бабушкиного дома. Он тоже цел. Дверь забита досками. Вошла через калитку в огороде и задний вход в кухню. Стены черные от копоти, но в доме тепло. Навстречу тетя Варя, в рваном теплом платке, похудевшая, подурневшая.

— Галя! Ты! Как добралась? Замерзла, небось? Хотя потом расскажешь, а пока грейся, печка утром топленная.

Из-за печи выползла бабушка.

— Галочка моя приехала! — И заплакала, захлюпала.

Тетя Варя ее перебила:

— А мы теперь все на кухне. В доме немцы жили, какой-то чин весь в золоте, нас в кухню выгнал. А когда наши пришли, так он почему-то не успел уехать, на диване его и убили. В комнатах теперь разор. Вещи наши, которые мы перед приходом немцев в подполе спрятали, свои раскрали. Я у соседей наш самовар видела.

— А где же дети дяди Миши и тети Оли? Где сама тетя Оля? Дед где?

— Ребятишки спят в боковушке, я там все вычистила. Ольга ушла в город за хлебом. А дед на печи: ноги у него обморожены.

Галя стала разбирать свой мешок. Хлеб, сахар, масло и прочее — все было очень кстати.

Вечером за чаем тетя Варя рассказала, как перед приходом немцев в Рузе организовали партизанский отряд. Командиром был назначен секретарь райкома партии — муж любимой всеми в школе учительницы истории и руководительницы Галиного класса Клавдии Ивановны. В отряд ушла комсомолка Лиза — Галина подружка из одного с нею класса, девочка скромная,

очень застенчивая, вспыхивающая краской по малейшему поводу; а учитель физики, хромой и одноглазый, приехавший в город сравнительно недавно, Галя его не знала, стал полицаем.

Больших лесов в Рuzском районе мало, и отряд базировался в одном из самых обширных лесных массивов близ озера Круглое. Кто-то выдал его местоположение немцам, члены отряда были захвачены и повешены на центральной площади города. Когда зимой начались бои за город и окрестности, немцы выгнали жителей из домов и, прикрываясь их толпой, пытались атаковать наших. И дед с бабкой, и тети Варя с Олей, и ребятишки шли вместе с этой толпой. Вот тогда-то дед и поморозился, а сыну тети Оли Мише кто-то запустил камнем в спину, он долго потом, уже после окончания войны, выздоравливал. Наши город взяли, жители вернулись по домам.

В окрестных полях и лесах, там, где шли бои, остались неубранными трупы людей и лошадей. На лошадях воевала наша конница. Галя решила идти за кониной. Утром нашла во дворе саночки, оделась потеплее, тетя Варя дала топор. Отошла три-четыре километра от городской околицы, вошла в лес. Дорога там заметена меньше, чем в поле. На обочине рука, торчащая из снега, все остальное под снегом, чуть поодаль наполовину занесенная снегом лошадиная туша. Твердая, топор не берет. Дальше по дороге, Галя знала, будет деревенька: с мамой, еще когда в Рузе жили, туда как-то ходили к знакомой учительнице. Вот и крайний дом. Тропинка от снега не чищена, на ней россыпь мелкой мерзлой картошки. Толкнула незапертую дверь. Изба в одну комнату, нары, полати, большая русская печь, видно нетопленная — пар от дыхания идет. Но никого. Вышла. От другой избы, рядом оказалась фигура в тряпье. Двинулась к ней.

— Кого Бог принес? Ты чего дочка, куда идешь?

Средних лет женщина подошла близко.

— Я за кониной приехала, из Рузы. Там в лесу есть кони убитые. Я нашла одного. А топор не берет.

— Погоди-ка. Дак ты и не справишься, куда тебе. Ведь морожено мясо-то. Тебе сколько надо-то?

— Да не больше пуда, больше не довезу.

— Дак ты вот что. Иди-ко сюда.

Женщина привела ее в клеть за избу, где лежала уже полностью разрубленная на куски конская туша, без головы, хвоста, копыт.

— Вот, бери.

И она подняла и положила Гале на санки два порядочных куска от задних ног.

— А вы?

— А мне, моя милая, тут у нас один инвалид с другого конца деревни, попрошу его — еще привезет. Много ли мне надо.

— Ну, спасибо! Большое спасибо!

Галя завернула мясо в рогожу. Отдала взамен пузырек разведенного медицинского спирта.

— И тебе спасибо, дочка!

— Семья-то ваша где?

— А муж на фронте воюет. Да что-то писем долго нет. Детей не было. Бобылкой живу.

Галя повернула саночки, поспешила домой в Рузу.

Поздно вечером она попросила тетю показать ей грудку оставшихся в доме книг, подмоченных и частью разорванных. С трудом, но нашла среди них ту самую с рисунками Доре книгу о катастрофических геологических явлениях, которой зачитывалась в школьные годы. Попросила разрешения взять ее. Тетя Варя разрешила. Потом Галя всю жизнь с этой книгой не расставалась, возила ее с собой. А позже к ней добавились книги вулканолога Тазиева.

На другой день, оставив половину конины тете Варе с семейством, вышла с саночками на главную дорогу — и сразу повезло. Военный грузовик шел напрямиком в Москву, Галю довели до дому, благо он стоит у трассы, на Минском шоссе.

Мяса хватило при экономном его расходовании и хранении на морозе за одну неделю на две. Вкусные были котлеты из конины!

В 1943 году, хотя война была еще очень тяжелой, уже над Москвой гремели салюты, армия отвоевывала город за городом, люди повеселели. Институт вернулся из эвакуации, и занятия, которые до этого вели оставшиеся в Москве преподаватели института, возобновились в полном объеме. Студентам стали выдавать карточки на дополнительное питание — УДП, их называли в шутку: “умрешь днем позже”. В институте появились студенты-инвалиды войны.

Галя училась отлично, увлеченно, с интересом. На дипломную практику вместе с подругой Ксенией они поехали в степной мелкопочный Казахстан, на марганцевое месторождение, находящееся в безлюдной местности, без дорог. Правда, по приезду оказалось, что в сухой период в степи везде можно было проехать, даже и на автомобиле. Руководителем практики оказалась начальница геологической партии Нина Петровна, высокая мощная средних лет женщина, которой боялся весь персонал. Рассказывали, что она, рассердившись как-то на одного работягу, призвала его к себе, схватила за шкуру и потрясла как щенка, приговаривая:

— Не смей больше так работать, душу вытрясу, понял!

Девушек поселили в саманном бараке с маленькими окошками без стекол, с земляным полом, застеленным соломой, на которой они и спали без простыней и одеял, прикрываясь выданными ватниками. Спальных мешков нет, тощенькие одеяла и соломенные матрацы выдали лишь через две недели. А ночами и по утрам уже стояли холода. Умываться бегали на обмелевший к концу лета, ко времени их приезда, ручеек. Там же и мылись ледяной водой, нагреть воду хотя бы на костре невозможно — из топлива лишь сухие травинки и низкорослый перекати-поле — карагайник. После такой “бани”, ополоснувшись, накидывали ватники и бегом в барак.

Имелась в партии и столовая, еду готовила казашка: суп пустой или рыбный картофельный, ячневая каша, хлеб по норме. Постоянные сотрудники партии — ИТР — жили в землянках, в землянках располагались и контора с камералкой (место, где обрабатывали свои материалы геологи). Рабочие-казахи обитали, как и студенты-практиканты, в саманном бараке, лишь некоторые тоже вырыли себе землянки.

Галя с Ксенией с увлечением знакомились с геологическими особенностями месторождения, усердно документировали канавы, шурфы до 20–25 метров глубиной с воротками и дудки до 3 метров глубиной без воротков, отбирали образцы и пробы, составляли разрезы месторождения. Нина Петровна была ими довольна. Поскольку, кроме нее и техника, среди ИТР собственно геологов не было, только геофизики, делилась своими сомнениями с девочками.

— Не понимаю, в чем дело. Вроде бы по геологическим данным руды месторождения богатые, а анализы проб, пришедшие в последнее время, показывают низкие содержания марганца. Надо отобрать дубликаты проб. Поручаю это дело вам, может быть, Вася-техник напутал.

Базу партии кругом ограждал дувал — высокий глиняный забор. И вот однажды, гуляя вечером за дувалом, Галя с Ксенией увидели большую кучу черных желваков — богатых марганцевых руд. Взяли по желваку, показали Нине Петровне.

— Где взяли?

Показали место. Выяснилось, что как раз напротив кучи внутри дувала находилась примитивная дробилка рудных проб. Это был агрегат из длинного шеста с противовесом типа колодезного журавля с прочно привязанным железным пестом на другом его конце. Пест, опускаясь под действием руки дробильщика, падал в чугунную ступу. Руда в основном мягкая, но содержала твердые желваки, подобные найденным за дувалом, сильно обогащенные марганцем. На дробилке работала, нажимая и отпускающая журавль, пожилая казашка. Допросили ее с пристрастием. Она созналась, что твердые “камни” выбрасывала из ступы за дувал. Поэтому-то результаты анализов проб оказывались неадекватны истинным содержаниям марганца в руде. Казашку

уволили, но переопробование заняло много времени и, естественно, стоило дополнительных денег.

Практика заканчивалась, и Галя решила еще раз пробежаться по горным выработкам, сверить записанные в полевой книжке данные документации с реальными. Вечером, когда солнце стояло уже низко, и по степи гулял холодный ветерок, она, надев резиновые сапоги, в одиночку осуществила свое намерение. Месторождение находилось в полутора километрах от базы партии, никого в этот час на нем не было. Она промерила видимые мощности выходов пластов пород и руд и их залегание во всех канавах. В шурфы не полезла: не было напарника, чтобы спускать ее в ведре и поднимать воротком на поверхность. Оставались дудки. Прыгнула в первую. Днями прошли небольшие дожди. На дне вода, дно вязкое, все вместе почти по колено. Рулеткой замерила мощность пластов пород до высоты поднятых рук. Выше прикинула примерно. Теперь вылезать. Но пальцам не за что уцепиться: порода крошится, осыпается, а запустить пальцы глубже не хватает распяленных рук. Ногами по той же причине невозможно распереться. Плюхнулась на дно в воду, она холодная, попала в сапоги. Попробовала подняться еще несколько раз с тем же успехом.

В душу начала закрадываться тревога, потом страх. Никто не знает, куда она пошла, база далеко — не докричишься. Наверху, на небе, из дудки видны звезды, слышно, как там ветер посвистывает. Ноги все больше стынут. От страха начала кричать, хотя знала, что бесполезно. Но что это? Вроде голоса, правда, далеко, разговаривают. Начала кричать изо всех сил, не переставая. И вдруг на фоне белесого неба — бородастая голова.

— Ты кто? Что здесь делаешь?

И криком:

— Георгий Иванович, идите-ка сюда скорей. Девушка в дудке.

Связали два поясных ремня, кинули вниз, уцепилась, потянули, подали руки, вытащили. Галя, клацает зубами, дрожит. Узнала их. Это приехавшие на днях познакомиться с месторождением эксперт-профессор из союзного геологического НИИ с сопровождающим. Завтра они, кажется, уезжают, решили, наверное, сегодня осмотреть месторождение еще раз. Повезло, крупно повезло!

— Ну, так кто ты, как попала сюда?

— Я практикантка из геологоразведочного, хотела освежить в памяти сведения о геологии месторождения.

— Так... Кто в партии знает, что ты здесь?

— Никто.

— Ладно. Беги на базу, не то простудишься. Вечером разберемся.

Поздно вечером в связи с утренним отъездом профессора состоялось собрание ИТР партии с его докладом, в котором он поделился своими впечатлениями об особенностях геологического строения месторождения и его возможных промышленных перспективах. В конце сообщения упомянул и о "спасении утопавшей". Гале закатили выговор с мотивировкой о несоблюдении правил техники безопасности. Нина Петровна сказала, что отметит об этом в Галиной путевке на практику. Спасло от этой отметки только то, что инструктаж по технике безопасности студенты-практиканты в партии не проходили, за что нагоняй получила уже Нина Петровна от администрации партии.

С тех пор всю дальнейшую геологическую жизнь Галя неукоснительно, за очень редкими исключениями, соблюдала правила техники безопасности проведения полевых геологических работ. В частности, уже в бытность ее начальником партии каждый сотрудник, как и положено, получал для прохождения маршрут с контрольным сроком возвращения в партию, после истечения которого должны были начинаться поиски пропавших. Кроме того, каждый сотрудник должен был получать у нее разрешение на любую другую отлучку из лагеря, продиктованную необходимостью, будь то охота, поиски лошадей или оленей или поход за ягодами и грибами, знать контрольный срок возвращения и оставить в лагере маршрут, которым он будет следовать туда и обратно. Отлучки просто для прогулок ею не приветствовались.

После окончания практики перед отъездом домой студентки-практикантки шептались между собой:

— Неужели и после войны надо будет работать в таких условиях? Вот Нина Петровна в землянке живет круглый год за исключением месяца отпуска; ни туалета, ни бани нормальных, да и другие сотрудники партии так же. А у некоторых ИТР и рабочих вши.

И это была чистая правда. Нина Петровна даже заставила геофизика Петровича вымыться и вытряхнуть вшей из белья и матраца. Студентки видели, как сыпались вши, когда он матрац вытряхивал.

Галя иногда тоже подумывала: не перевестись ли в медицинский институт, памятуя о работе в эвакогоспитале, которая ей нравилась. Но всегда эти мысли отбрасывала.

Вот так начиналась её долгая жизнь в геологии...

АЛЕКСАНДР НАТАЛЕНКО

ЛИЧНОЕ

* * *

Болота и горы, тайга, океаны...
В них смысл и работа. Среда обитанья.
Трепещет душа, как открытая рана.
Летели столетья. Менялись названья.

А мы всё искали, мечте улыбались.
Раскатан наш спальник, закрыта палатка...
В фонтане из нефти порой мы купались.
Работа такая — то горько, то сладко.

Где мы проходили, земля просыпалась,
Росли города, рудники, комбинаты.
Частица души в мерзлоте оставалась.
А мы — как на фронте в условиях штрафбата.

Наш путь на Земле бесконечен и долог.
Мы вечно в пути.

Наше имя — Геолог!

НАТАЛЕНКО Александр Егорович родился в 1946 году. Окончил Иркутский государственный университет по специальности инженер-геолог. Затем работал в комплексных геологоразведочных экспедициях – Ягоднинской, Багдаринской, Берелехской, Анадырской, Восточно-Чукотской. В 1986 г. возглавил Северо-Восточное производственное геологическое объединение, а в 1992 г. избран президентом ЗАО “Магаданская золото-серебряная компания”. С 1996-го по 2001 гг. занимал пост заместителя министра природных ресурсов Российской Федерации. С 2004 г. по настоящее время является Председателем Совета директоров ПАО “НОВАТЭК”. Лауреат Государственной премии Российской Федерации, Заслуженный геолог России.

* * *

О чём вспоминаешь в бессонную ночь?
О годах, бегущих стремительно прочь?
Нелёгкие тропы, восход и закат,
Как будто бы всё возвратилось назад.
Общага, коммуна, зачёты, друзья...
Наверное, многое было не зря.
Учились, дружили, встречались, любили.
Так просто всё было, так просто мы жили!
Года пролетели, а что мы успели?
И главную песню свою мы допели?

Открытые двери, пора за порог,
У каждого выбор и сотни дорог.
Печаль расставания, горечь разлук,
Ушедшие лица друзей и подруг.
Мы все получили от жизни маршрут.
Порою он был так извилист и крут!
И каверз хватало на длинном пути,
Не все мы с маршрута вернуться смогли.
Друзьям не вернуться, моли не моли,
А те, кто остался, — далёко ушли.

* * *

Н. А.

Не надо грустить, что года пролетели,
Что многое в жизни, увы, не успели.
Мы просто шагали по жизни вдвоём
И строили молча прекрасный наш Дом.
А сколько мы раз начинали с нуля?
Теперь понимаю — наверно, не зря.
Чукотка, Зимбабве, Москва, Колыма.
Терзанья, сомненья, до слёз “новизна”.
Ушедшие в прошлое лица друзей.
Пытливые взгляды: “Пришелец, ты чей?”
Возможно, права ты. Наш кончен полёт:
Всё ярче и крепче седин наших лёд.
И память услужливо книгу листает.
“Пологий”, палатка, огонь полыхает.
И розовый снег на другом берегу,
И лиственниц злато на белом снегу.
Чего-то, родная, сегодня не спится.
И с шорохом снег на палатку ложится.
И шепчет: “Пора возвращаться назад”,
А я почему-то впервые не рад.

* * *

Мы больны туманами. Мы больны дождями.
Мы больны свиданьями с лунными ночами.
Ручейком хрустальным, соловьём журчащим
И костром уютным, нас не раз спасавшим.

Эта боль ночами в городах приходит,
Деликатно, нежно по душе проходит.

О былом напомним, обожжёт тоскою,
Заберёт в былое и меня с тобою.

Там, за перевалом, мы ещё все живы.
А какие дерзкие! Молоды, красивы!
Мы с весны до осени в поле уходили,
И палатки тесные нам домами были.

Да. Всё это было. Было, да не стало.
Нам бы не спускаться с того Перевала.
Там, на Перевале, хорошо для тела,
Только там душа моя жить не захотела.

Там, за Перевалом, плачет дождь поныне.
И костёр уютный прогорел в долине.
Из тумана сказка улетела прочь.
Покрывалом чёрным всё укрыла ночь...

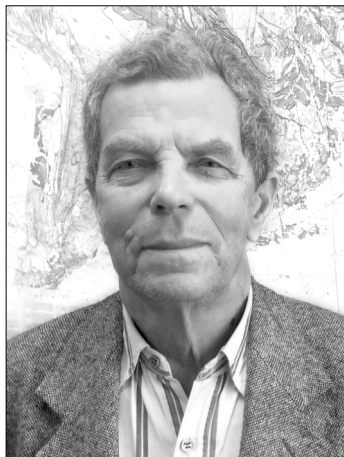
* * *

Почему так непрост и так сложен наш путь?
Всё, что мы пережили, разве это не жуть?
Почему наша жизнь — тяжелейший маршрут?
И маршрут, Богом данный, так извилист и крут?
На вселенских качелях разметало народ.
Шаг неверный — и всё. Завершится наш род.
Нам чего не хватает? Успехов, побед?
Век последний прошёл в длинном перечне бед.
Вечно первые в мыслях. А по жизни — в конце.
И народ не в лавровом, а в терновом венце.
Я теряюсь в раздумьях. Не пойму, в чём наш грех.
Вроде в космос прорвались. Да и в недрах успех.
Почему ж лабиринты? Что ни шаг, то тупик.
Если счастье приходит, то буквально на миг.
Океан испытаний мы испили до дна.
Как себя нам избавить от безумного сна?

* * *

Багульника цвет — сиреневый склон,
Застывшие кедры — пронзительный звон.
На соснах искрится кора, как янтарь,
А вниз по реке синеватая даль.
А пихты в распад не сплошной малахит,
Байкал как набат колокольный — шумит.
Осенние краски — природы отчёт,
Здесь всё натурально,
Здесь гамбургский счёт.
Бездонное небо — для вечности путь.
Текущие реки как вязкая ртуть.
Берёз позолота и пламя осин,
Застывшее утро, черничная синь.
Всё замерло вдруг, прекратило свой бег.
Пушистым ковром надвигается снег.
А нам, если честно, нельзя отдохнуть,
Судьбою завещан наш жизненный путь.
Гореть, словно факел, быть верным во всём,
А “малая” Родина — вечный наш дом!

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ДАЛЁКИЕ ГОЛОСА

ДВА РАССКАЗА

ОЗЕРКО С СЕРЕБРЯНЫМ ДНОМ

Мы работали в горах Джугджура, окаймляющих с юго-востока необозримое Сибирское плоскогорье. Этот дикий горно-таежный край действительно можно считать краем земли: за ним дальше к востоку начинаются холодные морские просторы. В то лето мне часто приходили в голову слова народной песни:

— Я живу близ Охотского моря, где кончается Дальний Восток...

Ходить в маршруты и передвигаться с караваном вьючных оленей трудно: крутые горы, высокие перевалы. В глубоких ущельях — непроходимая тайга с густым подлеском из буйно разросшегося кедрового стланика. Торных троп, даже звериных, попадаетея мало. В сплошной чащобе из переплетающихся, как удавы, толстых стволов стланика, идя с караваном, нужно прорубать проходы — работа тяжелая, из-за чего за день удавалось пройти

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Александр Александрович родился в 1930 г. в Воронеже. После окончания географического факультета МГУ работал в Таджикистане, Приамурье, в Алданской и Колымской экспедициях Всероссийского аэрогеологического треста, участвовал в среднемасштабной геологической съемке (Южное Верхоянье, хребт Джугджур, Прикольмые, хребты Можский и Черского). Внес существенный вклад в изучение стратиграфии и тектоники названных районов. В 1972 г. начал работать в ЦНИГРИ. В 1991 г. А. А. Константиновский защитил докторскую диссертацию, посвящённую геолого-генетическим основам поисков месторождений алмазов и золота на территории бывшего СССР. Опубликовал более 70 научных работ. Автор книг прозы "Далёкие голоса", "Эти сверкающие снега". Живет в Москве, по-прежнему работает в ЦНИГРИ. Его имя хорошо известно специалистам в нашей стране и за рубежом.

не больше четырех-пяти километров. Как тихий кошмар вспоминаются эти дебри. В жару воздух там неподвижен, и голову дурманит тяжелый смешанный запах нагретой смолистой хвои и цветущего на мягких мхах густого багульника. В дождь и говорить нечего: с набрякших водой ветвей непрерывный холодный душ. В геологических маршрутах по долинам рек мы обходили такие заросли и прыгали по валунам вдоль берега ревущего потока — занятие рискованное, но другого пути не оставалось.

Высоко на хребтах и отрогах выше границы леса ходить в маршрут легче — там всегда гуляет вольный ветер, разгоняющий комарье и оводов. Как и в других горах, где в далеком прошлом было оледенение, на Джугджуре в верховьях горных речек сохраняются глубокие чашеобразные амфитеатры — так называемые цирки, откуда начинаются долинные ледники. Цирки ограничены крутыми скалистыми гребнями и остроконечными вершинами. Внутри амфитеатров — нагромождения моренных холмов и гряд с пятнами разноцветных мхов, лишайников и редкими кустами карликовой березки. Между холмов во впадинах притаились небольшие озера. В солнечную погоду они горят бирюзой или отливают нежной голубизной, оживляя серое каменное царство. В расселинах скал и у их подножья до осени лежат снежники, сложенные плотным зернистым фирном. Возле вытекающих из-под них многочисленных ручьев талой воды ярко зеленеют лужайки с весенними первоцветами. Здесь все лето весна, не жарко, много корма, и потому сюда постоянно приходят снежные бараны и дикие северные олени. Когда заканчивается нерест красной рыбы в реках, на эти приветливые лужайки заглядывают и медведи полакомиться вкусными корешками. Именно в цирках я понял, что от дробовика мало толку, и стал носить карабин. Но сейчас речь не об охоте.

Однажды, уже к концу полевого сезона, под осень, собрались мы подняться в цирк, откуда берет начало ручей Унях. В скалистых обрывах я надеялся обнаружить руду молибдена. Дело в том, что еще на устье этого ручья при промывке русловых галечников мне попались крупные чешуйки серебристого, с голубоватым оттенком рудного минерала — молибденита. А когда двинулся вверх по течению, его количество в пробах стало быстро возрастать. После промывки деревянным лотком в тяжелом остатке — шлихе, молибденита набиралось с чайную ложку и больше — содержание ураганное. Минерал этот мягкий. Попав в горные ручьи, быстро истирается в пыль, не выдерживая далекой транспортировки. Поэтому становилось очевидным, что коренные источники — рудные жилы, находятся где-то рядом, по всей вероятности в истоках Унях.

Взяв несколько вьючных оленей, мы втроем с техником-геофизиком Михаилом Анисеевым и каюром-оленоводом за несколько часов достигли верхней границы леса. После изнурительного крутого подъема по тайге перед нами неожиданно открылась величественная картина ледникового цирка — гигантского каменистого амфитеатра, напоминающего своей правильной округлой формой какое-то древнейшее культовое сооружение. Казалось, в нем таилась некая загадка, невысказанный зашифрованный смысл. Темное озеро, застывшее на дне чаши цирка, находилось ниже нас. Вытекающий из него Унях глухо ревел на дне узкого каньона, прорезающего оглаженный льдом скалистый порог — ригель, на входе в цирк.

Вечерело. Солнце скрывалось за зубчатым скалистым гребнем. Надо было становиться на ночлег, и мы спустились на берег озера. Пока развьючивали оленей, ставили палатки и готовили ужин, наступила ночь. Нас окружал зачарованный мир: под звездным небом стояли горы, с одной стороны залитые лунным светом, с другой погруженные в черную тень. Одиноко горел наш небольшой костер — теплая живая искорка среди холодной вечной красоты гор.

Среди ночи нас разбудил поднявшийся сильный ветер — палатка захлопала брезентом. Погода менялась. На небе, недавно ясном, не видно было ни звезд, ни луны. Вскоре затарахтел дождь, сменявшийся мокрым снегом. Скаты палатки намокли и провисли под его тяжестью.

Наутро встали рано. Настроение было неважное — вокруг белым-бело, как зимой, горы спрятались в пелене густого тумана. Позавтракав, мы

отправились с Аникеевым в маршрут. Каюр, чертыхаясь, пошел искать оленьи, которые, судя по полузаметенным снегом следам, ушли вниз к старому лагерю, где много ягеля — их любимого осеннего корма.

Скользя на покрытых мокрым снегом каменных глыбах, мы стали подниматься к ближайшей из скалистых стен цирка. Глядя на крупную сутуловатую фигуру Михаила, я не переставал удивляться. Мы работали с ним вместе уже третий сезон. С одной стороны, этот опытейший экспедиционный волк всего навиделся и был человеком сугубо практичным, искавшим всюду выгоду, нагловатым и циничным. С другой стороны, вопреки этим чертам, в нем сохранилось живое, даже романтическое начало, которое он, помоему, старался скрыть от окружающих. Он был очень любознателен и умел зорко наблюдать — качества, важные в нашем, да и в любом другом деле. Поиски рудных месторождений особенно его увлекали. Вот и сейчас он добровольно вызвался идти со мной, оставив базовый лагерь, куда мы только что вернулись на отдых из тяжелой многодневки, и пренебрег предстоящей баней, постирушкой и любимой рыбалкой.

Немного не дойдя до скал, он достал из рюкзака лоток и хотел было начать промывать шлихи в мелких ручьях, как вдруг нарушил угрюмое молчание веселым возгласом. Я подошел и увидел, что он носком сапога ковыряет каменистый грунт на склоне моренного холма. Суглинок вперемежку со щебнем и валунами оказался битком набитым крупными чешуйками молибденита! Мы кинулись на соседние холмы, и всюду в морене светились и весело нам подмигивали обильные блестящие молибденита, как если бы это была простая слюда.

Нас охватило предчувствие удачи... Стало очевидно, что месторождение рядом. Нечасто приходится испытывать такое геологам-поисковикам. Мы не были друзьями с Аникеевым, но тут скрытая неприязнь была забыта: как мальчишки стали с хохотом пихать друг друга и обниматься.

— А ты, Саня, фартовый, вот уж не думал! Хоть под конец сезона повезло. Сейчас мы с тобой все опробуем, образцов наберем, чтоб было что на базовом лагере показать! Надо это дело перекурить... — и он задымил сигаркой, сощурившись на мрачный, затянутый туманом снежный пейзаж.

Подойдя затем к гранитным скалам, мы сразу увидели долгожданные рудные жилы. Крупные чешуи молибденита образовали в белом кварце сростки в виде выпуклых розеток поперечником два-три сантиметра. Ими были густо усыпаны стенки больших вертикальных трещин в гранитах. Зрелище феерическое — серебряные скалы, уходящие ввысь и скрывающиеся в низко висящих плотных облаках.

Сделав необходимые записи в полевом дневнике, прослушав породы радиометром и наколов образцов и проб, двинулись с тяжеленными рюкзаками к лагерю — благо было недалеко.

Возвращались весело — своя ноша не тянет! Шли по циклотку в мокром снегу вдоль ручья. Он привел нас к маленькому проточному озерку, расположенному между моренными холмами и служившему природным отстойником песка и мелких камней, которые нес ручей. Мне пришло в голову, что здесь должен был оседать и накапливаться тяжелый молибденит. Я поделился этим соображением с Мишкой. Но, как всегда в случаях, когда инициатива исходила не от него, он процедил сквозь зубы что-то скептическое.

Не вступая в спор, я вошел в воду. Озерко мелкое, можно перейти в болотных сапогах. Поднятая ногами волна смыла тонкий налет ила, и из-под него, как в сказке, засверкало серебряное дно. Сразу вспомнилась геологическая песня о сибирской реке Витим и его втором — золотом дне. Дно нашего озера сплошным слоем покрывал чешуйчатый молибденит. Его можно было собирать пригоршнями...

Аникеев придиричиво долго разглядывал на ладони блестящий концентрат и многозначительно молчал. Потом мы встретились глазами, и он расхохотался.

— Эх, Саня, а жалко, что здесь молибденит. Ведь вместо него свободно могло быть золото! — и тут же, посмеиваясь, заметил: — Ладно, чего там, не зря говорят — жадность фраера губит. И так подфартило, всю жизнь

помнить буду. Герои мы с тобой! — и он наполнил горстями небольшой пробный мешочек.

— Для тех, кто не поверит!

У нас не было фотоаппарата, да и погода не годилась для съемок. Так и осталась фантастическая картина только в нашей памяти: блестящее, словно серебряное сказочное дно озера среди хаоса каменных развалов на дне древнего ледникового цирка.

ГОРГОЧЁН

В свою первую дальнюю экспедицию я попал, когда начинал учиться в университете. Помню, что еще в поезде Москва—Владивосток наслаждался звучанием таких слов, как Сибирь и Забайкалье, куда мне предстояло прибыть. Воображению рисовались хрестоматийные образы вековых кедровых лесов, добротных сибирских изб из бревен чуть ли не полуметровой толщины, суровых охотников — косая сажень в плечах, с бородами лопатой, которые бьют белку в глаз и ходят один на один на медведя.

Однако вместо ожидаемого бодрящего холодка, присущего, как я считал, Сибири, Забайкалье встретило страшной жарой. От станции Могоча (“Бог создал Сочи, а чёрт — Могочу”, как говорят здесь) в кузове попутной грузовой машины я тряся на ухабах и глотал густую пыль, пока не приехал на золотой рудник Ключи, где располагалась база экспедиции. Дома на руднике тоже разочаровали — в большинстве своем убогие временки, часто прозаично обитые толем. По ухабистым пыльным улочкам с шумом то и дело проезжали самосвалы с рудой. Чтобы пропустить их, приходилось спускаться в грязные кюветы либо жаться к насквозь пропыленным заборам. Лес на окрестных сопках издали был похож на облезлую шкуру — наполовину вырубленный, с пеньками на свежих делянках и густой порослью молодых зеленых лиственниц на старых. Закралась мысль: стоило ли ехать за романтикой через всю страну, чтобы попасть в такое место?

Прошли годы скитаний в экспедициях, прежде чем я понял, что настоящие добротные дома в Восточной Сибири бывают лишь в селах и деревнях, где люди живут исстари и оседло. На рудниках же и приисках народ временный и живет по принципу: сегодня здесь — завтра там. Поэтому везде одна и та же унылая картина: кривобокие халупы, горы пустых консервных банок и бутылок на помойках, сведенный на окрестных сопках лес, следы былых лагерей — полуразрушенные бараки, вышки, колючая проволока.

База экспедиции располагалась в бывшем БУРе — бараке усиленного режима на краю поселка. Меня представили начальнику отряда, с которым предстояло работать, — крепко сложенному молодому человеку, уже показавшему себя дельным специалистом, но с большим горором, как доверительно охарактеризовала его перед нашей встречей Мария Борисовна Бородаевская — главный геолог. Слово “большим” она произнесла вразяжку, выразительно посмотрев мне в глаза.

Володя был хмур и озабочен. Он сразу поручил мне какое-то дело и ушел на конный двор рудника. К вечеру появился с местным сухощавым старичком, нанятым в качестве проводника и конюха. Несколько дней спустя, заседлав и завьючив двух арендованных коней, мы втроем ушли в многодневный поход, сопровождаемые Цезарем — крупной черно-белой лайкой нашего проводника.

По старинным глубоко пробитым конным тропам пересекли с попутными маршрутами отроги Собачинского хребта (это самобытное название на картах впоследствии зачем-то было заменено на Шилкинский) и достигли реки Черной, левого притока Шилки. Черная пересекает Собачинский хребет узким скалистым каньоном, и маршрут по нему являлся основной целью нашего похода. В береговых обрывах мой начальник рассчитывал выявить особенности геологической структуры, до этого времени никем толком не изученной, а главное, обнаружить продолжение золотоносной зоны, которая, по его предположению, должна была протягиваться сюда от рудника Ключи.

Старичка-проводника звали Ипполит Тимофеевич. Он хорошо знал тропы на отрезке от Ключей до станции Сбега, но вниз по Черной никогда не ходил и честно в этом признался, когда мы остановились лагерем на ее берегу. В крупном лиственничном лесу на широкой речной террасе стояла избушка-зимовье (местные произносят это слово с ударением на последнем слог). Мы заглянули в нее, думая провести там пару ночей и не ставить палатку. Но в жаркую летнюю пору там было неудобно: сыро, темно как в гробу, на низких широких нарах какое-то рваньё, подслеповатое оконце. Урочище, где находилась избушка, называлось Джелинда. Дальше вниз с лошадьми двигаться нельзя — река уходила в скалистый каньон. Тропа, судя по карте, подымалась на отроги хребта в обход ущелья. Поэтому начальник решил продолжить отсюда маршрут на плоту.

Мы стали лагерем рядом с избушкой. На следующий день втроем с Ипполитом Тимофеевичем, к которому Володя покровительственно, работая под человека из народа, стал обращаться на ты, собрались заготовить бревна для небольшого плота. Вокруг зимовья, естественно, не оказалось ни одного пригодного для нашей цели сухого дерева — их давно вырубил на дрова. Более того, рядом с избушкой стояло несколько еще зеленых лиственниц, с которых внизу была снята кора — о дровах здесь заботились заранее. Почему все это не предвидел Ипполит Тимофеевич, местный житель и вроде бы охотник, мне и теперь, по прошествии многих лет, неясно. Ведь о предстоящей постройке плота он знал заранее. Володя, несмотря на самоуверенность, был тогда неопытен и потому не ожидал такой трудности. Как бы то ни было, но перемещать лагерь на новое место, где в тайге много сухостоя вблизи реки, старшие товарищи не захотели.

Пришлось уйти за полкилометра на склон сопки в поисках сушин — и все зря. Тогда Володя с Ипполитом решили строить плот из сырых лиственничных бревен. С помощью одного из коней — рыжего покорного Орлика, волоком стали подтаскивать тяжеленные бревна к воде. Потом на мелководье у берега попарно вязали их кольцами из разогретых над костром и закрученных толстых прутьев тальника, закрепляя деревянными клиньями. Плот из шести бревен был готов. Однако нас ожидало горькое разочарование: после того как мы для пробы влезли на него, он сразу утонул и лег на мелкое дно. Всем, включая Ипполита Тимофеевича, стало ясно, что из сырых лиственниц плот делать не годится.

Пришлось начинать все сызнова. На сей раз лошади таскали к реке тоже сырые, но сосновые бревна. На настиле из жердей посередине нового плота были прочно привязаны два выючных чемодана, покрытых брезентом. Все было готово к отплытию. Но перед этим мы совершили ещё одну глупость: по указанию Володи выкопали молодую картошку, цветущая ботва которой зеленела перед избушкой на пятачке среди щепок и старых поленьев. Нам казалось, что картошка взошла из выброшенных очисток и зря пропадет здесь, в безлодье. Каким стыдом это обернулось потом! Рано утром Ипполит Тимофеевич перешел с конями вброд Черную и скрылся в тайге. Он должен был, идя обходной тропой, снова выйти к реке километрах в пятнадцати ниже по течению, где заканчивался каньон, и там ждать нас.

Пришла пора трогаться и нам. Цезарь, неверная душа, не пошел за хозяином. Решив плыть с нами, он впрыгнул на выючники и улегся на брезенте. Я встал впереди с шестом, за мной поднялся Володя. Но плот и на этот раз оказался никудышным. Он еле выдерживал тяжести двоих, поочередно клонясь то на один, то на другой борт. Вода покрывала бревна. Цезарь озабоченно взглянув на нас, плюхнулся в реку, переплыл на ту сторону и убежал вдогонку за караваном. Володя мрачно слез с плота и пошел берегом. У начала каньона я причалил. Начальник стал осматривать обрывы, а меня послал к одинокой скале, видневшейся из-за верхушек деревьев в стороне от реки.

Когда я стучал молотком, отбивая образцы, меня кто-то окликнул. Я обернулся и увидел двоих знакомых мужчин с ружьями и котомками за плечами, обутых в кожаные бродни. Один из них, широкий в плечах, выглядел внушительно. Он поинтересовался, кто мы такие и чем занимаемся в тайге. Я объяснил. Они удивились:

— Вы что? На плоту отсюда спуститься хотите? Разобьет ваш плот. На лодке — и то место знать надо. Там узко и бьет крепко. А на плоту тут никто ишо не проходил.

Оба покачали головами и ушли в сторону покинутого нами зимовья. Я вернулся и рассказал о встрече. Но решение менять было поздно, да и не таков Володя.

Ветер, пока я ходил, переменялся и задул из ущелья, куда нам предстояло плыть. Оттуда стал слышен глухой, пугающий рев потока. Предложение осмотреть порог сверху, прежде чем соваться в него, Володя отверг. Предстояло для начала переплыть глубокий омут у входа в каньон. С обеих сторон он был ограничен высоченными отвесными стенами, уходящими в воду, так что попасть на косу, видневшуюся за омутом, можно либо обойдя скалы поверху, либо на плоту. Володя выбрал последнее. Когда мы осторожно залезли, плот немного погрузился, и мы оказались в воде по щиколотку.

Омут переплыли каким-то чудом, и небыстрое пока течение приткнуло плот к мрачной скале. Вода возле нее слегка забурунивалась и уходила струями в голубовато-зеленую глубину, мешая нам отлепиться от холодной и сырой каменной тверди. Плот опасно кренился то на одну, то на другую сторону, заставляя нас балансировать над казавшейся бездной ямой. Наконец удалось оттолкнуться, и убыстряющееся течение вынесло плот к голове косы, сложенной крупными валунами, что говорило об очень мощном потоке в большую воду. Володя перебрался на нее по каменным глыбам, высовывающимся из глубокой прозрачной воды.

Ниже по течению русло сужалось до сорока-пятидесяти метров, и река превращалась в грозно ревущий поток со стоячими высокими бурунами. Протяженность страшного отрезка не больше полукилометра. Мы попытались сплавлять плот вдоль косы, удерживая его на веревке, но ничего не получилось. Он беспрестанно застревал днищем на вступающих из воды валунах. За крайними камнями ему ничего не мешало, но там начиналась такая мощная струя, что удержать его на веревке мы бы не смогли. Промучившись какое-то время, я сквозь шум воды крикнул Володе, что спущусь по стремнине на плоту один — особой опасности вроде бы не видно. Но попросил, пока забираюсь на плот, посмотреть с берега — не видно ли скальных выступов в русле ниже места, где мы находились. На это Володя вскипел:

— Если ты такой осторожный, слезай к чертовой матери, я поплыву!

Кое-как сдержавшись, чтобы не ответить резкостью, я оттолкнулся шестом от крайних камней и ринулся в бешеный поток.

Дальше события развивались быстро. Плот понесло по бурунам, как с горы — уклон был виден на глаз, и на ходу временами разворачивало боком. Я погружал длинный шест, пытаюсь оттолкнуться от дна, но не доставал его — глубина не позволяла. Пришлось действовать шестом, как веслом, и мне удавалось выправлять положение плота. Стремительный, захватывающий спуск с прыжками на пенистых бурунах подходил к концу. Русло впереди резко расширялось, и начинался простор плеса. Стоя на бревнах почти по колено в ледяной воде среди беспорядочных высоких волн, я не чувствовал холода. Радость, что лихое дело успешно завершается, переполняла меня.

Однако ликовал я рано. Впереди прямо по курсу ревел особенно крупный бурун, занимавший всю середину русла. Вглядевшись сквозь водяную пыль, я заметил внутри широкой пенистой шапки выступавшую на полметра черную скалу. Попытки отгрести в сторону ничего не дали. В ожидании неминуемого столкновения я широко расставил ноги, слегка присел и крепко ухватился за выючники. В следующее мгновение плот торцами бревен врезался в скалу, и я чудом удержался на нем. От страшного удара кольца связки лопнули, и плот по осевой линии слегка разошелся на две половины. В этом нейтральном положении он замер и стал быстро погружаться. Я с ужасом понял это, когда ушел в воду сначала выше колен, затем по пояс. Накатывающийся сзади поток всей массой топил корму плота, и он намеревался вот-вот принять вертикальное положение, оказавшись прижатым плашмя под водой к скале, поскольку глубина позволяла.

В короткие отпущенные мне мгновения я все же ухитрился оттолкнуться шестом от каменного выступа и немного развернуть тонущий плот. Его тут же подхватил и понес поток дальше от проклятой скалы, которая сразу исчезла из поля зрения. Но крутящаяся винтом вода стала кренить плот и почти поставила его на бок. Я навалился животом на выступавший из волн другой борт, и некоторое время меня несло в таком положении. Потом плот под моей тяжестью все же шлепнулся на днище и стрелой вылетел на простор плеса. Где-то на его середине быстрое движение замедлилось. Я перевел дух и, весь мокрый, встал на дрожащие ноги. Вокруг еще плескались волны, но опасность миновала. Подгребая шестом, я причалил к охвостью косы, куда уже бежал с моей одностволкой за плечами начальник. Он что-то кричал и махал руками, но за шумом последнего буруна ничего не было слышно.

Сгущались сумерки, шел дождь. Надо было срочно ставить палатку, разводить костер, спасти промокший груз и сушиться.

Однако подбежавший Володя грубовато оттолкнул меня, выпрыгнул на плот и молча выгреб шестом на середину плеса, откуда я только что приплыл. Я остался на берегу в тяжелом недоумении. В конце плеса плот крепко посадило на подводный камень, и начальник, громко ругаясь, долго отталкивался шестом от глубокого дна. Затем плот с Володей скрылся за поворотом реки. Вдрызг мокрому, мне пришлось двинуться берегом в погоню. Облезая поверху скальные приторы, я добрался до устья пади с подходящим названием — Мокрая. Здесь меня поджидал на плоту начальник. Мы зачем-то переехали на другой берег и выгрузились в сыром пойменном лесу с высокой травой, из которой поднялась туча комаров. Хороших сухих дров здесь быть не могло, и мы, обессиленные, расстелили брезент на мокрой траве, завернулись в него и кое-как провели тяжелую ночь.

С утра игра в молчанку продолжалась. Свои действия накануне вечером Володя никак не объяснил. Мы поели всухомятку хлеба, и в ответ на мой голодный взгляд начальник сухо сообщил, что продуктов больше нет — он не рассчитывал, что нас так задержит порог в самом начале каньона. В последующие годы я услышал расхожую в Сибири поговорку: идешь в тайгу на день — харчей бери на неделю. Ее полезно было бы знать тогда Володе! Проплыв с километр от ночлега, Володя распорядился причалить. Начинаясь детальный осмотр береговых обнажений, ради которых мы сюда добирались.

К середине дня проглянуло солнце и немного обсушило нас. Поздно вечером заночевали с хорошим костром и просушили груз. Есть было нечего — вместо чая заварили голубику с брусничным листом. К вечеру следующего дня добрались до конца каньона. Володя повеселел, похлопал меня по плечу, сказал, что очень доволен результатами маршрута по каньону, и показал образцы породы с видимым золотом.

— Ладно, генацвале, не сердчай. Поголодать тоже полезно.

Долина Черной резко расширилась, по левому берегу потянулись пойменные дуга, на которых мирно стояли стога свежего сена. Опасности остались позади, и казалось, что все это приснилось.

Неприятности, однако, не кончились. Ипполита Тимофеевича с лошадьми и продуктами в условленном месте не оказалось. Не было даже следов ночевки. Тщетно обойдя округу, мы поняли, что придется голодать третий день. Володя снова погрузился в мрачное молчание.

Поставив наскоро палатку, мы переночевали и с утра разошлись в разные стороны. Володя отправился до хутора Оморой, расположенного в двадцати километрах ниже по Черной, рассчитывая найти там исчезнувшего Ипполита с лошадьми. Меня же он послал обратно в урочище Джелинду к зимовью с той же целью — проверить, не вернулся ли туда старикан, не найдя нас в условленном месте.

Идти пришлось под дождем. Искать тропу не хотелось, и я двинулся прямо через сопки, проклиная про себя все на свете. Помню, меня преследовал тяжелый запах багула — даурского рододендрона, через заросли которого я продирался на северных склонах — сиверах по-местному. Оторвавшись от реки, я сильно спрямил путь и ненастным вечером пришел к зимовью.

Оба моих давешних знакомых удивленно уставились на меня. Широкоплечий бородач пригласил в избушку, где топилась печка, накормил и оставил ночевать. Запомнилось, как сумерничали мы втроем за старым истертым столом из листовенных плах перед маленьким низким оконцем, как потрескивал огонь в печке, как, отпивая горячий чай из кружек, угощались полежавшей и потому более сладкой голубикой, насыпанной горкой на подоконнике.

— Что же за начальник у тебя? — спросил, выслушав мой рассказ, широкоплечий. — На тот свет короткую дорогу ищешь и тебя, салагу, за собой тянешь? В тайге одному нельзя. Один и есть один, — он сильно окал. — А ежели бы нас тут не встрел? Мог бы, паря, пропасть, раз в тайге впервой.

Я хорошо запомнил этого человека с короткой фамилией Елин. От него, недавнего фронтовика-разведчика, ходившего за “языками”, веяло спокойствием и здравым смыслом, которого так не хватало моему Володе. Добродушно разглядывая меня, Елин вдруг спросил, зачем мы выкопали картошку возле зимовья, на которую они рассчитывали. Меня бросило в жар — я только сейчас понял, что картошка выросла не сама по себе. В избушке было темновато, и хозяева не увидели, как я покраснел. Запинаясь, кое-как пытался объяснить, но они и так все поняли. А когда из разговора узнали, что проводником у нас Ипполит Тимофеевич, только понимающе переглянулись.

Наутро я сердечно распрощался с охотниками и просил их завернуть в Оморой нашего проводника, если он появится здесь с лошадьми. Меня вывели на тропу и дали на дорогу хлеба.

— Будь здоров, сынок. Всегда сперва думай, прежде чем делать. В тайге без этого пропадешь. Не бери пример со своего начальника.

Я быстро зашагал по тропе, потом оглянулся. Знакомцы мои на фоне крохотной избушки стояли и смотрели влед. Я помахал им на прощанье.

Уже ночью пришел я в Оморой и нашел там, к великой радости, и Володю, и Ипполита. Проводник, как выяснилось, просто растерялся, не найдя нас на выходе реки из каньона, и двинул дальше, к людям, решив наверное, что мы уже проплыли. К тому же хуторянин приходился ему дальним родственником.

Два дня мы отдыхали. Радужный хозяин истопил баню, а накануне нашего ухода угостил самогоном. За разговором в приятном застолье при свете керосиновой лампы мы узнали от него, что порог или, правильнее, шивера в каньоне Черной называется у местных охотников и рыбаков Горгочён — гиблое место, хотя в омутах выше и ниже него много тайменя.

— Вам надо бы ордена дать, — усмехнулся он. — Вы первые, кто на плоту без гребей, с одним шестом прошли Горгочён. Таких голов умных ишо не находилось. Там с лодками-то и то столь че-пе бывало... Ружей сколь потоплено. Штук десять, однако, лежат на дне того омута, что ниже твоего черного камня в русле. Не достать их — там глубина пятнадцать метров. Мой кум с другом прошлой осенью на энтот месте перевернулись, лодку об скалу, что посередь стремнины, разбили. Все, что везли — ружья, шмотки, мясо изюбря — все к едрене фене утопили!

Хозяин почти радовался грозному норову Горгочёна.

— Выскочили, понимаешь, вплавь, почитай босые. А уж холода настали. Так до хутора моёва еле добежали. Я на охоте был, все заперто. Они рванули до устья Черной, тама люди жили. Хорошо, недалеко оставалось. На Шилке парочка стоял как раз против устья. Скорей в кочегарку! А то бы карачун обоим.

ПАВЕЛ ПАНОВ

БРОДЯТ ЗВЕРИ И ВЕКА

ПЛОТОГОНЫ

Пенится сок берёзовый,
Сходит последний лед,
Розовым,
розовым,
розовым
Нас горизонт зовёт!

С песней, мечтой и верою
Прём на восход из тьмы,
Первую,
первую,
первую
Пробуем воду мы!

Риск и удача взвешены,
Хрипы, пена и вот —

ПАНОВ Павел Дмитриевич родился в 1955 году в г. Каменске-Уральском, окончил Исовский геологоразведочный техникум, геофизик. Работал в экспедициях на Урале (р. Вишера, алмазы), в Сибири, Бодайбо (золото), Камчатка (газ, парогидротермы). К концу 1980-х годов, когда на Камчатке стали повсеместно закрывать экспедиции, ушёл в журналистику, работал на областном камчатском радио и телевидении. Автор 15-ти книг. Член Союза писателей России, член Союза кинематографистов (принят после организации при телекомпании "Причал" Всероссийского кинофестиваля "Живая вода"), член Союз журналистов. Живёт в Санкт-Петербурге.

Бешено,
 бешено,
 бешено
Бьётся о камни плот!

Всё рассчитали точно мы!
Кто-то нас повторит.
Сочными,
 сочными,
 сочными
Красками мир горит!

Ветер мешает облако
В яркую акварель —
Яблоком,
 яблоком,
 яблоком
Там перезрел апрель!

ВЕРТОЛЁТЧИКИ

Простите мне полупьяные строфы,
Полётов нет, ибо видимость — сто,
Пилоты пьют — юбилей катастрофы,
Мы делим стол.

Сейчас мы выпьем за катастрофу,
Потом — за наш холостяцкий уют,
И сразу, как парашютные стропы,
Растяжки палатки нам запоют,

Как падали мы с левым креном!
И был тот крен непростительно крут,
Нас предало небо, не было времени
Вспомнить всю жизнь, как об этом врут.

Когда ты сдался и сдали нервы —
Вспомнишь маму и лучшие дни,
А здесь орал на машину Первый:
“Тяни же ты, падаль, тяни-и-и!”

Машина врезалась в зимний березник —
Короткая просека, рубленый шрам,
И диск лопастей, молодняк подрезав,
Крушил берёзы, крошился сам...

А что там, в бутылке, опять уже сухо?
Забавно, но каждый сейчас невредим,
Лишь Витьке тогда повредило ухо —
Рваное

Ухо
 Рыжий
 Бим!

Циклон проходит — ну, будет погода,
И будет привычный свист лопастей —
Такая вот жизнь, простая работа,
Как крест на могиле — в своей простоте.

ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

1

И грянул
 День
 Творенья
 Тверди!
И этот кратер страшным был.
А в твёрдость камня вы не верьте!
Он скручен,
 смят,
 и вновь застыл.

Здесь через год ещё светилось,
Как будто только для меня.
Сама Земля дышала силой
В горячем конусе, в камнях.

С больной иронией фантаста
Был создан этот мёртвый рай,
Вдали остался — для контраста
Зелёный мир, красивый край.

Как по Луне, иду по лаве!
Проклятый дол, ты — неземной!
Над горизонтом — тихо плавать
В июльском мареве, со мной?

Да! Это встретились планеты!
Зависли! И наверняка —
Мгновенье до кончины Света...

Как тянется оно в веках!

2

Горы стыли великанами,
Головою колдуна
Над остывшими вулканами
Покатилась вдруг луна.

В серебре горбуша сонная
Вдруг плеснёт,
И — тишина...
Невозможно невесомая,
Над вулканом шла луна.

Эти дни не зря потрачены.
Успокоюсь я сполна,
Только вспомню, как прозрачная
Над вулканом шла луна.

Здесь места почти не хожены,
Даль — дорога нелегка,
По одной тропе встревоженно
Бродят звери и века.

Бродят крадучись, сторонкою,
До рассвета — тишина,

Но, изрытая воронками,
Над Землёй идёт Луна.

ВИТАЛИЙ ФЕДОРЕЕВ

ТАЙНА БРОШЕННОГО ШУРФА

РАССКАЗ

Летом 1960 года я, учащийся Магаданского горно-геологического техникума, проходил преддипломную практику на одном из многочисленных участков крупного прииска в центре “золотой” Колымы.

В те годы состав жителей Магаданской области, до недавнего времени называвшейся просто Колымой и представляющей собой гигантскую организацию НКВД–МВД–“Дальстрой”, уже сильно изменился по сравнению с тем, что я застал, прибыв на Колыму в 1950 году, еще при жизни Сталина и Берии. Сначала амнистия, а затем реабилитация дали возможность многочисленным бывшим зэкам покинуть пределы Колымы. Появилось много “свежего” народу, специалистов и рабочих, в том числе женщин. Однако оставались еще и те, которым ехать не к кому и некуда.

“Свежие” жадно впитывали и распространяли многочисленные колымские истории, нередко искажая их и придавая историям более ужасное и невероятное содержание. Хотя, казалось бы, что может быть трагичней судьбы заключенных на Колыме?

Надо сказать, что бывшие заключенные, отсидевшие долгий срок на Колыме, не особенно бывали расположены к воспоминаниям. В роли бывалых обычно выступали те, кто только-только захватил закат “Дальстроя”, большей частью бывшие бытовики или уголовники.

ФЕДОРЕЕВ Виталий Николаевич родился в 1941 году в Приморском крае. Окончил Томский государственный университет как инженер-геолог. С 1961 года по настоящее время работает на Камчатке. В настоящее время — руководитель филиала ФГУ “ТФГИ по Дальневосточному Федеральному округу”. Более 20 лет занимается учетом и обобщением информации по минерально-сырьевым ресурсам Камчатки. Автор нескольких десятков статей. Ветеран труда, ветеран геологической службы Камчатки, Почетный разведчик недр.

Чем дальше уходили в прошлое времена “Дальстроя”, тем больше появлялось колымских историй. Отчасти этому способствовали первые, правда, еще робкие публикации о тех страшных годах. Но скорее, это явилось следствием развенчания культа личности, когда люди поверили, что прошлое не повторится и о нем можно говорить без утайки.

На участке, где я проходил практику, работали, в основном, “свежие”, прибывшие по договору на три года подзаработать денег. Правда, среди горного надзора (инженерно-технических работников) оставалось несколько человек, захвативших последние годы “Дальстроя”, но таких были единицы. Видимо, через них и передавались истории Колымы, которые они сами услышали по приезду. Интерес к старожилам был большой и постоянный.

Особняком среди этой категории людей стоял Копченый, числящийся контрольным промывальщиком на разведке россыпей. Копченым его называли за глаза, между собой. Фамилии его я уже не помню а обращались к нему все по отчеству Федотыч. Небольшого роста сухонький мужик неопределенного возраста, лицо темно-коричневого цвета, изборожденное многочисленными морщинами, напоминало печеное яблоко. Задубленное морозами, ветрами, снегом, оно, казалось, на всю жизнь сохранило весенний снежный загар. Ни бороды, ни усов Копченый не носил. Небольшие темные глаза колочье глядели из-под седоватых бровей. Передвигался он легким, на редкость бесшумным шагом. Ни камешек не выкатится из-под его ног, ни веточка не хрустнет.

О том, что он далеко не молод, свидетельствовали морщины на лице и руки, скрюченные ревматизмом от постоянного пребывания в холодной воде, с узловатыми пальцами.

Копченый слыл живой легендой Колымы. Говорили, что попал он сюда в страшные тридцатые годы по политической 58-й статье. Отсидел десятку, да так и остался. Итээровцы в разговорах нередко вспоминали о многочисленных россыпях, найденных в сороковых годах Копченым. Если бы такое количество россыпей и с таким золотом обнаружил вольный геолог, он давно бы стал героем и лауреатом Сталинской премии. Копченый же был эком, но, как поговаривали, на его находках многие сделали себе славу и карьеру. То, что Копченый не только не получил награды за свои россыпи, но и не был досрочно освобожден (а такое иногда практиковалось в “Дальстрое”), связывали с какой-то загадочной историей, где фигурировали то ли японские шпионы, то ли белогвардейцы. Как водится в таких случаях, каждый домисливал свое, а правды не знал никто. Ибо свидетели-сослуживцы Копченого либо давно умерли, либо, освободившись, тут же выехали на материк. Сам же Копченый был человеком весьма неразговорчивым и на расспросы не отвечал.

Что поддерживало легенду, не давало ей забыться, так это умение Копченого обращаться с промывочным лотком. Когда Копченый промывал породу, а это случалось в последнее время нечасто, все, кто находился поблизости, сходились посмотреть на это чудо. Деревянный лоток, наполненный галькой, гравием, песком, суглинком, вертелся в его руках на волчок. Постепенно Копченый сбрасывал, успевая просматривать, крупную гальку и гравий. Вода светлела, и вот в узкой канавке лотка, специально обожженного, чтобы хорошо было видно золото, среди темно-серого шлиха начинали блестеть золотины. Скорость промывки невероятная. Казалось, что при таком темпе в лотке не должно остаться ни одной песчинки. Тем не менее, каждый раз в канавке лотка оставались мелкие и крупные золотины. Копченого не раз пытались подловить, подбрасывали в породу, в лоток золотины, дробинки, и каждый раз убеждались, что золото у Копченого с лотка не сойдет.

Особенно не любили связываться с Копченым горняки-эксплуатационники при отработке полигонов. Стоило им возмутиться, что геологи завысили содержание золота, что при промывке оно не отходит на массу, как геологи создавали комиссию по контролю, в которую обязательно включали Копченого. Рассказывали, что Копченый не занимался переговорами, его доказательства оказывались просты и неопровержимы. Он брал несколько проб из отвалов (промывтой породы) и обязательно находил золото. Эксплуатационники сникали, ругали качество промывочных приборов, ужесточали надзор за подачей воды и горной массы, стараясь не допустить потерь.

Отличала Копченого одна странность. Ежегодно, в начале сентября, когда тонкий ледок сковывал воду и многочисленные стаи птиц уносились на юг, покупал он ящик шампанского, закрывался в своей каморке в бараче и не выходил оттуда, пока не опорожнял все бутылки. Об этой странности знали все, кто работал с Копченым больше года. Начальство его не ругало, засчитывая ему эти дни за отпуск, тем более Копченый и не знал, что такое отпуск. Он работал и работал. В обычные дни Копченый не пил. Возможно, он и выпивал, но ни выпившим, ни тем более пьяным его никто никогда не видел. После такого “шампанского” запоя он выходил из каморки нетвердой походкой, бледно-коричневый, несколько дней приходил в себя, а затем трудился как обычно.

В последние годы начальник разведучастка стал тревожить его меньше, посылал переопробовать (проконтролировать) только в редких случаях. Но Копченый нередко сам приходил на полигоны либо на разведку, иногда быстро промывал несколько лотков, затем садился у костра и долго курил, пил чифирь и молчал. Знакомые мне парни рассказывали, что они часто в такие минуты пытались разговорить старика. Но он отмалчивался, отвечал односложно и неохотно, особенно если это не касалось работы, а затрагивало его прошлое.

Наверное, я так никогда бы и не услышал легенды, о которой сейчас хочу рассказать, если бы однажды к нам на разведку не забрел Копченый. Все мы знали, что он любит плиточный табак и чифирь, тоже плиточный. Я недавно вернулся с прииска, где приобрел для бригады продукты. Впрочем, на чаевку у нас всегда был запас.

Так вот, как-то под вечер старик тихо и незаметно появился у нашего костра. Я упаковывал промытые пробы и заносил данные в журнал, бурильщик и помбур одного из станков и мой промывальщик пили чай. Увидев Копченого, все повскакивали, уступая ему место, быстренько заварили чифирь, угостили табаком. Заметив Копченого, подошли бурильщик и помбур от второго, стоявшего недалеке, станка.

Не знаю, как уж получилось, но спустя некоторое время я робко попросил Федотыча рассказать что-нибудь из его прошлой жизни. Копченый помолчал, а затем совершенно неожиданно для всех сказал:

— Однако, расскажу вам одну историю, только сам уже не знаю, было это все, или мне просто показалось.

Мы притихли. Копченый аккуратно пошевелил костер, подбросил в него несколько палочек. Потом я много раз убеждался, что охотники, оленеводы, люди, проводящие на природе много времени, не разжигают больших костров. Небольшой костерок, способный закипятить чайник или котелок, дающий вечером немного света, — такой костерок тлеющих красных углей и греет и сближает сидящих. Большие костры — это костры туристов.

Вот и в тот раз у мерцающего костерка, в тихий августовский вечер, мы приготовились слушать рассказ Копченого. Вот он:

— На Колыму я попал в тридцать восьмом году. До войны и в первый год войны начальство лагерей делало все, чтобы мы не выжили. Голод, холод, тяжелая работа. В лагерях везде верховодили уголовники, резали, убивали, избивали, просто глумились над теми, кто сидел по пятьдесят восьмой статье.

Этапы приходили на Колыму каждое лето, с началом навигации. Заметно народу добавилось после тридцать девятого года за счет привозимых из западных областей Украины, Бессарабии, затем — из Прибалтики. Но с ними было трудно сойтись, многие из них не знали или плохо понимали порусски. В большинстве своем они, как, впрочем, и многие из нас, считали, что они-то сидят ни за что, а все рядом враги, убийцы.

Начальство всячески поощряло национальные разногласия, давило политических и давало поблажку уголовникам. Лозунг “Преступный класс сам себя уничтожит”, из какого-то выступления Сталина, висел в каждом лагунке. Однако с началом войны обстановка несколько изменилась. Хотя в первые месяцы и перестреляли многих политических, затем убивать стали реже,

людей не хватало. Фронт забрал многих, с “материка” этапы стали приходиться не такие многочисленные. Кое-кто из вольных ушел добровольцем, хотя почти все на Колыме имели “бронь”.

Короче, людей стало не хватать. А план по добыче золота увеличивался. В геологоразведочные партии, занимающиеся поиском и разведкой россышей, стали отпускать заключенных. Тех, кто был грамотным, переводили на итэ-эровские должности. Геологи организовали учебно-курсовой комбинат и стали готовить коллекторов, прорабов-поисковиков. Повезло и мне. Попал я в курсовой комбинат, окончил его, год проработал коллектором, а сезон 1943 года, как сейчас помню, начал прорабом-поисковиком. Надо сказать, промывать я научился быстро, и это у меня получалось. Кое-какие знания, полученные в курсовом комбинате, позволяли ориентироваться в геологии, геоморфологии. В общем, стал я геологом.

1943 год запомнился мне не только потому, что стал я прорабом-поисковиком. Шла война. Наши разбили немцев под Сталинградом. Нужны были не только люди, но и вооружение. А для этого требовалось золото, много золота. И давала его стране Колыма в громадных количествах. Начальство, отправляя геологоразведочную партию в поле, отдавало приказ: найти россыпи с промышленными запасами золота. За невыполнение задания-приказа начальник партии мог получить срок, заключенные — добавочный. Невыполнение задания рассматривалось как саботаж, вредительство.

Так вот сезон того 1943 года получался у нас неудачным. Опоисковали мы вдвоем с рабочим-промывальщиком все ручьи на нашей территории, а россыпи нет. Начальник партии ходит мрачный — другие поисковые отряды тоже ничего хорошего не нашли. Мелочевка всякая есть, а стоящей россыпи нет.

Однажды в конце лета промыли мы один ручей, вышли к другому. Смотрим, а ручья-то нет. Руслó сухое. Долина довольно широкая, протяженная, но ручей высох. Прошли дальше, вниз по течению. Шли долго, пока добрались до воды. Свечерело. Была у нас лошадка, на которой перевозили мы весь свой нехитрый скарб. Брезент, на случай дождя, оленьи кукули (спальники), немного продуктов.

Развьючили мы лошадь, соорудили навес, развели костер, ждем, пока сварится полусуп-полукаша. Продукты-то были на исходе, да и не баловали нас ими. Рабочий, утомившись за день, уснул, не дождаввшись ужина. Тяжелый выдался денек у нас. Много породы промыли, расчисток накопили. Сижу я у костра, рядом лошадь пасется, похрапывает, тоже наголодалась за день. Незаметно опустилась ночь. Тишина, небо звездное, темень. От реки туман наползает. Подбросил я хворосту в костер, чтобы быстрее чай закипел. Поднимаю голову и вижу, со стороны реки в нашу сторону движется огонек — не огонек, свет какой-то бледно-зеленый, в облаке. А кругом тихо, лишь работага слегка похрапывает да постанывает во сне.

Сперва подумал, что показалось мне, потом смотрю — огонек все ближе и ближе. На фонарик не похоже, да и у кого из наших тогда фонарики-то были. Огонек-облачко исчез за кустом и, пока я думал: будить напарника или нет, появился напротив меня, на той стороне у костра. Вгляделся я и замер. В белом облачке человек зеленым светом светится. Неслышно так придвинулся тот светящийся человек к костру, присел на корточки и похоже, что даже руки к костру протянул погреть. При этом даже веточка не хрустнула, тихо все.

Сидит этакая светящаяся бледно-зеленым светом фигура человеческая в белом облачке, смотрит в костер и молчит. Хоть и оцепенел я от страха, но смотрю на него во все глаза. На нем шапка-треух, шубейка — не шубейка, зипун какой-то, на ногах что надето — не разглядел. Фигура человека дрожит, колеблется. Сквозь него вроде бы кусты просматриваются, жутко мне стало, а рта открыты не могу, все смотрю на него. Не знаю, сколько времени прошло, но как-то оцепенение с меня спало. Вот я осмелел и говорю ему: “Ты бы, мил человек, поел бы чего или чаю попил бы”. Похоже, что услышал он мой голос, поднял голову, посмотрел на меня. Лицо худое, давно не бритое, волосами заросшее. Глаза в упор на меня смотрят. Причем весь

он просвечивается. Мне аж неприятно стало. И говорит. Тут я не берусь утверждать, что голос его слышал, но слова его прямо входили в меня: “Спасибо, добрый человек, за предложение. Давно я уже не ем и не пью. Вот ежели запах понохать каши твоей, да руки о кружку чая погреть”. Я мигом положил ему полукаши-полусупа, налил чаю. Подаю. А он мне говорит... То есть, чувствую я, что говорит он, но звука не слышу. “Ты поставь, добрый человек, миску-то и кружку”. Поставил я миску перед ним, рядом кружку.

Наклонилась фигура к миске, как бы нюхает, а руки алюминиевую кружку мою обхватили, поглаживают. Мы помолчали. Потом поднял пришелец на меня голову и говорит:

— Значит, золотишко ищите? Ну и как, много нашли?

— Да уж какое тут золотишко, — отвечаю я, — нет его тут.

— А зачем тебе золото, разбогатеть хочешь? — снова чувствую я его вопрос.

— Ты что, с Луны свалился? О каком богатстве речь? Война ведь идет, немец полстраны захватил!

— Да ну! — удивился мужик. — Это какой-то немец, с которым в четырнадцатом году воевали?

— Нет, это другой. Фашисты это. Гитлер у них вождь.

— Не знаю таких, видно после меня они появились, — сказал незнакомец. — Год-то какой нынче?

— Девятьсот сорок третий, — отвечаю.

— Ух-ты, почти двадцать лет пролежал в земле, — проговорил мужик удивленно и перекрестился.

Привидения-то не крестятся, — подумал я, но и принять его за живого человека не могу, потому как он прозрачный, из света образ.

— Золотишко-то тут есть и много его. Просто найти вы его не смогли.

— Как это найти не смогли? — возмутился я. — Уж если бы оно было, я обязательно бы нашел! Ежели ты такой знающий, то укажи, где искать.

Пришелец опять внимательно посмотрел на меня, помолчал и говорит.

Вот убейте меня, не помню я его голоса. Был ли он или нет. Сам-то я говорил, это уж точно. А говорил ли он — не уверен. Но то, что разговаривали мы с ним и понимали друг друга, — это было. Тогда он и говорит:

— Не дано вам пока все золото, что тут есть, найти. Но я тебе помогу, если выполнишь мою просьбу.

Жутковато мне и без того было, а тут еще подумалось, а вдруг душу мою запросит? А он продолжает:

— Просьба-то простая — схоронить меня по-христиански. Чтоб не мучился я так бесприютно.

— Это мы можем. Да только как тебя похоронить, коль ты бестелесный?

— Погоди, — говорит мужик, — все тебе расскажу, только ты уж слова своего не забудь. Побожись, что выполнишь.

— Вот те крест святой! — сказал я и перекрестился. Хотя за эти годы, проведенные на Колыме, уже и в Боге и в чёрте разуверился.

— Ну, смотри же, — вновь предупредил человек и, помолчав, начал рассказывать: — В двадцать пятом году это было. Наткнулись мы тут с напарником на хорошее золото. Я-то в шурфе сидел, а он бадью с породой принимал. Золотого песка намыли уже прилично. К тому же наковырял я немного самородков с ноготь величиной и положил их сверху породы в последнюю бадью. Как только напарник мой самородочки-то увидел, схватил их и бадью с породой и бросился промывать. Видно, хорошее золото он намыл, только подошел потом к шурфу, а шурф глубокий, метров девять был, и кричит мне: “Ты посиди тут, Дмитрич (меня Дмитричем кликали), покарауль золотишко-то”. Сказал так и стал выдергивать крепь устья шурфа. Меня живого в шурфе и засыпало. Что с напарником моим стало, я не знаю. Может, богатым теперь где-то живет. Только мучаюсь я с тех пор тяжко. Людей-то долго в этих местах не было. А находится шурф тот на левой стороне долины ручья, который теперь высох. Вы проходили его, верст пять-семь отсюда. Россыпь там знатная. Но ты помни, допрежь меня не схороните по-христиански,

золота не ищите. А не выполнишь мою просьбу, буду являться я тебе всю жизнь твою.

Сказал так, поднялся и пошел прочь от костра. Не успел я сообразить, что ответить, как исчез он, будто его и не было. Растолкал я промывальщика, рассказываю ему, что со мной приключилось. А он смеется:

— Это тебе приснилось, давай лучше поедим, проголодался я ужасно.

Поели мы. Конечно, ни о каком сне для меня не было и речи. А промывальщик мой, поев, улегся поудобнее и снова уснул.

Едва рассвело, разбудил я его, стали собираться. Как узнал он, что мы возвращаемся назад, возмутился, мол, понапрасну время теряем. Продуктов и так нет, а до базы партии еще топать и топать. Однако пошли мы. Хотя мы с ним оба были заключенные, но я-то был для него начальник.

Назад шли молча, но споро. Словно магнитом тянуло меня. Шурф нашли сразу. Он сохранился довольно хорошо, хотя устье его частично разрушилось и осыпалось. Из глубины тянуло сыростью и холодом. Небольшой холмик отвала зарос травой. Потом, уже когда внимательно осмотрелись, увидели следы стоянки людей: кострище, рубленные палки, бревна крепи, подстилевшее тряпье.

Напарник мой забеспокоился. Хотя и не верил он моему ночному рассказу, но находка брошенного шурфа его озадачила. Не разводя костра и не попив чаю, мы нагребли породы из отвала шурфа, сложили в мешки, погрузили на лошадь и двинулись к реке. В первой же пробе обнаружили знаки золота. Так как отвал шурфа был из верхних горизонтов, а золотоносный пласт, по рассказу Дмитрича, так я стал его про себя величать, был где-то на глубине шести-семи метров, то отсутствие хорошего золота меня не смущало. Обнадеживало уже и то, что на глубине первых метров встречались хорошие знаки золота. Потом начали готовить к раскапыванию шурф. Сначала укрепили устье. С этим пришлось долго повозиться: стенки оплыли, осыпались. Да и крепи нету. Промерили глубину. Оказалось около пяти метров. Бросили в шурф горящую бересту — определить, не загазован ли? Осторожно по веревке я спустился в шурф и набрал в мешок породы со стенок. Сходили, промыли. Даже в этой небольшой пробе золото было весовое.

Затем разметил я поисковую линию через всю долину ручья. Порешил так: пойду на базу, сообщу начальству, а промывальщик в это время пусть начинает копать шурфы до глубины двух с половиной метров. Глубже копать одному уже неудобно. Да и без крепи устья опасно, завалить может.

Промывальщик мой ни в какую не хотел оставаться один. Что-то его пугало. То ли боялся, что оставлю я его здесь одного и не вернусь, то ли, вспоминая мой рассказ, страшился появления Дмитрича. Только угроза отправить его опять в зону, в лагерь заставила его подчиниться. Оставил я ему весь наш скарб, остатки продуктов, сел на лошадку и поехал на базу партии.

Начальник встретил меня вопросом:

— Нашел?

Рассказал я ему, что зацепились мы, похоже, за россыпь. Но поздно, и вдвоем ничего сделать не успеем. О встрече со светящимся незнакомцем я начальнику не сказал. Чем больше проходило времени, тем больше мне верилось, что все это мне привиделось во сне.

Действия начальника партии были быстры и решительны. Судя по тому, что через два дня почти вся партия снялась с места и отправилась на наш сухой ручей, ни один отряд в этом сезоне не нашел стоящей россыпи.

Своего промывальщика я не узнал. За неделю, что меня не было, он, похоже, ничего не ел. О работе и говорить нечего. Заросший, взъерошенный, сильно исхудавший, с безумно блестящими глазами, он постоянно что-то бесвязно бормотал, указывая на старый шурф.

Надо сказать, что мой промывальщик, бывший вор-карманник, человек по своему неплохой, придерживающийся кодекса воровской чести, особой смелостью не отличался. В маршруте он всегда старался держаться рядом со мной, в крайнем случае — на расстоянии голосовой связи. Видимо, оставшись в одиночестве, он вспомнил мой ночной рассказ, сопоставил все это с находкой шурфа с золотом и со страху свихнулся.

Начальнику было не до лечения. Приказав оборудовать лагерь, он тут же стал расставлять шурфовочные спарки. Короче — работа закипела. Мне стоило большого труда уговорить его начать раскапывать старый шурф. Он согласился только потому, что шурф лежал в створе разведочной линии и, рано или поздно, или его, или рядом шурф проходить было нужно. Старые горные выработки проходить вообще не имеет смысла. Стенки сыпятся, выложить породу по интервалам проходки невозможно. Помогло мне то, что основная часть породы из шурфа, видимо, была промыта, так что истинной глубины его не знал никто, кроме нас с промывальщиком, если верить рассказу незнакомца.

Под перевозку породы для промывки определили караван лошадей. И хотя путь неблизкий, вскоре дело пошло. Правда, порода из старого шурфа давала только знаки, в то время как в других шурфах появилось и весовое золото. И это на глубине двух-трёх метров. Начальник доволен. Разметили новые поисковые линии, задали новые шурфы. Я же с нетерпением ждал, что покажет старый шурф. Когда проходчики дошли до глубины семи метров, в нем появилось весовое золото. А когда глубина достигла восьми, я не отходил от шурфа. Сердце почему-то сильно билось, я постоянно курил, чтобы успокоиться, возбужденный крик проходчика из глубины шурфа довел меня до нервной дрожи. Выскочивший наверх по веревке проходчик сказал, что обнаружил в шурфе труп человека.

Нужно сказать, что породы на глубине мерзлые, но так как это был завал, то не такие крепкие, как в целике. Поэтому когда человека откопали, то никто не удивился, что труп хорошо сохранился. К шурфу сбежались все, кто работал рядом. Я долго боялся взглянуть на тело человека, но уже быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы узнать в нем того незнакомца, что приходил ко мне ночью в виде светящегося облака. Каким-то чудом узнал о находке и мой бывший промывальщик, немного уже успокоившийся после нашего приезда. Увидев труп, он снова сильно возбудился, показывал на труп и на меня и кричал, что мертвец приходил ко мне ночью и указал мне, где искать золото. У него выступила на губах пена, он забился в истерике. Его оттащили, связали.

Начальник подошел ко мне и строго спросил, о чем это мой промывальщик только что говорил. Рассказывать ему о моем ночном видении, значит, вызвать еще большие подозрения, более того, меня самого сочтут сумасшедшим. Поэтому я ответил, что промывальщик несет чушь, так как сошел с ума. Просто мы нашли старый шурф и, обнаружив в нем золото, стали раскапывать дальше. Что там засыпан человек, никто не знал. Однако, помня просьбу Дмитрича, тут же попросил разрешения у начальника схоронить покойника как положено. В те годы не принято было хоронить эсков в гробах. Но найденный в старом шурфе человек не мог быть эском. Судя по одежде, вольный старатель, каких немало ходило в Сибири, на Алдане в двадцатые годы. Этот проник дальше, на Колыму, и здесь окончил свой путь.

Мужики курили, негромко переговаривались. Опытные проходчики, они сразу определили, что его в шурфе бросили. В одиночку такой глубины шурф не выкопаешь. Об этом же говорило отсутствие вынудой породы. А обнаруженные в кармане драной шубейки несколько самородков золота указали и на причину того, почему его бросили. Напарнику или напарникам не захотелось тратить время на раскапывание, тем более, делить с ним золото.

Ни у начальника, ни у рабочих уже не оставалось сомнения, что россыпь золота тут есть и россыпь богатая. Возможно, оттого начальник, хоть и неохотно, но согласился похоронить мужика. Из подручных средств мы соорудили что-то вроде гроба. Место для могилы выбрали ладное, на борту долины ручья. Хорошее место, светлое, видное.

Мужики, и я в том числе, выкопали могилу, из отесанных лиственниц сбили большой крест. Пока готовили гроб, копали могилу, труп оттаял, распрямился. Шубейкой мы застелили гроб и положили Дмитрича в рубашке, шапчонку подложили под голову. На сентябрьском скупом солнышке лицо Дмитрича размягчело. Было такое чувство, что лежит в гробу недавно умер-

ший человек, а не вынутый из-под земли и пролежавший там около двух десятков лет. Нашелся среди мужиков и такой, что знал молитву.

И странное дело. Когда прочитали молитву, и невольно перекрестились мужики, почудилось мне, что слегка вздохнул Дмитрич, дрогнули его ресницы, и выражение полного умиротворения застыло на лице.

Схоронили мы Дмитрича и в тот день уже не работали. Начальник уехал с докладом в поселок, а нам разрешил отдохнуть. Увез с собой он и сумасшедшего.

Дней через десять нагрянуло к нам начальство, как геологическое, так и лагерное, во главе с оперуполномоченным. Дела к тому времени шли у нас отлично. Золото перло в шурфах дикое. И хотя по ночам уже хорошо подмораживало, а ручей, куда мы возили пробы, стал покрываться льдом, настроение у всех стояло хорошее. Геологи походили, посмотрели шлихи и велели готовить россыпь к разработке. А опер ходил и расспрашивал у всех про Дмитрича. Долго пытал он и меня. Знаком ли я был с Дмитричем раньше. Называл его опер старателем, но я про себя всегда называл его Дмитричем. Спрашивал меня опер и про то, как нашел я эту россыпь и почему под самый конец сезона. Знал ли я про эту россыпь раньше и почему сначала прошел ее, а потом вернулся. Не хотел ли я скрыть ее от государства.

Лишь потом я узнал, что мой бывший промывальщик, всем пересказывавая мое ночное видение, добавлял к нему разные небылицы. Что чуть ли не я бросил в шурфе старателя, что мы были с ним знакомы раньше. Таскали меня долго. Короче, когда дело до награды дошло, то пригласил меня к себе начальник партии, дал несколько пачек махорки, продуктов каких-то и целый ящик шампанского. Шампанское тогда у нас не шибко жаловали. Спирт-то сильнее и надежнее. И еще сказал мне начальник, что досрочно освободить меня не могут, так как история эта с россыпью какая-то темная.

Сам-то он, это я уже потом узнал, орден получил и на повышение пошел. Ему эта россыпь пользу принесла. Всю зиму ее разведывали, народу нагнали, эков значит, массу. Отрабатывали ее долго, уже после войны закончили. Сколько золота сняли, не знаю. Но то, что много, это все говорили. Ходили слухи, будто целый танковый корпус на золото первого промывочного сезона создали. Так ли это, кто проверит. Да начальство все ордена да премии получили.

А я так и остался прорабом-поисковиком. За годы войны и после нее еще не одну россыпь нашел, но такой богатой больше не доводилось. И взял я себе за привычку, в первых числах сентября, когда впервые мне Дмитрич явился, поминать его. Пить-то я не особо был охоч. Но в тот раз, когда начальник партии дал мне ящик шампанского, я его весь сам и уговорил. Уж больно обида жгла меня. Воли хотелось, так надеялся. А с другой стороны, если рассудить, так все верно. За что мне досрочное освобождение? Ведь я эту россыпь, почитай, пропустил. Мне ее Дмитрич показал. Да, чуть не забыл. То ли я где сказал, то ли случайно это произошло, но назвали этот сухой ручей Дмитричем, а потом и за россыпью это название, утвердилось. Давно я уже не был там. Говорят, крест кто-то по пьянке спалил, может — врут. Не должны же люди могилу рушить. Хотя за эти годы я такого рассмотрел, что и людей-то людьми иногда называть не хочется.

Вот такая она, история, приключилась. А может быть, и впрямь мне все привиделось во сне? Одно хорошо. По-человечески, по-христиански схоронили мы Дмитрича. Жаль, конечно, если крест его сожгли. А промывальщик мой в ту же зиму сгинул. То ли помер, то ли убили.

Копченый замолчал. Костер уже почти угас. Лишь отдельные уголья еще светились в кучке золы. Было прохладно, тихо. Копченый подбросил несколько веточек в костер. Скоро по ним забегали огоньки пламени. Бегающие прерывистые блики освещали медно-темное морщинистое лицо Копченого. И светилось в нем что-то, что заставляло верить в эту историю.

Больше с Копченым я не встречался. Практика вскоре закончилась, я уехал в Магадан и уже никогда на тот участок не возвращался.

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

НЕСУ ПО ВЕТРУ ФЛАГ

ПОБЕДИТЕЛИ

Александр Руденко

Наши отцы кланяются жизни, они устали.
Они за Победу на небе выпьют, —
Лётчик Анатолий Руденко
И геолог Васильев Иван.

Я за твоего отца поднимаю бокал,
А ты за моего — так скрещиваются судьбы.
Улыбается нам товарищ Сталин,
И поднимает тост за всю Россию!

И, когда смотрит в глаза Дева,
И детям и отцам при Ней стыдно.
Потому, что молится за нас Светлая,
А мы не знаем, что Она всех простила.

ПОЛУСТАНОК

Как непотушенный окурок,
Посёлок тлеет возле трассы.
Страна стремилась на Амур,
Не замечая отстававших.

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович родился в г. Молотов (ныне Пермь). Окончил Московский геологоразведочный институт, работал геологом, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Её имперские черты
Ещё остались на плакате,
Которым в небо вознесли
Портрет Вождя на старой башне.

И шапку сносит с головы,
Когда посмотрит вверх прохожий,
Где знаменитые усы
На крылья грозные похожи.

ФЛАГ

Когда листок календаря
Налился кровью октября,
Родился я на свет.
И снег пошёл вослед.

Так был отмечен я судьбой.
Как матерью и как женой,
Я Родиной согрет.

Но оказалось, всё не так.
У Родины байстрюк.
Несу по ветру флаг
Страны, которой нет.

* * *

Так светло, словно Господь смотрит с неба,
Или такие снега, как будто Россия невеста,
Которая любит Христа.

Даже легко сказать, что тоже люблю Его,
Этого Голубя в небе сизом.
Мне ничего не простится.
Но целую следы Господа,
Которые тают, как иней.

* * *

Так светло, словно всё осветил Господь,
Так легко, словно нет земных сил,
И даже крещусь не исподволь.
Крест сквозь рубашку выступил.

О, которые за Ним шли!
Ведь они знали, что Он — Бог,
Что даже святые мельче тли
Перед Богом.

А всё равно радость есть,
Может быть, и не зная, надо любить,
И даже любимая — крест,
Который надо выносить.

* * *

Метель заметала следы Господа.
Самыми верными были нищие,
Они целовали снег весь,
Все снега России.
Потому, что Он здесь
И легче упасть лицом.

Даже плакать не надо. Потому, что сосульки —
Те же свечи. Только холодные, как вечер,
Если нет Его рядом,

И даже стихи — бормотания,
Вместо признания в любви.

* * *

Жизнь не остановится на двенадцати,
Господь возлегал рядом с Апостолами.
Он не отталкивал руку Его предающего,
И за него предавал тело Своё,
И проливал кровь Свою!

Почему Христос обнимал людей —
Потому, что Он — Бог.
Трудно мне обнимать злодеев,
Научусь, придёт срок.

ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ В МОСКВЕ

И вечер был ветхозаветным,
Когда в лучах зажглись рябины,
Под льдом струилась речка Сетунь,
Став семисвечником старинным.

Господь крестился в Иордане,
А всю Москву накрыло снегом,
И шли мы в храмы, христиане,
А Дух Святой спускался с неба.

* * *

Мои стихи растут из глины,
Из глубины холодных губ,
Но встретят взгляд твой голубиный,
И словно дудочка поют.

* * *

Целый день цветы качались в поле,
Ветер тряс их, как свою игрушку,
Словно нас, влюбившихся до боли,
Можно успокоить погребушкой.

Каждый вечер небо выцветает,
Ничего давно уже не ново.
Обниму, а женщина — заплачет,
Ухожу, а женщина — ни слова.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Когда зима потянет в гору
И съедут годы набекрень,
Судьбу не вздумай объегорить
И от любви не прячься в тень.

Пусть будет мир из боли слеplen,
Родись опять на белый свет,
Чтобы единственной из женщин
Сказать “люблю” на склоне лет.

* * *

Стихи всё реже и печальней,
Бывает, вспыхнут, как цветки.
И с каждым днём прозрачной тайны,
Как воды стынувшей реки.

До дна, до отголоска жизни
Ещё так хочется любить!
И то, чем клялся я Отчизне,
В ногах у женщины сложить.

ПУГОВКА

Как оттеняет красоту изъян,
Случайно пуговка оторвана у блузки,
И ты смущаешься, а я немного пьян,
И крестик светится в её разрезе узком.

И ты ни в чём себя не обвини,
Останься девочкой с душою непорочной.
И пуговку на память сохрани
О том, что было с нами этой ночью.

* * *

Этот сиреневый снег
И лес, словно обрыв в небо.
Вышел покурить человек,
И больше его не было.

Сколько таких сгорело,
Как искорки сигарет?..
Казалось мне, что светлело
От тех, кого с нами нет.

Кто был ни мудрец, ни воин
И не хотел умереть.
А просто взлетел над полем,
Чтоб Родину разглядеть.

* * *

Андрею Шиманову

Москва глядит в пространство сквозь туман,
И звёзды на Кремле горят и днём и ночью,
И ближе к ней сегодня Магадан,
Где друг Андрей свои напишет строчки.

И в этом есть достоинство страны,
Что расстоянья тоже служат службу,
И мелочи не видны, не важны,
А расставание — лишь укрепляет дружбу.

Москва сейчас оправлена в зарю,
Которая у вас была закатом.
И лишних слов тебе не говорю,
А встречу — обниму, как брата.

* * *

Весна была недавно карлицей,
Вытягивалась из сугробов,
А вот уже громами катится,
Любовь до одури попробовав.

И серебристая акация
Роняет желтые соцветия
На женщину в промокшем платье,
Которая идёт и светится.

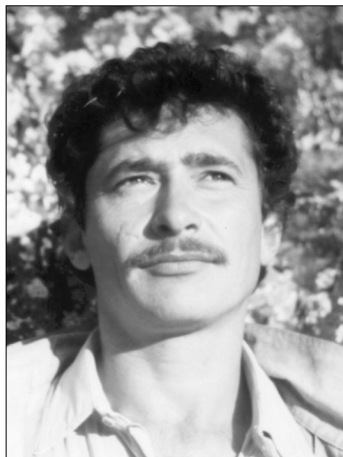
* * *

Весна рвалась в родной удел,
Грозой вкатилась этой ночью,
И я случайно разглядел,
Как на деревьях рвались почки.

И было ясно в этот миг,
Что целый мир кладётся на кон,
Не только тем, что Бог велик,
А что любовь горит во всяком.

И ты стояла у окна
Владычицею этой ночи,
Как женщина, что сожжена,
И чья любовь ещё клокочет.

АЛЕКСАНДР САГИР

РОЗЫГРЫШ

РАССКАЗ

— Александр Ильич, я больше не могу там работать! — заявила Рита Тычева, едва войдя в палатку начальника нашей геологической партии. — Даже в инструкции написано, что одиночные маршруты в горах запрещены! Почему я должна работать одна?

Она нервно достала папиросу “Беломора” и закурила. Мы, четверо Сашек, — бывалые уже геологи, второй сезон пошел, — были в палатке начальника и теперь с любопытством ждали, что же последует дальше.

— В конце концов, я ведь женщина, и мне просто страшно! Этот медведь приходит к моей палатке каждую ночь, ходит вокруг, рычит, а я сижу до утра с револьвером в руках и не могу сомкнуть глаз, — выпалила она и только после этого обратила внимание, что в палатке все замерли и смотрят на нее.

У Риты это был первый самостоятельный полевой сезон, и, видимо, она с энтузиазмом молодого специалиста решила отстаивать свои права. Мы не могли скрыть, как смешны были нам ее откровенно женские претензии. Прищурив глаза от папиросного дыма, Рита неприязненно посмотрела на нас.

САГИР Александр Васильевич родился в 1955 году. Закончил Новочеркасский геологоразведочный техникум по специальности “Геология, поиски и разведка месторождений”, а также Якутский государственный университет — “Технология открытой и подземной разработки месторождений”. Двадцать лет работал в Восточной Якутии в Аллах-Юньской геологоразведочной экспедиции. Занимался геологической съемкой и поисками месторождений полезных ископаемых. Последние пятнадцать лет работал главным геологом на разведке и добыче золота в Забайкалье, Магаданской области, в Африке, на Курилах и Камчатке. Геолог, горный инженер. Автор сборника “Геологические рассказы”, многих научных публикаций.

Это была невысокая полногрудая женщина лет двадцати пяти, язвительная и желчная как и большинство дам, обделенных мужским вниманием. Не красавица, бледно-голубые глаза на сильно загорелом лице, нос горбинкой, в уголке бесцветных губ — неизменная беломорина. Из-под повязанного на голове платка выбились светлые пряди волос, старая матросская тельняшка небрежно заправлена в брюки геологической спецовки, на ремне с одной стороны висел револьвер, с другой якутский охотничий нож. Выглядела она как настоящий разбойник с какого-нибудь пиратского корабля. Рита гордилась своим питерским университетским образованием (надо сказать очень даже хорошим), свысока поглядывала на нас, окончивших лишь геологоразведочные техникумы или какой-то там, как она говорила, “задрипанный” Якутский университет. А мы не могли воспринимать ее серьезно. Ее полное пренебрежение к своему внешнему виду в сочетании с гордостью столичной женщины только сместило. Мы постоянно посмеивались над ней. К себе Рита требовала от всех совершенно официального обращения по имени и отчеству, не допуская никакого панибратства, но ее требование выполнял только Александр Ильич Горбунов — начальник нашей геологической партии. А мы, увидев однажды ее подпись “Маргаритычева”, называли ее не иначе, как только “Маргаритыч”. Она злилась, но ничего не могла поделать.

— Что вы предлагаете, Маргарита Николаевна, чтобы я пошел работать с вами или кто-нибудь из наших геологов? — спокойно спросил ее Горбунов.

Он указательным пальцем приподнял над бровями край своей выдавшей виды широкополой фетровой шляпы и посмотрел на Риту. Она смутилась под взглядом этого красивого и сильного сорокадвухлетнего мужчины. Его голубые глаза по-мальчишески озорно смотрели на нее из-под белесых бровей, в густых пшеничных усах и бороде пряталась улыбка.

— Вы же знаете, — продолжал Горбунов, — что у нас на пятнадцать геологов всего шесть студентов, приехавших на практику. Ну, посудите сами: геологическая съемка без радиометрии не проводится, поэтому четыре человека я оставил в съемочном отряде радиометристами. Два техника-геолога заняты на шлиховом и донном опробовании ручьев, им нужны промывальщики — двух студентов я отдал им. Вот и все! Один рабочий принят пекарем на базу — стар он в маршруты ходить, на пенсии уже давно. Завхоз — такой же. А больше в поселке не нашлось желающих бегать по нашим горам за мизерную зарплату маршрутного рабочего. И потом, Маргарита Николаевна, сначала вы просите поставить вам палатку в пяти километрах от базы, чтобы в маршруты было ближе ходить, а теперь вам рабочего, то бишь охранника, подавай... Где же я его возьму?

Горбунов замолчал.

— Но ведь страшно! — жалобно сказала Рита. Она обреченно опустилась на стоящее у стола полено и снова закурила.

— Думаешь, медведь! — сказал Сашка Рыжий, бесшабашный парень с кошной ярко-рыжих волос на голове. — Что же нам теперь всем по двое ходить, чтоб не страшно было?

Половина геологов нашей партии действительно работала в одиночку, а северная часть хребта Сетте-Дабан на речке Менкюле, где мы проводили геологическую съемку, была излюбленным медвежьим краем. Я не знаю, есть ли еще в Восточной Якутии места, где можно увидеть столько медведей. Они встречались повсюду: в долинах рек и каньонах, на чистых луговых склонах гор, в непролазных зарослях и на скальных вершинах. Но к ним понемногу привыкаешь и принимаешь уже как естественную и неотъемлемую часть окружающей среды, как не желанных и не очень приятных соседей.

— Маргаритыч, ты же при оружии, — продолжил Рыжий, — как только медведь придет — пали в него из своего револьвера! Он с перепугу такого деру даст, что ты его больше и не увидишь, и не услышишь.

— Скажи ему: “Мишка, уходи!” — серьезно сказал якут Сашка Егоров, — и он уйдет. Я всегда так делаю.

— А Бакланчик спит себе каждый день под кустами кедрового стланика и ни о каких медведях не думает. А, Сашка? — Горбунов, смеясь, глянул на якута Сашку Бакланова. Недавно Горбунов отправил всех нас в маршруты,

а сам задержался на базе — в тот день начальник экспедиции проводил совещание по радиосвязи. А когда пошел Горбунов в маршрут, в кустах кедрового стланика наткнулся на спящего Сашку Бакланова. Тот, свернувшись калачиком на солнышке, досматривал свой сладкий утренний сон, и никакой медведь не был ему страшен. Бакланов только стыдливо и виновато улыбался.

— И откуда там медведь взялся? — удивленно спросил Горбунов. — Там же горняки неподалеку взрывные работы ведут, взрывы каждый день с утра до вечера.

— Недавно каюр подранил у них возле стоянки огромного медведя, — сказал я. — Тот стащил у горняков мешок с консервами. Взял в охапку и унес. Но сначала, наверное, немного порвал его, так как банки с тушенкой и стуженкой всю дорогу из мешка сыпались. По этим банкам каюр и пошел вслед за ним. А когда увидел медведя на берегу реки и как он давит лапами банки и облизывает выдавленную из них стуженку, пальнул по нему картечью. Медведь удрал и вот ходит теперь, наверное, к Рите со своей обидой.

— Санька, — обратился ко мне Горбунов, — сходи, посмотри: что там и как? Ты ведь неподалеку там каждый день бываешь.

— Ильич, что же мне — всю ночь там сидеть, чтобы убедиться в чем-то? — недовольно пробурчал я.

— Ничего, завтра отоспишься, — усмехнулся Горбунов. — Выходной даю. Да и не съест тебя Рита, не бойся.

— А я и не боюсь. Чего мне бояться?

— Ну, вот и сходи.

В палатку вошел наш пекарь, черный, как цыган, бородатый мужик лет шестидесяти пяти, сказал Горбунову, что хлеба на две недели он уже напек, можно забирать для очередного дальнего захода. Съемочный отряд геологов во главе с Горбуновым после недельного отдыха снова собирался уйти с базы на месяц в самую дальнюю высокогорную область хребта Сетте-Дабан.

Рита поняла, что большего она тут уже не добьется, молча докурила папиросу и ушла. Пекарь, примостившись на освободившееся место, остался послушать, о чем геологи болтают.

— Что девку-то обидели? Грустная такая ушла. А, хлопцы? — спросил он.

Узнав о Ритиной проблеме, рассмеялся и со знанием дела сказал нам:

— Эх, пацаны-пацаны, вы еще молодые, бестолковые. Мужика ей захотелось! А вы — “медведь, медведь”! Мне бы ваши годы — я б ее от всех медведей спас. Посмотрите, какая девка — сок чуть не брызжет!

— В твои годы, Тимофеич, и Баба-Яга — красавица! — ответил ему Сашка Рыжий.

— А они, эти некрасивые, — пекарь поглядел на нас вспыхнувшими огнем глазами, — в постели так хороши бывают, что душу за нее заложил бы, на край света пошел бы и красавиц тебе никаких не нужно будет, все отдашь, чтобы только вновь с ней побыть.

Мы затихли, удивленно глядя на нашего пекаря: “Вот так дед!”

Получив от Горбунова маршрутные задания, мы вышли из палатки.

— Сань, ну если она действительно соблазнить тебя вздумает, разыграй ее немного, — напутствовал меня Рыжий, — сделай вид, что ты не догадываешься ни о чем. Посмотрим на нашего Маргаритыча с этим ее медвежьим соблазном. Я бы и сам сходил, — уж очень хочется ее разыграть, — да мне она ни за что не поверит.

— Да, разыграть Маргаритыча — это будет действительно умора! — поддержал его Бакланчик.

Я стал возражать, но хлопцам так понравилась эта идея, что они уже дружески хлопывали меня по плечам, благословляя на розыгрыш.

— Это ж только шутка, Сань! — не унимался Рыжий. — Не относись к этому так серьезно. Тебе-то только и надо будет, что понаблюдать за происходящим. Обхохочешься, наверное.

На следующий день, закончив к обеду документацию горных выработок, я пошел по своему обычному маршруту. Горный отряд, которым я руководил в качестве прораба-геолога, проводил буровзрывные работы в шести

километрах от нашей базы. Горбунов нашел там медную руду в девонских песчаниках, и теперь мы оценивали это месторождение. В течение месяца я ежедневно ходил на участок, медвежьи следы видел повсюду, но ни разу не встречался с самим косолапом. Иногда мне даже хотелось оставить ружье на базе, чтобы не таскать целыми днями эту тяжеленную бандуру, но всякий раз передумывал, вспомнив, как однажды, оказавшись без ружья, я встретил за день пятерых медведей. Такого страху натерпелся... Нет уж! На медведей приятно смотреть в кино, но когда встречаешься с ними в горах один на один, да еще и безоружный — приятных ощущений почему-то не появляется.

Мне нравился мой участок, я был увлечен его изучением. Рудовмещающая геологическая структура разбита разломами на блоки. Блоки горных пород смещены относительно друг друга, отчего рудные горизонты, и без того засыпанные каменистыми осыпями, постоянно терялись. Чтобы найти их и задать новые горные выработки, я буквально исползал весь этот участок и показал на карте все смещения по этим разломам. Теперь горные выработки точно вскрывали рудные горизонты. Геологическую карту участка я “отрисовал” с такой детальностью, что Горбунов, вернувшись на базу после первого месячного захода и знакомясь с результатами работ, долго смотрел на нее и молчал. Потом только спросил: “Все это я могу увидеть на местности?” “Естественно!” — ответил я. Горбунов взял мою карту и ушел на участок. Вернулся вечером и, улыбаясь, сказал: “Санька, вперед и с песней!”

На моем участке во впадине меж двух гребней гор плескалось озеро Чугучан. В кристально чистой воде отражались небо, белые облака и окружающие озеро черные базальтовые скалы. Каждый раз, изнывая в маршруте от жары и обливаясь потом, я смотрел на него с вершины водораздела, и мне хотелось поскорее спуститься вниз, искупаться, поплавать. А спустившись, я так ни разу и не нырнул в него. Вода была обжигающе холодной, только слегка поплескаться — и все.

Закончив свой маршрут, я подошел к озеру, обмылся ледяной водой и направился к Рите. Ее палатка стояла в двух километрах от озера у белых скал. Рита проводила там минералого-петрографические исследования медистых песчаников и базальтов. Ходить на участок работ каждый день с базы, как я, она не захотела, но и жить по соседству с нашими горняками тоже отказалась. И хотя эти хорошие, знающие свое дело работники относились к ней с неподдельным уважением, она воспринимала их только как эзков — каждый из них, к сожалению, имел за плечами как минимум две судимости. И вот теперь начались проблемы — одна она не может работать. “Ну что ж, посмотрим, что там!” — усмехнулся я, направляясь к Ритиной палатке.

Я шел по пологому склону, лавируя между кустами кедрового стланика. Кусты были широкие, разлапистые, высотой почти в человеческий рост. Стланик цвел, и в воздухе стоял насыщенный смолистый аромат. При малейшем прикосновении к веткам стланика пыльца сыпалась с цветущих почек желтыми облачками. Я шел быстро, глаза автоматически выбирали среди кустов просветы и едва заметные звериные тропы, и вдруг в пяти метрах впереди от меня из-за куста кедрового стланика встал медведь. Темно-коричневый, почти черный, он поднялся на задних лапах во весь свой могучий рост. Я видел его всего лишь одно мгновение — и он исчез. В обступившей меня тишине не прозвучало ни шороха, ни хруста ветки, ничто не шелохнулось, будто никакого медведя и не было. Я стоял, чувствуя, как гулко бьется сердце в груди, и с удивлением отметил, что держу в руках ружье, готовый в любой момент выстрелить, и даже не могу припомнить, как и когда снял ружье, висевшее у меня за спиной.

Постояв так пару минут, я обошел куст. Никого! Зная эту медвежью особенность бесшумно растворяться в зарослях, я забросил ружье за спину и пошел дальше. “Наверное, это и есть Ритин медведь, — подумал я. — А не маленький! Куст стланика — чуть меньше моего роста, и медведь за ним почти по пояс виден”.

Медведей я не боялся. Зная возможности моего двуствольного ружья двенадцатого калибра, я мог быть относительно спокоен при встрече с медведем. Медведь тут хозяин, это его территория. Но она и моя тоже!

Вскоре я подошел к ручью, у которого стояла маленькая двухместная палатка. Рита сидела у костра, просушивая мокрые волосы, курила и что-то записывала в тетради.

— Привет, Рита!

— Привет! А я думала, ты уже не придешь, — усмехнулась она. — Чай будешь пить? Ужин я еще не готовила, только недавно вернулась из маршрута.

Она говорила с интонацией, легко выдающей в ней коренную ленинградку.

— Я бы выпил кофе, — как бы между прочим сказал я, зная, что у Риты есть и кофемолка, и турочка-кофеварка, и кофе в зернах (страшный дефицит! “Мама прислала”, — обмолвилась она перед подем), и то, что она иногда устраивает себе этакие маленькие праздники с кофе. Из ее палатки еще на базе я пару раз чувствовал запах настоящего молотого кофе.

— Кофе потом, после ужина, а сейчас давай чаю попьем!

Я снял ружье, прислонил его к молоденькой лиственнице, сбросил рюкзак и сапоги. Босой сходил к ручью и с наслаждением побродил в холодной воде. Затем вернулся к костру, прикурил от горящей ветки сигарету и с удовольствием сделал первую затяжку.

— А ты неплохо устроилась, — сказал я, присаживаясь у костра.

Палатка стояла на небольшой опушке среди зарослей кедрового стланика, перед ней, журча, тек небольшой ручей, за которым стеной возвышались белые гипс-ангидритовые скалы. Размытые водой породы причудливыми коралловыми ветками лежали в ручье, некоторые из них украшали полянку перед палаткой Риты.

За чаем и за ужином, за разговорами о геологии участка и в воспоминаниях о наших студенческих годах прошел вечер. Близилась полночь. Мы сидели у костра. От его пламени сумерки белой ночи казались совсем темными. Говорить уже ничего не хотелось. Я понял, что надо уходить.

— Ну, вот видишь, Рита, и никакого медведя нет! — сказал я. — Так что, пойду я домой.

— Так медведь приходит, когда сидишь в палатке, — быстро сказала она, словно боясь, что я сейчас уйду. — Пойдем в палатку!

“Ну, началось! — усмехнулся я про себя. — Спектакль под названием “Соблазн”. Действие первое. Может, действительно прав был пекарь, говоря, что ей мужика захотелось? Ну, нет, дорогая! Я еще не дошел до того, чтобы ты показалась мне желанной”.

— Ну что ж, — пряча усмешку, сказал я, — пойдем в палатку. Может, все-таки кофе угостишь, пока твоего медведя ждать будем.

Мне очень хотелось расколоть ее на кофе.

— Ладно, — согласилась Рита, — спать все равно не придется, давай хоть кофе попьем.

Я взял ружье, и мы зашли в палатку. Уютное, хорошо обжитое женское жилище: толстый спальник мешок на невысоких бревенчатых нарах, жестяная палаточная печка, небольшой столик, на котором в коралловом подсвечнике стояли свечи, рядом лежала книга и какие-то женские штучки. Но для двоих палатка тесновата. Я затопил печку, тепло быстро наполнило жилище геолога. Рита сняла кроссовки, забралась на свой спальник, предложила мне сесть рядом. Она сняла с себя куртку и осталась в джинсах и короткой белой майке, плотно облегающей ее большие груди. И хоть я старался не смотреть на них, они почему-то все время мелькали передо мной в этой тесной палатке, и от них исходил такой нежный и притягательный аромат теплого женского тела. “Не соблазнишь! Даже не надейся!” — усмехнулся я.

Рита сварила в турочке душистый кофе, разлила его по кружкам. Я маленькими глотками пил этот божественный напиток, наслаждался им, как вдруг она схватила меня за руку и едва слышно прошептала:

— Пришел! Слышишь, ветка хрустнула?

Она прижалась грудью к моему плечу, вся напряглась, замерла, словно действительно вслушивалась в ночную тишину.

“Так, — смеясь про себя, отметил я, — началось! Действие второе”.

— Тебе это показалось, — как можно спокойнее сказал я и отстранился от нее. Я совершенно не слышал никаких звуков, но чтобы не рассмеяться и не выдать себя, взял ружье и вышел из палатки.

Вокруг тишина. Ни звука. Только мягко журчал ручей. Скальные гребни окрестных гор отчетливо чернели на оранжево-зеленом фоне гаснущего неба. В опустившихся на землю ночных сумерках заросли кедрового стланика сливались в сплошную темноту. Я подбросил толстых поленьев в костер перед палаткой и вернулся назад: “Сейчас начнется действие третье”, — сказал я себе. В душе я уже хохотал, представляя, что сейчас будет.

— Может, ты все это придумываешь? — Мне хотелось, чтобы она прекратила эту игру. — Мышь пробежит, ветка хрустнет, а тебе уже кажется, что медведь пришел. Трусиха!

— Так он же еще и рычит! Понимаешь? — шепотом сказала она. Ее лицо покраснелось, груди волнующе поднимались при дыхании. В этот момент она показалась мне даже красивой.

Я улыбнулся. Я ей не верил. “Ну и актриса! Похоже, ты действительно тянешь время, чтобы за полночь сморить меня сном и уложить к себе в постель. А играешь прямо профессионально! Только зачем же меня медведем пугать?” Я прислонил ружье к брезентовой стене палатки и, едва сдерживая улыбку, допил свой уже остывший кофе. Словно устав сидеть, Рита прилегла на спальник и все крутилась на нем, не находя себе удобного места. Мне тоже хотелось спать, и я теперь только и думал, что зря я сюда вообще пришел. Зачем мне все это нужно? Там, на базе, в тепле моей уютно обустроенной палатки так хорошо, я бы лежал сейчас в спальном мешке, читал бы при свечах рассказы О. Генри, а тут...

Тепло палатки расслабляло. Словно пытаюсь уснуть, Рита закрыла глаза. Я видел, как подрагивают ее ресницы, и знал, что она не спит. Она никак не могла успокоиться, переворачивалась с бока на бок, но как бы она ни ложилась, все равно прижималась ко мне, вздрагивала и отстранялась. Понимая, что мы не сможем просидеть так всю ночь, что усталость все равно уложит нас рядом, я решил уйти.

— Эти бессонные ночи сделали меня совсем слабой, — сказала Рита. — Мне кажется, я бы сейчас просто провалилась в сон.

Словно засыпая, она расслабилась и прижалась ко мне. Постель не была рассчитана на двоих. Жар, исходивший от ее тела, я почувствовал даже через плотную ткань моей спецодежды. “Так! Третье действие подходит к концу, — сказал я себе. — Надо заканчивать”.

— Ладно, пойду я, Рита. Спи.

— Нет-нет, не уходи! — встрепенулась она. — Посиди еще. До рассвета всего два часа осталось.

Вид у нее был такой сонно-постельный и такой по-женски теплый и притягательный, что я на мгновение усомнился в своей стойкости. “Ну вот, от нашей горячки Риты не осталось и следа — в постели все женщины одинаковы. Но нет! Все! Хватит! Игра закончена. Занавес. Я пошел домой”.

Я уже хотел встать, но в это мгновение услышал рядом с собой такой страшный, клокочущий медвежий рев, что мурашки разбежались у меня по всей коже, а волосы на голове, казалось, встали дыбом! Ощущение такое, что медведь стоит прямо у меня за спиной за тонкой брезентовой стенкой палатки. От медвежьего рева я не мог даже шелохнуться, потом почти бессознательно схватил ружье и сидел, до боли сжав его руками, готовый выстрелить на любое движение, на любой шорох. В мертвой тишине просидели мы так несколько минут. Безмолвие опутало все вокруг.

Я осторожно вышел из палатки с ружьем на изготовку. Из ночных сумерек на меня молчаливо смотрели белая скала, темные кусты кедрового стланика и черные базальтовые кручи окрестных гор. Я вытащил из ружья пулевые патроны и, в надежде хоть как-то напугать зверя, дробовыми зарядами выстрелил в разные стороны по кустам кедрового стланика, в которых он мог затаиться. Стланик безропотно принял в себя дробь, но так и остался нем. Постояв немного, я вернулся в палатку. Рита сидела на спальнике,

двумя руками держала свой револьвер, в ее глазах застыл страх. И тут я посмотрел на нее совсем по-другому. Я вдруг увидел ее маленькой, беззащитной и в то же время такой смелой — она столько дней боролась здесь со своим страхом, только чтобы оставаться независимой и гордой! “Вот тебе и Маргаритыч! — подумал я, немного успокоившись. — А давненько я не испытывал таких острых ощущений. Я тут, как дурак, сидел, посмеивался над ней, а сам со страху чуть не помер!”

Улыбка тронула мои губы.

— Не бойся! — стараясь казаться веселым, сказал я Рите. — Он теперь, наверняка, такого дёру дал, что больше сюда не вернется!

Следующие полчаса показались мне вечностью. Я все поглядывал на часы, а они как будто остановились. Тишина белой ночи была гнетущей, говорить ничего не хотелось. Но усталость брала свое, клонила в сон, и когда мои глаза уже готовы были сомкнуться, невдалеке от палатки снова раздался страшный медвежий рев, раз, другой, третий...

Словно сбрасывая с себя путы парализующего страха, я выскочил из палатки и выстрелил в сторону этого рева одним жаканом, второй оставляя на всякий случай в стволе. Вокруг была все та же звенящая тишина. Спустя несколько секунд невдалеке от палатки я услышал сердитое медвежье ворчание. Тут же выстрелил туда и перезарядил ружье.

И снова тишина.

Я зашел в палатку. Рита по-прежнему сидела, крепко сжав руками револьвер. Ее трясло от волнения. Я протянул ей сигарету, мы закурили.

— Саша, он до рассвета так ходить будет, еще часа полтора, пока солнце не взойдет, — сказала она, совсем поникнув.

— Как же ты тут жила целую неделю?

— Вот так и сидела, и тряслась от страха, а сказать, что боюсь — стыдно было. Я же — геолог!

“Ладно, поиграли и хватит”, — подумал я, а Рите с напускным спокойствием сказал:

— Собирайся, пойдём на базу! Хотя немного посним там, чем тут сидеть и медведя твоего ожидать. Завтра каюр перевезет твои вещи и палатку на стоянку горного отряда. Мужики там после этого медведя ангелами тебе покажутся.

Мы быстро собрались и ушли. Движение придавало уверенности. Это было уже не пассивное сидение и ожидание. Я был возбужден, кровь ощущимо текла в моих жилах, я весь превратился в зрение, слух, обоняние, шел, чувствуя в себе что-то звериное, и это чувство нравилось мне. Это была готовность в любой момент сразиться, защищать себя и женщину — древний инстинкт самосохранения, доставшийся нам в наследство от предков и затившийся в нашем сознании. И все же мне все время казалось, что этот медведь провожал нас до самой базы, казалось, что я всем своим существом чувствовал его присутствие то сзади за спиной, то сбоку, то впереди.

Только подойдя к базе, я оглянулся назад в темные сумерки и стал хохотать. Рита, уже дружески улыбаясь, смотрела на меня.

— Ты знаешь, — признался я ей, — я думал, ты меня соблазнить хочешь. “Ну и актриса, — смеялся я над тобой, — играет почти неподдельно!”

— Я знаю, Саш. И хоть мне было вовсе не до смеха, все же хотелось посмотреть, как свою роль сыграешь ты.

ИГОРЬ ШПУРОВ

ЗА СЕБЯ И ЗА РОДИНУ...

БАЙКАЛ

Я тогда первый раз
пошёл на восток,
Забыв Баден-Баден
и “Южный поток”,
Положив на работу
известный предмет
И – пару потерянных
лет.

Я пришёл сюда
с дурной головой.
Я пил с друзьями
и пел с тобой.
И было
всё ровно
и как всегда,
Пока я не встретил
себя.

И я спросил себя –
Кто ты таков?

ШПУРОВ Игорь Викторович родился в 1964 году в Тюмени. Автор трёх сборников стихов и множества публикаций. Доктор технических наук, профессор, заслуженный геолог РФ, член Союза писателей России. В журнале “Наш современник” публикуется впервые.

Зачем ты здесь?
Твой перечень слов?
Какой отпечаток несёт
твой сапог?
Пыль
каких-таких
дальних дорог?
Моё первое “Я”
и второе “Я”
Спустя пару минут
уже были друзья,
Я взошёл на Ольхон,
я морю сказал:
— Ну,
здравствуй,
священный Байкал!

Внизу геология,
с небес смотрит Бог.
Молчи, о чём знаешь,
пока не оглох!
Если сердцем видишь, —
фонарь не спасёт —
Всё равно
утонет
твой плот.

Мы режем лодкой
плоскость воды,
Мы думаем,
что мы
с Богом на ты:
Каждый первый
— крутой,
Каждый третий
— святой,
Мы застолбили
свой Рай
за собой.

Я спустился с Ольхона
к холодной воде,
Помолиться, глаза поднял
к судьбе,
Трансцендентная жизнь —
увы, не моя!
Эту
истину понял
я.

ГОРОД

Город выцвел
и выбелел
На моём октябре.
Я, как кровь,
— словно выдавил
О тебе.
О тебе.

Как же это мучительно –
Доставать
 вновь
 и вновь
Звук из горла спасительный
Про любовь.
 Про любовь.

Окна старых троллейбусов
Смотрят на тротуар.
Из оставшихся ребусов –
угадай терруар.

На асфальте обжаренном
Снег случился с утра.
Здравствуй,
 милая...
 Милая!
Ты такая – одна!

Лучший месяц – ноябрьский:
В нём –
 и снег,
 и любовь...
Жарко – как на экваторе,
Но – вся в инее бровь.

Мальчик мёрзлыми пальцами
Теребит струну.
И осипшими связками –
Про неё. Про одну.

А она – та же
 – Родина,
И подруга,
 и мать,
С ней на ржавой посудине
От неё же
 – бежать.

И потом – возвращаться –
Как бы типа дела...
Никогда б
 не прощаться,
Никогда.
 Никогда.

Ну, давайте, болезные –
Поднажмём
 и бежать.
Рано нам пока нежными,
Нам же вместе
 дышать.

Нам же впредь тротуарами
Ещё вместе
 ходить.
Может даже – стать парюю,
Жизнь бок о бок прожить.

* * *

Я уже думал
— никогда
И ни за что на свете!
Любовь
случилась,
как беда,
Как — рюмка на рассвете...
Зачем,
кому,
за что
и с кем?
Какого чёрта, братцы?!
Опять возвышен я и нем,
И снова тянет драться.

Опять
— цветы,
вино,
кино,
Стихи
и в меру
танцы.

С утра — пасьянс и домино:
Кругом сплошные шансы.

Но взгляд лукавый и смешной...
Немножечко скандала...
И дети, и
чуть-чуть
грешно...
И жизни с тобой мало!

* * *

Жизнь кончается? Падают листья.
Время идти в гастроном.
Повод кому-то до смерти напиться,
Ну, а кому-то —
облом!

Слава мирская, награды, медали
Вместо эмоций и грёз.
Бабушки тихо платочки достали
Для своевременных слёз.

Кто-то молчит, кто-то рожицы строит
И совершенствует слог.
Лишь верный пёс потихонечку воет,
Морду уткнув в песок.

Но умиляться подобной картине
Рано. Не весь вышел срок...
Выпьем?
Налейте!
Забудем о спине!
И помечтаем чуток!

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВА

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ЗОЛОТИНКИ

РАССКАЗЫ

ПОМОЩНИКИ ДЕТЕКТИВОВ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

В старом фильме “Парень из тайги” молодой шахтёр показывает девушке-геологу жёлтую крупинку, лежащую на ладони, и спрашивает: “Что это такое? — Золотинка. — Верно! А откуда?” И геолог, размышляя вслух, называет россыпь, в которой золото такого же размера и цвета.

Этот диалог, как в капле воды, отражает две стороны проблемы, известной в криминалистике под названием многоступенчатого идентификационного исследования: возможность определения по особенностям частиц самородного золота — золотинок — места его добычи и ограниченное число признаков, положенных в основу такого анализа.

Любой рабочий, занимающийся добычей золота и видевший драгоценные крупинцы, сразу отличит золото знакомых ему россыпей или разных участков

НИКОЛАЕВА Лидия Александровна родилась в 1926 г. в Ленинграде. Во время блокады жила в родном городе. В 1950 г. окончила Московский геологоразведочный институт и начала работать в НИГРИЗолото (ЦНИГРИ). Ею заложены основы нового научного направления – использования типоморфизма самородного золота для прогнозирования, поисков и оценки месторождений золота. Доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки, лауреат премии Правительства Российской Федерации. Живет в Москве. Автор книги “О чём рассказывают золотинокки” (1990), сборника стихов “Юбилеи, юбиляры...” (2010) и несколько раз переизданного сборника лирики “Цнигриада” (1976, 1996, 2000), который стал своеобразной летописью жизни Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института цветных и благородных металлов.

одной россыпи. Это легко сделают и работники золотоприёмных касс, представители администрации, присутствующие при съёмке золота с промывочных приборов, и, конечно, геологи, которые вели разведку и помогают при эксплуатации месторождений.

Однако познания геологов о характерных особенностях самородного золота редко выходят за пределы золотоносного района, а представления неспециалистов ограничиваются территорией деятельности одного прииска или несколькими месторождениями.

Для такой сравнительно небольшой площади действительно можно узнать, откуда получено самородное золото, используя всего несколько характерных признаков — размеры золотинок, их форму, цвет плёнки на поверхности. Если же вдруг возникнет необходимость определить место добычи золота, тайно совершившего путешествие, отдельные черты золотинок окажутся бессильными.

Только анализ комплекса всех признаков золота позволит провести определение неповторимости данной системы и однозначно ответить на вопрос. К числу таких важнейших признаков относятся состав золота и особенно его проба, показывающая соотношение в самородном золоте золота и серебра, форма и размеры выделений, характер поверхности, признаки преобразований. Обязательно исследуются и минералы, сроставшиеся с золотишками, а также минералы с высокой плотностью, сопровождающие золото в россыпях, образуя вместе с ним так называемый шлик — тяжёлую фракцию золотоносных песков.

Но нужно ли всем этим заниматься? При расследовании случаев хищений золота, его утаивания, незаконных валютных операций незаменимым элементом в раскрытии истины служит представление о том, откуда и когда добыт самородный металл.

Раскрытие путей и методов хищений, определение тяжести вины, неотвратимость заслуженного наказания, восстановление доброго имени человека зависят от знаний эксперта и умения его извлечь всю информацию, заключённую в самородном золоте.

На ряде примеров из экспертной практики можно убедиться, насколько надёжными помощниками детектива могут быть золотишки.

НЕУДАЧНАЯ МЕСТЬ

На старом прииске золотой Лены бок о бок жили два шахтёра. Белая мазанка одного и лиственничная изба другого стояли среди картофельных рядков, отступая от пыльной дороги, и сообщались с ней узкими тропинками, выбегавшими к калиткам. По этим тропинкам хозяева домов и их дети часто навещались к соседям.

Разные по характеру и привычкам главы семей не были друзьями, но, казалось, ничто не предвещало и отчуждения. Однако хозяин лиственничной избы без видимой причины стал чураться соседа. Он нехотя кивал при встрече, избегал разговоров, а на работе ронял неясные намёки на то, что не все его знакомые живут по средствам.

Наконец, не выдержал, по его словам, укоров совести, и заявил, что случайно, выйдя ночью покурить, видел, как сосед вынул свёрток из картофельной ботвы и спрятал под деревянной приступкой у порога. Что другое, кроме похищенного золота, надо было перепрятывать ночью?

При обыске в присутствии понятых из-под приступки вынули запачканный землёй и трухой увесистый маленький узелок из застиранного розового ситца в мелкий красный горошек. В узелке находилась пригоршня самородного золота.

Хозяин мазанки казался искренне поражённым и начисто отрицал свою вину. Он работал на добыче золотоносных песков в нижнем течении одной речушки и ни к каким другим разработкам доступа не имел. Отпуск проводил на юге, охотой не баловался, коровы не держал и в тайгу на покосы не ходил, а значит, не мог где-то в потаённых местах намыть золото.

Поэтому содержимое узелка передали на экспертизу минералогу.

Не составило труда установить, что золото из узелка и золото из россыпи, на которой работал подозреваемый, разительно не похоже.

Мелкое, неокатанное, неправильной формы, с участками поверхности, сохранившими яркий металлический блеск, лежало в розовой тряпочке золото, смешанное с мельчайшими чёрными зёрнами магнетита. Золотинки находились в сростании с молочно-белым кварцем, слагающим золоторудные жилы. В шлихе был обнаружен минерал галенит (свинцовый блеск), часто сопровождающий в этом районе золото в жилах.

Все эти признаки несомненно указывали на близость россыпи, из которой взято золото, к источникам её питания — разрушающимся кварцевым жилам.

Проба отдельных золотинок изменялась от 790 до 840. Такое золото нигде в районе и тем более на прииске не добывалось, но, по данным эксперта, было получено при разведке одного ключа в верховье большой золотоносной реки.

Предполагаемый владелец узелка работал на добыче другого золота. С его участком из россыпи извлекались крупные золотины, множество мелких, а нередко и крупных, весивших более килограмма, самородков. Золото было хорошо окатано, сглажено водным потоком, перемешавшим золотины по долине, и они приобрели форму плоских или треугольных галек. Поверхность золотин выглядела чуть шероховатой, матовой, лишённой блеска за счёт развития высокопробной коррозионной оболочки. В сростании с золотом иногда находился кварц, окрашенный в бурый цвет гидроксидами железа. Железистые плёнки и корочки обволакивали отдельные золотины плотными “рубашками”. В шлихе, отмытом из золотоносных песков, вместе с золотом оставались темно-коричневые кубики, образовавшиеся при окислении пирита (серного колчедана) — обычного минерала как золоторудных жил, так и вмещающих из пустых горных пород.

Проба золота варьировала от 870 до 940.

Получив заключение эксперта, следователь сразу же обратил внимание на то, что бдительный сосед работает на разведке того самого ключа, откуда добыто похищенное золото. И свидетель превратился в подозреваемого. Не потребовалось и пяти минут, чтобы найти в его доме остатки детского ситцевого платья, из которого был вырван лоскут для злополучного узелка...

Зачем же понадобилось ложно оговорить соседа, да еще похитив золото и рискуя свободой?

Причиной оказалось желание отомстить. В белой мазанке отпраздновали свадьбу сына и не пригласили на неё соседа. Слушая отзвуки чужого веселья, сосед мучился от зависти и мнимого унижения. Досада переросла в ненависть, а ненависть подтолкнула на месть.

А золотники в очередной раз помогли восстановить истину.

ПРЕСТУПНАЯ ЦЕПОЧКА

Предстоял допрос зубного врача, заключённого в следственный изолятор Бутырской тюрьмы. На очную ставку следователь пригласил эксперта, проводившего исследование вещественного доказательства, — самородного золота.

Зубной врач был арестован на многолюдной вечерней московской улице сразу же после того, как получил от немолодого солидного мужчины завернутую в газету бумажную капсулу с золотом и передал в обмен свёрток с деньгами. Мужчина заявил, что капсулу нашёл во дворе, предложил купить золото первому встречному человеку и никогда до этого золота в руках не держал. Той же версии придерживался и покупатель.

Он не знал, что оперативные работники совсем не случайно стали очевидцами сделки. Зубной врач не замечал, что за ним давно и пристально наблюдали. Когда квартира скромного выпускника медицинского института за короткое время стала напоминать склад антикварного магазина, набитый редкими,

дорогими, но случайными вещами, это не осталось незамеченным. Сантехник, обслуживавший большой кооперативный дом в центре столицы, первый вслух выразил удивление, что у начинающего стоматолога в квартире namного больше дорогих вещей, чем у соседей — известных учёных и артистов.

Неладное почувствовали и в поликлинике, где врач всеми правдами и неправдами добился работы на полставки, но подолгу задерживался у свободного зубо­врачебного кресла. Впрочем, так продолжалось только несколько месяцев. Предприимчивый молодой человек открыл домашний кабинет для избранных клиентов. В их кругу распространились слухи о том, что у нового специалиста можно вставить золотые зубы, не заботясь о покупке дисков.

И вот закономерный результат незаконного предпринимательства. Но как доказать, что зубной врач не довольствовался случайными покупками, а основал своё дело в расчёте на постоянное поступление золота?

При обыске в его квартире обнаружили тайник с золотом в выдолбленной ножке простого кухонного табурета, нелепо торчавшего среди гарнитурного велико­лепия. Когда табурет легонько толкнули, он не сдвинулся с места, но повернулся градусов на тридцать вокруг одной из ножек, как вокруг себя. Отвернув деревянное сидение, в ножке увидели глубокое отверстие, на дне которого в картонной трубке лежало самородное россыпное золото. Владелец квартиры утверждал, что оно также случайно куплено у неизвестного лица. Приметы, естественно, были забыты.

Ночью обыск произвели у родителей врача в Черкизове, в те времена — деревянной окраине Москвы с многочисленными частными домиками. В одном из них дверь на звонок отворили сразу, как будто ждали, да, впрочем, так оно и было: весть об аресте сына и обыске в его квартире дошла быстро.

На пороге стояла полная пожилая женщина, кутающаяся в широкий халат. Она не могла унять невольной дрожи и всё время, пока длился обыск, сидела посреди комнаты и тихо, как будто для себя, бормотала: “Я ничего не знаю. Я ничего незаконного не делала. Мальчика подбили товарищи. Он никогда нас не огорчал”. Ей поверили, но всё-таки попросили поня­тую про­извести личный досмотр. Оказалось, что, кутаясь в халат, “потрясённая мать” прижимала рукой к телу мешочек с драгоценным металлом.

Как и следовало ожидать, появление и этого золота подследственный объяснил очередной случайной покупкой у незнакомца.

Все три порции золота были переданы эксперту-минералогу. Прежде всего, следовало установить, где добыто золото из каждой упаковки. Оказалось, что всё самородное золото получено из россыпи одного и того же золотоносного района и даже одного и того же прииска. Однако совершенно очевидным стало и то, что разные порции самородного металла извлечены из различных участков. Золото, изъятые из тайника и спрятанное матерью, отличалось более широкими вариациями пробы отдельных золотин, характером преобразований поверхности, особенностями внутреннего строения выделений от золота, находившегося в бумажной капсуле. В то же время первые две порции золота имели признаки, позволявшие утверждать, что одна часть золота добыта в шахте, расположенной выше по течению основной золотоносной реки, а вторая взята с промывочного прибора гидравлики, расположенной ниже по долине.

Интересно, что россыпь, из которой золото попало в бумажную капсулу, только недавно стала отрабатываться. Следовательно, она позднее могла быть вовлечена в орбиту действия похитителей.

Очная ставка не дала результатов. Не глядя в глаза эксперту, подследственный продолжал утверждать своё.

Однако результаты кропотливых исследований со всей очевидностью обнаружили, что хищение золота на прииске не могло производиться одним лицом. Вероятно, орудовала группа, члены которой работали на разных участках, или имелся сквущик золота, украденного вовлечёнными в преступление людьми. И действительно, дальнейшее расследование, проведённое с учётом данных экспертного заключения, выявило преступную цепочку

и ликвидировало её. На прииске были приняты меры, сделавшие невозможными дальнейшие хищения золота с шахт и гидравлик.

УТАЁННЫЙ САМОРОДОК

До этого вечера он был человеком с чистой совестью. Спокойно спал, с удовольствием шёл на работу, искренне считал ребят из своей бригады друзьями, а об отпуске вспоминал в предвкушении южного солнца и свидания с родителями.

Всё изменилось в ту минуту, когда, подталкивая своим бульдозером к промывочному прибору золотоносные пески, он не столько услышал, сколько почувствовал незнакомый скрежещущий звук — так не скребёт лезвие, сталкиваясь с валуном. В новом звуке смешивался скрежет от ударов по камню и по мягкому металлу. Парень спрыгнул с подножки, нагнулся и почувствовал, как перехватило дыхание, — на кромке бульдозерного ножа, наполовину утопая в рыхлых песках, лежал самородок, показавшийся гигантским. Это потом установят, что половину объёма самородка занимает пустая порода из жилы — кварц, и золото цементирует его, проникая по густой сети трещинок.

А тогда низкое солнце отражалось от золотых прожилок, и казалось, что весь камень горит тусклым золотым огнём. Первый порыв — крикнуть ребятам о небывалой удаче. Перевыполнение плана бригадой, неожиданно большая сумма, которая придётся на долю каждого, потому что за уникальные самородки, поступающие в Государственное хранилище, платят значительно больше, чем за рядовое россыпное золото, радость товарищей — всё было готово вышлеснуться в этом возгласе. Но бульдозерист сдержался. Видно, что-то помешало ему общую радость ценить больше, чем свою тайную удачу. Сколько самородков найдено в этих краях, и все они сдавались государству от лица бригады. На этот раз победила корысть.

Тайком парень спрятал самородок в кусты; позднее сумел перепрятать его ближе к посёлку. Покой и безмятежность покинули душу молодого бульдозериста. Какая там рыбалка, если надо приглядывать за ребяташками, собирающими жимолость! Зачем идти в кино, если в голове прокручиваются варианты вывоза и продажи золота?

Наконец, ещё до конца промывочного сезона, ссылаясь на вечную болезнь горняков — радикулит, удалось оформить отпуск. Самородок вынут, отмыт от земли и упакован в спортивный, модный в те времена чемоданчик, который можно пронести в салон самолёта.

Воздушные террористы тогда были известны только из зарубежной хроники, вещи пассажиров не подвергались досмотру. В аэропорту здоровый парень, непринуждённо неся в одной руке большой чемодан, а в другой — чемоданчик, подошёл регистрировать багаж. Девушка за стойкой мельком глянула на шкалу весов, приготовила ярлык и, подняв глаза, увидела чемоданчик.

— Поставьте, пожалуйста, на весы и ручную кладь! — обратилась она к пассажиру. Тот не спорил. Оба чемодана вместе не превысили допустимого веса, и доплата не понадобилась. Регистратор протянула ярлык с надписью “В кабину” для чемоданчика, поставила большой чемодан на багажную тележку и занялась следующим пассажиром. Но как только успокоенный бульдозерист скрылся из вида, она, извинившись, прервала регистрацию и заглянула в комнату милиции. Оказалось, девушку удивило, что вес багажа внезапно утроился, когда на весы влез за большим чемоданом водрузили маленький.

Сообщение о необычном багаже пришло в Москву, намного опередив самолёт. У трапа отпускника встретили любезные товарищи в штатском. Вместо родной Рязани и тёплого юга он задержался в центре столицы.

“Нет, — заявил бульдозерист, — никогда я не похищал и не утаивал добытое золото. Самородок нашёл далеко от прииска, когда рыбачил на реке, ещё не затронутой разработками”. Знал, что нарушает закон, но ведь не

сдать на месте государству принадлежащую ему находку меньшее преступление, чем украсть. Да и вообще, хотел сдать золото в Москве в Госбанк.

Как всегда, следователь вынес постановление о назначении экспертизы самородного золота. Эксперты, всесторонне исследовав самородок, стали скрупулёзно проверять, каково его происхождение. Как бы ни было очевидно, откуда взято золото, необходимо проверить все возможные варианты. Кто знает, может быть, по преступной цепочке самородок поступил из соседнего района или даже из другой золотоносной провинции? Но нет, провинция оказалось той же самой, откуда прилетел бульдозерист. И район, и россыпь тоже те, где он работал. А там, куда он якобы ходил на рыбалку, золото, известное по разведочным выработкам, оказалось другим. Достаточно сказать, что в одном случае проба золотинок составляла 740–780, а в другом — 920–940. Иным оказался и весь комплекс признаков золота.

На самородке обнаружили грубый свежий шрам, который мог оставить только мощный механизм. Характер повреждений исключал возможность нанесения их лопатой или кайлом. На этот раз не золотинок, а крупный самородок помог сделать тайное явным.

ФАЛЬШИВЫЕ САМОРОДКИ

Как правило, уральца или сибиряка поддельным золотом не приманишь. Он, если и не видел природных золотинок, то хорошо представляет по рассказам бывалых людей, как они выглядят, чем отличаются от всякого другого металла. А вот приезжий люд, да особенно из погнавшихся не за романтикой, а за большим заработком, иногда и свернёт с прямого пути. Покажется, что зимы длинные, надбавки к зарплате даются реже, чем хотелось бы, и работать надо не за страх, а за совесть.

К таким разочарованным в надеждах на скорое обогащение и втираются в доверие умельцы, изготавливающие фальшивые самородки.

Конечно, любой кассир в золотоприёмной кассе, взвесив на ладони самодельный “самородок”, сразу же определит подделку, даже самую искусную. Но для новичка тяжёлый сплав, имеющий форму природного самородка, с пятнами окислов железа на поверхности, испачканный точно такой же глиной, какую можно видеть в отвалах перемытых золотоносных пород, представляется самым настоящим и притягательным.

После длительного торга сделка совершается. Дальше события развиваются по-разному. Обычно через некоторое время счастливый обладатель самородка какими-то путями узнаёт, что его могли обмануть. После долгих колебаний он показывает своё приобретение геологам как случайную находку и просит определить, что это такое. Геологи любезно демонстрируют, как “золото” с шипением растворяется в азотной кислоте, чего благородный этот металл делать никак не должен.

Некоторые из купивших самодельные самородки задёшево считают наиболее безопасным и достаточно выгодным сдать их государству. Доход будет не так велик, но зато не надо вновь нарушать закон, храня и продавая самородное золото. Финал оказывается точно таким, как и в первом варианте.

Наконец, третьи приступают к перепродаже “самородка” здесь же в золотоносном районе или где-нибудь много западнее и на этом попадают. Единственным утешением для них служит предъявляемая статья закона: отвечать придётся не за незаконные валютные операции, а за мошенничество...

“ЦЫГАНСКОЕ ЗОЛОТО”

Очень далеко от всех золотоносных районов на шумных южных базарах время от времени появляются хорошо всем знакомые недипломированные, но высококвалифицированные психологи — неоседлые цыгане. Цыганки иногда не ограничиваются гаданием, а, выбрав подходящего клиента, предлагают купить “цыганское наследственное золото”, вывезенное табором

десятки лет тому назад из Сибири и хранившееся у стариков. Переходя на оседлый образ жизни, табор поделил золото между всеми семьями, и вот они продают его, собирая деньги на дом и машину.

Перед глазами любопытных сверкают тяжёлые жёлтые кубики, испускающие яркий металлический блеск. Настойчивость продавца и алчность правильно намеченного возможного покупателя помогают завершению сделки. Чем кончаются эти истории, представить нетрудно. Кубические кристаллы на проверку оказываются пиритом, состоящим из серы и железа. При попытке расплавить “золото” сера улетучивается и остаётся огарок, лишённый золотого цвета и блеска.

Если момент купли-продажи наблюдают те, кому положено бороться с мошенничеством и спекуляциями, “цыганское золото” оказывается у эксперта.

Не потому, что оперативные работники и следователи не умеют отличить пирит от золота. Они-то как раз знают, что пирит в некоторых золотоносных районах содержит золото. Пусть общая его масса в целом мешке пирита невелика, но продажа золотоносного материала — преступление более тяжёлое, чем простое мошенничество.

Но, насколько мне известно, “цыганское золото” ещё никогда не содержало настоящего золота — ведь в действительности никто не привозил пирит с далёких золотых приисков. Его собирали поблизости; например, при рытье колодцев попадаются горизонты сероводородного заражения с обильной вкраплённостью в илистой породе серного колчедана.

Жаждающие богатства не приобретают даже символических количеств драгоценного металла.

АЛЕКСАНДР КРИВОРУЧЕНКО

ПИЛОТАМ

Посвящается М. Ловцову

Слезятся окна, грустью истекая,
Восьмые сутки дождь тоскливый льёт.
По-холостяцки время коротая,
Твой экипаж читает, спит и пьёт.

От лени и безделья обалдели
Послушные ребята-технари.
Эх, если б эти полторы недели
Да в городе прошли, чёрт побери!

А здесь посёлок на краю России,
В лесной долине между грозных гор,
Как будто вымер в водяной стихии —
И не на ком остановить свой взор.

Лишь на поляне, словно сиротина,
Обвиснул лопастями вертолёт.
От удивленья местная скотина,
Не доходя, посмотрит и вздохнёт.

А где-то семьи в вечном ожиданье,
Печальной тревогой смятены,
Детишки — эти милые созданья —
И ангел нежный в облике жены.

Блажен, кто за штурвалом “Ту” иль “АНта”
По регулярным трассам городов
На крыльях современного атланта
Туда, обратно и — в семейный кров.

Но где за жизнь свою не побывает
Из малой авиации пилот!
То он поля фосфатом удобряет,
То вдруг в гольцы геологов везёт.

Спасает потерпевших, заболевших
Или летит тушить пожар лесной,
Взрывать заторы половодий вешних,
Рискуя и машиной, и собой.

А нам бы, Миша, жить с тобой потише,
Да вот натура-дура не даёт!
Стекают капли потихоньку с крыши —
Твой экипаж заводит вертолёт.

г. Улан-Удэ

СЕРГЕЙ ЛЕСНОВ

ОКОНЧАНИЕ СЕЗОНА

Снегом покрыт полигон,
Свищет пурга по отвалам.
Вроде намыли немало.
Вот и медвежьи следы
У мониторки и пушки.
Лучше уйти от беды.
Это уже не игрушки.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ВЫПУСКА

Давным-давно, февральскою порой
Вручили нам заветные дипломы!
Нас разбросало по стране большой,
Где каждый угол нам казался домом!

Нам Благовещенск дорог навсегда,
Здесь все мы провели четыре года.
Запомнилась амурская вода
И зимняя бесснежная погода.

Эх, где вы, наши юные года?
Как быстро эти ветры пролетели!
Какие были дни и вечера,
Когда Высоцкого мы под гитару пели!

Лутошкин, Благовидов, Кузнецов...
Какие были наши педагоги!
Творцы геологических основ,
Для нас, студентов, это были боги!

Но вскоре раскидала нас судьба
От зябкого Приморья до Кавказа.
Мы подались на вольные хлеба,
А после не увиделись ни разу...

Пусть на пути то ясно, то туман,
Но нас судьба всегда ведёт упрямо.
Давно в живых нет Зиночки Веткан,
В сырой земле зарыт Серёга Рямов...

А было двадцать семь нас, молодых,
Готовых всё пройти назло природе.
Прошло полвека, сколько нас в живых
Осталось стариковствовать в народе?!

Да, ничего не скажешь, — это жизнь.
Не будем больше говорить о грустном.
Будем растить картошку и капусту
И лозунг помнить наш — “Мой друг, держись!”

г. Хабаровск

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Не гляди с укором, что я весел,
Не ревнуй, пожалуйста, к тайге —
Перезвоном птичьим в поднебесье,
Колоколом май гудит во мне!

Рвётся горизонт от этих песен,
Беспокойно вдаль зовут они...
Под весенним небом город тесен —
В час прощанья ты уж не вини.

...Отжурчала в песнях глухариных
По распадкам вешняя вода,
Где в глухих таинственных долинах
Ждёт давно геолога руда.

В искренность вокзальную не верю,
Потому не надо провожать...
Осень прозвонит по лужам трелью,
Встретимся... Покуда будешь ждать!

КИЛОМЕТРЫ

Километры, как вехи признания, —
 бастионы, века, рубежи.
Километры сомнений, раскаяния,
 километры, как злые ежи...
Под звездой, в небесах замороженной,
 задушевные песни споём.
По тропинке, медведем проложенной,
 по последнему снегу уйдём.

Километры сюжетов нечаянных,
 новой встречи и новой любви.
Километры решений отчаянных,
 когда ноги и души в крови...

Километры по рекам порожистым,
 километры по горным снегам.
Строят лешие хитрые рожицы,
 и русалки поют по ночам.
По-гусиному вёснами окая,
 пролетают всё чаще года...
Улыбается небо высокое,
 и сверкает на солнце руда!

ВИТАЛИЙ ПЯТНИЦКИЙ

* * *

И вот опять весна... И снова мы в дороге,
И снова Млечный Путь у нас над головой,
И тяжесть рюкзака, и бурных рек пороги —
И снова в поле мы, в маршруте мы с тобой.

Нам в жизни повезло, нам довелось встречаться
С рассветом, с тишиной, с туманом у реки...
“Борьтесь и искать, найти и не сдаваться!” —
Запомни навсегда, как клятву, береги.
А впереди — опять крутые перевалы,
Лиловый цвет багульника разлился над тайгой...
И нет конца пути, и трудностей — навалом,
А мы идём вперёд, маршрут у нас такой!

* * *

Прогреты моторы, прогреты моторы,
Водитель, маршрут не забудь...
Закончены сборы, кончай разговоры,
Пора уже трогаться в путь!

Закат в Уренгое, рассвет над Пай-Хоем —
Тайга, всё тайга впереди...
Мы золото моем, мы золото моем,
Нельзя нам с маршрута сойти.

Болота и тундра — не жизнь, а полундра...
Добра от добра — не найдёшь!
Всё в мире подлунном устроено мудро —
Ты к финишу всё же придёшь!

Рюкзак за плечами, долой все печали —
Геолог, ты завтра иди!
И каждое утро — как жизнь, что вначале,
Всё дальше и всё впереди!

г. Москва

ЮРИЙ УСЕНКО

Геодезистам

Бьют капли дробные и сильные
По одеялу из коры,
И — безотказные будильники —
Уже трезвонят комары.
А там крутые ждут высоты,
Сапог на осыпи скользит,
И тяжелее пулемёта
Тренога и теодолит...
Друзья, которых я не встретил!
Я знаю, на краю земли
Через зелёные планшеты

Меня их просеки вели.
 Я поднимался на вершины —
 Меня встречали репера,
 Я находил на дне долины
 Следы их старого костра,
 И в дебрях, где темно и росно,
 Где солнце, как свиный глаз,
 По заплывающим затёсам
 Тропу распуtywал не раз...
 Когда-нибудь таёжным вечером
 У одинокого огня
 Я поклонюсь друзьям невстреченным,
 Идущим впереди меня!

г. Москва

ПЁТР РЫКУНОВ

Ко Дню геолога

Воскресенье, первое апреля...
 Для мильёнов граждан — ерунда,
 Лишь для нас спрессованы недели
 В долгие полярные года.
 Жалко, очень жалко, разбежались...
 Только в этом нашей нет вины,
 Просто гадам рычаги достались
 Управлять богатствами страны.
 Что ж сказать, мы честно выполняли
 Долг в пустынях, в тундре и в горах,
 Просто мы однажды присягали
 В наших, ветром стуженных войсках.
 Клятва есть не только Гиппократа,
 У геологов другая клятва есть —
 Не заменит ни одна зарплата
 Дело, Совесть, Родину и Честь.

г. Москва

ВЛАДИМИР ГАБЫШЕВ

ДРУГУ-ГЕОЛОГУ

Почему мне опять
 Не сидится в квартире уютной?
 Отчего по ночам,
 Когда ветер свистит за окном,
 Вдруг припомнится вновь
 Этот паводок бешено-мутный,
 Стон и грохот скалы
 Под летящим по дну валуном?

Там, за ближним порогом
 Рубли на пятак не меняют...

Сколько выловишь рыб,
Ровно столько с друзьями и съешь.
Здесь продукты всегда
Безоглядно, стремительно тают,
И печально блестит
Над волнами приятеля плешь.

Этой бешеной гонки
Не выдержать слабому духом.
Где вели мы маршрут,
Там стальные летят поезда.
Тем, кто путь завершил,
Пусть земля будет облачным пухом.
Нас же снова зовёт
Альтаир — голубая звезда.

ЗВУКИ И ЗАПАХИ

Тревожный бубнов гул
в долине Туймады
сменил торжественный аккорд
церквей колоколов,
А звон печальный
арестантских кандалов —
Трезвон бубенчиков.
Над глубиной воды
Стоит Якутск, торцовых мостовых
сосновый запах,
Морёных лиственниц узор,
заплетов в дырочках напасть —
Всё в прошлом,
конь стальной
на рельсах-самокатах
Спешит, чтоб, сквозь
ажурный мост влетев,
к стопам твоим припасть.

г. Якутск

АНДРЕЙ ШИМАНОВ

НЕСМЕЯНА

Снега атака на северный город,
Снегом забиты карманы и ворот,
И, улыбаясь, глядит Несмеяна,
Словно невеста в объятьях бурана.

Стихнут порывы, прилягут снежинки,
Переплетутся, как судьбы, тропинки,
И на морозе становится паром
Слово "люблю", говоримое с жаром.

г. Магадан

ЮРИЙ ПОТАПОВ

БАЛЯ

РАССКАЗ

Этих мест, куда я забрался, пожалуй, не знает и сам дьявол.

Н. Пржевальский

Эх, Казыр, Казыр, злая непутёвая река! Мало людей прошло по твоим берегам от истоков до устья, и ни один человек ещё не пробился через все твои шиверы и пороги. О чём бормочет твоя говорливая вода? Что ты рассказываешь, Казыр, — единственный свидетель и недобрый участник трагедии, о которой уже много лет помнят тысячи сибиряков?..

В. Чивилихин
“Серебряные рельсы”

В октябре 1942 года в бассейне Казыра вела изыскания под железную дорогу Абакан—Тайшет группа изыскателей. Руководитель — Александр Кошурников, молодые специалисты — Алексей Журавлёв и Константин Стофато. Все они погибли. Дневники Кошурникова были найдены только спустя два года; по ним Владимир Чивилихин и воссоздал эту трагедию, назвав её “Серебряные рельсы”. На железной дороге есть станция Кошурниково и два разъезда — Журавлёво и Стофато.

ПОТАПОВ Юрий Иванович родился в Ленинграде в 1937 году. Окончил МГРИ в 1959 году. Автор “Государственные географические карты”. Публиковался в “Известиях Академии наук СССР” и в книге “Геологи шутят”. Пенсионер. Живёт в Москве.

Казыр и Кизир — реки-братья, родились они в самом сердце Западных Саян. Разъединяет их хребет Крыжина. В верховьях этих рек в 1973—1974 годах экспедиция 15-го района вела специальную инженерно-геологическую съёмку масштаба 1:500 000. Начальником экспедиции был я.

Именно здесь, в верховьях Кизира, едва не произошла такая же трагедия, только тридцать два года спустя. Три маршрутных группы в самом начале сентября были заброшены вертолётom в эти места — Власов, Щербина и Валя Штенгелова. У Власова и Щербины рабочие — опытные таёжники, знали и тайгу, и эти места, с такими не пропадёшь. У Вали рабочий — студент Новочеркасского института, осетин, попал в горную тайгу впервые.

Начальник партии (фамилию его называть не буду, чтоб не бросать тень на других носителей этой хорошей фамилии, но прозвище у него имелось — Битюг) дал Вале задание: отработать ключевым методом участок в самых верховьях Кизира. Маршруты однодневные, петлевые. Работа знакомая, дней на пять-шесть. Продуктов на двадцать дней, рации нет, ружьё 16-го калибра и десять патронов с мелкой дробью. Вертолёт с начальником улетел. Всегда грустно, когда провожаешь взглядом улетающий вертолёт, пока он не растает в дальних облаках.

Обустроились. Поставили две палатки, начали работать. Всю работу за первую неделю сентября выполнили. Студент за это время извёл шесть патронов по каким-то мелким птицам и был очень доволен, что работает в тайге и умеет стрелять. Валя только улыбалась, глядя, как он заготавливает дрова для костра. Топором он владел плохо. Однажды конец сучка, который он безуспешно рубил, сыграл ему по лбу, да так динамично, что с тех пор Валя заготавливала дрова сама.

Битюг обещал вывезти их не позднее 10 сентября. Началось ожидание. Томительное, тягучее, тревожное. Я сам неоднократно подолгу ждал вертолётa: и пять, и десять, и однажды тридцать дней после контрольного срока. Сразу приходят мысли, что началась война (связи, естественно, не было), и все вертолётy мобилизованы.

Идти или ждать? Мучительный вопрос. Ещё более мучительно — ожидание. Если идти, то от Кизира до ближайшего жилья 250 километров. Тайга непроходимая. Бурелом, “непропуски” по берегам реки — не пройти. Всё это Валя знала. С 15 сентября начали экономить продукты. Контрольный срок — 20 сентября. После — это уже ЧП. Надо сообщить в Экспедицию, в объединение. Поднимать поисковые группы, искать.

Ничего этого Битюг не сделал. Ограничивался только радиogramмами в Кызыльский авиаотряд: “Пришлите вертолёт!” Ни слова, что в опасности шесть человек, в том числе женщина. В Кызыле реагировали слабо — чужая территория абаканского авиаотряда, у самих тайга горит, самим вертолётy нужны, просьбы неубедительные... В общем, глухо. Битюг запил. Он и раньше был подвержен этому, а став начальником партии, и вовсе поддался... Начальник партии — хозяин! Что хочу, то и ворочу. Сотрудников успокоил — вертолёт будет, но вывезут в Кызыл. Наврал. Все и успокоились. Продолжал пить. А время шло.

Валя решила — надо идти. Надежда слабая, но что-то делать надо. Хуже всего бездействие. Студент раскис:

— Я не хочу умирать, я ещё мальчик, не мужчина, я хочу жить!

Такое скуление не вдохновляет. Рациональное решение — ждать до последнего вздоха. Найдут, спасут — иначе не может быть! Но рациональные решения приходят в тиши кабинетов и к другим людям, или приходят к тебе, но уже тогда, когда изменить ничего нельзя.

Решились. 22 сентября собрались. Оставили одну палатку. В ней — часть снаряжения, образцы. В банке из-под консервов — письмо. Об этом — позже. Пошли. В неизвестность. Аэрофотоснимки — только по край планшета. А дальше Кизир шёл по территории сопредельного листа.

В Белоярск на базу экспедиции 15-го района к 25 сентября съехались начальники партий — сдача квартального отчёта. Конечно, попили изрядно, погуляли, перемысли кости руководству. Сам это делал, будучи начальником партии.

Сижу в кабинете. Заходят начальники партий, рассказывают о результатах, о завершении полевого сезона — есть что рассказать. Потом идут по отделам — сдавать плановую и бухгалтерскую отчётность. Вроде все прошли.

Где Битюг? Что-то его не видно. Как-то скромно отвечают:

— Да прилетел неделю назад. Пьёт, однако, не просыхает. Скоро чертей будет гонять. — Это симптоматично — “белочка” на подходе. Послал за ним.

Через полтора часа явление: трясущиеся руки, мешки под глазами, красными, как у кролика, нетвёрдая походка, полубесмысленный взгляд.

— Я заболел!

— Да знаю — уже неделю болеешь! Надо выздоравливать!

Голова поникла, глаза в пол.

— Ну ладно, рассказывай! Все группы вывез из тайги?

— Нет!

— Кто в тайге?

— Власов, Щербина, Штенгелова.

Показывает на карте — где. Нетвёрдой рукой обвёл на карте участки радиусом по пятьдесят километров. Да, ничего не скажешь!

— Когда забросил?

— Второго сентября.

— На сколько дней?

— На десять.

— Связь есть?

— Нет!

— Контрольный срок?

— Двадцатое сентября.

— Продукты?

— На пятнадцать дней!

Ну, всё, думаю, Потапов! Кончилась твоя карьера, погибнут шесть человек, одна женщина — таких случаев в геологии не бывало, сколько помню. В лучшем случае получу условный срок. Но не это главное! Било в мозг — шесть человек! У всех семьи, дети! Страшно подумать. Решение созрело быстро. Оставляю дела главному инженеру. Через час выезжаю в Барнаул в аэропорт.

Через три часа спецрейсом Ан-2 мы вылетели в Абакан. Еду в обком партии. Дежурный по обкому сразу всё понял. Звонок начальнику Абаканского объединённого авиаотряда — окажите содействие! Мне:

— Поезжайте в аэропорт, он прибудет туда через полчаса. Решайте на месте!

Зря ругают нынче КПСС и Советскую власть. В наше время в этой ситуации ничего бы так не завертелось! Командир Абаканского АО Трофимов сразу понял обстановку.

— Кто забрасывал?

— Кызыльский отряд.

— Почему они не вывезли?

Битюг что-то маловразумительное бормочет. Трофимов поглядел на него, понимающе усмехнулся.

— Надо уточнить — куда забрасывали группы — район не наш, Кызыльский, — мы там мало летали.

Связались с Кызылом, выяснилось: пилот, который забрасывал группы, в отпуске, находится в санатории в Сочи. Обещали с ним связаться, уточнить места высадки. Трофимов:

— Оформляйте санздание на Ми-1, летите в Каратуз, на базу партии, а я здесь пока разберусь.

Ночь в обкомовской гостинице в одном номере с Битюгом. Он мне физически противен. Утром следующего дня вылетели. Пилот Альберт Журавлёв, совсем небольшого роста, ведёт машину очень профессионально. В Каратузе разъясняет ему задачу, хмурится:

— Штенгелова очень далеко, заправки не хватит. Надо вызывать Ми-4, организовывать дозаправку по пути.

Это ещё время. А его уже давно нет. Связываюсь с Трофимовым — обещает Ми-4 с горючим в понедельник 5 октября. Из Кызыла пришла радиogramма, пилота в Сочи нашли — уточнил, где высадил группы. От Каратуза ближе всех Щербина и Власов. Валя в самом углу листа, почти четырёхста километров. Вылетаем в два часа. Альберт:

— Ты следи по карте, где идём, я здесь не летал, а я по курсу буду держать на Казыр, на Щербину.

Вертолёт в горах слышно далеко. Виктор развёл дым, я сразу его заметил. Снижаемся, садимся на косу. Здесь полный порядок — живы, здоровы, два мешка хариуса, половина козы. Уже легче — двое живы. Грузимся — назад в Каратуз.

На следующий день летим к Власову — это уже Тува. На обозначенной из Сочи площадке людей нет. Делаем два круга, на краю поляны замечаю зимовье, садимся, двигатель не глушим. В зимовье висят куски вяленого мяса, в углу медвежья шкура. Охотники-промысловики здесь обосновались. На столе записка: “Друзья! Взяли у вас немного мяса, пошли вниз по течению, попытаемся выходить на Тунку. Власов, 2 октября”.

Это почти двести километров. Решаю — за два дня далеко они не ушли. Летим вниз по течению. Через тридцать километров на косе видим дым. Власов — умница, услышал вертолёт, сразу вышел на косу — развёл дым. Садимся, грузимся — назад в Каратуз. Ещё легче — уже четверо в порядке. Осталась одна Валя. Что с ней?

Из Абакана пришёл Ми-4 с горючим. Двумя вертолётами идём по долине Кизира на восток. Через двести пятьдесят километров выбираем площадку, садимся, выкатываем шесть столитровых бочек с бензином. Назад в Каратуз. К вечеру Ми-4 уходит в Абакан.

Долина Кизира. Страшное место. Первозданная стихия камня. Сюда, к этому намертво запутанному “горовороту”, тянется с запада хребет Крыжина, разделяющий истоки Казыра и Кизира.

Нет конца этому царству скал, отвесных стен, бурлящей воды среди диких утёсов выразительных и странных форм. В долине, когда скалы отступают от бурлящего потока, — непролазная, чёрная тайга. Сплошь завалы. Обомшелые гниющие стволы, волглые упругие сучья, трухлявые пни — выматывают силы. Идти по таким завалам и трудно, и опасно. Того и гляди торчащий сук выткнет глаз или сломает ребро, либо предательская колодина вывихнет ногу. Иногда двигаешься на высоте двух метров от земли, перелезая с одного ствола на другой. В тайге сумрачно и сыро. До земли свисают с веток пряди седого лишайника, гниют внизу останки проживших не одну сотню лет лесных великанов. И две маленькие человеческие фигурки, согнутые рюкзаками, медленно и упрямо двигаются вперёд. Только вперёд. Там жизнь. Там люди, там спасение. Нас будут искать, нас найдут!

Шли уже десятый день. Ослабли, оборвались. Продуктов почти нет. Студент ещё несколько раз стрелял — безрезультатно. Ружьё пришлось бросить — лишняя тяжесть. Пытались ловить рыбу, но там то ли места были неуловистые, то ли подсекать не умели, время потеряли, шли дальше. Надежды было всё меньше. Хрупкая, тоненькая женщина и длинный худой студент молча продирались сквозь дебри — вперёд! Только вперёд! Там надежда, там жизнь! Студент совсем деморализован. По ночам стал бредить:

— Шашлык из молодого барашка! Ты не знаешь, а я знаю, я знаю, я знаю...

К счастью, дождей не было — это дополнительная надежда на вертолёт.

По ночам сильно мёрзли — ватные спальные мешки оставили на подбазе — тяжёлые, укрывались тентом, ворочались у костра, прожигая и без того дырявые энцефалитки. Надежда таяла с каждым часом.

Вечером студент сказал:

— Никуда завтра не пойду, здесь умирать буду. Напишешь отцу в Осетию, в Ардон, что я умер, как мужчина. Если дойдёшь, если дойдёшь!..

Утро. Иней, холодно. Валя растолкала студента:

— Надо идти!

— Не пойду, здесь умирать буду!

— Заладил! Пойдешь!

Тормошила, два раза хлестнула по щеке.

— Ты не мужчина! Идём!

Встал, шёл, как сомнамбула, шатался и спотыкался. Солнце встало, исчез иней. На третий час похода тайга расступилась — поляна, у опушки — зимовье, из трубы идёт дым. Бегут две собаки, лают. Кусать не стали — не сторожевые, охотничьи лайки, к людям спокойно относятся. Бросились к избушке. На порог вышел мужчина. Протянул руку:

— Николай.

Что можно сказать — удача, счастье, жизнь! Николая — промысловика-собольтника — забросили сюда вертолётom на зимний промысел 30 сентября. Спаслись!

Альберт заводит двигатель, взлетает, делает круг над селом, берёт курс на восток. В кабине только пилот, на заднем сиденье — столитровая бочка с бензином и длинный шланг. Удачи, Альберт! Удачи тебе, Валя!

Рассказывает Альберт Журавлёв — пилот Ми-1:

— Из Каратуза иду на восток, высота три тысячи метров, рулю по курсу, на вершину, куда вчера забросили горючее. Встречный ветер, поэтому девяносто километров, не больше, делаю. Долетел, сел, двигатель не глушу. Перелил бензин из бочки в гондолу, бочку выкинул. Лечу на лагерь. Места незнакомые. Здесь кызыльские летают. Хорошо, пилот из Сочи уточнил место выброски. Подлетаю, сильный встречный ветер, но ничего, обратно помогать будет. На поляне людей нет, делаю пять кругов, наконец, замечаю палатку. Брезент выгорел, среди осенней жухлой травы почти незаметен. Сажусь подальше, двигатель не глушу. В палатке мешок с образцами, спальники, на одном банка, в ней записка. Читаю: “Ушли 22 сентября, продуктов мало, патронов тоже. Пойдём вниз по Кизиру. Ждать больше не могли. Ищите нас, ищите. Я хочу жить, я сделаю всё, чтобы спастись! Ищите нас, ищите! Валя”. Пошёл вниз по Кизиру, но не по прямой, а кругами. Без наблюдателя плохо, машину держать надо — ветер в спину, да и во все стороны и вниз смотреть. Нет хуже — людей в тайге искать. Так, постоянно кружась, иду, отошёл вниз километров на пятьдесят. Смотрю — зимовье. Люди бегут — сел. Они. Обнимают, целуют. Охотник полмешка хариуса притащил, козлиную шкуру. “Куда?” — говорю. “Ноги дома будешь греть”. Взял — спасибо. Погрузились, взлетели. Лётный день осенью короткий, только до захода солнца — до Каратуза не долететь, хоть и ветер помогает. Садимся на горе, где горючее. Темнеет. Сказал ребятам, чтоб ставили палатку, сам в кабине. Глушить не буду. Если сравнить воздух при неудачных запусках, уже без внешней помощи не заведёшь. Надо Ми-4 вызывать с компрессором, а это лишняя история, объяснения, почему не на базе ночевал. Начальству придраться к рядовому пилоту — раз плюнуть. Всю ночь гонял двигатель на холостых. С рассветом ребята помогли залиться под завязку — пошли на Каратуз. Вот и все дела.

Вчера вертолёт не прилетел. Связи тоже не было. Всю ночь не спал. Курил, хотя и не курю. Нервы на пределе. Битюг пьёт, два раза приходил пьяный, что-то бубнил, выгнал его — противен!

В 10 утра слышим — летит! Вся партия кинулась на посадочную площадку. Вертолёт сделал круг над селом, в просвете кабины, кроме пилота, видны люди. Неужели спасены? Садится. И ужас!! С горки, прямо под винты бежит Битюг, сияя пьяной рожей. Я закрыл глаза. Знаю, видел однажды. Сейчас лопасть ударит по башке, кровь, мозги разлетятся на десять метров, не соберёшь. Лопасть ударила по волосам, Битюг упал, сбил слюну от страха, на карачках пополз в обратную сторону. Все обнимаемся, целуемся, кричим от радости. Альберта качаем на руках. Весь день пьём. Женщины, когда читали Валину записку, — рыдали.

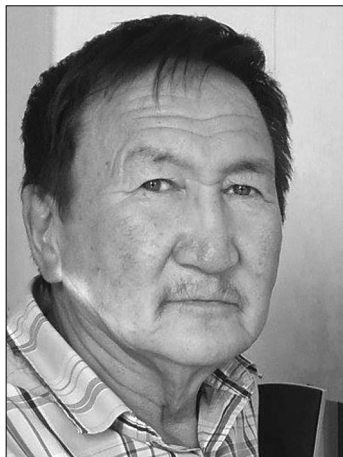
На следующий день я улетел в Абакан, а оттуда в Барнаул. Нервное напряжение было такое, что я работать не мог, а пил водку с Юрием Климовым. Он работал на соседнем листе, верховья Кизира тоже на его территории. Рассказал, что в июле забросился вертолётom в те места. Спускался по Кизиру на резиновой лодке. Жуткие места. Сплошные перекаты, пороги. Проплы-

вали они и охотничью избушку, на которую вышла Валя. Там тогда никого не было. Ниже, через десять километров ущелья, отвесные скалы, шиверы и пороги со стоячими волнами. Тянется всё это на пятнадцать километров. Место это называется Баня. Обойти нельзя — сплошные скалы. Так что Вале повезло с избушкой. Ниже им не пройти было.

Битюга я освободил от должности начальника партии, вскоре он вообще уволился. Больше я его не видел. Говорили, что он умер. Вот и вся печальная история со счастливым концом.

Какая же была у Вали душевная сила, какая надежда, какая мужественность, какое стремление к жизни, чтобы выдержать всё это! А она выдержала, прошла все эти дебри, вытащила себя и студента из верной гибели. Спасибо тебе, Валя! Живи и здравствуй! А я тебя всегда буду помнить.

ВАСИЛИЙ ЧЕМЕЗОВ

В ЖИЗНИ ГЕОЛОГА ВСЯКОЕ СЛУЧАЕТСЯ

ДВА РАССКАЗА

НОВЫЙ ГОД НА ГУВИЛГРЕ

В декабре, за два месяца до начала зимника, в партии неотвратимо кончился запас дизтоплива. Уже были облажены и осмотрены все ёмкости на старательских полигонах, съездили на дальний участок Кудулах — везде было пусто.

Я, давно и безуспешно просивший по рации до начала зимника забрасывать топливо вертолётами, когда мне окончательно отказали, внутренне готовился к самому худшему — остановке всех работ партии до открытия зимника.

ЧЕМЕЗОВ Василий Егорович родился в 1950 году в селе Амга Амгинского района ЯАССР. В 1977 году окончил Якутский государственный университет по специальности "Геология и разведка месторождений полезных ископаемых" с квалификацией "горный инженер-геолог". 20 лет проработал в Тимптоно-Учурской геологоразведочной экспедиции (г. Алдан) на поисках и разведке россыпных месторождений золота в Южной Якутии. Работал старшим техником-геологом, геологом, старшим геологом партии, начальником геологоразведочной партии, начальником золотодобывающего участка. С 2001 года по конец 2016 года работал в Якутском филиале ФБУ "Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых" (г. Якутск) в должности главного специалиста. В настоящее время — на пенсии. В качестве увлечения занимается изучением собственной гипотезы о норманнском происхождении легендарного прародителя якутов (сахы) — Эллэя, и пишет рассказы-воспоминания из жизни геологов. Автор книг "Привал на перевале" (рассказы), "Эллэй родом из викингов" (научно-популярное издание), вышедших в 2012–2013 годах (г. Якутск).

И вот настал день, 26 декабря, когда в ёмкостях на базе не осталось ни грамма соляры, а весь запас топлива был в баках тракторов, АТЛок, и на электростанции оставалось горючего на три дня работы.

Где-то в послеобеденное время, когда зимнее, тусклое солнце собиралось закончить свой короткий путь, ко мне громко постучался и шумно вошёл, вместе с клубами морозного воздуха, чем-то очень взволнованный бульдозерист Погорелов. С блестящими от возбуждения глазами Николай Иванович мне сообщил, что неизвестно откуда приехали на АТЛке “приленцы”, то бишь работники Приленской ГРЭ, и предлагают соляру — целых четырнадцать тонн! Ошеломлённый этим известием о так внезапно свалившемся нашем спасении, я побежал за ним, набрасывая на плечи куртку.

В бараке Николая Ивановича набилось полно народу. Паренёк-геолог Коля Корякин и водитель АТЛ пили горячий чай. Корякин рассказал, что у них ликвидируется буровая точка, и что есть ёмкость, полная дизтоплива, часть которого просто некуда деть. Предложил четырнадцать тонн взять нам, с последующим возвратом. Посмотрев вокруг, я увидел множество глаз, устремлённых ко мне — напряжённых, восторженных, радостных, и все они говорили: “Взять, взять, конечно!” Да я и сам, не веря своему счастью, во все не думал отказываться.

Что тут началось! Сразу все загомонили, зашумели: кому ехать, какую ёмкость везти, когда идти... Быстро собрались, на станции оставили топлива на сутки, остальным дозаправили транспорт и двинулись в пять часов вечера в путь. Впереди АТЛ, ведомый опытным водителем Иваном Петровичем Шелелёвым, за нами два “бульдога”, тянущие пустые ёмкости. Вели их Николай Иванович Погорелов, Сергей Фёдорович Гуцин и Николай Арсентьевич Кушель.

А путь неблизкий. Точка находилась в междуречье Сутама и Гонама, где-то в верховьях Усмуна, километрах в восьмидесяти от нашей базы.

Мы потеряли уже счёт времени, ехали, и не было видно конца пути. АТЛочный след “приленцев” вёл нас всё дальше в дебри стыллой тайги и тонул во мраке ночи... Уже давно проехали устье Гувилгры, переехали Гонам и поднимались по какому-то ручью вверх. Уже не раз Иван Петрович чертыхнулся, что здесь не восемьдесят, а все сто с лишним километров, а след вёл всё выше, поднимаясь по склону на голые вершины, блестящие под мертвенным сиянием полной луны. И, наконец, когда мы уже и перестали ждать конца пути, на самой верхушке гольца свет наших фар упёрся в маленький балок.

Ночь скоротали в жарко натопленном балке в потной, короткой дрёме и тревожном ожидании подхода тракторов, сквозь сон беседуя с приленскими буровиками. Только под утро дальний лес в долине ручья огласился рокотом моторов, замелькали светлячки фар, и к шести часам на гольц тяжело выполз первый “бульдог”.

Мои ребята, усталые и чёрные от копоти, почти совсем не отдохнули. Николай Иванович вовсе не лёг спать, а сразу, как приехал, засуетился, забегал, подтянул ёмкость под заправку, установил шланг и стал ковыряться в тракторе. В одиннадцать часов дня мы вышли в обратную дорогу с полными ёмкостями, тепло попрощавшись с “приленцами”. Трактора на базу пришли поздно вечером с одной ёмкостью. Мужики, усталые и хмурые, рассказали, что сани под десятикубовой ёмкостью не выдержали и по дороге развалились. Теперь нужно было не раз сходить с маленькой ёмкостью и вручную перекачивать топливо.

Назавтра, 28 декабря, взяв с собой “трёхкубовку” и ручной насос, отправились за топливом на одном тракторе Погорелов и Гуцин. А мороз стоял за минус пятьдесят. Так они сделали три ходки, выходя с базы вечером и возвращаясь под утро. Представьте, каково им досталось в эти дни: без сна и отдыха трястись многие километры в заиндевавшем бульдозере, в жгучий мороз ручным насосом, сменяя друг друга, перекачивать литр за литром тонны топлива!

С последнего рейса они вернулись 31 декабря перед обедом, таща за собой соляру и пустую десятикубовку. Все, кто был на базе, с радостью встречали

их. А вечером в маленьком клубе стояли нарядная ёлка и столы, гремела светомузыка, на стене висела газета с весёлыми стихами и рисунками, на одном из которых Погорелов и Гуцин везли на “пене” огромного Деда Мороза с подарками.

Праздник прошёл очень весело, под шутку и смех, под звонкие песни, которые очень горазды оказались петь Володя Смирнов и Виктор Базарный. Уморила всех кавалеров в искромётном танце Татьяна Шемякова, сыпал заливистым смехом Николай Иванович, начисто забывший об усталости, и скромно улыбался всегда молчаливый Сергей Гуцин.

Так встречали мы Новый 1986 год в дальней Кудулаканской партии Тимптоно-Учурской геологоразведочной экспедиции.

Я не раз потом вспоминал этот период с благодарностью, когда счастливый случай и мужество рабочих людей спасли партию от длительного простоя, сплотили коллектив в единое целое.

После было многое: переезд за двести километров на новую площадь работ и строительство базы за одно лето, не останавливая буровых работ, освоение бурения скважин большим диаметром и обучение молодых буровиков переездам станков по осенним марям, и сильнейший летний паводок — “чёрная вода”, какого не помнили старые эвенки, жившие в здешних местах... Но все эти работы выполнялись, и удар стихии встречался уже очень сплочённым, дружным коллективом людей, не безразличных к результатам общего труда, и было легко и радостно работать с ними.

ПРОКЛЯТИЕ СТАРОЙ ЭВЕНКИЙКИ

Вскоре после того, как большая часть Кудулаканской партии переехала в верховья Сутама и расположилась, почти что под открытым небом, напротив устья Комагина, — а точнее сказать, 9 мая, к нам пешком пришли пожилой эвенк с сыном-подростком. Из бесхитростного рассказа таёжного жителя мы узнали, что у них на стойбище случилось большое горе — застрелилась из ружья молодая девушка. Об этом надо было передать по радию в правление совхоза, находившееся в пригороде Тынды.

С большим трудом я уговорил Ивана Петровича увезти на вездеходе наших несчастных гостей обратно на стойбище. Нехотя, долго, с ворчанием собирался Петрович, но всё-таки под вечер мы выехали. Стойбище оленеводов находилось в девяти километрах от нас вверх по Сутаму, в долине его левого притока — ручья Талахта. К нашему приезду туда уже стало смеркаться. Зайдя в палатку, мы увидели плачущих женщин, сидящих на оленьих шкурах. Несмотря на охватившее их большое горе, они предложили нам попить чаю, поест. Хотя мы и торопились обратно, уважая хозяев, посидели с ними. Во время разговора самая старая, седая женщина вдруг стала нас, геологов, ругать. По её словам, мы без всякого спроса заняли место их летнего стойбища, сейчас начнём оленеводов сгонять с родных мест, убивать их оленей, уничтожать тайгу. “Уходите — туда, откуда пришли. Не будет вам здесь спокойной жизни. Устрою я вам...” — яростно кричала она, убитая горем. Мы поспешили уехать.

На обратном пути заблудились. Да это и не мудрено. Местности мы пока не знали, по сути, это был наш первый выезд за пределы базы. К тому же стало так темно, что вокруг ничего не видно. Мы попытались выехать на правобережную террасу Сутама и на склоне её оказались в буреломе. Огромные лиственницы, стволы которых с трудом обхватишь обеими руками, сложенные на высоте полутора-двух метров, лежали вповалку. Вездеход, заскользив боком по крутому склону, сильно ударился о ствол дерева, помял левую дверцу и крышку люка на кабине. Положение отчаянное — чёрная ночь, густой лес поломанных деревьев и вездеход, повисший боком на стволе лиственницы.

Иван Петрович, чертыхаясь и мало-помалу ёрзая вездеходом, всё-таки съехал с дерева, и мы спустились на русло реки. В ту весну в начале мая

вновь ударили сильные морозы, и река повторно покрылась сплошным льдом. Мы поехали по руслу реки, ломая гусеницами тонкий лёд. Самое неприятное, что мы не знали глубины реки, где какие могут быть ямы. При свете фар лёд перед нами трескался, тонкие трещины, расширяясь, уходили куда-то далеко вперёд, пропадая во мгле, а в просвете между кусками льда открывалась чёрная вода. Потихоньку, осторожно продвигаясь по руслу, готовые в любой момент дать задний ход, если будем проваливаться, мы поздно ночью добрались до своего расположения. Казалось, никто не спал и все ждали нашего возвращения — между деревьями и кустами мелькали огоньки фонариков, и ребята нас встретили прямо на берегу реки.

Лето выдалось грозное. Место расположения нашей базы оказалось на пересечении трёх открытых пространств, похожих по своей форме на желоба, — это отрезки долины реки Сутама выше и ниже нашей базы и долина ручья Комагин, впадающего слева, почти перпендикулярно, напротив нашего посёлка. Поэтому, или по какой другой причине, редкая туча обходила нас в то лето стороной, не пролившись сильным дождём.

В грозу, сидя дома и глядя в окно, я видел, как раскачиваются кроны высоких лиственниц под сильными порывами ветра и некоторые из деревьев с громким треском падают около наших домов, выворачивая свои корни, как частые молнии вонзаются в землю вокруг территории базы. Одна из молний разбила дерево неподалёку от нас, другая попала в нашу дизельную станцию, выведя её из строя. Видя всё это, я невольно задавался вопросом: “Неужели это последствия угроз старой эвенкийки?”

18 июля утром мы проснулись от шума воды. Выйдя на улицу, обнаружили, что со всех сторон оказались окружёнными водой. Сильнейший летний паводок — “чёрная вода” — почти полностью затопил днище долины Сутама, оставив сухими лишь небольшие пятючки на первой надпойменной террасе. Старые дома, стоящие на берегу реки, затоплены были почти по окна. В двух домах из них нами временно были размещены продуктовый склад и радиостанция. Сложенные прямо на полу мука и сахар в мешках оказались безвозвратно испорчены водой. Радист, ночью внезапно оказавшийся в залившей его дом холодной воде, сидел притихший, нахохлившийся, на табуретке, поставленной на койку. Под его ногами, сквозь дом, протекали, пенясь, мутные воды разлившейся реки. Теплицы, поставленные нами в пойме, водой унесло вместе с посаженными огурцами и прислонило к опушке прибрежного леса. Под водой оказалась площадка с разложенным на ней техническим грузом.

Через несколько дней вода пошла на убыль, но за рекой широкая пойма месяц стояла затопленной. Такого мы раньше никогда не видели. Почему в верховьях горной речки паводковая вода, обычно спадающая через несколько дней, держалась столь долгое время на высоком уровне, я до сих пор себе толком объяснить не могу.

Это сейчас мы все привыкли к чрезмерно высоким паводкам на реках, когда прибывшая вода, даже среди лета или осенью, месяцами стоит, не убывая. А тогда это был первый такой удар водной стихии, неожиданный и непонятный.

И опять в моём мозгу роились беспокойные мысли о старой эвенкийке.

Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Урон, нанесённый водой, удалось минимизировать за счёт проведения срочных работ по спасению материально-технических ценностей, вывоза на безопасное место и частичной переработки их.

Позже оленеводы эти не раз приезжали к нам, привозили мясо и обменивали на чай, муку, сахар, макароны, консервы. Заходили ко мне в гости и даже признали жену мою за своего сородича. “Из наших что ли? На нашу похожа”, — говорили они, ласково глядя на неё.

Конечно, ни о каком проклятии и речи быть не может. Просто стечение обстоятельств, просто суеверие. И всё же...

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА

С БИЕНЬЕМ СЕРДЦА В УНИСОН

* * *

Когда себя раздаришь — слава Богу,
Уже не нужно больше ничего:
Есть только небо, поле и дорога,
До тишины влюблённая в Него.

Прощаешься, и вот за поворотом
Уходят двое в медленную тьму,
А ты лишь улыбнёшься отчего-то
Наполненному сердцу своему.

В нём окна жёлтые родительского дома
И яблоки июльские в саду,
И девочка соседская знакома,
В песочнице играет на виду.

И звёзд песок над городом разбросан
Как будто лёгкой детской рукой.
И тонкий месяц серпиком вопроса
Плывёт над серебристою рекой.

Пусть другие ночи отвечают,
Любовь у них на сердце иль беда,

МАРТЫНОВА *Елизавета Сергеевна* родилась в Саратове в 1978 году. Окончила Саратовский госуниверситет. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала "Волга. XXI век". Автор книг "Письмо другу" (2001), "На окраине века" (2006). Лауреат премии Ю. П. Кузнецова (2008). Слушательница семинара А. Казинцева и С. Куняева на Форуме молодых писателей в Липках. Живет в Саратове.

И шорох неба слушают за чаем,
И чаек крик, и что поёт вода.

Они идут по замкнутому кругу,
Их ночь впадает в утро не спеша.
Ты раздала себя, как по снежинке выюгу.
Иди, пока чиста твоя душа.

* * *

Я зарастаю лесом и травой,
И дождь по чёрным листьям моросит
Брусничной кровью — тёмной и живой,
Черничным колокольчиком чудит.

На леску молний дерево поймав,
Мгновенно чаша преображена.
Серебряные кони диких трав
Летят, запутав в спешке стремена.

Себя ли я сама остановлю?
Я ведаю: стихия вся внутри.
Что я не жду, не помню, не люблю —
Грозе весенней ты не говори.

Сил было много: вырастила лес,
Прекрасных сосен красные стволы.
Синеет хвоя инеем небес,
Не ведая хулы и похвалы.

* * *

Вновь наступает воскресенье.
Бела, как ветер, простыня,
Что украшает дом соседний,
Грозу всем трепетом дразня.

Земную жизнь до половины
С непоправимостью пройдя,
Ты чуешь, как необходимы
Дома в предчувствии дождя,

И листьев жёлтые мурашки,
И воздуха горячий сон,
Чтобы понять, как жить бесстрашно,
С биением сердца в унисон.

И быть самой — надеждой, песней,
Которая звенит в крови,
Когда душа твоя воскреснет
Для древней, как земля, любви.

ОГОНЬ И СВЕТ

Но есть любовь — уметь быть там, где
Ты нужен, как волна большой воде,
Плод — яблоне и пенье — соловью.
Когда я прорастаю жизнь твою.

Когда прикосновение к руке
Равно ветрам и пламени в реке —
Как феникс, воскресает синева,
Перетекая медленно в слова.

Есть я и ты в словесной глубине,
Как в сердце Бога, на одной волне,
Нет прошлого — и будущего нет.
Но есть река и сад, огонь и свет.

* * *

Кому ты пишешь-то,
О чём ты пишешь?
Перу, бумаге, ветру и дождю...
Погаснет дождь.
И на земле — всё тише.
Ты ждёшь ещё
У неба на виду.

Ты медлишь, медлишь
И, лицом вжимаясь
В большую гладь оконного стекла,
Как будто бы пока
Не понимаешь,
Зачем тебя дорога позвала.

А там, в окне, распахнутые ветки
И гнёзда птиц, погибших и живых,
И облака, и клёны-однолетки,
Переплетенье листьев и травы.

И чешуя реки огромной медной,
За горизонтом потерявшей хвост.
И огонёк кометы заповедной,
Которая не гаснет среди звёзд.

Ты нужен им.
Они в тебя глядятся
Заворожённо — в зеркало своё.
Они твоей стихией наслаются —
И ты опять уйдёшь в небытие.

...Но остаётся ручка и бумага.
И старый стол. И книга на столе.
Ты в ней живёшь, и в ней — твоя отвага
Бессмертным быть на тающей земле.

* * *

Мой посёлок холоден и прям.
Ветер в двери летние стучится,
Но уже мелькают по дверям
Блики неба, солнечные спицы.

Но уже подсолнухи черны,
Шелестят оранжевые травы.
До последней тихой тишины
Звёзды обескровленные правы.

В сумерках на поле хорошо.
Шелестит в колосьях память зёрен.
И неслышный дождь произошёл,
Словно шёпот, осени покорен.

* * *

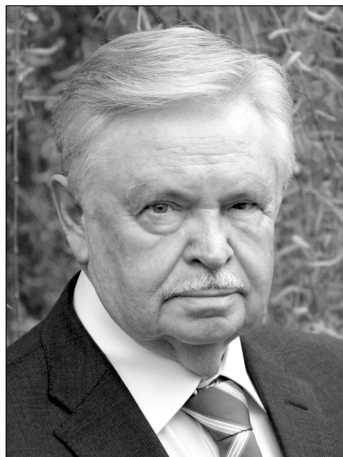
Осень. Манекены все одеты
В тёплые и грустные пальто.
Распродажа золотого лета
Снова превращается в ничто.

Погорюй над будущим и прошлым,
Клён янтарный,
Что листвой крылат.
Я ещё приду к тебе попозже,
В час,
Когда ты ветрами распят.

В час, когда мерцает пыль-позёмка
И витрины душные мертвы,
Я приду, и ледяная кромка
Вытает над нежностью травы.

Облака желтеющего морок,
Тонких крыш слепую белизну,
Тишину,
Что выстудила город —
Я к себе прижму и обниму.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

НЕЗАБЫТЫЕ ИГРУШКИ

Маленькая повесть
из цикла “Русские мальчики”

1

Скоро, совсем скоро не останется на белом свете людей, которые бы помнили войну, знали горькое время голодух, похоронок, безутешных слёз. А ещё скорее покидают землю те, кто не просто помнил то горестное время, а стрелял во врага, был ранен, например, и всё-таки выжил, поправился, и прожил ещё одну жизнь, мирную — но ведь и у неё, у этой мирной, хотя и неспокойной жизни есть предел.

Что мы будем делать, когда покинет землю последний солдат той великой войны? И как станем жить, когда её покинет последний её малыш, — не солдат, не взрослый, а просто тот, кто видел её, кто запомнил её подробности, её детали, её лица — и это лица не только близких людей.

А малыш, который — хоть самую малость — помнит время перед войной.

У того времени было странное имя: “ДОВОЙНЫ”, и под ним подразумевался какой-то волшебный, ласковый мир нашего детства, много не знавшего, но верящего в свет добра.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии РСФСР, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака (Варшава), В. Гюго (Париж), “Сакура” (Токио). В январе 2020 года ему вручена Премия имени Владимира Высоцкого “Своя колея”. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

И коли речь идёт о тогдашних малышах, то ведь где-то должны же остаться их игрушки довоенной поры? Или они тоже исчезают, как и люди? Раньше людей.

Но какими они были, если были вообще? И можно ли забыть свои игрушки? Особенно если они вместе с твоим собственным детством прошли сквозь целую войну? И целый мир?

Забыть можно многое. А игрушки забыть нельзя. Вырастая, человек может рассмеяться над собой и в слишком уж свой самоуверенный час выбросить их, полагая, что вырос из своих игрушек.

Выбросить-то может, а забыть — никогда.

2

За год до войны моего папу послали на ВСХВ.

Я очень долго приспособлялся к этим четырём буквам, не похожим ни на одно слово, но обозначающим какую-то сказку, как сказал потом папа, целый город из невиданных белых дворцов, называемых павильонами, из великого множества фонтанов, посреди которых стояли покрашенные золотом мужчины и женщины разных народов, а струи воды, вырывааясь у них из-под ног, взлетали высоко в непременно безоблачное небо.

ВСХВ — это Всесоюзная Сельско-Хозяйственная Выставка, и там выставлялось лучшее, что делали эти золотые люди, дружившие между собой.

Папа был городской, а не деревенский, работал на заводе слесарем, а не пахал землю, но его послали на ВСХВ как очень хорошего слесаря на очень хорошем заводе, и он, улыбаясь нам с мамой, его провожавшим, уехал в Москву на поезде, который проходил мимо нашего города.

Он уехал, а я заскучал.

Скучать-то мне, конечно, не полагалось: я ходил по утрам в детский сад “Октябрёнок”, и там доставало разных забот — и рисование, и прогулки, когда надо идти, взяв “за хвост” впереди идущего односадовца — или односадовку, — но это когда прогулка по городу, по деревянным тротуарам, в ближайший городской сад, где нам давали полную волю дуреть на лужайках.

Ещё мы рисовали всякие разности, по своему выбору, но дело шло лучше, когда наша воспитательница Варвара Клавдиевна предлагала нарисовать что-нибудь необыкновенное: паровоз, самолёт, пароход...

А потом мы учили стихи и песни, повторяли их дома, и я уже выступал с публичными концертами на полукруглой деревянной эстраде во дворе бабушкиного дома, не говоря про собственный детсад.

Года в четыре ещё я выучил Агнию Барто:

*Идёт бычок, качается,
Вдыхает на ходу —
Ох, доска кончается.
Сейчас я упаду.*

Я ещё спрашивал папу:

— А что это за слово Агния?

Он ответил:

— Имя.

— А Барто?

— Фамилия.

Я ещё узнал у папы свою фамилию. Он лохматил мне волосы, смеялся, искренне удивлялся:

— Неужели ты не знаешь собственной фамилии? Что ты будешь говорить, если потеряешься?

— Как потеряюсь? — удивлялся я, искренне ничего не понимая.

— А вот так! Окажешься вдруг в чужом городе! Вокруг незнакомые люди. Ты плачешь. И тебя милиционер спрашивает: “Как твоя фамилия,

мальчик?” И ты должен сказать, как тебя зовут и как твоя фамилия. И где ты живёшь. А то никогда не найдёшь нас с мамой.

Я ёжился, не понимая, спрашивал, почему я потеряюсь? Зачем? И почему я буду в чужом городе?

— Ну, вдрут война! — шутливо сказал однажды отец. — И вам придёт-ся уехать.

— Почему — вам? — задумчиво спросила мама. — А где будешь ты?

Отец ответил, помолчав почему-то:

— Конечно, на войне.

Взрослые затихли.

Мамочка и папа не любили разговаривать про войну. Слушали чёрную тарелку, нависшую над комодом с не очень большим зеркалом на нём. Из тарелки неслись песни, передавали разные сообщения, и тогда взрослые притихали.

Но потом продолжали говорить и жить, будто то, что сказали по радио, нас не касалось.

3

Зато я! В “Октябрёнке”!

Незадолго до Октябрьского праздника одна тысяча девятьсот сорокового года — и дальше вы поймёте, почему я так точно помню такие далёкие цифры — со мной стали твориться чудеса. Причиной всему стала моя бабушка — портниха.

Детсад готовился к праздничному утреннику, и она, ни с кем этого не обсуждая, сшила мне маленькую, но настоящую командирскую гимнастёрку из тёмно-зелёной ткани, притачала к воротнику красные петлицы и пуговицы раздобыла, военные, с выпуклыми звёздочками — ничего себе!

Добавкой ко всему ремешок — узенький и не настоящий, не военный, без пряжки из золотого металла, но — всё-таки! Я же простой малыш в коротких штанишках, из-под них высовывались длинные чулки на резинках, совершенно девчачьих. И, на тебе, мальчик — гимнастёрка!

Но это ещё не всё!

Потому что бабушка достала из своей волшебной сумки — у меня аж душа взорвалась — маленькую буденовку с настоящей красной звездой на ней!

Бабушка оглядывала меня придирчиво, как, наверное, скульптор осматривает свою работу, примечала недочёты, кивала сама себе головой, будто спорила и соглашалась сама же с собой.

При этом не проронив ни слова!

Зато Варвара Клавдиевна! Она ни с кем не спорила, даже с собой! Даже про себя, мысленно! Она только восхищалась: восклицала, восторгалась, радостно смеялась!

Мне кажется, она даже слов-то никаких не произносила! Да и зачем какие-то слова, когда и так всё ясно!

Она просто исчезла на минутку, потом в коридоре раздался какой-то невнятный звук, дверь пустующего кабинета заведующей распахнулась, и мы с бабушкой увидели, что воспитательница прикатила деревянного коня на колёсиках. Из спортзала!

Конь заехал в кабинет, земля улетела у меня из-под ног, и я очутился прямо на коне. Настала тихая, какая-то необыкновенная пауза: вежливость, смешанная с благоговением, а я погляделся прямо с конём в большое зеркало отсутствующей заведующей, ведь оно было длиной до самого пола.

Мне понравилось то, что там отразилось.

В коридоре слышались шаги, чьи-то разговоры, может заведующая возвращалась с совещания, мало ли...

И Варвара Клавдиевна с бабушкой мгновенно переделали меня в штатское, вежливо вывели коня, уложили форму в сумку, враз утерявшую свою волшебность. И бабушка удалилась, заключив с Варварой Клавдиевной тайное соглашение:

— НИ-КО-МУ!

Весь оставшийся день воспитательница поглядывала на меня.

И всякий раз по-разному.

Задумчиво. Вопросительно...

Сомневаясь. Печалась...

Но всякий раз — улыбаясь в конце концов!

Потом снова позвала в кабинет заведующей. Спросила:

— Хочешь, мы с тобой к утреннику выучим ещё и стихотворение. И ты его прочитаешь всем. Называется “Письмо Климу Ворошилову”.

И прочитала его мне наизусть.

А я совсем не удивился, потому что не один раз слышал его. Только в виде песни. Её пел какой-то мальчишка в круглой тарелке радио.

Мимолётно я заметил, что Варвара Клавдиевна предлагает мне выучить стихотворение не очень уверенно. Решил, что боится, сумею ли я его запомнить.

Но маленьким людям бывает трудно сформулировать мысли, поэтому я просто хмыкнул. И она смущённо улыбнулась, догадалась, наверное, добрая душа, что сомневаться во мне не следует, хотя я и мал.

Варвара Клавдиевна была черноволоса, черноглаза и безгранично добра. У неё росли два сына — Герка и Валерка. Герка уже ходил в школу, а Валерка в нашу же группу детсада, да и жили они наискосок от нашего дома — почему я и знал кое-какие подробности жизни нашей воспитательницы. То она заскакивала к нам за лавровым листом для неожиданной ухи, то приносила почитать родителям новую книгу, то хвалила Герку за отличную учёбу, а то и ругала его же за учёбу плохую, — и всегда-всегда при этом улыбалась. Поэтому я её никогда не боялся. В общем, воспитательница была хорошо знакома, конечно, прежде всего, с бабушкой и мамой, и уж только потом с отцом, который как-то деликатно всегда обходил эту мою главную воспитательницу.

Уж много-много лет спустя я сообразил, что сперва Варвара Клавдиевна хотела просто восхититься бабушкиной идеей — явить меня на утреннике в костюме командира. А потом придумала не просто на коня с колёсиками посадить, но чтобы я ещё с коня этого и письмо Ворошилову прочитал.

Но не решалась на такой сюрприз без бабушкиного или родительского позволения. Но разве потребуешь от малыша, чтобы он, разучивая стихотворение, не повторял его в свободное от репетиций время? Напримр, дома.

Я и повторял, да пока обкатывал языком словечки и запоминал их, радио раза два спело песню на эти слова, и я мальчишке, который пел, подтягивал при родителях, во время обеда.

— Ишь ты, — ещё удивился папа, — как хорошо ты знаешь эти слова!

— Меня Варвара Клавдиевна учит, — тут же выдал я воспитательницу, а бабушка бросилась на выручку воспитательницы:

— Да разве плохо? Такое длинное стихотворение выучил почти назубок.

— Кто же спорит? — пожал плечами папа, и премьера моя состоялась с громом аплодисментов.

Хлопали, конечно, все воспитательницы, и поварахи, и уборщицы, и даже заведующая, которая с утра заняла свой кабинет, а на утреннике стояла впереди всех взрослых, которых было не меньше, чем детей, и хлопала, улыбаясь во весь рот и громче всех.

Взрослых было много, потому что пришли едва ли не все родители, а ещё бабушки и некоторые дедушки, и даже какие-то начальники над всеми детскими садами, и я со своим стихотворением оказался главным событием дня.

Конечно, я волновался, конечно, пару раз подумал, как бы не перепутать слова, но сев на коня, хоть и с колёсиками, да ещё с деревянным ружьём за спиной, я, чтоб сразу привлечь всеобщее внимание, стал громко выкрикивать выученные стихи. Вообще-то это выглядело не очень артистично, но сам смысл стихотворения не просто позволял, а требовал его громкого исполнения. Что я и сделал.

Ясно, что на меня обрушились аплодисменты. Не могли не обрушиться. Потом заведующая больно жала мне руку, и ещё какой-то толстенный дядька жал тоже больно, а потом бабушка осталась со всеми взрослыми гостями, хотя толпа поредела, — потому что утренник закончился. Назавтра был выходной, 7 ноября, и детей отпустили домой пораньше, и маленький народ, в сопровождении родителей, расходился по домам.

Отправились домой и мы, мамочка, папа и я.

Военный костюм с меня не сняли — бабушка не дала, пальтишко не застёгнуто, на голове будёновка. На меня все оборачивались. Кто-то улыбался, даже хвалил вслух родителей, но мои родители выглядели немножко растерянными. Мама почему-то торопливо отговорила:

— Спасибо! Спасибо!

И мы все втроём прибавляли шаг. Папа молчал. Дома они в четыре руки переодели меня, и только тут папочка подвёл итог.

— Ты молодец, — сказал он, — и стихотворение хорошее. Но только длинное.

Он помолчал и прибавил грустно:

— Да и брата у тебя нет. Есть я. И хотя товарища Ворошилова я очень уважаю... Климента Ефремовича... но лучше, если бы никакие буржуи на нас войной не пошли.

Мамочка сказала по-другому.

— Ты знаешь, сынок, что я работаю в поликлинике. В лаборатории. Чтобы помочь тем, кто болеет, мы исследуем человеческую кровь. Но вот подумай — в один день, в один час, в один месяц...

Она вздохнула и задумалась. Я даже решил, что мамочка перестала говорить, но она продолжила:

— Много-много людей — и детей! — вдруг заболеют. Их ранят снаряды и пули! Какой там товарищ Ворошилов!

— Не говори так, — чуть повысил голос отец. — Всё правильно прочитал наш сын. Ты молодец, мальчик!

5

Теперь уже могу утверждать точно: это было шестого ноября одна тысяча девятьсот сорокового года. А папа-то уехал в Москву на ВСХВ летом. В каком именно месяце — забыл. Но про лето помню совершенно точно.

Дело было так. Мы пошли провожать папу на вокзал, и он там знакомил маму с мужчинами и женщинами, которые ехали в Москву вместе с ним. Знакомил и меня. Сделал он это очень просто, поднял меня на руки и держал меня, пока все эти люди жали мне ладошку — аккуратно, вежливо, не сильно. Сразу было понятно, какие это деликатные люди.

Потом они взобрались в вагон проходящего поезда, а папа всё не уходил в его глубину, стоял за спиной строгого проводника в фуражке и вытягивал голову, улыбаясь и что-то желая одними губами.

Мама молча махала рукой, и я тоже махал, и вагон громко звякнул чем-то железным и медленно покатился. Поезд ушёл, мы печально вышли с перрона и двинулись в сторону дома. Наверное, мы с мамой оба думали о папе, оба думали, что это хорошо — ведь папу послали на ВСХВ как лучшего рабочего... Но вот почему-то грусть не уходила, а, наоборот, подкатывала откуда-то к горлу.

Каким был мой папа? Я подумал об этом тогда совсем по-детски, даже по-мальшовски. Конечно, он был любимым и всегда добрым. Со мной он разговаривал очень ласково, но он так разговаривал со всеми. Он и с мамой никогда не спорил, но всё делал по своему хотенью. Без всякого “щучьего веления”, как в сказке. Пилил и колол дрова для печки, рано утром, когда я только просыпался, его никогда не было, и мама сызмала объясняла мне: “Он на работе”. Ещё папа любил охоту, и иногда, в выходной, даже накануне выходного, исчезал с дядей Мишей, своим

приятелем, но к вечеру воскресенья возвращался, чаще всего, с селезнем, и мама готовила похлёбку.

Меня очень интересовало папино ружьё, называемое двустволкой, и он объяснял мне, что с этим ружьём охотился ещё его папа, значит, мой дедушка, который умер, когда я был совсем маленький. И вот дедушка-то был настоящий охотник, не то, что папа. Привозил по дюжине селезней весной, а то и пару гусей.

— Мы кормились его добычей, — непонятно выражался папа, потому что я не знал, как можно есть одних только гусей или одних только уток.

Но это мое мальшовое непонимание решительно отодвигали папины слова:

— Вот вырастешь, сынок, и мы с тобой пойдём на охоту вместе!

Я пищал от восторга. И это простое обещание делало моего папочку самым главным человеком на свете.

Я просил дать мне подвигать шомполом в ружейном стволе, когда он возвращался с охоты, посмотреть в ствол, какой он — чистый или не очень, — поперебирать латунные гильзы, поглядеть со всем возможным вниманием, как насыпается в неё порох, забивается пыж, затем насыпается утиная дробь и снова закручивается пыж, который надо сначала выколотить с помощью заточенного круглого приспособления и молотка из старого, ненужного валенка.

Когда ружьё приводилось в порядок после каждой охоты, папа давал мне поддержать его. Поначалу у меня не хватало силёнок, и он не выпускал этой тяжести из своих рук. Но потихоньку я подрастал, становился побольше и посильней. И пробил час, когда я смог удержать двустволку в руках сам, без папиной помощи. И это было весной того, сорокового, года. Отец оглядел меня, в коротких штанишках и с настоящим ружьём наперевес, кивнул вполне серьёзно и сказал:

— Уже совсем скоро мы пойдём с тобой на охоту.

— Когда! — крикнул я, захлебнувшись нечаянной радостью.

— Стрелять разрешается с шестнадцати лет... — ответил он, и я застыл, не очень-то ещё разбираясь во времени.

А он утешил:

— Время летит быстро!

А поглядев на меня повнимательнее, прибавил:

— Можно на охоту ходить, но не охотиться. Просто сходить!

Ну ведь ничего особенного не сказал. Проговорил обыкновенные слова, но, сам того не понимая, влюбил меня в себя ещё и ещё. Хотя разве можно полюбить за обещание чего-то далёкого?

Да и вообще влюбиться за что-то? Любят не за что. Любят просто потому, что любят! Любят за то, что ты дорогой, ты кровинка родная, и тебя жалко, хотя, вроде, и жалеть бывает не за что.

Став взрослым — и даже очень взрослым — я вычитал у одного поэта слова: “Мирами правит жалость, любовью внушена...” Так что любовь и жалость ходят рука об руку — как детсадовцы на прогулке, — делая людей человеками. И происходит это всю жизнь, до смерти, а не только с детьми.

Но у детей жалость всегда внушена любовью, а если жалости нет, то нет и любви... И я отчаянно, как бы растворяясь в нём, любил своего папу, почти ничего не зная про него. А что нужно знать о любимом человеке? Да ничего! Просто — люби его!

Я и мамочку любил, шагая рядом с ней. Рука моя была в её руке. Иногда эта рука подтягивала меня, чтобы я шёл побыстрее. И я освобождался от задумчивости. Мы обменивались простыми словами, и это тоже была любовь.

— Ты устал? — спрашивала мама.

Я уже как следует устал, ведь у нас до вокзала приходилось идти пешком почти целый час. Но отвечал:

— Разве можно сегодня устать?

— Какой ты молодец! — улыбалась мама откуда-то сверху. — Совсем мужчина!

— Если бы я был мужчиной! — восклицал я устало, и мама каким-то образом слышала эту мою усталость.

— Ну, не торопись, — сбавляла шаг. — Настанет твоё время!

6

Я ещё тогда, совсем небольшим, понял, что мой папа любит возвращаться неожиданно. Конечно, в те времена мы жили совсем по-другому, даже телефоны были только на почте, да в редких учреждениях, но не пойдёшь же туда просить позвонить. Да и кому звонить-то, если ни у кого этой связи нет? Телеграммы? Их посылали только по важным случаям. А письма, хотя ходили исправно, шли подолгу. Поэтому папа возвращался без всяких предупреждений, и всегда из-за этого получался праздник.

В тот раз из Москвы он вернулся очень рано, даже разбудил нас, но мы с мамой очень радовались, да и на работу — а мне в садик — идти не требовалось, приезд совпал с воскресеньем, и мы, громко разговаривая, не спеша умылись, позавтракали, и только тогда папочка торжественно сказал:

— А теперь завешиваем окна!

— Зачем? — восхитилась мама, и я вытаращился на папочку в ожидании, конечно же, чуда. И оно совершилось.

Окна долго завешивали одеялами, папе пришлось применить гвоздики и молоток, и тут он вытащил из старого рюкзака какую-то коробку. Она походила на швейную машинку, только гораздо меньше и сверху была полукруглой и с железной ручкой, почти как у машинки. Папа снял крышку, и перед нами предстал неведомый прибор: носик со стёклами, как у фотоаппарата, приделанный к металлическому коробу. Папа щёлкнул пальцем по нему, раздался краткий звук лёгкого металла, и наш волшебник произнёс весело:

— Знакомьтесь! Аллоскоп Аллоскопович!

— Кто-о? — дуэтом протянули мы с мамой.

— Аллоскоп, — серьёзно пояснил отец. — Домашнее кино. Но показывает он не кинофильмы, а диафильмы. — Он как-то подчеркнул, выделил голосом эти слова, и мы окончательно притихли, не зная разницы.

Он покопался в аппарате, накрутил туда что-то блестящее, как объяснил, из целлулоида, хлопнул, щёлкнул, мама выключила свет, — ведь не в темноте же мы сидели, завесив одеялами окна, — и на простыне, которую папа прицепил к стене, началось кино.

Нет, конечно, совсем не кино. Аппарат совершенно изумительно и ярко показывал цветные картинки, а под ними лежали подписи. И эти подписи принялась читать мамочка.

— “Синяя птица”, — проговорила она торжественно. — По пьесе Мориса Метерлинка. Студия “Союздиафильм”.

С каждым словом мамина речь звучала все мягче. Как будто она сама становилась добрее, хотя я никого не знал добрее мамочки. Будто взяла и враз превратилась в волшебницу, и слова она произносила какие-то удивительные. Ведь даже героев этой сказки звали именами, мной не известными и сказочными. Мальчика — Тильтиль, а девочку — Митиль. Будто не имена звучат, а часики тикают: тиль-тиль-ми-тиль.

Так вот: приходит к ним соседка, старая-старушка, и дарит им шапку с волшебным камнем. Тильтиль её надевает, поворачивает, и весь мир становится другим: старушка-соседка оказывается прекрасной молодой феей по имени Бериллона, Кот и Собака не просто разговаривают, а ещё и ведут себя, как люди, — спорят, пререкаются. Огонь, Вода, Хлеб и всё другое, что кажется людям бессловесным, вдруг говорят, страдают, радуются. И выходит, что всё в мире имеет свою душу, всё подряд переживает, всё страдает и всё ищет помощи — великой, ласковой, бесконечной. Кто принесёт эту справедливую помощь, ведь её желает получить всё, что есть и что составляет мир во всех его, кажется, безмолвных мелочах. И мудрая фея Бериллона объясняет: всем поможет только Синяя птица. Но её надо поймать, чтобы она всем помогла-то!

В самом начале Тильтиль и Митиль просто хотят есть, завидуя полному столу соседей, собравшихся на Рождественский праздник. А в самом конце они помогают всем бедным и всему, что считается не живым. Но что имеет Душу.

Папа менял картинку, поворачивая круглую ручку, и мама читала подписи под ними.

И тут я спросил их обоих — и папу и мамочку:

— А душа, это — что? Когда разговаривают вещи?

Мама и папа неожиданно смолкли. Они всегда довольно быстро отвечали на мои вопросы, но тут настала тишина. В этот самый момент на экране появилось и стало расплзаться коричневое пятно. Папа вскрикнул и выключил Аллоскопа Аллоскоповича, быстро открыл заднюю крышку, откуда тянуло жаром, и воскликнул:

— Перегрелся!

Уже потом, подрастая, научившись управлять Аллоскопом сам, я узнал одно главное правило: плёнка, на которой делались диафильмы, из целлулоида, а он, этот целлулоид, быстро вспыхивает от жары, которая направлена на него яркой-яркой, хоть и небольшой, ослепляющей лампочкой. А потому медлить нельзя, а надо быстро читать подпись и внимательно разглядывать картинку. Задумываться, о чём-нибудь болтать, отвлекаться или отходить от аппарата строго воспрещается!

Плёнку папа отремонтировал. Он достал её из аппарата, вырезал ножницами прогоревшую картинку. Потом помазал краешки особенным клеем и соединил их вместе.

Мама стянула одеяла, мы сели за стол, и папа стал подробно объяснять нам, как устроен прибор.

— А почему, — спросил я, — ты называешь его так важно: Аллоскоп Аллоскопович?

— Из уважения, — ответил мой любимый папа. — Вот он взял и поехал из Москвы, чтобы показать тебе диафильм. Почти кино.

— Спасибочки! — восхитился я.

Погладил Аллоскоп по спинке, а сам передвинулся к папе и обнял его за шею. Ещё я сказал ему:

— Это тебе, папуля, спасибо! За то, что привёз Аллоскопа Аллоскоповича!

— Ладно, — согласился папа, — ну так давай будем звать его по-родственному, просто — Аллоскоп!

И вдруг ответил на мой, я думал, забытый вопрос:

— А душа, — сказал, — это невидимая сила. Людям она даёт доброту, разум, чувство прекрасного.

— И ужасного, — сказала откуда-то из-за спины мамочка.

— Ну да, — ответил папа, — страх тоже откуда-то берётся, наверное, из души. Ты знаешь, есть народы, которые верят, что когда человек умирает, его душа переселяется в кого-то другого, в птичку-синичку, например, или в снегиря. А может, в доброго коня...

— Или усталую лошадку, — пошутила мамочка.

Папа усмехнулся.

— Никто её не видел, душу, но все верят, что она есть. Давай, мальчик, будем верить и мы.

7

А потом он произнёс совершенно неожиданное:

— Но ведь это ещё не всё.

Мама охнула:

— Господи!

— Давайте-ка, — встал папа со стула, — мне тазик, например! И налейте в него водицы.

Мамочка шагнула за перегородку, — а тазик с водой вынесла на улицу, — но я всё сидел возле папы, смотрел внимательно, как он вынимает

совсем небольшую коробочку, а из неё маленький катерок, совершенно синенький, с белой полоской от носа до хвоста и красной звёздочкой с боку. И вставляет в брюшко лодочки крохотную свечку, которая помещалась в такую же маленькую плошечку с тоненькой длинненькой железной ручкой.

Мы вышли во двор, папа зажжёт спичкой свечечку в плошке, вставил её в животик катера, тот подумал немножко и вдруг! Поплыл!

Без шума, тихо, но быстро!

А тазик-то был круглый, и потому катер мчался вдоль круглого берега — быстро, без всяких рывков, но если бы этих железных берегов не было, он бы помчался прямо.

Я прыгал возле тазика, я скакал то на одной, то на другой ножке, я вешался на шею папе и целовал его в колючую щёку, потому что он приехал и сразу стал доставать подарки! Даже не побрился.

Ну, а кораблик плыл, плыл, не останавливаясь, и к нам подошла бабушка, качала головой, и слова говорила хорошие, благодарственные, а потом подошла почтальонша, которая принесла журнал “Мурзилка” для меня — надо же, как всё сошлось! — ну, а потом стали подбираться мои приятели, хотя у небольших людей такие же небольшие приятели, и они поодиночке не ходят, а только в сопровождении старших. И это приметив, папа неожиданно предложил маме и бабушке:

— А если мы подойдём к Варваре Клавдиевне? И попросим взять кораблик в сад? Пусть побольше ребят увидят этот кораблик!

Бабушка тут же уточнила:

— Да пусть она сама прямо сюда сейчас подойдёт! Я её позову! Вместе с ребятами!

И они появились все втроём — черноволосая Варвара Клавдиевна и Лерка с Геркой. Даже несмотря на то, что Герка уже учился, удивлялся он, как и младший брат, и как я, конечно же, и улыбался мне вовсе не небрежной улыбкой старшего мальшу, а даже как-то почтительно. Меня это смущало.

Ну да, кораблик привёз не кому-нибудь, а мне мой папа с ВСХВ, и, значит, кораблик мой, но я не чувствовал тогда, ещё не понимал, что значит — мой или не мой, и мне было бы понятнее просто смотреть, просто удивляться и просто радоваться невиданному кораблику, без всяких там мыслей — чей он и кому принадлежит.

Варвара Клавдиевна, сверкая черными глазами, подталкивала Герку и Лерку к тазуку, хотя они слегка упирались, и хвалила за что-то отца и мамочку, не обходя, конечно, бабушку, которая, будто молоденькая, сбегала за всей этой семьёй и теперь улыбалась, довольная.

Что ж, она оказалась права. Катер воспитательница моя не взяла, его принесла мама, когда утром повела меня в сад, и уж тогда Варвара Клавдиевна устроила настоящее представление в большой настоящей ванне, где могли купаться взрослые люди. Ребята из разных групп, сопровождаемые своими воспитательницами, ходили смотреть, как плавает удивительный бесшумный катер с красной звёздочкой на борту, прибывший к нам с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Варвара Клавдиевна всякий раз пробовала, поставив новую свечечку и запустив катер, удалиться по своим воспитательским делам, а я так и вообще жил своей жизнью — ходил, разговаривал, ел... Но постоянно возвращался в ванную комнату. Катер плыл и плыл, его окружали мои односадовцы из других групп, и они не знали, что я имею отношение к этому чуду, так что события подавали мне пример, как же по-разному можно удивляться.

Одни стояли молча, другие кричали. Третьи же брызгали на катер водой из ванны, по которой он плыл, но огонёк свечки помещался внутри, и те, кто брызгал, туда не попадали. А некоторые попадали. И катер останавливался. Один раз это произошло при мне. Я крикнул, просто издал возглас удивления. Может, я крикнул “Ай!”, как будто мне самому стало больно. Или, может, “Эй!”, стараясь одёрнуть нахального шалуна. Но меня перекрыл общий гам, прибежала воспитательница той группы, потом появилась Варвара Клавдиевна, всех быстро вывели. Всех, кроме меня.

— Вот видишь, — повторяла моя воспитательница. — Вот видишь! — и не договаривала, не объясняла, что я вижу, но достала кораблик, протёрла его и сверху, и изнутри, сменила свечечку, зажгла её, катер поплыл дальше.

И снова привели кучку ребят.

В тот день я ходил без спроса по всему садику, и никто меня не останавливал, ничего не спрашивал и ничего не требовал. Только все улыбались. По крайней мере, взрослые. И я потихоньку пробрался на узкую лесенку, ведущую на чердак. Дверь туда была похожа на люк, ведущий снизу, да ещё запирался тяжёлым железным засовом, так что мальши туда залезть не могли. Но посидеть на лесенке, ведущей вверх, могли даже очень.

И я поднялся туда, сел на ступеньку, стал смотреть в окно прямо напротив лесенки. Я думал про Тильгиля и Митиль, про Синюю птицу и про Души, которые есть у всего. И у кораблика же была Душа, значит. И у Огня, который что-то согревал в кораблике и только с помощью этой Души, Душа кораблика позволяла ему плыть. Мне очень нравилась невидимая тайна обо всём: у всего есть Душа. А уж про людей и говорить нечего.

Тот день тянулся отчего-то медленно, тягуче, будто мёд с ложечки, если достанешь его из банки. И я подумал, что мальчишка плеснул водой и погасил кораблик просто от удивления его Души, ведь она у него ещё никогда не видела таких чудес. И я тем утешился, облегчённо спускаясь по таинственной лестнице и снова приближаясь к ванной комнате, где слышались громкие голоса.

Там были те, кто постарше. Этих ребят осенью провожали в школу, и они считались взрослыми, по сравнению с нами.

— Ой, — воскликнула Варвара Клавдиевна, заметив меня, — вот и Коля! Это его кораблик, спасибо ему, он принёс его, чтобы вы все порадовались! Ведь правда! Как здорово!

Я стоял, наверное, покраснев. Зря Варвара Клавдиевна меня хвалит, я-то тут при чём, это же папа предложил, а сначала — привёз.

Их было человек семь, старшегруппников, большинство — мальчишки, и один из них в этом месте вдруг истошно как-то захохотал. Я знал, его звали почему-то Черемис, наверное фамилия Черемисов, — и вот он же тут гаркнул, прерываясь, будто бы заикаясь:

— Глядите! Как тонут! Ваши! Корабли!

И резко наклонился к воде, зачерпнул её двумя руками и бросил её на катер. А потом ещё и ещё, с какой-то яростью и злостью. Огонёк в катере погас, а пригоршни воды перевернули его вверх дном.

Я опять бессвязно вскрикнул, закричала и остальная ребятня, возмущённо, но бессловно закричала Варвара Клавдиевна, а Черемис гаркнул мне:

— А чего хвастаешь!

И уже обращаясь ко всем, крикнул:

— У него есть! А я — рыжий?

Я не понимал, что должен делать. Как отвечать — и отвечать ли? Что говорить — и говорить ли? И я беспомощно заплакал.

8

Домой в тот раз мы шли втроём. Я и бабушка, как положено, но с нами отправилась и Варвара Клавдиевна, ведь она с Геркой и Валеркой жила наискосок от нас.

Взрослые, честно говоря, когда идут рядом с маленькими, почему-то забывают, что эти маленькие такие же люди. Пусть и не всё понимающие, но всё слышащие и обо всём думающие — пусть и по-своему, по-малышовски. Ну и тогда я послушал взрослые рассуждения о неведомых мне предметах.

— Выходит, — начала бабушка, — ошиблись мы с вами?

— Ну почему же, — возразила Варвара Клавдиевна, — порадовали всех ребят. Кроме одного. Ну, мало ли что на кого накатит? А разве у нас, взрослых, не так?

— Так-то так, — глубокомысленно размышляла бабушка, — но вы же знаете поговорку: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Знающие люди утверждают: дети продолжение взрослых. И часто выговаривают то, что думают их родители. Даже их повторяют.

— Как глубоко копаете! — восхитилась воспитательница, — А надо? Ну, брякнул мальчишка, просто прорвало! Так может, правильное забыть?

Я и хотел забыть. Только не забывалось. Вечером бабушка предложила мне посидеть на улице, а сама увлекла маму и папу домой, чтобы рассказать о странной сцене. Я даже облегчённо вздохнул, что меня освободили от обсуждения, и снова сидел перед нашим круглым тазиком, где катерок упорно и надёжно плыл и плыл вдоль круглых берегов.

Я успокоился, отодвинулся от события в детском саду. И снова стал думать про Душу маленького огонька внутри кораблика, про Синюю птицу, которая приносит счастье не только людям, но и всему остальному, что есть в мире. Вот низко надо мной носятся стрижи, значит, всегда говорит папа, будет дождь. Но ведь стрижи откуда-то знают это лучше людей. И не только знают, но и предупреждают своими криками, беспокоятся за нас, а мы их не понимаем, потому что у нас нет шапки с волшебным камнем. Но, может, надо и без шапки что-то понимать и чувствовать?

А огонёк внутри кораблика? А вода, по которой он плывёт? А круглый эмалированный тазик, где купали меня, когда я был совсем маленький, и тазик с тех пор как бы мой добрый родственник, со мной он знаком, но кораблики, пусть маленькие и игрушечные, по нему ещё не плавали. Интересно, что бы он сказал сейчас, будь у меня волшебная шапка?

И я попробовал сказать что-нибудь от имени тазика. Сморщил лоб и взгляделся в него. Ну, наверное, он бы сказал:

— Что это вы там придумали? Во мне можно купать тебя! Если ты маленький! Стирать платки и носки — добро пожаловать! Замачивать рубашки твоего папы, наконец, когда он, усталый, приходит домой с завода. Но кораблики не плавают в тазиках! Им нужны лужи! Ручьи! Речки! Даже, может быть, океаны!

— Нет, — возразил бы я, — для океанов этот катерок слишком мал, да и свечка в его пузике мала для больших морей! Так что самое подходящее, это — ты. Видишь, что сегодня получилось! Даже ванна в детском саду и много детей, его разглядывающих, оказались ему велики!

И тут бы тазик вздохнул и проговорил бы:

— Нет, не размеры всему помеха! А предрассудки!

— Что это? — спросил бы я.

— Это когда люди одни и те же вещи понимают по-разному.

Такие слова и такие мысли пока не принадлежали мне, и я задумался, то ли размышляя о непонятном, то ли засышая.

А катерок упорно и молчаливо крутился по тазу.

Не скрипнув, у меня за спиной отворилась наша простецкая деревянная дверь, покрашенная в светло-коричневый цвет, — а ведь она всегда скрипела, — бабушка, мама и папа, не издав ни единого звука, будто тени, переместились на брёвнышко передо мной, и папа закурил свою “Звездочку”, совершенно неслышно чиркнув спичкой.

Он почему-то любил эту “Звездочку” — там были нарисованы два вооруженных бойца на мотоцикле — один за рулём, второй — в коляске, с пулемётом, а за спиной большая красная звезда, и папа всегда говорил, когда речь заходила о папиросах:

— Нам “Казбеков” не надо! Нам подавай “Звездочку”!

“Казбек”, кто не знает, дорогие папиросы в коробке.

Так что папа зажёл дешёвую “Звездочку”, раскурил её и покрутил ею: уже настали летние сумерки, а у него это здорово всегда получалось: крутить для меня круги, линии, квадраты, зигзаги и прочие фигуры папиросным огоньком в темноте. Молча, без разговоров.

И я, будто в сказке, забыв беспокойный день, смотрел на линии, которые рисовал папа, и маленькое сердце моё трепетало, как взрослое.

И тут случилось совсем неожиданное!

Папа вдруг ткнул папироску в землю, вскочил и воскликнул, что было совершенно не похоже на него:

— Боже! Я же забыл ещё один подарок! И, может быть, самый главный!

Он исчез в нашей двери, в комнате задержался на какие-то полминуты, потом над дверью вспыхнула наша уличная лампочка, развеяв мрак, и папа, вышедший на улицу, протянул мне мишку. Игрушечного медведя.

Конечно, я схватил его, конечно, поцеловал в нос, конечно, мама и бабушка издали возгласы удивления и радости, а я дал им полюбоваться медвежонком, и, ясное дело, медвежонок улёгся спать со мной на подушку, когда настал этот миг.

Он был — и есть! — не большой, но и не маленький, а сделан из какой-то редкой нынче материи — коричневой и в крупный рубчик. Глазки — маленькие пуговички, а на шее толстая красно-синяя ниточка, из шерсти.

Вот и всё. Но разве этого мало!

Я обнял папочку, а он поднял меня и прижал к себе. Так получилось, что одной рукой я обнимал моего папочку, а другой медвежонка из Москвы, которого он мне подарил летом одна тысяча девятьсот сорокового года.

Не напрасно мама сказала мне, откуда-то из полумрака:

— Это тебе ко дню рождения!

— Нет, — сказал папа, — это просто подарок.

Но я засыпал у папы на руках. Я улыбнулся ему, улыбался мамочке и бабушке, я улыбался Аллоскопу Аллоскоповичу и катерку, движущемуся — надо же! — не от трескучего моторчика, а от молчаливой свечки.

И у всего-всего-всего, что и кто меня окружает, была Душа, понимающая меня.

10

Вот, может, и вся история моих довоенных игрушек.

На новый, одна тысяча девятьсот сорок первый год мама купила несколько мандаринок в бумажных обёртках и подвесила их вместе с ёлочными игрушками на ёлку. А я их потом съел — и ведь нельзя считать, что я съел игрушки?

Аллоскоп мы сначала включали чуть не каждый вечер, ведь папа же привёз с ВСХВ целую коробочку диафильмов, и я узнал про “Огниво” и “Маленького Мука” не в книжках, а на простыне, которую вывешивала мамочка вместо экрана.

Но из всех сказок той поры “Синяя птица” оказалась важнее всех. И когда я чего-то не понимал в своей, лишь начинающейся, жизни, я думал про Душу, которая есть у всего, что нас окружает. Это меня каким-то образом ПРИМИРЯЛО со всем, что вокруг.

Наверное, поэтому я не любил ничего ломать, хотя бы ветки деревьев или кустов — ведь им больно! Никогда и подумать не мог, что можно швырнуть камнем — или хотя бы камушком! — в кошку или бродячую собаку, полезть в драку с тем, с кем в чём-то не согласен, или ответить бранью на ругань из уст такого же, как ты, мальша.

Я очень верил, что МИР лучше ВРАЖДЫ.

А потому, наверное, казался кому-то слабым. Но не я же один такой был, — только все по разным причинам, — и Варвара Клавдиевна старалась сделать нас сильнее.

Мы занимались гимнастикой в зале, долго гуляли перед обедом и дневным сном, вырабатывая выносливость, но любимым её делом было пение — ни одного дня мы не прожили в детсаду без песен.

Всё, что было на слуху, например, пелось по радио, через день или два уже распевала наша группа под аккомпанемент тётеньки у пианино.

И правда, это помогало. Разве можно скучать и слабеть, если поёшь, например, такие слова:

*На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые родины стоят.*

По крайней мере, я оживал: ведь часовые родины стояли на тех суровых берегах в будёновках, как у меня, и я-то уж знал, что это такое.

Детская память чиста. Она свободна от лишних знаний. И, наверное, поэтому мы запоминали длинные стихотворения, которые сопровождала музыка, не всегда, конечно, понимая их глубокое назначение. Но если ты часто их повторяешь, а ещё лучше — поёшь, музыка слова эти укрепляет, а всякого, кто поёт, делает увереннее. И вот мы пели:

*— Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьём мы жестоко.*

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война, если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!*

Иногда, когда хорошее настроение, например, после ужина с папой и мамочкой, я запевал что-то из песен, выученных в детском саду. И — удивительное дело! — папа всегда пел вместе со мной, оказывается, он тоже знал все эти слова и про часовых родины, и если завтра война.

Но вот мамочка нас не поддерживала. Она или выбегала на кухню, или опускала голову и закрывала глаза. А сквозь закрытые веки глаз, набок, или, наоборот, к носу, выкатывались слезинки. Я не понимал её, чего она плачет? Ведь песни такие бодрые, а слова — правильные, и они дают силу даже мне, не говоря, наверное, про папу, а ей отчего-то больно. Это же всем известно, что люди плачут, когда они, например, стукнутся, и им больно.

II

За Новым годом с мандаринками в бумажках на нашей небольшой домашней ёлочке постепенно пришла весна. Папа ходил на охоту с дядей Мишей и опять принёс селезня, а я горевал обиженно, когда он не согласился взять меня с собой. Ведь обещал!

— Конечно, обещал! — отвечал мне бодро папа. — И сдержу своё обещание. Но пока тебе рано! Пойми! Тебе только шестой год! А надо очень далеко идти пешком.

И мы с мамой и бабушкой проводили его до угла и смотрели, как он со своим другом уходит в сторону солнца, на закат, и исчезает в его бронзовых, слепящих лучах, потому что солнце закатывалось за горизонт.

Через день, когда он вернулся, и мы опять всей семьёй ели вкусную полёбку, я зачем-то спросил:

— А почему ты всегда приносишь селезня? А не утку, — уже разбирался, что селезни это мужчины, а утки — женщины.

— Уток весной бить запрещается, — ответил папа. — Ведь утки скоро снесут яички, как курицы, — объяснял он неторопливо, — И из них вылупятся детки — и селезнята, и уточки. И род утиный продолжится, и мальчиков, и девочек, утиных, прибавится. А папу их, селезня, можно отправить в кастрюлю.

Мама дёрнулась, сказала папе:

— Перестань!

Но отец улыбнулся ей и спросил каким-то взрослым тоном:

— Но ведь и у людей так же!

Но всё-таки смягчился:

— Главное, деток сберечь! И утиных тоже! И всяких других!

Больше спорить не стали.

И ещё одна удивительная подробность засела мне в память о том коротком времени, — когда я научился помнить, что со мной происходило и до страшной беды, до войны.

Первого мая сорок первого года, когда мы шли на демонстрацию, с каждым шагом к своему заводу папа становился веселее, энергичнее, даже, кажется, руки его — одной рукой он сжимал мою ладошку — становились крепче и твёрже.

И вот когда мы подошли к площади, на которой музыканты играли марш, а над толпой колыхались большие красные флаги с серпом и молотом, какой-то худой и черноволосый мужчина закричал:

— Вот он! Наконец-то! А то мы его жаждались!

Папа смеялся громко, громко же отвечал:

— Видите, я не один!

И тут же нас окружила целая человеческая гурьба. Мне жали руку взрослые дяденьки и тётеньки, хвалили разными словами, а тот дядька крикнул папе:

— Но ты же должен нести знамя! Тебя выбрали!

И папа вдруг легко ответил:

— Вот моё знамя!

Он ловко снял с меня лёгкое пальтишко, надел мне на голову будёновку и вскинул махом себе на плечи.

Я-то привык к этому, а тут взрослые люди, может, первый раз увидели маленького человека в гимнастёрке, с петлицами, в будёновке со звездой и с блестящим ремешком! Наверное, они и так сильно удивились. Но я ещё и вытянулся у папы на плечах, как полагается командирам в кавалерийском седле, и поднёс руку к виску.

Вот дела! Оркестр, который только что громко играл, даже смолк, и я сверху увидел, что музыканты смотрят на меня с удивлением. Странно смотрят, будто поражены чем-то, но это длилось недолго, какое-нибудь мгновение, а потом барабанщик с огромным барабаном бахнул в него, и оркестр заиграл знакомую мне мелодию. И я запел своим слабеньким, конечно же, в этом грохоте голосом.

Но это оказалось совсем не важно, потому что пела вся площадь, все дяденьки и тётеньки, стоящие подо мной — ведь я-то был всё-таки над ними, — и сильным, крепким, может быть, даже решительным хором, и одним громадным голосом, одной Душой, — да, одной общей Душой, — мы пели:

*Если завтра война, если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!*

И тот худой и длиннолицый подошёл к нам, пожал папе руку и вдруг сказал, показывая на меня:

— Ты прав, друг! Это и есть наше лучшее знамя!

12

А дальше я окунулся в шипучий и колючий океан! Будто я купаюсь в сладостной газировке, она обволакивает меня, в ней можно купаться и можно её пить. Да ещё и мурашки по мне ползают! Я даже смело подумал, что это моя маленькая Душа ликует от небывалого: этого неба чистого, громкого голоса тысяч взрослых людей, шёлкового трепета красных знамён,

а ещё моей высоты, откуда я вижу невиданные раньше просторы улиц, домиков и домов, людей, стоящих на обочинах дороги, которые кричат и машут шапками.

И ведь всё это мне!

Вернее, нам. Всем нам! Перед нами в один миг выстроился целый ряд молодых парней с красными флагами! Они трепыхались, метались, эти флаги, громко хлопали от ветра. А потом разом двинулись вперёд. И папа, со мной на плечах, оказался сразу за ними. Он попробовал, было, свернуть в сторону, к краю дороги, но ему замахали руками, закричали, велели идти спокойно своим путём. И мы с папой пошли за флагами.

Я обернулся. За нами двигались люди, много — много взрослых. Они смеялись, перекивались, пели — всякому ясно, что у них радостное настроение. Но мы с папой оказались как-то оторванными от всех.

Впереди будто занавес из трепещущих флагов. Позади огромный оркестр, который гремит настоящим громом. А дальше — колонна весёлых людей. Мы — в промежутке.

Нет, не успел я огорчиться или просто испугаться такого нашего нечаянного расположения, нет. В какой-то миг флаги перед нами расступились, и кто-то крикнул папе:

— Вперёд!

И папа почти бегом вынес меня вперёд, обогнал знаменосцев и пошёл перед ними. Мой любимый папа со мной на плечах шагал впереди всех. И я снова вытянулся и поднёс руку к будёновке.

13

А ещё через один месяц и двадцать два дня, в воскресенье, к нам пришли гости — дядя Миша, с которым папа ходил охотиться на селезней, и его жена тётя Лена — приятели моих родителей.

Рядом с домом доцветала вишня — белоснежные цветы её уже начинали осыпаться, но всё равно она сияла какой-то светлой радостью.

Взрослые принесли стёганые одеяла, чтобы нас не просквозила земляная сырость, посидели, поговорили о каких-то своих взрослых делах, которые я не умел слушать, а потом папа с дядей Мишей решили сходить с бурачком за пивом: совсем близко, на углу, в подвале, была пивная.

Они вернулись быстро, и я, взглянув на папу, понял, что пришла беда. Губы у него сжались и побледнели. И хотя он смотрел на меня, я сообразил, что он меня не видит. Он сказал:

— Война!

И больше ничего. И ушёл домой, переодеться. За ним побежала мама. Когда папа вышел переодетый, как на работу, гости уже ушли, не попрощавшись.

Вечером папа сказал, вернувшись:

— Мне дают бронь. Но я записался добровольцем.

Бабушка тогда заплакала, а мама опустила голову.

Так началась война.

Она по-разному началась для всех. Но во мне этот сад и цветущая вишня остались навсегда. Навсегда, пока есть я. Они и исчезнут только вместе со мной.

И так происходит со всеми. Всегда.

14

И с этой вишней, со стёгаными одеялами на поляне остались незабытыми довоенные игрушки.

Конечно, Аллоскопа Аллоскоповича не назовёшь игрушкой, это целый аппарат. Но цветные сказки на простыне, развешенной по стенке, я помню,

будто видел их вчера. А Тильтиль и Митиль смотрят и смотрят на меня, как будто спрашивают:

— А ты, мальчик, помнишь, что у всего есть Душа?

Мне стыдно говорить, что я уже давно не мальчик, но так отвечать неправильно, если речь идёт о Душе. Душа же всегда одинакова, или, вернее, равна. Душа даётся при рождении и отнимается в конце жизни — это у людей. А у вещей конца жизни нет, если их не ломают. Или они не ломаются сами, не превращаются в рухлядь или в пыль.

Я много-много лет, по крайней мере, всю войну, смотрел с мамочкой Аллоскоп. Потом его вытеснили кинотеатры и кинофильмы, и он спрятался в чулане, среди ненужных вещей — прости, товарищ. Исчез из моей жизни и кораблик, который прибыл ко мне из страны ВСХВ, которую люди отвергли, а теперь и забыли. Но вот Медвежонок с сине-красной ниточкой на шее по-прежнему со мной. Он сидит в моём книжном шкафу, за уголком, и поэтому как бы пребывает в полумраке.

Но я знаю, что он там, и когда мне очень хорошо или когда очень плохо, я достаю его и смотрю, изменился ли Медвежонок, как изменился сам я.

Сначала он смотрит на меня пустым стеклянным взглядом, и я знаю, что он обижен на меня. Обижен справедливо.

Уж очень долго я не встречался с ним, не говорил с ним, не рассказывал ему про свои радости и печали.

Я знаю, что его Душа всё знает обо мне, и с обидой понимает мою неправильную привычку — когда мне плохо, приходиться к нему, а когда хорошо, то и вовсе про него не вспоминать.

И я перед ним извиняюсь, как могу и умею. Я повторяю, вздрагивая всякий раз от страшной глубины этих слов, сказанных людям:

“СЕРДЦЕ МУДРЫХ — В ДОМЕ ПЕЧАЛИ,
СЕРДЦЕ ГЛУПЫХ — В ДОМЕ ВЕСЕЛЬЯ”.

Медвежонок смотрит стеклянным взглядом, но я знаю, что мне надо донуть на его глазки и потереть их, — обязательно своим рукавом, — и ещё раз, и ещё.

И тогда эти глазки посмотрят на меня совсем по-другому. Они вспомнят меня. Узнают. Медвежонок не умеет говорить, но я знаю, что бы спросил он, если мог. Он спросил бы меня:

— Не забыл?

— Не забыл! Прости, прости, прости меня! Но я не забыл свои игрушки. А значит, жизнь. И не только свою.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

А где же Черемис?

Он учился в другой школе, на два года старше меня. Когда я был в первом, он зацепил меня. Появился в конце войны — начале мира такой у детей полухулиганский приём, обозначающий не то нелюбовь, не то превосходство, но уж никак не безразличие. Ты, допустим, идёшь по тротуару, а тебе навстречу некий тип такого же возраста, впрочем, порой и слабее. Он смотрит куда-то в сторону, потом выравнивает курс и цепляет тебя своим плечом. И раз уж этот удар запланирован, он всегда сильнее и поворачивает тебя против хода.

Такой вот способ не то, чтобы поздороваться, а дать тебе знать. С ног не сбить, но показать, что ты на них не крепко стоишь. В общем, выразить отношение — не ударом, а обманом.

Так вот я шёл себе и шёл по улице, о чём-то своём соображая, и вдруг меня развернуло вокруг самого себя, я едва удержался, И понял вослед агрессору, что это Черемис. Он ещё влоборота повернулся, чтоб я не сомневался.

А уже совсем после войны, в пятом классе, я занялся русским хоккеем, записавшись в детскую спортивную школу. Через полгода тренировок мы начали играть с разными командами, и настал час сразиться с “коровцами”, что означает — Клуб Октябрьской революции, где тренировались дети железнодорожников.

Я уже играл не первый матч, имел скромный, но опыт, мне нравилось “шарить” в коньках да ещё и воевать за мяч, но до ударов по воротам дело не доходило, потому что, повторюсь, я играл в защите.

В тот раз играли вечером, при свете железных ламп-абажуров, лиц не только противников, но и соратников было не разобрать — только по цвету спортивных фуфаяк приходилось отличать одних от других.

Мы играли в красном, “коровцы” в белом, хотя, наверное, следовало бы сделать наоборот, но, независимо от цвета, мы были определённо слабее, и счёт складывался не в нашу пользу. Капитан и тренер взяли тайм-аут, собрали нас и сказали то, что мы и сами знали, без них. А “коровцы” переставили игроков.

И тут я увидел, что против меня играет здоровый парень, явно старше. Да ещё и опытнее. Он обходил и обходил меня, этот нападающий, лицо которого было в тени, и бил, бил по воротам. Но не попадал. Это, видно, кто-то охранял меня. Может, Душа мячика, которая не хотела жестокой несправедливости для ребят в красной форме.

И вдруг меня осенило! Есть проверенный способ остановить нападающего, который выше, тяжелее, опытнее тебя, быстрее катит, азартно бьёт. И когда он снова пошёл на наши ворота, я полетел ему наперехват. Я поехал ему наперерез и при этом присел, и он, понятно, налетел на меня и грохнулся.

В полумраке сверкнули глаза, и я ахнул:

— Черемис!

Но он ничего не произнёс. Такая атака защитника позволялась правилами, но больно приходилось обоим. И нападавшему, ведь он не только терял мяч, но и с силой грохался об лёд. И уж, ясное дело, защитнику — он подставлялся под несущийся поезд.

То есть мне!

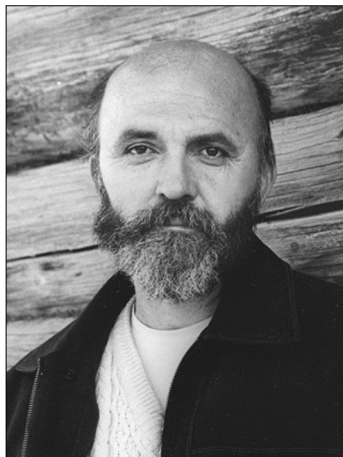
Черемис отъехал, атака началась снова, мы проиграли, но когда я выходил из раздевалки, мой противник с детсадовских лет вдруг выдвинулся из круга своей команды, шагнул ко мне и произнёс без всякого издевательства:

— Ну, ты даёшь!

Мячик с той игры тоже хранился в моём родительском доме. И тоже исчез. Но я его помню.

2020 г.

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ

* * *

Прохожу. На калитке одной
Надпись краскою “Злая собака”.
И действительно: взгляд ледяной,
Холка волчья и зубы. Однако
Отворяет калитку малыш —
Года три ему, может, чуть больше,
И верхом на собаке! О Боже!

Мальчик, будто на кротком осле,
На цепном кобеле восседает.
Ничего он не знает о Зле,
И собака его не кусает.

ПОЭТ

Все в мире заняты делами.
Какое множество судеб!
Кто камни делает хлебами,
Кто в камни превращает хлеб.

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович родился в 1960 году в городе Кореновске на Кубани, учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, в университете на филфаке. Член Союза писателей России, автор шести поэтических книг. В 2005 году ему была присуждена Большая литературная премия России. Живёт в Краснодарском крае.

Найдите дело мне, поэту:
Лишь я один — ни то ни сё,
Сижу, верчу в руках планету,
Где происходит это всё.

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

А на ставне моей солнца блик,
И повсюду игра светотени...
Потерявший рассудок мужик
Лупит тростью по кистям сирени.

Струйки пота бегут по спине,
Проступая пятном сквозь рубаху.
По весне!
По судьбе!
По стране!
Бьёт мужик своей тростью с размаху.

Вот устало присел на крыльце,
Трёт ладони одна о другую,
И улыбка его на лице...
Не дай Бог вам увидеть такую.

* * *

Ни электричества, ни газа.
Хозяйке скоро сотня лет.
Но, как ребёнок, ясноглазо
Глядит она на белый свет.
Кривая ветхая хатёнка,
В сенях старинный ларь с мукой.
Такую хату, как котёнка,
Погладить хочется рукой.
Над крышей хаты с кроной вяза
Сплелась могучая ветла...
Ни электричества, ни газа,
Но сколько света и тепла!

ТА ЖИЗНЬ

Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
А сердце вовсе не болело.

Душа сияла чистотой,
И васильки синели в поле.
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господней воли.

Теперь не будет мне дано
Собрать разрозненные части
Того уклада, что давно
И был, по сути, нашим счастьем.

* * *

День начинается с рассвета,
Жизнь начинается с любви.
О, как блажен, кто верит в это!
Но у меня не то в крови.

Я — обладатель тайной меты,
И мне всё кажется, а вдруг
Всё это выдумка поэтов,
Всего лишь выдумка, мой друг?

Зачем повенчан я с тоскою?
И дни проходят без любви
Глумливой шайкой воровскою?
Любовь, ты их останови!..

25 НОЯБРЯ

Кто объяснить мне сможет это?
За что мне это суждено?
Я в этот день не жду рассвета,
Но он приходит всё равно.

В какую спрятаться мне нишу?
Куда мне улететь с крыльца?
Когда я вместо солнца вижу
Лицо бескровное отца,

Лицо с закрытыми глазами,
Оно мне памятей всех лиц...
И эти птицы с голосами,
Каких не может быть у птиц...

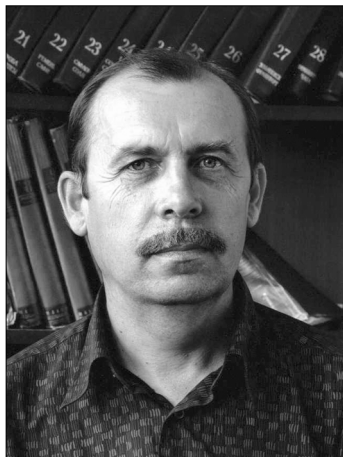
РЕБЁНОК

Я завидую этому крохе,
Моя зависть, как солнце, бела.
Прямо в пыль посредине дороги
Он уселся, в чём мать родила.

Он в пыли беззаботно-счастливый,
До чего ж хорошо одному.
Ах, моё беспортошное диво!..
Дай же, Господи, мира ему.

.....
Поздравляем нашего давнего автора с юбилеем!

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

ЧЕСТНАЯ СЛУЖБА

РАССКАЗ

Михася Ярошука призывали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела — милости просим в доблестные войска, защищать честь и независимость Украины.

Михась, парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с бульбой в тракторный прицеп покидать, и воды матери в огород ведрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник при доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закуска. В кухне, благодаря ему, всегда мясо найдётся.

— Михася в армию берут, праздник в доме, — гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. — Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни? — обратился он к отцу призывника.

ВОРОНИН Дмитрий Паволович родился в 1961 году в городе Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник более сорока альманахов и прозаических сборников в России, на Украине, в Беларуси и Германии. Лауреат премии им. Александра Куприна, лауреат международных конкурсов и фестивалей "Славянская лира", Беларусь; "Славянские традиции", Крым; "Русский Stil", Германия; "Гоголь-фэнтези", Украина; "За далью – даль" им. Твардовского, "Антоновка 40+", Москва и других. Живёт в посёлке Тишино Калининградской области. Член Союза писателей России.

— Так девятого мая идти, нехороший день, — озабоченно потёр лоб батько Андрий. — Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

— И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

— Непокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

— А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, пресвятая дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка — Михасины сёстры, — бабка Ганна да мамка Наталка и даже совсем уж старая бабка Христа, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье куриц да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкворчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок, и по округе разносился сладковатый запах браги.

— Хороша горилка будет у Андрия, — втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо Ярошуковой хаты, — погуляем знатно.

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось много народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные во дворе в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, птица, рыба, сало, домашние колбасы, сыры, овощи свежие, солёные, маринованные, фрукты, — одним словом, ешь — не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке, горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее, хочешь — виноградное, хочешь — яблочное на солнышке переливается, пива наварено немеряно. Праздник — так праздник!

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него — отец с матерью, то бишь Андрий с Наталкой, рядом крёстные — дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи — прадед Иван и прабабка Христа, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганной. Ну, и в остальном всё по справедливости: ближе к Михасю — родня ближняя, потом — дальняя. И в сторонних рядах всё чин чинком, с одного края — дружки-подружки Михася, с другого — соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из погодков прадеда Ивана и прабабки Христа никого, они последние в селе должовители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить:

— Дорогие наши все, и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете...

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного:

— А то...

— И у нас було...

— Праздник в доме...

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил:

— Так вот, значит, я про важный день доскажу, как есть. Наш Михасю становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки, и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? — обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий.

— Так, так, — загалдели кругом гости. — Хорошо говоришь, верно.

— А если так, — вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, — то вот вам истина. Все Ярошуки всегда были честными защитниками

и не сгинули в своей службе на благое дело рідної неньки Украины, а уберegli себя для дальнейшей пользы жизни. Уберegli для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и геройскому, прадеду нашего Михася — Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и слушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

— Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай впитывает.

Худой, сторбленный годами старик с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

— Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско польское.

— Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, — торжественно объявил с церковного крыльца благуя весть подпоручик и вдруг неожиданно положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. — Хочешь землю, хлопец?

— Хочу, пан офицер.

— Молодец, хлопча, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

— Дурак, земли на могилу получишь, конечно, — только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку: отправили его сразу же в концлагерь для русских военнопленных, что в Стшалкове расположился. Туда русаки потоками стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать своё дело.

— Эй, москаль тухлый, давай сюда. Прытче, прытче, — подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. — Жрать хочешь?

— Хочу.

— Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

— Афанасий я.

— Панас, — загоготали кругом охранники, — ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк. Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маха ударил кулаком русака в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и, уже лежащего, принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

— Який я тэзка ему, курве москальскай, який я ему тэзка!

— Хорош тебе, — через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, — не бачишь, что ли, сдох твой тэзка, уже хрипеть перестал.

— Добрый пёс знает своё дело, — усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. — Честно служить будет.

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, — вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. — Наш далёкий предок служил нашей батькивщине всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошук. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик с таким же ястребиным носом, как у отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача:

— И что тебе сказать, внучек мой дорогой, Михась? Помню тебя вот таким, — показал Сашко рукой у своего колена. — А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку — и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед, Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам — сгонять народ к бывшему сельсовету.

— Шнель, шнель, партизанское отродье!

— Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

— Геть, геть, дурна баба, сказано всем — значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

— Эй, пострел, ты куда забрался? — улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. — И не больно тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не могу. Матуля загадала сидеть и не вылазить без её дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Правда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тэзка значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, —

видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия приспело, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий животик. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдаль от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром Рузине и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох, и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: “Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!”

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики: “*Rusové, jdíte do Moskvu!*” — обрушился град увесистых камней, один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, ГДРовский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обречённо вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие на изготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Сашков спаситель, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь — обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по рации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашко, успевшему прийти в себя.

— *Komm, russe* (пойдём, русский! — нем.)! — показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито-спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

— *Komm, russe*, — вновь поманил за собой Сашко немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

— Ausweis! — навёл на паренька автомат немец. — Schnell (Документы, быстро — нем.)!

— Nemám ausweis (Нет документов! — чешск.)! — растёр слёзы по лицу мальчишка.

— Name (Имя? — нем.)?

— Александр.

— Надо же, тёзка, — удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав его голос, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу.

— Gut! — и показал на висящий на плече Ярошука “калашник”. — Schuss (Хорошо, стреляй! — нем.).

— Я? — испуганно отпрянул в сторону Сашко.

— Ja, ja (Да, да! — нем.)! — утвердительно кивнул немец.

— Я не могу, я не убивал людей, давай сам, — попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

— Nein. Du. Das muss, — отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. — Schnell (Нет. Ты. Так надо. Быстро! — нем.)!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

— Scharfschütze! — брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. — Ist tot (Меткий стрелок! Наповал. — нем.)!

Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами наперевес подбежало по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

— Что тут произошло, сержант Ярошук? — обратился к нему взводный, косясь на труп паренька.

— Я, это... Мы, это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот он... Я не хотел. Они первые, — не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

— Guter russischer Soldat. Scharfschütze... — широко улыбнулся тот (Хороший русский солдат, меткий стрелок — нем.).

Через месяц Сашко демобилизовали.

— Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома, как героя, не сомневайся, — крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

— Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, — поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

— Дозволяем, говори, Мирон.

— Спасибо, братья, — степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. — Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, недалеко катись, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

“Духи” атаквали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь почти полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше: ему перебило осколками мины ногу и пуля прошла плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то,

что “духи” не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

— Тёзка, — прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что “духи” ушли, — посмотри раны, перевяжи, где надо.

— Где надо... — машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас “духи” вернуться и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрял с этим москалём, вместо того чтобы бежать подальше от этой общей могилы. Грохнуть, что ли, этого лейтенанта?

— Андрей, ты чего такой дёрганый? — будто почувствовал что-то неладное лейтенант. — Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

— Лейтенант, надо уходить с этого места, “духи” могут вернуться!

— Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

— “Духи” тоже, — поднялся во весь рост Андрий. — Я тебя понесу, где смогу, где не смогу — тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрею Ярошуку перед всем полком в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

— Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, — растроганно обнял Андрия командир полка.

Отгремели проводы, и вот Михась уже месяц воюет. Тщательно прицелившись, он выстрелил. Какое-то мгновение замороженно наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

— Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе, — хлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. — Запомни этот день — двадцать второго июня. С победы над первым москалём начался отсчёт твоей честной службы.

— Слава Украине! Героям Слава!

— Чего там, Андрий, кто звонил? — обтёрла от муки руки Наталка.

— Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

— Ой, боже ж мой, беда-то какая! — всплеснула руками Наталка. — А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

— Война, будь она неладна!

КОНСТАНТИН СМОРОДИН

ГАРМОНИЯ ВОСКРЕСЕНИЯ

* * *

Меня поразила стрела
с ядом печали,
и если б колокола
в душе не звучали,
и жизнь бы, наверно, ушла,
как кровь через раны.
Спасали колокола
и тихие храмы.
Спасал небесный Отец
незримым участием.
И стала жизнь, наконец,
ко мне возвращаться.
Но мир изменился: дела
меня обличали...
И если б колокола
в душе не звучали...

СМОРОДИН Константин Владимирович родился в 1961 году в Первоуральске Свердловской области в семье музыкантов, раннее детство провел на Украине, затем семья переехала на родину матери в г. Саранск (Мордовия). Окончил Литературный институт им. Горького. Автор 5 книг стихов и 10 книг прозы и публицистики, написанных совместно с безвременно ушедшей супругой Анной Смородиной. Публиковался в журналах "Москва", "Наш современник", "Юность", "Молодёжный журнал "Странник", "Подъём", "Вологодский Лад" и др. Лауреат нескольких всероссийских премий. Член СП СССР. Народный писатель Республики Мордовия (2014 г.).

ПАСХА НА АФОНЕ

1

Повсюду разлита гармония.
Это же сам Господь по весне,
на Пасху, нас, почти посторонних,
обнимает как сыновей.

Птицы поют, расцветают растения,
становятся хрустальными небеса...
Это же гармония Воскресения
дарит свои чудеса.

2

Если на Афоне слышен звон по мраморному полу —
это не каблучки стучат, это — костыли.
Внемля торжественному глаголу,
все цветы окрестные расцвели.

Собираются нищие и калеки
в храмы Успения и Рождества.
И застывают горными складками навеки
минуты Пасхального торжества...

* * *

Мелковаты наши патриоты —
слишком много о себе заботы.
Демократы наши простоваты —
их ухватки слишком вороваты.
Ну, а власти?
Что же наши власти?
Им:
— Привет!
Они нам тоже:
— Здравствуйте.

А народ?
Народ так жить привык.
Всё равно Америке кирдык.

СОЛОВКИ

Ты где-то
на краю света.
Там Белое море, белые ночи. Лето.
Там живёт 900 душ, старых и юных.
Там цветёт черёмуха в середине июня.
Там чайки парят над морем косо.
Там гряда островов и главный остров,
на котором монастырь, как каменный авианосец, —
на стенах из валунов стальная проседь.
Там такой простор и красота такая,
что хочется кричать и махать руками.
Там всё скреплено молитвой и кровью:
твердый камень, зыбкий перламутр воды
и неба прозрачная кровля...

* * *

Мне приснилось: есть сын у меня
(неужели случилось такое),
и душа замерла от огня,
что не спрячешь внутри и не скроешь.
Он играл на зелёном лугу,
оглянулся, меня узнавая.
И теперь я понять не могу —
он простил меня, или?..
Не знаю.

АНДРЕЙ АНТИПИН

ЖИВЫЕ ЛИСТЬЯ

Из книги миниатюр

ТАЙНА НЕИСПОВЕДИМАЯ

Не знаю, от чего больше пользы: от того ли, что пишу? Или от того, что иду по охотничьей лыжне, стряхивая посохом снег с молодых деревьев?

НОША

После снегопада в лесу много лопнувших молодых деревьев. Это беда на них свалилась — снегом на голову, и однажды перевесила: сначала наклонила, согнув знаком вопроса, а потом и сломала. В то же время большие деревья стоят, не шелохнутся, в сбитых набок белых папахах. Разве что какое-нибудь совсем старое, дуплистое хрястнет с характерным звуком раскалываемой лучины и рухнет поперёк лыжни...

И всех жаль: и молодых, и старых. Старых — потому, что жизнь прошла, как и твоя когда-нибудь пройдёт, и настала пора умирать. Но молодых — конечно, жаль больше, так что согласно повторишь за мудрым азербайджанским поэтом Видади Молла Вели: “На жизнь имея столько прав — как тяжело умирать!”

АНТИПИН Андрей Александрович родился в 1984 году в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. В 2008 году заочно окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Сибирь”, “Юность”, “Молоко”, “Москва”. Автор книг “Капли марта”, “Житейная история”. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в родном селе.

А ещё, глядя на эти молодые деревья, точнее, на то, что от них осталось — высокие, рваные на торцах пеньки и лежащие в снегу, как с плеч снятые — вершины с недоразвившейся кроной, невольно подумаешь, что молодость и сила, сколько на них ни уповай, на проверку не всякий жгут перетрут, не всякую беду перебедуют, не каждую юдоль одолеют. Так, может, не надо столь самонадеянно полагаться на них и переключивать с больной головы на здоровую, говоря: “Молодые, сильные! Это им — как слону дробина...”?

Ноша-то она, конечно, крестная и всякому, сказано, даётся по силам. Да только старое дерево на молодое не обопрётся! И всё реже, Господи, мы превыше морока и зги, которые Ты ниспосылаешь нам за грехи наши, а люди, нерадивые чада Твои, своей безрассудной верой в нас лишь безмерно отягчают эту ношу.

“КОГДА НЕ СТАЛО РОДИНЫ МОЕЙ”

Пошёл в первый класс — как раз упразднили правило, и родину стали писать с маленькой буквы. Да и Родины — той, с большой буквы — не стало.

Осталась только в “Букваре” и прописных тетрадах. А вскоре её и оттуда — взащей...

И всё-таки мы успели поучиться по этим букварям! Всё же первые свои слова выводили по старым прописям, в которых есть красная строка и есть Родина — и она с большой буквы. И эту-то большую в нас не отменить.

DUM SCRIBO, SPERO

Однажды оговорился и вместо “Dum spiro, spero” употребил (“Пока дышу, надеюсь”) в известном латинском выражении глагол scribo (пишу).

Поначалу, как говорят, не придал значения. Но когда прочувствовал всю важность замены, понял, что она — не случайна, и это не я обмолвился, а кто-то свыше положил мне на язык более точное слово.

ПИСАТЕЛИ

Великие — как деревья во бору: в бурю шумят, скрипят, качаются, соприкасаясь вершинами, часто — бодая друг друга, да так, что только сучья летят... Но никогда не сплетаются и не захлестываются!

А заурядные — как трава в лугу: ветер дунул — и полегли, и сплелись-спутались, и попробуй угадать, кто где по отдельности.

КОРНИ

В буран упало дерево — наутро возле слома рыхлый иней:

корни ещё дышат.

Умер поэт — на сороковины несколько сотен просмотров в Сети:

стихи ещё дышат.

Разлетелись, как птицы в небе, — на Новый год СМСка:

любовь ещё дышит.

ПОЛЯНА

Вот что: в детстве я ничем не отличался от других. Даже был поозорней. Подкивочатей. Зачинщиком наших уличных дел. Но лет в тринадцать стал рифмовать — упоённо, беспamięтно, как будто запел во мне весенний

глухарь. И вскоре заметил, что вокруг всё больше света, словно я очутился на солнечной поляне. Только с годами явилось понимание: света стало больше не оттого, что в мире сделалось светлей, а потому, что пришла ко мне поэзия — и все мои друзья расступились, как деревья в лесу, оставив меня один на один с этим светом.

ПСИХОЛОГИЯ ТРОПЫ

Пробредёт кто-нибудь по глубокому снегу, да раз и другой, снег вымерзнет, затвердеет — вот уже и тропа. И ты, если тебе надо в ту же сторону, обязательно встанешь на эту готовую тропу, случайно выйдя на неё в лесу, а тем более в открытом поле, и даже при том, что ведёт она не совсем верно, наматывая лишние сотни метров, всё равно двинешься по ней, вместо того чтобы срезать углы на пути к конечной цели. Идёшь след в след, спотыкаясь и чертыхаясь, если шаг человека, который прошёл до тебя, короче твоего, костеришь и того, кто проложил тропу, и себя, ею покорно пользующегося. Хочется идти полным шагом! И ни за что не пойдёшь, пока не кончится тропа. Наоборот, всё время ставишь ногу ровно на такую длину шага, которую предписал идущему за ним первопроходец, копируешь его движения, и хотя уверенно приближаешься к назначенному пункту, не знаешь, ты ли это идёшь и твоя ли на самом деле цель маячит впереди. И уж тогда приходит подлинное понимание — лучше превозмочь себя, сломать набитую бровку и пойти по чистому, нетронутому, проступаясь по колено, а то и по пояс, но зато и борясь, отстаивая право на свою длину шага, на собственный путь и собственную судьбу, словом, на “свою колею”, о которой талантливо спел Высоцкий.

СПИЧКА

Я задержался в зимнем лесу и, выйдя в приречный луг и уже некоторое время идя по нему, попал в метель, да такую, что стало белым-бело, а налетевшим снегом нахлестало по глазам, словно концом белого полотенца.

Вот бы и повернуть, укрыться за деревьями. Но в этом чаду как было угадать, в какую сторону идти, где лес, да и прошёл я немало, а следы занесло...

Это было обиднее всего: человек ещё тут, на земле, ещё жив и даже идёт через зимний луг на лыжах, а следов его уже нет! И никто не узнает, что в пути его подстерегла метель, что он шёл на неё шаткий, как травинка, но непокорный, наклоняясь вперёд и прикрыв глаза ладонью, чтоб не секло прапнелюю. А потом, в один грустный миг какого-то незримого расставания с самим собой, когда всё делается единым, что жизнь, что смерть, вдруг остановился, запаниковал — и потерялся...

Но я-то не запаниковал, я-то не потерялся!

Я, как целинный первопроходец, ломил только вперёд, невзирая на то, что метель зализывает мои следы, словно показывая, сколь на самом деле мал человек и как недолговечна память о нём, о жизни его, полыхающей спичкой в горсти. И, наконец, был отблагодарён тем, что отволгла, стала мягкой, а там и закончилась метель, — и это значило, что не она меня, а я её пережил! Выглянуло солнце, и нашёлся потерявшийся лес, с мохнатыми лапами в раскидку побежал — зимний, серебряный! — навстречу, когда я покатился с косогора, под которым дымил всеми своими трубами посёлок и полоскался на ветру трёхцветный парус над крышей сельсовета. В посёлке мой дом, в доме — люди, которые меня ждут, и книги, что я пишу, а их, может быть, тоже кто-нибудь ждёт. И, стало быть, недаром я был в пути и не зря, наверное, горела и горит спичка в руке Того, кто всё может: и зажечь, и задуть в свой срок.

ВЕЧНОСТЬ ГРЯДУЩАЯ

Идёт Нетёсов из магазина, несёт на плече пузатую сумку с продуктами, дымит сигаретой, скосив лицо чуть набок, чтобы дым не ел глаза. А впереди в валких синих валенках, закутанный во всё тёплое, семенит внук Артёмка. Прёт под мышкой трёхлитровую коробку с нарисованными яркими апельсинами, и тоже кривит лицо: посмотреть, тут ли дед, не отстал ли? А ещё, может, для того приглядывает за дедом, чтобы высчитать расстояние между ним и собой, а из этого, в свою очередь, сделать вывод, успеет ли он, Артёмка, испробовать вкусного натурального сока прямо на улице.

Вот, забежав далеко вперёд и, должно быть, удовлетворённый отрывом, останавливается посреди дороги, по-хозяйски зажав коробку коленями и согнувшись так, как будто собирается с подхвата взвалить мешок с картошкой, этакий мужичок-с-ноготок. Сняв пушистые варежки, круглыми крепенькими кулачками свинчивает пробку, сдёргивает полиэтиленовую чеку и — пьёт, подняв тяжёлую коробку обеими руками. И только парок, выдыхаясь изо рта на противоходе густой мякотной струе, курится над маленьким человеком. На ресницах у него блестят кристаллики изморози, ещё миг назад бывшей слёзной поволокой, выступившей на глаза от счастья и восторга жизни.

Отпив, Артёмка аккуратно закручивает пробку, внимательно следя, чтобы пла строго по резбе и как-нибудь не скovyрнулаcь, не пролила драгоценный напиток, после чего надевает варежки, зажимает полегчавшую коробку подмышкой и, придерживая свободной рукой, уже не семенит, а бежит, пугливо оглядываясь на улыбающегося деда. Сок в початой коробке шатается, как тугой шар. Синится морозная улица. В снежном вихре и выхлопе рваном мчит от реки “Буран”, и, как слюдяной околыш, играет на солнце лобовое стекло снегохода. Вокруг рта у Артёмки — оранжевая полоска, похожая на песчаный свей в пустыне. И я не знаю, кто во всём посёлке счастливей! Может быть, только я, вдруг узнавший себя в этом русском мальчишке, да вот ещё, конечно, его мама, к которой он сейчас прибежит, ввалится с мороза, краснощёкий, и от него, от волос его, упревших под шапкой, так нежно, неизъяснимо запахнет зимой, снегом, детством.

НЕ УНЕСТИ С СОБОЙ

В середине зимы, сомкнувшей свои ледяные руки-крюки ещё в конце ноября и уверенно опустившей красную жилку в термометре до минус 47 в декабре (а ближе к реке до минус 50 и ниже), вдруг с ночи обильно высыпала пороша. Облака наутро огромные, молочно-белые, с люминесцентным светом внутри. Едва ли не в каждом — дымная лохматая грива есенинской вздыбленной кобылы, медленное ржание её, оскаленный рот, задранная морда, звонкое копыто. Из-под него летят и летят на землю, на крыши посёлка, на шарфики и капюшоны местных модниц щедрые январские комья, рассыпаясь в воздухе сверкающей пылью. К обеду и вовсе припекло. С акации сам собой падает снег, но не так, как ещё неделю-другую назад, — провисая под собственной тяжестью, а как бывает на повороте к весне, когда пробудившаяся ткань деревьев нагревается от солнца, снег час от часу подтаивает, наконец, рвутся все связи — и снег соскальзывает с провисшей ветки, а та, отряхнувшись, высвобожденно пружинит, на глазах — дышащая, живая — покрываясь нежным инеем.

С южной стороны школы уже кляётся первый птенец: на жестяном карнизе окна второго этажа подтекла снежная корка и начала капать на карниз окна вниз. А в лесу за рекой заиграла музыка (должно быть, из автомобильного проигрывателя), стали слышны голоса людей. Ребятишки, пока взрослые жарят шашлыки, бродят в глубоком снегу, сощипывая мёрзлые ягодки шиповника, не склёванные клестами и снегирями, или катаются с пригорка, оседлав кусок фанерки, которую они спереди загибают полозом. И почему-то вспоминаются девяностые годы, детство бедное моё, когда ели

китайскую лашу прямо сухой, ходили с ней по деревне, словно с каким-то чудо-лакомством...

Хорошо бы сейчас идти по лесу на охотничьих лыжах, сняв жаркие шубенки и сдвинув шапку со лба, и видеть, как вчера — в серебряной скорлупе от мороза, а сегодня — контрастно, влажно сереют на фоне снега и зелёных пышных кедров большие ярко-коричневые лиственницы, а на них сидят пушкинские белки и грызут золотые орешки!

И ещё: дядя Миша Чупров, живущий теперь с больными родителями в Железногорске, прошёл по улице. И, Господи, от него тоже повеяло весной! Весной жизни моей, когда дядя Миша жил на Береговой, вывозил снег под угор в старой цинковой ванне или сидел, накинув ногу на ногу, на лавке у ворот и курил сигареты “Луч”. А я дружил с его кудрявым сыном по прозвищу Пушкин, и мы с ним наперегонки плавали через быструю Лену, кидали спиннинги за Борисовской протокой или ставили дяди Мишины капроновые сети в щучьей заводи за брустверами, а то, разжившись у совхозных шоферов бензином, весь день, как оглашенные, гоняли по деревне на трескучем “дырчике” системы “Восход”!

И Пушкину Александру Сергеевичу нынче — поминование, день его гибели на Чёрной речке, чёрный день русской поэзии. Может быть, и поэтому что-то струнулось во мне, и это как-нибудь, да сказалось! Ведь в тот день по старому стилю много лет назад снег тоже был влажный, и не только от крови...

Теперь, когда пишу, на улице минус 6 в тени. Небо уже замутилось, нет больше есенинских светоносных кобыл, и ветер толкается в шаткие стёкла, наклоня сухие травинки во дворе. Вот пробрасывает крупный, узорчатый, какого не бывает — не должно быть! — зимой. И сейчас пойду слушать, играет ли музыка за рекой, и смотреть, резвятся ли дети, клюётся ли птенец, идёт ли дядя Миша по улице...

Музыка замолчала. Но ветер — тёплый, и когда швыряет в лицо снежинку, она осяземо тает от соприкосновения с кожей. Слышно, как высоко на сопке колтыхаются деревья. Облака — скорее фиолетовые, чем синие — мчат над лесом: попробуй останови! И само собой является понимание, что всё, что задумал, вовек не напишу, даже имея я семь жизней. Поэтому надо налегать на эти записульки — не затем, чтобы самому остаться, а чтобы не унести с собой, уходящим, то, что не должно уйти. Например, вот этот первый весенний день в конце морозного января 2013 года, когда смолкла музыка в лесу, но ветром раздувает деревья на сопке, и пусть до настоящего тепла ещё не так близко, зато тем учащённей, зримей дышит проснувшаяся ветка, и ты умеешь это видеть, а значит, и в тебе всё бодрствует, и хотя зрячесть эта, как всякое знание, таит многие печали, всё же она и спасает в чёрный день, позволяя остановить мгновения жизни и дать высмотреть в них такие дали, о которых ты и не догадывался, а те, в свою очередь, отверзаются подлинно неземной высотой, вечной алгеброй бесконечных смыслов, и если есть они, эти прозреваемые богоданные дали, следовательно, и в смерти, вообще в уходе нет никакого тупика, а скрыта лишь очередная даль, ещё не высмотренная и не познанная.

КРАСНАЯ РОЗА

На днях умер Колька Серогнедов. О нём, вернувшемся из областной больницы после долгого лечения, и когда уже знали, что у Кольки — сахарный диабет, сообщил его дядька Волосюк, развалясь на мягком сиденье рейсового автобуса, из которого днём ранее Колька вышел в родном посёлке:

— Не жилец!

Было это в начале нулевых. И я, помнится, в свои семнадцать-восемнадцать ужаснулся этому “не жилец”...

...Ему в мае исполнилось бы тридцать. Очень худой. Смуглый. Остроголовый. До болезни работал в клубе диджеем. Выпивал и курил. Как все. Зависал с девчонками. Потом ходил со специальным тестером на животе...

Мы с ним не здоровались.

Я вернулся с реки, где проверял уды на налимов, и стаскивал с ног обмёрзшие бахилы, когда мама сказала мне о Колькиной смерти:

— Сели они в четвёртом часу попить чаю, потом он встал — и его как затрясёт! Подхватили, положили на диван. Мать кинулась за медиком, а Иван, отец, выбежал на крыльцо, крикнул ей, что — всё, умер Колька. А она не слышит, бежит...

Когда в деревне умирают молодые, стареет деревня. Ощущение личной беды и в то же время — глубокого народного горя. И мужики, которых обычно много на похоронах, говорят: “Ну вы чо, молодёжь?! Берите гроб, это же ваш ровесник...”

И сразу — ветер со снегом. Белый ревущий мрак над посёлком. Вой собак и проводов. Ужас хлопающих калиток.

Одна из техничек, Полина, накидывая синтепоновый капюшон, когда я пришёл на смену, сказала:

— Теперь будет выть, пока не похоронят. Как покойник, так воет... Хочешь сигарету?

Раскурили на ветру. Искры — алые, бессмысленные — улетали во тьму и там гасли.

Страшно подумать, что теперь в доме Серогнедовых. Стоял ночью у окна, слушая ветер во дворе, смотрел на три жёлтых прямоугольника на другом конце посёлка, в крошечной черноте. Думал о покойном брате, вспоминал ялое бессилие жизни в те июньские дни, когда его не стало...

Позади замедляет лыжню, ветром распахивает полы суконной куртки, и долго разрываешь снег, отыскивая прорубь, — провезли Кольку. Опершись на пешню, смотрел с берега Лены, как одна за другой ползут машины и краснеет в кузове головного “КамАЗа” крышка гроба, приставленная к борту. И не было слышно автомобильных гудков, которые заглушал ветер. Лишь пихтовый лапник валился на дорогу, помечая последний Колькин путь в снежной пустыне — туда, где остроносым мыском расклинивает жизнь и смерть сосняк деревенского кладбища.

Проверил несколько уд, отпустив обратно в реку небольшого налима, а машины уже едут обратно. Скоро уходит человек.

Шёл домой, забросив лыжи на плечо, — на дороге в Старых Казарках лежит яркая красная роза. Может быть, кинули одноклассники. Или девушка, которая когда-то любила, а сегодня пришла тайком от мужа, встала в сторонке, смаргивая с ресниц слёзы и поднося ко рту пушистую варежку. Ведь, наверное, нас хоть однажды, но любят, и кидают нам вслед живые розы, убегая к нам, уходящим, от детей, от мужа, от женской тоски.

Навстречу — копальщик Нечай и его сожительница Тамарка по прозвищу Чекушка — та, что помыть-убрать. Тихо поздоровались, возвращаясь с поминок. Молчаливые, простые. Уставшие. В руках — шуршащие на холоде пакеты, в которые им положили куски рыбного пирога, блины, котлеты. Бутылку водки.

Это их работа. Хлеб.

...Ветрит, ветрит, ветрит. Третьи сутки подряд бьются над сугробами особенно высокие травинки, но и те задувает с маковкой. И всё нейдёт из головы, что Колька Серогнедов первую ночь лежит в сосняке за селом, посреди заснеженного поля, глубоко под землёй. А над ним скребёт и воет, и клубится ледяным прахом, и качаются кладбищенские деревья, скрипят сорвавшиеся с привязи ржавые калитки, сваренные из арматуры. И так же, как при нём, искрят провода, тикают стрелки в часах настенных и методично стучает в стену дома подвязанный к крыше водосточный жёлоб. Только Колькины родители всю ночь не спят, боясь погасить свет, листают семейный фотоальбом и на глазах стареют.

А ещё я представил, как и в мой вечерний час что-то зашатается во мне, словно на крючке огромная рыба. Затем рванёт в последний раз, остро дёрнув мордой возле сердца. Ещё немного погуляет, как в проруби, раз и другой промелькнув хвостом, — да и уйдёт навсегда. И вдруг навалится страшная слабость оборванной лески, это молчание на том её конце, который, —

сколько ни выбирай, там край, пустота, финиш, — тянется мёртвой ниткой. И ничто уже не запарусит, не взбурлит, не взрежет плавником...

И вот уже везут с лилово-синим. И всё, как у Кольки. Только без розы. Без варежки у рта.

ВРЕМЯ СЛЕПЯЩИХ СОЛНЦ

Ясные, с бодрящим ветром дни начала марта. Красная гусеница в термометре медленно, но уверенно карабкается вверх и к обеду доползает до минус 22, которые кажутся почти южным — курортным — теплом. К этому времени над всякой деревянной постройкой, будь то сарай или баня, взвивается голубая испарина, выступает тёмная влага на окончаниях крыш — там, где формируются первые, едва заметные сосульки. На теплотрассе чем дальше, тем больше ширится пятно раскисшей земли со снулыми прошлогодними травинками, и эту чёрную полянку с галдящими воробьями, этот кипящий уголок жизни посреди белой мертвенной равнины видно издалека, как остров в океане. Но главное, что снег уже слепит нестерпимо, слёзы склеивают ресницы, и ходишь так-то по двору со слезящимися, как у старика, глазами, вспоминая, что в эту пору мама поила тебя морковным соком — по оранжевому стакану каждое утро. Да только когда это было? А, впрочем, не вовсе ушло, коль скоро и нынче глядишь на мир, словно в детстве сквозь тончайшую обсосанную льдинку, выбитую каблуком из чистой замёрзшей речки. И, как в детстве, особенно остро видишь то, чего потом, с уходом этого времени слепящих солнц, не будет в твоей жизни. И, может быть, уже никогда! Не потому, что на самом деле и в помине не было, а оттого, что льдинка иссохлась и растаяла, оставив чуть горькое послевкусие, как иссякшая жизнь, должно быть, возблагодарит таким пониманием о себе самой, которое лишь в конце и возможно.

ТОРОСЫ

Второй день ветер, да такой, что только гул в проводах, ходуном — отпахнутые калитки, дугой — деревья в палисаднике. И снег, снег! Его не сыплет с неба — оно в эти дни совершенно заткнуто, — а несёт отовсюду: с крыш, с поленниц, с торцов огородных столбиков, как бабушка на краю столешницы пересыпала из одной горсти в другую гречневую крупу, отдувая половину. На реке выдуло торосы, образовавшиеся во время становления льда. Выдолбленную и очищенную прорубь на глазах заносит позёмкой, в снежной ватной плёнке чернеет сырой кружок, сквозь который дышит ворочающаяся подо льдом вода. И чтобы вылить ведро, нужно встать спиной к ветру, иначе распуснит широким веером мимо фляги...

Снова пробовал что-нибудь начать, даже просмотрел юношеские, совсем давние наброски. Почти забытые, они, как эти торосы от ветра, обнажились теперь, в пору затянувшегося молчания, когда арктически бел и безлюден тетрадный лист и вся забава — шелушить старьё в надежде, что за “тысячей тонн словесной руды” промелькнёт живительная крупинка, этакий драгоценный золотой камушек на дне лотка, вообще высечется спасительная Божья искорка, а там, как в песне, возгорится пламя. Но провозился всё утро, переворочал прорву макулатуры, забраковав большинство и отложив несколько, как мне показалось, жизнеспособных черновики, а всё-таки ни на чём душа не обмерла так, чтобы это задыхание, затихание перед радостью большой работы не исчезло раньше, чем пальцы потекут по клавиатуре. Бросил всё, взял беговые лыжи и пошёл в лес — “выгуливать” голос. И едва встал на лыжню, вместе с первыми взмахами лыжных палочек подхватил в себе стих (увидев хмурых нахохленных ворон, обсевших тяжёлые от снега ветки сосен):

*На жёлтых соснах кричат чёрные вороны,
Через луг пролегли лисьи тропы,
Я не боюсь волчьих набродов!*

Дальше этого мысли мои не раскатились, не разбежался стих, толкаясь палками ударений. Нет, вороны по-прежнему кричали — сыро и громко, в лугу ветвились волчьи и лисьи переходы, а лыжня, как волшебная игла, прошивала перелесок за перелеском, пока не соштонала эти осиновые и берёзовые доскуты в сплошную тайгу, где смертный человек теряется совершенно, становясь не значительней сломанной кедровой лапы или заснеженным пня. Но сколько я ни пыл по сиплому зимнему лесу, под серым ненастным небом, в котором куском сливочного масла таяло февральское солнце, стих так и не шевельнулся во мне, вероятно, потому, что не нашёл, чем ему прежде стать в жизни. И что толку было колотить карандашом страницу блокнота, а снег — лыжной палкой?

Ну, да ведь надобно и отдохновение от творчества! И, может быть, для того они и даны свыше — эти часы обнажившихся черновиков и торопов, чтобы присмотреться к себе и отыскать что-то самое главное, образующее по сути, чего раньше, при былой полноте жизни, не замечал и только теперь, в гулкой бочке молчания, обнаружил отсутствие этого и живо почувствовал необходимость в нём, острую настолько, что, пожалуй, и возобновлённая работа не восполнит эту пустоту, лишь сократив пропасть расставания между тем, кем ты был и кем сделался сейчас, по истечении назначенного срока, когда ещё ничего не нашёл, но уже осознал важность и providенциальность самого поиска.

ЯЗЫКОТВОРЦЫ

Трудно, подчас мучительно ехать с земляками в пригородном автобусе, всё время, — а до райцентра езды полтора часа по разбитой гравийной дороге, — опасаясь какого-нибудь подвоха, громкой шутки в свой адрес, дошнанных расспросов насчёт “прототипов”, а то бесцеремонного окрика: “Эй, писатель?! Не стеклянный, не загораживай обзор...”

Но бывает и радость от таких поездок, и уж она-то с лихвой окупает все твои терзания и опасения, чаще всего надуманные. Как, например, радость от живого меткого разговора, что ни в каких книжках не вычитаешь, ни за каким столом не высидишь, а уж в столицах тем более не высосешь из пальца. Свидетелем одного такого разговора стал недавно в переполненном по случаю субботы салоне “ПАЗика”. Разговорились муж местной фермерши, который продал в городе творог и сливки и выехал обратно острограмленным, и охотник с верховий речки Королихи. Этот ещё утром тормознул автобус на трассе, на выходе из тайги, занёс “тозовку” и рюкзак, а с вечерним рейсом, вероятно, купив продуктов, уже возвращался — была осень, вторую неделю лежал снег, самое промысловое время. Муж фермерши, отхлебнув из чекучки, по-свойски спрашивает у охотника, с которым они, судя по всему, знакомы:

— У тебя, говорят, сука́ потерялась?

— Убежа-ала... — затягивая на рюкзаке хлястик подгоночного ремня, невесело признаётся охотник. — Су́ка.

— Сука́, — если по правилам русского ударения, — возражает муж фермерши. — Су́кой она стала, когда убежала...

Все, понятно, так и прыснули! И сразу поехалось веселее, несмотря на давку, духоту, усталость от дня, проведённого в городе. И я, вытирая слёзы, набежавшие от смеха, подумал, что вот услышишь нечто подобное — и всё-всё простишь людям, а потом и устыдишься самого себя — оттого, что ждал от них мелкой пакости, а они не только пакость не сделали, но и одарили бесценным богатством, имя которому — язык. И ничего-то — земные, грешные — не попросили взамен. Да и что бы ты, интересно, мог им дать?

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

Отступили холода, и корову стали выгонять во двор. Но вот снова приморозило, корова осталась в стойке. За завтраком трёхлетняя Вика спросила, почему ещё вчера Красуля паслась в загоне, а нынче нет. Ей объяснили, что на улице мороз, корова может “простудиться”, и у неё не будет молока. Вика как будто согласилась с этим аргументом, но увидела за окном пролетевшего воробья и воскликнула, возмущённо показывая ему вослед ложкой с остатками манной каши:

— Так птички-то летают!

ВЕСНА ЖИЗНИ

Последнюю неделю дни особенно тёплые, солнечные, с капелью. И уже нет испарения от обогретой земли проталин, от подсыхающих тротуаров, крыш и поленниц: весна наладила дыхание, дышит легко и чисто.

Снег тает медленно, как сахар в кружке с остывшим чаем. Это не оттого, что солнце греет лениво, — светило не сходит со своей вышки до ночи и даже мартовские дымные облака ему не завеса, — а потому, что сугробы глубоки, гусеничный трактор, таскающий через реку лесины, вязнет по самые ступицы.

Открыты двери стаяк, но из них уже не идёт пар: на улице тепло, как в стойке. Можно читать на воздухе, выставив кресло на крыльцо. Вчера я даже вынес столик и стул и сидел на пригреве.

Таять начинает ближе к десяти. Сорвётся с крыши отлитая дробина и, промелькнув мимо окна, тюкнется в длинную, почти до земли, лунку в сугробе, проклёванную за минувшие дни. А к обеду закапает вовсю! И шумные восьмиклассницы идут из школы с непокрытыми головами, а из желобов, как из раскупоренных бутылок шампанское, шипит, брызжа на тротуар, на склонённые ветки черёмухи, на страницы блокнота.

И так до поздней ночи! Но и тогда сквозь раскрытую форточку нет-нет, а заслышитесь, как прошла рыхлый влажный снег последняя в этот день капля...

Утро встречает новой капелью. Она ещё звонче, веселее, и не отливает дробинки, а строчит быстрой многоножкой по верёвке, привязанной к концу жёлоба. “Тиу! Тиу! Тиу!” — в цинковую ванну, на дне которой — серая пыль крыш, сухих дорог, минувшего лета и вообще чего-то такого, что было, чудится, давным-давно, ещё до твоего появления на этом свете, и оттого есть своя трогательность в каком-нибудь истлевшем листике или пучке голубиноного пуха. И вдруг привидится, что тебе снова семнадцать, и что не весенняя капелька струится по обмёрзшей верёвке, змеясь и сверкая, а твоя вчерашняя подружка, подобрав подол, с голыми коленками сбегает к тебе по университетским ступенькам, и впереди у вас тёплая июньская ночь после экзамена...

Благословенное моё, когда корова с раннего утра в загоне, куры к обеду выскакивают из кутуха на свежий снег, громко кричат и скребут яркочёрную золу, а кот всю ночь сидит на заборе и морочит голову соседской кошке!

Ничего не пишу, скитаюсь по ограде да подмечаю, что делается в мире. Нынче я не разбрасываюсь на пометки вдоль тетрадных полей, всё храню в себе. Пусть, как в цинковой ванне летошняя пыль, отстаиваются ощущения и воспоминания жизни. Настанет час, когда исподволь пойдёт вдохновение и всё, что бережно копил, взбурлит и польётся с брызгами: “Дзынь! Дзынь! Дзынь!” — прямо на страницу по жёлобу карандаша. И, может, лязгнет шпингалет калитки, и войдёт она, и окликнет по имени. И будешь рад, счастливчик, целовать её босые ступни, которыми она шла к тебе по льду, по уголёчку, по шаткому мосточку...

Это и будет моей весной, весной творчества, весной жизни.

БОЛЬ НЕГАСИМАЯ

Вышел в первых рассветных сумерках — сработала сигнализация, словно улюлюкнула ночная птица. Это сосед тоже вышел из ограды напротив, пнул колесо, проверяя давление, а затем взял из машины сигареты, покурил и ушёл, оббив на крыльце снег с башмаков. И снова тихо. Слышно, как над ельником летит ворон, с юключным свистом взмахивая крыльями. Шелестит на ветру плёночка от сигаретной пачки, и оттого ли, что грядёт минута расставания, цвет небес глуше, а боль негасимей...

— Снег навалил, — придя домой, сказал, наверное, сосед и обвёл жену холодными руками. И та вздрогнула во сне, как молодая.

...От ветра мягко и легко в посёлке. Макушки тополей — в снегу, а нижние ветки — в бисере сверкающих капель. На белом свежем фоне черны, как никогда, эти старые избы, бани, поленницы, ворота, дымящийся навоз в проулке. И по вечерам долго не загораются уличные фонари, а по утрам долго не гаснут.

ЖУРНАЛИСТИКА

Она для писателя, конечно, хлеб — не столько сытный, сколько доступный, тем более что художественное слово давно никого не кормит, скорее, обирает до нитки.

Но и смертный крест она — журналистика, и крест этот, пожалуй, тяжелее собственно писательского, потому что — чужой, несомый в полспины. А свой-то крест, как известно, и нести себя помогает.

И, конечно, да — накормит, по крайней мере, не даст помереть с голоду. И впряжёт в лямку, дисциплинирует и организует, что для писателя, согласимся, важно.

Однако двух равных любовей не бывает, и нельзя служить Богу и мамоне. И писательство никогда не простит тебе, подвизавшемуся строчить статьи для газетки, и рано или поздно, но отквитает глухотой к своему Слову за те скороспелые поделки, что творишь с плодовитостью крольчихи единого хлеба ради.

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Ехали однажды по Иркутской области с писателем из Тюмени. И того, помнится, всё время интересовало, в каком направлении Ангара и откуда, от какой гидроэлектростанции тянутся эти провода. Проезжали небольшую деревню, одну из тех, что при Советах худо-бедно, но жили-были, а нынче и вовсе на ладан дышат. А на брёвнах у тракта, накрыв нехитрую полянку, гомозились подвыпившие мужики, курили и орали во всю матушку. И писатель, сидя за рулём, снова спросил, где теперь Ангара и от какой по счёту ГЭС ангарского каскада запитана эта деревня. А я, глядя на этот праздник жизни, на пир во время чумы больше похожий, вернулся к старой, давно волновавшей меня мысли: а что, интересно, в XXI веке поют деревенские мужики?

А ничего не поют, как будто лом проглотили. Лишь мат-перемат да дым коромыслом. Иногда, впрочем, кто-нибудь скажет припевку, слышанную от отца или матери, да и то — со стеснением, словно стыдясь самого себя и припевки этой. Да не скажет даже, тем более не пропоёт, а вынет из души, как носовой платок из кармана, и бросит, скомкав, оборвав на полуслове. И тогда поймёшь, откуда оно — твоё отчаяние и ощущение ненужности себя в этой жизни, лишь по временам сменяемое радостью от неё. Отсюда, от этих самых русских людей, что больше всех дали, но и больнее ударили, когда перестали слагать и петь свои песни. И при чём тут Ангара, провода, гидроэлектростанции? Народ перестал петь, вот что. Проводами опутаны со всех сторон, а питаться не от кого. Только язык и остался — последняя запитка.

ГОЛУБЫЕ ОРЕШКИ

На исходе марта снег в лесу посинел и размяк. Ещё с утра, впрочем, хрустит под ногами, как битое стекло, и падает мёрзлыми комьями с чашечек лыжных палок. Но ближе к обеду, когда в посёлке уже вовсю строчит, и здесь, в тени леса, с отсыревших веток начинается капать. То глухо, как в сукно охотничьей куртки, то с шорохом, как если бы на вытаявший прошлогодний лист или страницу блокнота. Спустя день-другой под ветками — будто птицы шукали в сугробе длинными клювами. Что бы они могли искать? А голубые орешки, из которых вылупятся подснежники. По просеке, на опушке, вдоль дороги. Там, куда скорее заглянет солнце. Где ему больше места. Где выше сугробы, а работы — непочатый край...

И в блокноте у тебя тоже вдруг ворохнутся голубые орешки, и ты ищешь их клювом карандаша! Но пока ни стихов, ни подснежников нет — слышен шёпот в лесу. Это ветер. Он качает деревья. И брызжут капли в лицо. И закрываешь блокнот, чтоб, не дай Бог, не размокли твои стёжки-дорожки, и скорее отступаешь на просеку. Но там ещё больший ветер, а с молодых ёлочек падает и падает снег. А качнёт ветку кедра — ухнет снежный куб и рассыплется в лучах солнца золотыми перьями, словно сказочная птица снялась и полетела. И ты, как чумной, побежишь за ней, теряя страницы блокнота. Туда, где она скрылась от мира. Через лес, как сквозь черновики. К пробудившейся в тебе и вокруг поэзии, к её голубым орешкам.

ПТИЦАМ НА ГНЁЗДА

Всё воскресенье просидел дома, маясь своим творческим межсезоньем, а когда надумал выйти на улицу — день почти закончился! И тут, и там не поспел.

Ходил к ельнику, надев кирзовые сапоги. Травы прожгли снег. Кое-где — рыжины голой земли. Снег расплзается под ногами. Звенькает, хрустальный.

Чесал Шарика расчёской, и ключья шерсти летели по ветру — птицам на гнёзда. Вот и вся польза от меня в этот день. Но и уверенность, что он прожит не зря, а то и с бóльшим толком, чем если бы я написал рассказ или стихотворение.

ХЛЕБ

Ровесник. Одноклассник. Земляк. Друг детства: бесились и скакали, раскачивая тракторную телегу без колёс, поставленную на четыре чурки у забора. С граем рассыпались за дорогу, когда выбегал дядя Аркаша, хозяин тележки. Барахтались уже с утра в реке, а накупавшись до дрожи, подпрыгивали пузами на перевёрнутых дюралевых лодках, как поджариваемые рыбёшки. Вытряхивали песок из босоножек. Тикали в лес, искали выпущенные стрелы, продев с головы — тетивой наось — черёмуховые луки. Хрумкали украденным в огороде огурцом, сломав пополам. Шкрябали ладошки гвоздём, братались кровью. Клялись сердцем матери...

Стрелы разлетелись, ранки заросли. Река обмелела. Мама — поседели. Чёрным облаком угольная копоть вздымается рано утром над поселковой котельной, оседая на крышах домов, черня снег зимой и летом — траву на лужайке. Это Лёха буравит бульдозером шлак — ещё горячий, дымящийся, вспыхивающий кровавыми дьявольскими глазами, опадающий красным рваным ртом. Столкая в огромную кучу, уже выдавившую несколько пролётов забора, глушит бульдозер под окнами котельной, идёт домой топить баню — чёрный, как чертёнок, с сажей в ноздрях и ушах, с шершавой маркой осыпью в ложбинках под глазами. Деликатно подаёт при встрече выгнутое кулаком книзу запястье правой руки...

И, конечно, благодарно пожимаешь это по-мужицки тяжёлое, набрякшее запястье своей чистой рукой. При этом такое ощущение, что не его, а мои руки черны, как будто я в чём-то сжулил, схимичил над нашими судьбами или помог схимичить тому, кто дал: одному — рычаг, другому — карандаш, первому — толкать горы шлака, второму — громоздить слова на бумаге. И всегдашнее жалкое желание: сломав, поделиться, как в детстве, половинками, чтобы я попробовал — его, а он — моего! Но и горькое убеждение, что из двух половинок только его — трудовая, только его хлеб — не даром.

ВОЗДУХ

Под вечер ходил на Казариху ломать вербу. И снова — много облаков: синь, свет, тень, свинец, золото, алая окалина — весь набор из школьных акварелей! За огородами налились лужи, и в них отражалось солнце, а когда исчезало за облаками, делалось отчётливо сине и ярко-пасмурно, как бывает в апреле. И дул ветер. Сыпал редкий снег. А собаки устало кричали во дворах, над которыми рвало дым топившихся бань, а то, встав передними лапами на изгородь, молча смотрели, кто это там идёт в поле, и ревниво нюхали воздух: свой ли?..

Так было и сотни лет назад, и даже в прошлогодней записи об этом дне накануне Вербницы — всё то же. Ничего не меняется под этим вечным небом, на этой вечной земле. Только мы — идём, идём и однажды — проходим, как этот снег. И вот нас уже нет. Нас уже забыли. Лишь собаки смотрят сквозь изгородь туда, где мы ещё недавно шли, и нюхают воздух, и знают, что хотя нас уже нет, но ушли мы ещё недалеко.

РЕВИЗИЯ

Разбирая юношеский архив, содрогнулся: сколько печатных машинок разбил, а поэтом не стал!

ПОЭЗИЯ И ШЕСТЕРНЯ

Снег в марте. Печатная автомашинка “Гост 8274-57”. Тетрадный листок. Лёха с шестернёй в руках...

Как давно это было! А казалось, ещё вчера выждал, когда все уйдут, шмыгнул в детскую, вынул из футляра печатную машинку, которую днём ранее взял у мамы на работе. Перемотал и поправил старую поклёванную ленту на катушках, вдыхая увядающий запах чернил и резкий — пыли, за много лет накопившейся между клавиш. Вставил снятый со скрепок школьной тетради и подогнанный по ширине чистый листок в клеточку с красной памятной линией, очертившей поля. Раз-другой крутанул ручку, провернув лист через барабан и заправив за специальную линейку выдвинувшийся по эту сторону барабана конец листа. Нашёл глазами и тюкнул указательным пальцем по клавише, отбив абзац — начало начал...

Спустя час-другой выкрутил обратно. С восторгом перечитал, не веря, что эти отливающие свежим свинцовым блеском стёжки-дорожки — мои. Взял в обе ладони. Понёс, как живую воду в блюдце, боясь расплескать. Спрятал под футляром, как под камнем на главной своей дороге, неожиданно разветвившейся на три:

Налево пойдёшь — никуда не придёшь.

Направо пойдёшь — ничего не найдёшь.

Прямо пойдёшь — ни за грош пропадёшь...

Пока обедал, пока поил бычка в загоне — несколько раз бегал в детскую. Вынимал. Поедал глазами. И не было предела счастью и свету. Бычок шумно фыркал и пускал пузыри, сунув морду в ведро. Ждал, когда доберётся до картофельных очистков. Хрустел, зажмурясь от наслаждения, первыми. А я ждал маму с работы, чтобы показать листок с первым своим. И тоже, наверное, жмурился — от ожидания...

Пошёл снег. Крупный. Мягкий. Весенний. Запорошил двор. Стог. Спину бычка. Нижние ступени крылечка. Навис шапкой на крышке почтового ящика. Временами из-за облаков проглядывало солнце. Накалялось, как лампа советского телевизора. Давало тепло. Свет. Кот шёл по тротуару, макая лапы в снег. Подошвы — влажные, чистые, розовые. Ярко-красен — язык, которым вылизывал между пальцев, сидя на поленнице. И было тихо-тихо, как бывает в таёжном посёлке на развилке зимы и весны, когда зимнее давно поделано, а весеннее ещё не начиналось. И близился вечер. Но мама ещё не пришла с работы. И было тепло, текла вода вдоль оконного штапика, а в палисаднике отпотели рябины — крепкие, загорелые, как деревенские девчонки в бане...

В стекло прилетел снежок, распался белым взрывом — это Лёха, закадычный друг, вызванивал на улицу. Принёс надломленную сигарету “Magna” и небольшую шестерёнку от комбайна. Сигарету тайком выкурили, зажимая пальцем разрыв, через который сочился дым. А насчёт шестерни Лёха сказал, что они с братом собирают игрушечный трактор на электромоторе от стиральной машинки и вот-вот соберут...

Слушал рассеянно. Как дикость. Нечто вторичное, будничное, однообразное. Недостойное слуха. Но прощал другу эту будничность. Жалел его, ведь у него не было праздника. Света. Снега. Отпотевших рябин. Первого стихотворения. Не у него, а у меня сочилась из души радость, как дым из порванной сигареты. Я курил её, эту радость, — воровато, стыдясь своего воровства, но и боясь, что попросят и отхлебнут. И всё равно ничем её было не удержать, не соединить разрыв! Скорее бы пришла мама с работы...

И откуда тогда было знать, что не я — Лёху, а он меня должен был пожалеть? За этот свет. Снег. Отпотевшие рябины. Тетрадный листок под футляром от печатной машинки — как под степным камнем, от которого куда ни пойдёшь — никуда не придёшь, ничего не найдёшь.

Ни за грош пропадёшь.

ЛЮБОВЬ

Кучум подбежал, обнюхал Дымкину голову. И вдруг нежно, всем языком лизнул в коричневый нос. И все засмеялись: “Любо-о-овь!” А Кучум просто слизнул крупинку шпённой каши, оставшуюся у Дымки на носу после утреннего кормления.

Я умилился, наблюдая за этой сценой. Но и вздохнул: нет в любви бескорыстья, всё время что-то нужно любящему за его любовь. Ведь только для красного словца брошено: “Мне всё равно: ты любишь или нет!” А на поверку-то вовсе не едино, и это легче всего доказать, условившись, что не было на носу у Дымки никакой каши, или припомнив, как часто мы сами любим и ничего не просим взамен, даже малого ответного участия.

ПЬЯНИЦЫ

1

Утопил шерстяные варежки в луже недалеко от магазина — к утру вмёрзли в лёд. Стоит над ними, качаясь с пятки на носок. Минуту, другую. Третью. Наконец, загремел засов. Зажглись огромные окна магазина. И он тоже весь засветился. Плюнул и пошёл за бутылкой...

Он, оказывается, не о варёжках горевал, которые потерял вчера, возвращаясь с очередного сабантуя, а ждал, когда откроется магазин! И уже понятно, что день для него прожит, и хотя солнце только-только встало над посёлком, ничего нового и хорошего сегодня уже не будет в жизни этого деревенской пьяницы.

2

А между тем: ни в ком так не хранится история народа, рода, родной деревни, как в ином деревенском пьянице. Спроси такого, где до революции стояла церковь, так он не только покажет, но и расскажет, кто эту церковь ломал, в какой избе живут их потомки и какого года царский медяк нашли в основании. Справься о том же у его очкастого городского брата, который раз в месяц приезжает в деревню — картошки взять на халяву да водочки попить, пока баба не видит, — начнёт сопли жевать:

— Затрудняюсь ответить... Дед рассказывал, да я забыл... Надо было записывать...

Я долго ломал голову, почему так: пьяный помнит, а трезвый — нет? И только недавно, как мне кажется, нашёл ответ. Пьяницы (а также калеки, слабоумные или просто непутёвые, имеющие какую-либо щербинку, тем более изъян либо особенность, принимаемую за изъян большинством людей) — ближе к матери, к сердцу, к Богу, и от этого — горячее. Не зря о таких говорят — убогие. Они живут — сердцем, и помнят — сердцем. Всё, все впечатления и знания жизни естественно отображаются в них, как в воде, а в наиболее восприимчивых сохраняются в нетронутой подлинности до гробовой доски. Между тем как трезвый — что и холодный. К сердцу крайний. В одно ухо впустил — из другого выпустил. А если что и останется в закрайках — потеснит новым для себя знанием, которое вместе с университетами, театрами, музеями, библиотеками и тому подобным составляет корневину его нынешней жизни.

Это не значит, конечно, что обязательно все успешные, состоявшиеся люди, вчерашние жители деревни, — беспамятные. Совсем нет! Но в убогих родовая память заметно резче, обнажённой, и уж если есть, то почти всегда не скупая информация, а — живое народное свидетельство. Поэтому так много истинно национальных поэтов — из деревни, ведь и деревня — ближе к сердцу, к Богу. Оттого-то многие из них — пьяницы, и участь их горька, слава дурна, век — короток, а дар — бессмертен.

ПАПКА ВОДИЛ

Вспомнил недавно “Печки-лавочки”, слова Ивана:

— Пойдут дети в школу, станут проходить море, а они уж там были! Скажут: нас папка маленькими возил...

И ещё — его воспоминание о поездке с отцом в Берёзовку...

А я вот тоже запомнил из раннего детства: пошли с отцом на берег весенней Лены, стали кидать камни в звенящий, осыпающийся стеклянными иглами лёд, который сломало и понесло. Вернулись домой — я первым делом расхлестнул стекло в сарайчике (вообразив, что это тоже — лёд). Отец взял шнур от сгоревшего кипятивника, проложил границу между поэзией и прозой. Так что и теперь, сидя по многу часов за столом, я всегда помню, где эта граница.

В КОНЦЕ АПРЕЛЯ

Вот и снега в лесу почти нет, только льдисты дороги да в зарослях пушистого подростка — обломок охотничьей лыжни. Но всё ещё напоминает о зиме: и холодный утренник, и пустые, безлистые ветки кустарников и деревьев, и мёрзлый, всё равно что пересыпанный солью мох, по которому увядшими тёмно-красными кровинками разбрызганы ягодки отзимовавшей

брусники. А в мизинец толщиной осколяпок берёзки, сломанной по осени на метлу, ещё не почернел на месте разрыва, и рваный торец так хорошо, как серебряная монетка на грязи, виден среди тёмных пихт и ёлок.

ВОДА И КАМЕНЬ

По телефону — с учительницей русского языка и литературы (о литературных страницах, что я делал для газеты):

— Большое спасибо! Настоящие поэты. Хорошие стихи. Нам надо знать. Вода камень точит... — И т. д.

Камень точит... Как самому, точа, — не источиться? Когда ты сам — вовсе не камень...

Читатели, как всегда, не знают ответа. Даже такого вопроса для них не существует. Требуют точить и точить.

Не скучно — грустно жить. Почти невозможно. Добивают Заболоцкий и Пастернак: один со своим “Не позволяй душе лениться!”, второй с дидактическим “Не спи, не спи, художник...”

А ради чего — не позволять, не спать? Для того чтобы однажды остановиться и понять, что ты в этом мире тотально одинок и никому, в общем, не нужен, а вся надобность в тебе — как в кресале или точиле?

ДЕТАЛИ

Подскребая за оградой дровяные щепки, коринки и тому подобный повседневный деревенский сор, уподобился прожжённому пьянице, знающему одну, но гибельную страсть, и смышковал на дне канавы аж две целёхонькие бутылки водки с красивым названием “Журавли”. Судя по всему, потеряли ещё зимой, может быть, во время кровопролитной ночной драки по случаю субботних танцев, так что найти наутро не смогли, как ни рыскали голыми руками в сугробе. Они, бутылки, давно вытаяли и лежали, как на ладони, рядом с тропинкой, по которой день-деньской ходят в сельсовет, на почту и в магазин. Но такова, наверное, сила предубеждения, что никто не догадался нагнуться и проверить, вправду ли пустые, раз этак беспризорно валяются на виду у всей деревни. А писатель Антипин пошёл, вооружённый граблями, лопатой и прочим сельскохозяйственным инвентарём, как многофункциональная бригада узбеков, — и сразу смикитил, что пробки не скручены, потому что он труженик пера и подмечает детали. Он тут же схватил их, эти детали, спрятал за пазуху и улетел на сверхскоростной пластмассовой метле, а потом выглядывал в щёлку: не засёк ли кто, не упал ли на хвост?..

Пожалуй, этот случай — единственный, когда писательство хоть чем-то, да помогло.

ПЕРВЫЙ СОК

Ходили с Таюром в лес. Поставили банки под берёзы, пошатались вдоль бурлящей, плюющей пеной Казарихи, да и повернули домой...

Как-то прозаично всё вышло, имею в виду начало этого песенного берёзового сезона, которого я столько ждал! Может быть, потому так произошло, что хотя сок и пошёл, а вот во мне ещё не началось движение, не проткнулось, не закапало на сломе, отчего радость оказалась неполной, омрачённой.

Но в лесу было жарко и сухо. Квохтали и булькали тетерева. Летали бабочки, почти неотличимые от несомой ветром золотистой сосновой чешуи. А в молодом осиннике, в ворохе прошлогодних листьев, точился ручеек — ещё шепелявый, беззубый, не отладивший речь. И когда я взошёл на пригорок и оглянулся, увидев сквозь деревья красную жестяную крышу Хорунжих и косой остров мглистого весеннего березняка за огородами, неожиданно, как слёзы на глаза, навернулись строчки:

*У развалины старой ольхи
Хорошо в небеса заглядеться,
Написать о России стихи,
Как спасибо от чистого сердца...*

И это было начало, пробное движение. Первые капли на сломе. И Вика, прижав маленькими детскими губами, долго пила эти первые строчки из склянки.

ОСТАНОВИТЬСЯ И УСПЕТЬ

От ветра стучает в цинковую ванну молоток без рукояти, подвязанный к водосточному жёлобу куском электропровода. По нему катятся и катятся частые капли настоящего весеннего дождя. Он пошёл с ночи, ванна почти полна — прозрачной, стеклянной водой. Царапает о дно эмалированный коврик, всколыхнув квелые ягоды рябины и пожухшие листья, ещё в сентябре, в пору листопада, закупорившие жёлоб, а нынешней весной проткнутые зарокотавшим по крыше потоком. Ватно отлепляясь от припотевшего войлока, отпахивается банная дверь, надышав запахами мыла, сохнущих распахнуток и берёзового веника, приткнутого в уголке корешком, как и положено, книзу, а золотой, увядшей гривой кверху, всё равно что вздутая ветром есенинская берёза в осенней роще. Звякают дужки вёдер, поставленных на лавку, сокращающимися кольцами сходится в центре ведра раскоченная вода. Тявкают, набираемые в охапку, полешки, лопаются под топором липучая лучина. Красной бабочкой оживает в печи огонь, сев на лоскуток бересты, складывает-раскладывает крылья. И вот уже летит золисто-белым дымом в небо, где совсем по-весеннему курлычут вороны, яркие, как чернильные брызги. Минута, другая, третья. А там и ранний вечер, в синих сумерках — почта, школа, сквозной осинник за котельной. В трубе реактивно гудит, баня нагревается, можно идти собирать бельё и наводить брусничный морс. Но всё сидишь на корточках возле печки, плюёшь на горячее жаркое железо и следишь, как молочной пенкой вскипает и высыхает слюна. И думаешь об одном: как мало человеку надо! Худо ли, бедно ли проходят годы, но хочется ещё пожить, вообще как-нибудь, словом или делом, духом или телом, но поприблизиться в этом мире. Ведь в нём так хорошо вставать с рассветом, выходить на крыльцо, брякнув дверной щеколдой, стоять на ветру или носить из пузатой ванны ночной дождь, а по субботам колоть дрова, топить баню — и радоваться этому маленькому счастью, как незабвенный Алёша Бесконвойный из рассказа Шукшина. Надо бы только уметь забыть себя, стать внимательным, добрым, чутким, не лезть без дела на рожон, любить и прощать, а уходя навсегда, однажды остановиться, оглянуться, посмотреть на эти оставляемые деревья, избы, лица и успеть понять простые вещи.

ОДИН АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Очень быстро теперь, в апреле, плывут облака. Едва выхватишь фотообъективом какое-нибудь одно, как оно уже за лесом! И потому, наверное, сильнее желание описать, какие они — апрельские облака, как много в них огня и света, и сколь невыразимо змеятся кучевой зыбью над крышами посёлка, а какая-нибудь комолая корова, как и тысячу лет назад, стоит, заломив морду, на выгоне и — синие, фосфоресцирующие! — облака отражаются в её больших влажных глазах цвета застывающего студня.

И сам ты стоишь неподалёку, подняв к небу лицо, и тоже пялишь бельма. И нет конца твоему восхищению: древний тёмный ельник... рыжие пятна воды под рыхлым последним снегом... толстый бледно-голубой лёд в старице Казарихи... струя её цементного цвета... а по берегам — белые, замороженные в лёд вербы, чуть дрожачие на фоне обсохших косогоров с глиняными вымоинами под крутым обрывом. И над всем этим — и над тобой, застывшим с кепкой в руке на краю, — вечное движение облаков!

И комок не комок, кадык не кадык, но сердце подступает к горлу. Да вот беда: нет у тебя ни слов, ни красок животворить этот апрельский день с облаками. Разве что полоснуть по жилам, смешать кровь и чернила, насыпать дымного пороха и поджечь, подживляя прутиком, чтоб лучше горело.

И неизвестно, что там в этот момент делается в твоих глазах, но на душе тогда свежо и ветрено, и пахнет глиной, отволгшей ольхой и дымом.

И сам собой вспоминается из детства такой же апрельский день, когда после субботней стирки мама опрокинула с крыльца цинковую ванну. А ты гулял по двору в красных резиновых сапожках, но застыл, как вкопанный, с восторгом наблюдая, как обступает молочно-сизая пена, искрясь тончайшими фиолетовыми плёночками и золотом надувающихся пузырей. И течёт дальше, прожигая весенний снег, обнажая щепки от дров и смолистые коринки. И коринки на глазах делаются тёмно-красными, контрастными на общем пейзаже, но от этого лишь родней, невозможней, словно не дворовый сор вынесло из-под снега, а из тебя вымыло что-то самое сокровенное, душу саму, и она, как это апрельское облако, вознеслась над тобой и навсегда очаровала.

И вот сколько лет миновало с тех давних сказочных пор, а ты всё так же стоишь и боишься очнуться от этого чуда.

ШИШКИ

День в конце апреля: синий, солнечный, плюс 10 в тени. Сухой ровный жар в сосновом лесу — от веток, от стволов, от хвойной подстилки с её плотным смолистым запахом, который разрезает едким озоновым вкраплением белёсый от гнили ствол ветровальной осины. Жар не знойный летний, но выстывший, как ранней осенью или в бане поутру. Точнее, не настоявшийся. Не набравший необходимой крепи, духана, польмя от солнца. Оно катится над лесом циркулярным диском, щерясь зубчиками лучей. Хвоя сосен то ярко-зелёная, то светящаяся, золотистая — смотря по тому, где теперь солнце. Свет под деревьями — мягкими полукружьями, кружевами с оборками, короткими, цвета луковой шелухи, с солнечной стороны стволов и длинными вечерними — с затенённой.

И всюду вкрадчивый шум, как будто на каждом дереве сидит белка и лужгает семечки! Именно семечки, от вскальвания орехов звук резче и громче. Это поспевают сосновые шишки и, раскрываясь с характерным шелушащимся выдохом, мечут семена — тончайшие светло-жёлтые плёночки. Они кружат в воздухе — мельчайшие, многие. Невесомые, как посёкшаяся ресница. И земля благодатно принимает их, вбирает в незримые лона. И ступаешь осторожно, скорее перенося тяжесть тела, словно и от себя добываясь невесомости, как будто боясь растоптать эти ещё не рождённые, но уже несённые жизни.

“Льётся шёпот”, — сказал бы, наверное, Пришвин. А подует ветер — слышно, как царапаются на редких осинах квёлые осенние листья. В сентябре их прижало морозом и снегом, и они до сих пор не облетели, колеблются, как рыбацкие блёсенки. И два этих звука — шёпот семян и колебанье листьев — наслаиваются, не смешиваясь, как смешиваются холодная и горячая вода в кране, а дьясь парно, двумя спетыми голосами, идут рука об руку, словно жизнь и смерть. И от этого нечаянного сравнения не грустно. Наверное, потому, что семян всё же льётся больше, чем висит пожухших мёртвых листьев на осинах, и этот шёпот, уходя, не уходит совсем, но затаивается, прорастая клейкой чешуйкой в земле или вот этой миниатюрой на странице моего блокнота.

КОНТРАСТ

Бывает весной, спустя неделю-другую после того, как снег сошёл. Выйдешь в погожий солнечный день из дому, и голове без шапки — тепло, а от земли — ещё мёрзлой, с синими звёздочками льда под сырими листьями в лесу — тянет холодом, пробирая даже сквозь утолщённую подошву резиновых

сапог в их северном исполнении. Ощущение, как будто в реку забрёл до подмышек, видны только голова и плечи, и идёшь мелкими шажочками, и чем дальше от берега, тем сильнее течение, ближе ко рту вода, и вот-вот снимет, подхватит сильной струёй, и поплывёшь быстрыми саженьями. Но пройдёт ещё неделя, перепадут первые дожди, отмякнет земля и заиграет сок в берёзах — и уже обратное ощущение: как будто накупался и так же постепенно, как входил в воду, теперь выходишь из неё, сначала по пояс, затем по колена, а там и встал по щиколотки на мелководе. Примерно к середине мая и этого ощущения нет, и уже почти не чувствуется контраст, когда голове — хорошо, а до шеи — зябко, и либо одинаково холодно, если пасмурный ветреный день, либо равномерно тепло, когда светит солнце и выются бабочки над лесной поляной. А до тех пор идёшь, как по границе ножа и ножен, жизни и смерти, и ещё далека твоя межень, и не вошёл даже по пояс, ещё не сняло, не подхватило...

ПОЛОВОДЬЕ

К маю отъело берега. Тряхнуло, проволокло метров триста — и зарочи́ло возле Борисовской протоки. У нас говорят: “Лена трогалась!”

Разломало и понесло после обеда в воскресенье. Вода немного прибыла, лёд выбросило на берег.

Вчера и позавчера шёл снег, то редко, то густо. И было холодно, старухи опять надели суконные боты. Казалось, при такой погоде, когда молчат ручьи, Лена пройдёт по малой воде. Но в одну из ночей вспучило. Затопило дорожный перешеек между Казарками и Подымахино — только перила деревянного моста видать.

Наняли от сельсовета лодочника. Тот несколько дней перевозил детей в школу и обратно, а в другое время ставил сети. А затем так же быстро река стала убывать, будто выдернули пробку. И как-то наутро сети вместе с рыбой висели на кустах. Видимо, в низовьях сначала закупирило, а затем прорвало, или разбомбили отряды МЧС.

Проводили воду — и сразу светло, ясно в небе. На берегу кое-где — чёрточки удилиц. Уток редкие табунки и выстрелы — тоже редкие и оттого неожиданные. Прожужжала первая моторка, развалив реку серебряной бороздой. И старухи наконец-то сняли боты. Тучи — тёмно-синие по центру, с краёв — как вынутое из печи железо. Под угором лежат намытые в несколько параллельных гребней щепки, ветки, пучки травы и прочий сор. Качается на мели пустая стеклянная бутылка. Этикетка уже размокла и сползла, и бутылка первое время, пока не заилится, особенно чисто сверкает на солнце.

СУД

Каждую весну дорогу между Казарками и Подымахино забирает проснувшаяся Лена, и подымахинцы оказываются отрезанными от посёлка, где сельсовет, школа, почта, медпункт и магазины. Работает лодочная переправа. Но случись что-нибудь серьёзное — машина не проедет, нужно гнать в объезд по трассе. Главное, будь дорога метра на полтора повыше, её бы не заливало, во всяком случае, не каждую весну, а если бы и заливало, то не так глубоко, проходимо для машины. Проблему пытались решить. Пригнали экскаватор, самосвал и бульдозер. Нарыли гравия на берегу. Отсыпали. Разровняли. Вышло высоко, хорошо. И жители порадовались: теперь-то весенней блокаде не бывать! Но подоспел ответственный. Походил, померил рулеткой — и махнул бульдозеристу: что-то там не сошлось с бумагой. Было это в семидесятые годы прошлого века, а память об этом случае до сих пор жива в народе:

— Заявился причиндал с портфельчиком, заставил срыть дорогу!

И это тот самый народный суд, чьё решение не подлежит обжалованию, сколько бы воды ни утекло, и от клейма его, под какой ушат ни становись, до бела не отмыться.

ОТКРЫЛАСЬ ВОДА

Пронесло первый лёд, настало короткое затишье между приливами малой и большой воды, к красной неотстоявшейся Лене идут сакальщики. Ходят вдоль воды с саками — капроновыми сетками в мелкую ячейку, приспособленными в виде мешка на концах длинных очёсанных жердей. Несут такой большой сачок на плече — вихляет и дрожит, как двуручная пила, и кажется, что человек под ним тоже вихляет и дрожит.

Ребятишки ли весёлым гуртом ради забавы, муж ли с женой на жарёху. Подойдут к самой воде, медленно потянут из-за плеча, выдвигая над рекой, насколько позволяет длина сака, осторожно, дабы не булькнуть, заглубят — так, чтобы шёл по дну, но камней не черпал, — и тащат, пятась, причём стараются и рыбу не распугать, и зачерпнуть зазевавшуюся. Саканут в одном месте — пусто. Саканут в другом — пусто. А вынут в третьем — в мокром обвисшем мешке затрепещут ельцы, и мелочь уважающий себя рыбак побросает обратно в реку, а рыбёшку покрупнее заберёт.

Настоящее улово — под яром у моста или на луговой траве, куда залилась вода. С травы, смотришь, загребли икряную пузатую щучонку: вцепилась зубами в сетку, брыкается и раздувает ярко-красные жабры. А у моста что-то толкнётся в глубине, потом ещё! И вот уже на прибрежной глине с илом и гнилыми корешками пополам, как поросёнок, возится слепошарый налим, выскальзывает из рук, словно кусок банного мыла, норовит обратно в яму. Бросишь свой сак, помогая выпутать из сети. И когда в несколько рук вынете и с восторгом поднимете — вдруг рванётся, как взбесясь, и шмякнется на мелководье, страстно заходясь хвостом и по-змеиному извиваясь сырым холодным телом.

— Лови, лови его! — закричит дядя Коля Роднин, сидя с удочкой и бутылкой “Столичной” неподалёку. А сам уже воткнул деревянный дрын в рыхлый отвесный берег и во всю прыть бежит, хлюпая голенищами бродней.

И потом — когда только круги на воде и слёзы в глазах — огорчённо:

— Но вы чо, хватъ вашу за ногу?! Не могли-то...

...Я знаю: никому не нужно. Сдохну — забудут на другой день. И жизнь, и книги пронесёт, как этот лёд, едва откроется вода. Вспомнят лишь, что болтался без дела, стоял в школьной ограде, облокотясь на штaketник, и смотрел на Лену. И всё ради этих дней, ради льда в реке и сакальчиков на берегу, ради земляков и родной русской речи. Ради тревожной минуты расставанья, которая длится вот уже тридцать два года, но, как всему, грядёт и ей конец.

НЕ ДЛЯ ГАЗЕТЫ

Сидит — чернее атомной войны. Шалью обмоталась, чтоб не надуло от реки. Голову, как мужик, кулаком подпёрла. Губами жуёт. Слова доброго не скажет — только рывкает:

— Ты меня не снимай! Я этого не люблю!

Рядом на длинной лавке под окном избы уместился корреспондент городской газеты — молодой самоуверенный хлыщ. Выложил диктофон, записную книжку, фотоаппарат и футляр к нему. На носу юбилей Победы, вот и скомандировали пошмонать по деревням, потрясти оставшихся стариков-старух и вернуться с материалом.

— Бабушка, помните, как встретили День Победы в мае сорок пятого? Наверное, большой праздник был, столы накрыли? — сует старухе под нос включённый диктофон.

Старуха прядает, как будто поднесли хрен или фигу. Того гляди плюнет. И всё ей кажется, что откуда-то дует...

— Да какой праздник тогда?! — злится. От корреспондента пахнет “ди-колоном”, и старухе это не нравится (“Как баба!”). — Мы с девчонками на току были, семенной фонд проверяли. Прискакал нарочный: “Победа!” Сели мы тут, запла-акали... — Старуха некоторое время молчит. Скашлянув,

продолжает отмякшим голосом: — Ну, пришёл председатель, выдал по горстке пшеницы. Бросили в котёл, напарили и поели. Этим и отметили. Опять пошли работать...

Корреспондент вежливо улыбается, кивает. Диктофон ещё держит у старухино лица, но кнопку выключил. А старуха, скинув шаль, всё говорит, говорит...

РУССКАЯ ДУША

В выходных подрубленных брюках и в чистой глаженной рубахе, с ботинок на ноге. Ползает на коленях, держась одной рукой за край лавки, поставленной вдоль стены в прихожей, а другой, зажавшей кочергу, шукает в темноте под лавкой второй ботинок.

Собрался в районную больницу, чтоб “осмотрели всего”, торопится на лодочную переправу, и капля пота висит на дряблом рябом носу с крупными красными порами. Но кочерга раз за разом приносит то обрезанный валенок, то стиральный порошок, то детский горшок, в котором старуха разводит цветы. Из уст его сообразно с ценностью, точнее, бесполезностью найденной вещи слышатся недовольное ворчание или солёный матерок.

Наконец, выскреб, что нужно. Сел с багровым от напряжения лицом, с прилипшей к хребту рубахой. Обулся, завязал шнурки, с хрипом переверсясь через колено — через правое, когда на правой ноге, и через левое — когда на левой. Разогнулся, выдохнул, чтобы кровь отлила от лица. Посмотрел на два старых советских ботинка из толстой натуральной кожи, которая до сего дня не прохудилась, только потёрлась. И вдруг засмеялся! Топнул одним, затем другим, сдвинул оба и сказал ополоумевшей старухе, объясняя причину внезапной радости:

— Братка братку встретил! — и кивнул на ботинок, который долго искал под лавкой.

МИЛЫЕ МОИ...

Вода резко выперла, подступила к путейским створам и, вчера почти чистая, снова покрылась белым-белым, как будто распалась и зашевелилась гигантская мозаика. Это взыграли боковые притоки, распатали и подняли лёд. И он сдвинулся огромными массивными островами, застревая на речных изгибах, буравя камни и скашивая кусты, страшно громоздясь и ломаясь, а уже перемолотый, частый поплыл в Лену, придав её водам новой силы, напора, движения...

Двое стариков загорают на лавочке, врытой над рекой, глядят под гору и время от времени причащаются от чекушки, поставленной в схоронное место — в лохмотья прошлогодней травы, наросшей подле. Над водой проносятся утиные табунки, и старики всякий раз оживляются, вспоминая какие-то легендарные выстрелы. В Лене так тесно и шумно ото льда, что старикам приходится кричать друг другу. Со стороны может показаться, что они отчаянно спорят и вот-вот бросятся в драку.

Подъезжают на мотоцикле местные мужики, уже навеселе. В дощатом коробе — вёсла, ружья, мешок сетей, помятый бензобак от лодочного мотора, две капроновые двадцатилитровые канистры с топливом и положенный на бок старый измятый “Вихрь” без колпака. Здороваются за руку, и старики вежливо привстают. Некоторое время все смотрят на реку, слушают шум и провожают глазами зажатый льдинами баркас с чёрным номером на носу...

— Ну как, отцы?! Можно пройти на лодке? — наконец спрашивает один.

Старик из избы напротив, чья лавка, охотно откликается:

— А можно! Закрой глаза только...

...Люблю тебя, русский народ.

ДИАНА КАН

ОПЯТЬ ИДУ
НА КРАСНЫЕ ФЛАЖКИ

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

КАН Диана Елисеевна — русская поэтесса, автор книг “Високосная весна”, “Междуречье”, “Подданная русских захолустий” и др. А также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегии ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

“Какое ж тут смиренье?” — спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи —
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
“Откуда взялось ты на свет?” —
Не в силах унять изумленья.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам — повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
“Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..”

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь — опасное искусство —
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень — очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы — по золоту ступаем,
Ещё в тоске не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Наверно, для чего-то это надо —
Предательства, подножки и тычки.
Волчицей, выходящей из засады,
Опять иду на красные флажки.

Улыбкою спасаясь от удушья,
К себе самой я возвращаюсь вновь...
О, где же ты, моё прекраснодушье?
И где же ты, великая любовь?

Подстрелены вселенскою тоскою,
Вы накануне жизни и весны
Чеканной поэтической строкою
В несовершенство мира влюблены.

Когда бы я не родилась поэтом,
Шакалы не скулили бы: “Ату!”...
Но накануне битвы тьмы со светом
Суровый кодекс волчьей чести чту.

Мне за победу оправдаться нечем:
Удел поэта на Руси таков...
...И на кануне оплывают свечи,
Поставленные мною за врагов.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава седьмая

“ДА СГИНЕТ ТЬМА!..”

Перебираю письма Георгия Васильевича Свиридова ко мне. Перечитываю мои записи его монологов. Вспоминаю, как великий русский композитор — до конца дней своих не имевший ни своей собственной, ни казённой дачи — жил жизнью отшельника, снимая дачное жильё в подмосковных посёлках для себя и для своей Эльзы. Восхищаюсь, что при этом образе жизни он, отягощённый годами, недугами, творческими заботами — радушно принимал меня возле калитки, приглашал в дом, и мы начинали разговоры о судьбах литературы, о прошлом, настоящем и будущем нашей России, “о Шиллере, о славе, о любви”, если говорить словами Пушкина.

Мало того, он, используя свой авторитет и всяческие связи, пытался добиться того, чтобы на Всесоюзном радио была записана передача, в которой знаменитый артист Юрий Яковлев читал бы мои стихи.

Он сам, не жалея глаз своих, вчитывался в мои книги, столь страстно и трепетно, что иногда убеждал меня внести в них уточнения или исправления, и я соглашался с ним, с его художественным вкусом и мировоззренческой правотой.

А когда я в редкие минуты падал духом и погружался в тоску от травли со стороны профессиональных идеологов “шестидесятничества”, ободрял меня своим убеждённым словом и своей верой. Он, чувствуя моё поверхностное понимание мировой музыкальной стихии — и западной и отечественной русской, не возмущался, а терпеливо, ярко и убедительно разъяснял мне особенности многих музыкальных культур — немецкой, итальянской, французской, добрался даже до негритянских псалмов! — и, блистательно объясняя их сущность, сравнивал эти культуры с русским мелосом, рождённым народной стихией и облагороженным творчеством Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова. Но это были не лекции, а пламенные, выношенные Георгием Васильевичем в течение всей жизни.

А суждения о “детях Арбата” его, сына русского простонародья, из курского села, были справедливы и неотразимы. В такого рода состоянии он был похож на русского витезя, вышедшего на поединок с сатанинским мировым полчищем. А его посещения миров Пушкина, Достоевского, Толстого и Есенина были не менее глубокими и удивительными, нежели размышления о творчестве Мусоргского и Чайковского, с которыми он разговаривал, как со своими современниками.

Видя, как я переживаю брань в свой адрес со стороны фанатиков Высоцкого, возмущённых моей статьёй “От великого до смешного”, он не сказал мне ни слова ни о Высоцком, ни о его поклонниках, как бы показывая своим умолчанием, что они не заслуживают серьёзного разговора.

Думаю, что свою книгу о шестидесятниках я не смог бы написать, если бы не прошёл “свиридовскую школу” поисков правды и трезвого самообладания. Да по-другому и быть не могло, поскольку великая книга Свиридова “Музыка как судьба” рождалась на моих глазах во время наших разговоров. Книга вышла после его смерти. Но перед этим уже была вчерне написана в его дневниках, в записях на страницах книг, которые он читал с карандашом в руке, в его письмах, которые были своеобразными черновиками страниц будущей книги. В одном из его писем ко мне были слова “да будет свет”, в другом “да сгинет тьма”... Каждое из этих словосочетаний могло стать именем его будущей книги, но она вышла в жизнь под названием “Музыка как судьба”, и, может быть, поэтому бессознательно, но не случайно я назвал книгу своих воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”. Георгий Васильевич вольно или невольно, но помог и мне написать свой трёхтомник и дать ему имя.

За много лет нашей дружбы я никогда не видел его впавшим в уныние или в отчаяние. Чем глубже и точнее он ощущал давление на судьбы человеческие мирового зла, тем мужественнее и отважнее были его ответы этому злу и распаду. Лишь в одном из самых последних своих писем он признался мне: “Живу я скверно, болею, жизнь как-то быстро вдруг пошла под откос, дел много, помощи нет, живу в чужом углу, на старости лет это неудобно, неуютно. Работа моя стала. Уже четвёртый год я ничего не могу сделать, быт разлезся по швам. Грустно мне очень и не знаю, как поправить дела”.

Он словно бы предчувствовал, что после его смерти “антреприза” сделает всё, чтобы он был забыт. Во время его столетнего юбилея в 2015 году лишь в каких-то жёлтых газетёнках появилось несколько фраз о нём, как о неисправимом представителе музыкально-провинциального романтизма, чуждом новому двадцать первому веку... А началась наша дружба совершенно неожиданно для меня, в какой-то степени даже благодаря моему легкомыслию.

Дело в том, что, как помнится мне, в мае 1982 года я лихорадочно засобирился в дорогу. Мне все чаще стала сниться таежная река, впадающая в Белое море, ее зеленые острова, окаймленные золотыми лентами кувшинок, рокочущие пороги с гладкими, влажными валунами, серебряная рыба, выпрыгивающая из черной воды, белесоватые ночи, когда особенно тревожат душу звонкие голоса лебедей с безымянного озера.

Но за несколько дней до отъезда раздался звонок из “Литературной газеты”:

— Станислав Юрьевич, приглашаем вас выступить со статьёй в дискуссии о массовости и народности культуры.

Проклятая тема давно мучила меня, и, отложив на несколько дней сборы, я сел к столу и написал все, что пожелал — о Пушкине, о нашем телевидении, о Моцарте, о вульгарной экранизации классики, об Аркадии Райкине, о Федоре Достоевском, о братьях Стругацких, о Владимире Высоцком, о Евгении Евтушенко и т. д. Моя статья называлась “От великого до смешного” и была опубликована 9 июня 1982 года с эпиграфом из маленькой трагедии А. С. Пушкина “Моцарт и Сальери” — “Ты заснёшь надолго, Моцарт!”

Когда я вернулся из поездки на Север, в редакции “Литгазеты” меня ждал мешок писем, негодующих и восторженных, проклинающих и одобряющих... Поскольку я не пощадил в своей статье многих кумиров массовой культуры, то “террор среды”, обрушившийся на мою голову, носил тотальный характер. Я понял, что замахнулся на “святая святых” современного упрощенного человека, особенно на его фантастическое поклонение Владимиру Высоцкому. И тем более долгожданным и дорогим было для меня каждое умное и серьёзное письмо, выражавшее понимание и поддержку. Одно из таких писем было подписано: “Ваш Георгий Свиридов”. После него мы познакомились, и наши, смею сказать, дружеские отношения продлились более пятнадцати лет, вплоть до смерти великого русского композитора.

“3. 09. 1982 г.

Дорогой товарищ!

Не имея чести быть знакомым с Вами лично, хочу пожать Вам руку и поблагодарить за Вашу замечательную статью. Эпиграф статьи выбран Вами изумительно верно!*

Как я понимаю, речь идет о сохранении крупных духовных ценностей, без которых жизнь теряет смысл. И дело не только в тех или иных именах литературного обихода.

Я давно Вас знаю, люблю и ценю Ваше строгое слово. Читал прекрасную подборку стихов в газете "Советская Россия", журнальные и хрестоматийные публикации. Читал Ваши воспоминания о Н. Рубцове в журнале "Север". К сожалению, сборника Ваших стихотворений у меня нет (правда, я не коллекционер поэзии). Четыре ваши строки сидят у меня в голове прочно, как будто это я сам их сочинил:

*Синий холод осеннего неба
Столько раз растворялся в крови,
Не оставил в ней места для гнева,
Лишь для горечи и для любви.*

Это, знаете ли, мне очень близко! Дай Вам Бог здоровья и сил для Вашего достойного дела.

С большим уважением Г. Свиридов, Москва".

В ответ я послал Георгию Васильевичу сборник стихотворений и вскоре получил от него еще одно письмо.

"10. 12. 1982 г.

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Спасибо за новую книгу, спасибо за ту, присланную прошлый раз, и за великолепно подобранную В. Кожиновым маленькую антологию современной лирики. Она (книга) открыла мне глаза на существование целой плеяды прекрасных подлинных русских поэтов. Там есть новые для меня имена, например, Казанцев, Балашов, Чухонцев, и у каждого из участников сборника есть настоящие стихи. В моем понимании это – подлинная поэзия, берущая свои заветы из первых рук. Живу я одиноко. Друзей у меня немного. В своей профессиональной среде я – пария, чужой человек. От этого мне особенно дорого то, близкое, что я вижу вокруг. Ваш "Путь" со мной в больнице, я его перечитываю: много мысли, но не рассудочной, а от восприятия мира – сердцем. "Реставрировать церкви не надо" – изумительно. Мне только непонятно, отчего Вы заменили "ни единый из них" на "ни единый из нас"? Из нас кто-нибудь да поймет. Надо в это верить!

"Чего нам не хватало на просторе", "А где дурачки городские"... все это прекрасно и трагично. Прекрасно также о "цыганском" пении. Знаете ли Вы, что это "цыганско-русское"? В Европе цыгане поют по-другому, и вообще меньше поют, хотя там поэты тоже воспевали их внутреннюю свободу – Ленау или Мериме. Но это – другое!

И лирика Ваша – хороша... Все это мне близко очень.

Жалею, что не мог быть на Вашем вечере, жена многое мне передавала из того, что видела и слышала, но это только возбудило мое любопытство. Лишь самолично присутствуя в зале, можешь ощутить напряжение, вызываемое поэзией столь жгуче современной, как Ваша. Хотелось бы мне также увидеть Кожинова; посмотреть, что это за человек, хоть внешне. Он меня поражает. Какая глубина и целеустремленность!

После Нового года, даст Бог, буду дома.

Может быть, навестите меня?

Желаю Вам здоровья и всего самого доброго.

Г. Свиридов".

К этому письму следует сделать необходимое пояснение.

В одной из моих книжек Свиридову чрезвычайно понравилось стихотворение "Реставрировать церкви не надо". Поскольку он в своих письмах дважды пишет о нем, подробно разбирая отдельные строки, я должен еще раз (оно

* "Ты уснёшь надолго, Моцарт!" (А. Пушкин)

приводится в главе об А. Межирове) его процитировать, дабы читатель понял, что волновало в этом стихотворении Свиридова.

*Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят, как свидетели дней,
как вместилища тьмы и смрада,
в наготе и в разрухе своей.*

Пусть ветшают...

*Недаром с веками
в средиземноморской стороне
белый мрамор — античные камни —
что ни век возрастает в цене.*

*Штукатурка. Покраска. Побелка.
Подмалевка ободранных стен.
Совершилась житейская сделка
между взглядами разных систем.*

*Для чего? Чтоб заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный тёмный собор?*

*Все равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймет,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поет!*

(1975)

В первом варианте стихотворения, который был прочитан Свиридовым, третья от конца строчка у меня читалась так: “ни единый из них не поймет...” Но потом мне стало казаться, что в этом есть какая-то внутренняя нечестность, какая-то попытка скрыть и нашу собственную вину за все происшедшее с Россией в XX веке. С большими колебаниями, но я все-таки исправил строчку, взяв часть исторической вины самоубийственного кощунства и беспамятства наших отцов и дедов — на себя: “Ни единый из нас не поймет...” Но когда Георгий Васильевич получил от меня очередную книгу моих стихотворений, в которой я, перепечатывая некоторые главные стихи своей жизни, оставил и “Реставрировать церкви не надо” с исправленным словом, он чуть-чуть пристрастного и внимательного читателя сразу понял все: зачем и почему я исправил одно слово на другое. И написал об этом короткое, но чрезвычайно важное и для него и для меня примечание.

А потом, в письме от 3 декабря 1983 года, снова вернулся к этому стихотворению и даже предложил добавить одну букву в одном слове. И с железной логикой обосновал необходимость такого изменения. Но об этом чуть дальше.

Я посылал Георгию Васильевичу новые книги, он иногда звонил мне, приглашал на дачу в Академический городок, где снимал на лето жильё у вдовы одного известного академика.

Мне было всегда горько смотреть на то, что крупнейший русский композитор не имеет средств для того, чтобы жить на собственной загородной даче в соответствии со своими привычками и характером. Но он не придавал этому особенного значения. Он встречал меня возле крыльца, дача находилась в самом глухом углу поселка, вокруг нее росли высокие сосны, кусты дикой малины и смородины. Мы бродили с Георгием Васильевичем по заросшим лесной травой дорожкам, глядели на мерцающие нити осенней паутины, скользящей в воздухе, на низкое небо, уже чреватое осенним холодом, и разговаривали о Чайковском, о Шостаковиче, о Бахе...

Свиридов на прогулки надевал теплое ратиновое пальто, подшитые валенки — в последние годы он плохо переносил холода — и, похожий на вельможу

екатерининских времен в изгнании, показывал, словно свои владения, самые глухие уголки не принадлежащей ему усадьбы... Иногда он резко менял течение разговора, и после скупых жалоб на то, что у него в столах лежат духовные сочинения, которые он не может издать, да и исполнять их некому! — он вдруг начинал пристрастно спрашивать меня о сегодняшнем времени, о поэтах моего поколения, о критиках, о друзьях, о хулителях и ненавистниках русского искусства...

— Вы Кожинова обязательно как-нибудь ко мне приведите, очень мне интересен этот человек... А Юрия Селезнева знали? Да? Замечательный был человек, независимый, штучный! А с Костровым дружите? А чьи стихи посоветуете мне почитать? Юрия Кузнецова? Откуда он, сколько ему лет?

Современность, какая бы она ни была, привлекала его чрезвычайно, не меньше, чем великое прошлое.

Я привез к Георгию Васильевичу Вадима Кожинова, потом как-то был у него в гостях с Валентином Распутиным, познакомился в его доме с Евгением Светлановым, с Николаем Мининым, с Владиславом Чернушенко, с Еленой Образцовой.

Он был чрезвычайно разборчив в новых знакомствах и одновременно жаждал общения и встреч с новыми людьми России. Как будто хотел поделиться с нами всеми своими горестными и тайными думами о её судьбе, всем своим жизненным опытом, всем, чем жил он, великий отшельник нашего времени, опекаемый ангелом-хранителем Эльзой Густавовной, изредка звонившей мне и требовательно просившей: “Приезжайте, Юре надо поговорить...”

Я понимал, что в нем накопилась усталость от работы, от одиночества, от независимости, от усилий, с которыми он сохранял чувство собственного достоинства и чести: “Я очень одинок. В музыкальной жизни пахнет псиной, мафией, интригами. Опереточный Хренников, порнографический Петров, правда, есть и Гаврилин — настоящий талант. Русская современная жизнь слышна в его музыке — и драма, и раёк, и улица. Мне завидуют, меня не любят и не понимают”. Иногда мне казалось, что он выбрал меня, чтобы я потом рассказал — после него, как жилось ему в его молчанье и в его почти монашеском обетном, аскетическом подвижничестве последних лет жизни. Я посылал ему новые книги, и не только свои, он, получив их, почти всегда отвечал мне благодарственными письмами, в которых размышлял и о поэзии Николая Рубцова, и об Андрее Вознесенском, и о Федоре Абрамове...

ИЗ МОНОЛОГОВ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

“Я ведь недаром люблю литературу, поэзию, слово. Вот с Вами встречаюсь, с Распутиным, Клюева перечитываю — гигантский поэт! С монументальным народным, христианским ощущением жизни!

Все дело в том, что музыка сегодня не та, что была в прошлые века. Религиозный дух оставляет ее, отделяется от нее, она как бы эмансипируется. И сегодня она может жить только в союзе со словом. А это ведь — совместная жизнь слова и музыки — издавна присуще русской культуре. Наша народная музыка — это пение, как для русских, так и для белорусов с украинцами. Наши народные песни, целый пласт! Наши былины были немыслимы без мелодического исполнения, “Слово о полку” так же исполнялось, как песенный речитатив, я уж не говорю о наших молитвах, о церковных песнопениях. А народные песни? Целая сокровищница, которую мы забыли, загубили, разбазарили за последние десятилетия. Я пытался создать в современной музыкальной жизни своеобразную антологию русской песни, но музыкальная среда, верхушечно-чиновничья композиторская братия отвергла эту мысль. Да уж если так относиться к великой русской народной песенной культуре, то что говорить о фольклоре других народов? Северных, сибирских, дальневосточных. А ведь в их ритуальных песнях такое слияние с природой, такое древнее представление о мироздании, такое наивное и мудрое детское восприятие мира!

И однако современная музыка, даже плохая, даже примитивная в худшем смысле слова, даже неприятная многим из нас, — все равно отражает время, его страсти, его эгоизм, его атеизм, его движение к концу света. А потому она, эта музыка, достойна внимания и изучения. Так что вам, литераторам, хочешь не хочешь — надо слушать эту музыку, анализировать ее, понимать, разгадывать, чем она близка и понятна душе сегодняшнего одичавшего от

цивилизации человека. В Америке есть большая музыка. Американские “чувственные псалмы”, в которых выразились чувство и темперамент “черных”, замечательны. Там есть поворот к национальному, к “реакционному”, как пишут всегда “прогрессивные” еврейские музыкальные критики”.

“24. 07. 1983 г.

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Посылаю Вам забытые у нас фотографии и стихотворения. Как мне пришло в голову (к сожалению – поздно, ибо русский человек крепок, как известно, задним умом!), стихи предназначались для прочтения, но я не был столь догадлив и не попросил Вас почитать, по своей непривычке к общению с поэтами. Но я надеюсь, мы как-нибудь устроим литературно-музыкальное “суаре” и тогда – все станет на свои места! Мне было очень хорошо беседовать с Вами и Кожинным, которого я видел впервые, и тоже, надеюсь, не в последний раз (дай Бог).

Сообщите мне, будете ли Вы в Москве – август и первую половину сентября. Может, понадобится встретиться по делу небольшому.

Рыба Ваша произвела ошеломляющее впечатление, я съел её – один, никому не дал ни кусочка, подобного лакомства мне не доводилось пробовать, хотя я – человек избалованный.

Привет Галине Васильевне.

Крепко жму Вашу руку.

Г. Свиридов”.

Сюжет с рыбой возник в письме после того, как я, вернувшись из архангельской тайги с рыбалки и охоты, угостил Свиридовых семгой и хариусом, которых и поймал, и засолил собственноручно.

“3 декабря 1983 г.

Дорогой Станислав Юрьевич,

спасибо за “огоньковскую” книжечку “По белому свету”. Получил с большой радостью. Бандероль была послана по неточному адресу, но в нашем почт. отд. меня знают и доставили в сохранности куда надо. Стихи Ваши, собранные в ударный кулак, производят на меня большое впечатление.

Мне нравятся Ваша страсть и напор, мужество и умение смотреть на трагическое строго, сурово, без дряблости, сентимента или любования тяжелой стороной жизни. Например, стихи про юродивого. Да многое я бы Вам мог написать, поверьте – я человек с большими требованиями! Стихи Ваши действуют на меня неотразимо. Но критика, который заглянул бы в их глубину, еще не нашлось! И это не упрек Кожинному, который Вас любит, просто тут нужен другой особый глаз для смотрения. Мне не кажется (я позволю себе судить, любя Вас!), что крупная форма, например “Поэма”, явится итогом Вашего пути. Большие, заранее заданные формы не производят на меня теперь впечатления, наоборот, предельно миниатюрная, сжатая как прессом форма – очень действенна. См., напр., потрясающую книгу покойного Ф. А. Абрамова – “Трава-мурава”, это грандиозно по силе, эпично – несмотря на то, что рассказы иногда – короче лирического стихотворения. Эпос. Автор не вылезает на первый план со своими “самовыраженческими” чувствами. Воздействует лишь сама правда жизни, но написанная минимумом максимально точных и выразительных слов. И в поэзии я ценю более – сжатое, спрессованное. Большую же форму вижу – как ряд спрессованных (каждую саму по себе) миниатюр, точно со смыслом выстроенных в ряд.

* * *

После всего этого “научообразия”, которое меня почему-то сегодня одолело, скажу Вам, что читаю стихи Ваши (хорошо уже мне знакомые!) со слезами на глазах. Это без всякой гиперболы.

Одно из любимых моих стихотворений “Реставрировать церкви не надо”... Вы переделывали его. Теперь оно обрело стройную прекрасную форму! Но я хочу быть похожим на того сапожника, который правильно “в обуви ошибку

указал”, а потом начал говорить: “Мне кажется, лицо немного криво” и т. д. Пушкин хорошо это изобразил, и я этому изображению следую, а именно: “Штукатурка. Покраска. Побелка”. Эти три слова напоминают как бы вывеску нашей мастерской, где производят подобные работы. И в этом (в их грубом бытовизме) есть недостаток, отвлекающий от возвышенной речи стиха. Это просто перечень работ. Не смейтесь надо мной! Я говорю это потому, что стихи эти мне особенно близки. Подобная же мысль мне давно и часто приходила в голову, когда я смотрел на разрушенные церкви, похожие на живого человека, с которого сняли кожу, такой это у меня вызвало образ.

Так вот: не сердитесь на меня. “Штукатурка. Подкраска. Побелка. Подмалевка” и т. д.

“Подкрасить” разрушенную церковь, как подкрашивается продажная женщина. Но покрасить – бытовое дело. А “подкрасить”, то есть нанести некий фальшивый тон на то, что внутри уже разрушено, убито и т. д. Другой смысл, более, мне кажется, глубокий возникает от этой одной буквы.

Только не сердитесь, пожалуйста! Я желаю Вам хорошего Нового года – здоровья и возможности трудиться над любимым делом, благополучия и мира в доме. Сердечный привет Вашей жене!

Я нахожусь в больнице, тоскую, естественно.

Не показывайте моих замечаний никому, это должно быть между нами, замечать Вам в стихотворном деле дает мне право только моя большая любовь к Вашим стихам.

Крепко жму Вашу руку. Г. Свиридов”.

Но чаще всего в разговоре о музыке Георгий Васильевич вспоминал Мусоргского: “В его музыке слышится грохот разрушающихся царств”. Мусоргского он ценил как композитора, слышавшего тайные, материковые сдвиги человеческой истории, для чего нужно кроме музыкального гения великое личное мужество. Часто вспоминал и музыку Римского-Корсакова. Помнится, как он рассказывал о возобновленной в 1984 году постановке оперы “Сказание о граде Китеже”:

– Написана опера в 1902 году. При Советской власти ни разу не ставилась. Попытка поставить Голованов в 30-е годы, его смяли, затоптали, даже термин ввели – “головановщина”. А Светланов сделал грандиозную постановку! – Свиридов был восхищен и оперой, и постановкой. С особым чувством он, как бы говоря о современной русской жизни, передавал свое впечатление от образа спившегося негодного русского человечешки, который провел захватчиков ордынцев по неведомым им тропам к таинственному граду Китежу...

– Пьяница, готовый продать все самое родное, самое заветное, “вор”, как говаривали в старину, русский средневековый люмпен. А сколько их в нашей жизни, – сокрушался Свиридов и вспоминал поджигателей-архаровцев из повестей Валентина Распутина “Пожар” и “Прощание с Матерой”... – Я без слез не могу слушать, когда в финале оперы звучит вопрос: а что же дальше будет на Руси? – и герой поет: “Вижу церкви без маковок, дворцы без князей...”

... Именно неестественный союз подобного рода “архаровцев” и местечковых “комиссаров в пыльных шлемах”, по убеждению Свиридова, сыграл роковую роль в событиях 1917 года и гражданской войны.

ИЗ МОНОЛОГОВ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

– Самый великий наш композитор – конечно же, Мусоргский. Совершенно новый для всего мирового музыкального искусства язык, обогащенный мощным религиозным чувством, да еще в ту эпоху, когда оно уже начало выветриваться из мировой жизни, да и из русской тоже. И вдруг – “Хованщина”! Это же не просто опера, это молитва, это разговор с Богом. Так могли мыслить и чувствовать разве что только Достоевский и Толстой.

Великие ученики и последователи Мусоргского – Римский-Корсаков в “Сказании о граде Китеже” и Рахманинов во “Всенощной” и “Литургии” продолжили религиозное, православное понимание мироустройства. Но первым в России его выразил Мусоргский. Его сочинения – это настоящее религиозное

искусство, но на оперной сцене. Его речитативы не сравнить с речитативами Верди. У Верди речитативы не певучие, механические. У Мусоргского же речитатив – это голос священнослужителя, произносящего Божественные, великие по своему значению слова, которые две тысячи лет произносятся в христианских храмах. В этих словах есть и простота, и детскость, и глубина удивительная. Ведь Христос сказал: “Будьте как дети”. И недаром же у Мусоргского есть гениальное сочинение о детях – “Детская”. Душа ребенка – чистая, простая, вопрошающая, живет в этой музыке. А способностью проникнуть в душу человеческую Мусоргский ближе всего к Достоевскому. Он не признавал оперной европейской музыкальной условности в изображении человека. Его оперные люди по сравнению с людьми Вагнера, Верди, Гуно – совершенно живые, стихийные, загадочные, бесконечные, как у Достоевского. А у западных композиторов их герои – это как бы герои Дюма, в лучшем случае Шиллера или Вальтера Скотта. Нет, у него не романтизм, не приукрашивание мира, не упрощение его, а стихийное выражение жизни со всей ее сложностью и бесконечностью.

Словом, русское её ощущение. Потом это назвали музыкальным реализмом. Но простейший быт, при всей своей тяге к реализму, он в музыку не впускал. Потому и не получилась его попытка с речитативом к гоголевской “Женитьбе”. Слишком содержание ее ничтожно, ничтожно настолько, что Гоголь сам поражался этой ничтожности, пошлости жизни, обыденности. Мусоргский же – композитор трагических страстей, на которых стоит и зиждется жизнь. Он единственный настоящий композитор-трагик. Его “Борис Годунов” куда ближе к древнегреческим античным трагедиям с их хорами, нежели к легкому и изящному европейскому оперному искусству. “Борис Годунов”, “Хованщина” – это музыка крушения царств, это музыкальное пророчество! грядущих революций. И одновременно это апология русского православия. Звон колокольный гудит в его операх! Звон великой трагедии, потому что народ, теряющий веру, – гибнет. А сохранивший или возродивший её – доживёт до торжества христианства. Вот что такое Модест Петрович Мусоргский. Потомок Рюриковичей. Умер в богадельне. Его травили либералы – Тургенев, Салтыков-Щедрин. Один лишь журнал “Гражданин” (реакционнейший!) поместил некролог со словами: “Умер великий композитор. . .” Но насколько был силен в идеях – настолько был слаб в оркестровке, она у него на уровне XVIII века. За это его ругали, и правильно. И еще настоящая литургическая музыка у нас, конечно, Рахманинов. Не Чайковский, не Бортнянский. У них чувство религиозно-сентиментальное. Не более того.

* * *

“Дорогой Станислав Юрьевич,

пишу по делу. Месяца два с половиной назад появилась идея сделать передачу Ваших стихов по радио (вместе с музыкой!). Идея была близка к осуществлению, но обнаружили трудности, и дело – стало! Причин тут несколько: 1. Подборка стихов оказалась не так удачной (делал ее не я!). 2. Само Ваше имя, да еще в целой передаче (на час времени), вызвало у кого-то из лит. сотрудников Радио, очевидно, протест либо боязнь, причем не боязнь даже начальства (хотя радицензура исключительно строга!), а боязнь и литературных людей, с которыми этот литотдел завязан “мертвым узлом”. Но это – Бог с ним, не хочу лезть в подробности.

Что надо сделать? 1. Вам – отобрать примерно 20 стихов (из “огоньковской” книжки, известных, и прибавить к ним что-то по желанию). Пойдет из них 15 (больше не входит). Остальное место должны занять: вступительное слово Свиридова (ибо передача – музыкально-литературная!), такое слово мной уже было произнесено и записано, но я его немного доделаю (слово недлинное), и музыка Чайковского П. И. и Рахманинова С. В. – компания почетная! Музыка (в отрывках) уже мной подобрана, но ее также надо пересмотреть в связи с переменой текстов.

Прошу Вас отнестись со всей серьезностью к этому делу, оно может дать высокий художественный результат. Имелось в виду пригласить чтецом Юрия Яковлева, хорошего артиста, но пару-другую стихов могли бы прочесть и Вы. Желание сделать такую передачу есть и у моих музыкальных друзей по Радио

и у меня. А теперь, когда поставлен препон, это надо постараться сделать особенно. Выберите время и постарайтесь исполнить мою просьбу. Я думаю, у Вас это не вызовет возражения? А мы будем “толкать” этот “вопрос”. Правда (говорю Вам по секрету!), я почувствовал, что помимо общих цензурных строгостей к слову на Радио (что м. б. и естественно!) “завязанность” с “лит-группировками” там тоже есть! Но мы будем стараться преодолеть этот барьер. М б. нам это и удастся.

В нашей музыкальной жизни дело ведь обстоит м. б. и еще хуже: вся музыка находится в сфере влияния “преступного синдиката”, стоящего во главе Союза композиторов и творящего пагубное дело для нашей культуры, в первую очередь русской. Но надо жить, делать то, в чем убежден и без чего жизнь теряет смысл.

Крепко жму Вашу руку. Жду письма.

Г. Свиридов.
19/1—84 г.”

... Свиридов еще не конца представлял себе, насколько силен в литературном мире свой “преступный синдикат”, творящий то же пагубное дело для русской литературы. Я предчувствовал, что едва ли что-нибудь может получиться из его затеи с передачей на радио. “Хотя, — сомневался я, — знаменитое имя Свиридова — как они смогут с ним не считаться?” А они просто “заматывали” его идею, чинили ей всякие мелкие препоны, понимая, что рано или поздно он махнет от усталости на все рукой и отстанет от них.

ИЗ МОНОЛОГОВ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

— Консерватории — это унификация музыкальной жизни, своеобразная борьба цивилизации с музыкальной стихией, живущей в недрах любого народа. В Европе до середины XIX века не было никаких консерваторий.

Первая была создана в Германии сыном крупного еврейского банкира Мендельсоном Бартольди, замечательным композитором. С переходом на консерваторское образование наша церковная музыка стала оттесняться на обочину музыкальной жизни. Началась европеизация русской музыки, которую энергично поддерживали приехавшие в Россию братья Рубинштейны. Их нашли менеджеры Мендельсона, которые искали по всей Европе способных молодых музыкантов, чтобы обучить их в лейпцигской консерватории, а потом распределить, говоря современным языком, по разным странам в разные национальные консерватории. Но великие немецкие композиторы не приняли этих музыкальных новшеств. Ни один из них в консерваториях не учился: ни Шуман, ни Вебер, ни Лист, ни тем более Вагнер, ни Шуберт, ни Брамс. А ведь это не случайно! Лист вообще презирал унифицированное консерваторское образование и когда встречал бездарного молодого музыканта, то иронизировал: “А Вам, молодой человек, надо обязательно поступить в консерваторию!” Антон Рубинштейн стал монополистом вкусов, определял репертуар, замалчивал Мусоргского. Когда Репин рисовал “Могучую кучку”, ему все приходилось согласовывать с Рубинштейном, а тот ему прямо сказал: “Ну, а Мусоргский-то зачем?” Однако музыкальных критиков европейские консерватории вскоре после создания их сети наплодили к концу XIX века очень много! Поэтому у Листа было два ругательных слова: “музыкальный критик” и “консерватория”. Правда, русскую консерваторию спасло появление Петра Ильича Чайковского, который вскоре перерос Рубинштейна и стал представлять русскую музыку не только в Европе, но и в Америке. Да и наша “Могучая кучка” — Бородин, Римский-Корсаков, Балакирев, Кюи, ну и, конечно же, Мусоргский — созрела как непрофессиональная среда. Стравинский — явление незаурядное. Именно он проложил в русской музыке путь к чистому модерну, гиперболизовал форму, сознательно лишил музыку духовного начала. Но на этом пути он сделал немало открытий. И, однако, я знаю, что крупнейший композитор XX века — Рахманинов. Его “Всенощная” изумительна! За 2 месяца я прочитал более 6000 тысяч страниц партитуры Рахманинова, Мусоргского, Римского-Корсакова, даже глаза заболели! Учился сопрягать оркестр с голосом. Но есть у Рахманинова и слабости — сентиментальность.

“21 февраля 1984 г.

Дорогой Станислав Юрьевич,

подборку стихотворений получил, навел справки на радио. Будем стараться сделать передачу, хотя это оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал. Время идет – жизнь меняется! Но я не опускаю рук и не теряю надежды. Теперь у меня – трудное время. Живу я скверно, болею, жизнь как-то быстро вдруг пошла под откос: дел много, помощи нет, живу в чужом углу, на старости лет это неудобно, неуютно. Работа моя – стала. Уже пошел четвертый год, как я ничего нового не могу сделать, быт разлезся по швам. Грустно мне очень, и не знаю, как поправить дело. Книги, посланные Вами, получил. “День поэзии” произвел своеобразное впечатление, думается, он в известной степени отражает состояние нынешнего духа стихотворцев. Читал и критическую заметочку т-те Друниной (весьма, надо сказать, противной особы). Заметочка эта – хорошая реклама!

Ваши стихи мне близки, поэтому понравились. Они современные, по литературному движению, но не добавляют ничего нового в Ваш облик, каким он у меня сложился. Любя Вас – позволю себе говорить откровенно, в этом ведь нет ничего обидного?

Книга воспоминаний о Рубцове произвела сильное и очень, надо сказать, гнетущее впечатление. Если нашей поэзии еще суждено существовать как “Русской поэзии”, в ее главном, коренном качестве, то Рубцов должен остаться в ее истории со своими стихами и своей страшной судьбой. Много, конечно, роднит его с Есениным, но тот был еще человеком здоровой, неотравленной крови, погибал более натужно, форсил, красиво хулиганил в стихах, а этот шел на дно уже безропотно. . .

Одинокая, бесприютная душа, потонувшая в северном необъятном мраке. Его стихами говорит послевоенная, разоренная Россия, Россия детдомов, общежитий, казармы или кубрика и кабака, но не старого кабака, общего (как у Некрасова или Есенина), а кабака уже “домашнего” (в каждой квартире, в каждом жилом углу). И, наконец, могила с “шикарным” казенным надгробием от Союза писателей. Ужасом веет от этой книжки! Вы с ним были дружны. Это меня не удивляет. Вы очень дополняете Рубцова в том смысле, что совсем (как я понимаю) непохожи на него и вместе с тем несете нечто общее. Желаю Вам бодрости и вдохновения. Пусть будут рассказы! Но я жду и Ваших стихов. Ваше страстное мужество мне по душе! А я его как-то потерял. . . Крепко жму Вашу руку.

Р. С. В музыке у нас появилось прекрасное произведение: “Перезвоны” Валерия Гаврилина. Грандиозная штука для хора, идет целый вечер.

Vale. Г. Свиридов”.

* * *

“Дорогой Станислав Юрьевич – с Новым годом, и да минуют нас беды и несчастья! Пусть будет свет и хоть немного радости.

Галине Васильевне – счастье, здоровье и сохранение её прелести на долгие годы. Очень хочу Вас видеть! Немножечко могу писать. Какое это счастье! Радиопередача – будет!

Любящий Вас Г. Свиридов”.

Но всё произошло, как и должно было произойти. Никакой радиопередачи, подготовленной им, не состоялось. Мне было жаль его энтузиазма, времени и сил, потраченных на безнадежное дело. Когда стало ясно, что передачи не будет, я во время одной из наших встреч вспомнил о том, что Шостакович написал музыку на стихи Евтушенко “Бабий Яр”, и, несмотря на сопротивление чиновников от идеологии, оратория была-таки исполнена в Большом консерваторском зале. Свиридов нахмурился: “Значит, мировая антреприза, которой было нужно это исполнение, сильнее партийной идеологии, а мы с Вами – слабее. . .”

Впрочем, о Шостаковиче он всегда говорил, как об одном из своих учителей, без горячих чувств и восторгов, но с уважением. В отличие от Евтушенко, при упоминании о котором его лицо принимало брезгливое выражение.

— А Вы не боитесь, — сказал он, обращаясь при мне к Кожинуву, — так открыто и резко писать о Вознесенском? Он же входит в мировую антрепризу. — И видя, что мы не совсем понимаем, о чем он говорит, Свиридов пояснил:

— Это давняя традиция дельцов от искусства — держать в своих руках организацию приглашений за рубеж, гастролей, рекламы, системы международных премий, гонораров, создания “звезд”, подавления инакомыслия в творческой среде. Система эта создавалась в двадцатые—тридцатые годы, у нас мировая антреприза была представлена салоном Лили Брик с ее мужем Осипом, с окружением из художников, критиков, журналистов, импресарио... Этот салон был связан с салоном Эльзы Триоле и Луи Арагона в Париже, ведь Эльза Триоле — родная сестра Лили Брик, а девичья фамилия у обеих сестричек — Каган; через американского дельца Соломона Юрока наши представители мировой антрепризы устраивали гастроли удобных им людей в Америке... А после Лили Брик связи ее салона во многом унаследовала Майя Плисецкая, недаром же Вознесенский хвалу ей вознес в стихах...

О, Вы не знаете! Возможности этих салонов, образующих сеть мировой антрепризы, могущественны, и те, кто это сознают и подчиняются ее законам, обречены на успех! Я, помню, спросил композитора Щедрина, когда узнал, что он женится на Плисецкой: “Родион, зачем тебе это нужно?” Он ответил мне: “Я сейчас известный композитор, а после женитьбы на Плисецкой стану композитором знаменитым...”

— А как Вы относитесь, Георгий Васильевич, к Плисецкой-балерине?

Свиридов пожал плечами: “Как к ней относиться? Техника...”

Через несколько лет, когда в комиссии Совмина по Российским государственным премиям обсуждался вопрос: присуждать ее или нет Станиславу Куняеву за книгу “Огонь, мерцающий в сосуде”, самым яростным противником выступил Родион Щедрин, хотя было странно, что человек из музыкального мира столь решительно взял на себя смелость судить о книге критики и публицистики. Особенно раздражала Щедрина моя оценка творчества Владимира Высоцкого. Из чего я заключил, что фигура популярного барда тоже находилась под опекой мировой антрепризы.

Так же, как и фигура Альфреда Шнитке. “Последнего великого композитора XX века”, “гения”, как говорили о нём во время его похорон с телеэкрана Андрей Вознесенский, Юрий Любимов, Виктор Ерофеев — “люди близкого круга”, как назвал их Кузнецов в стихотворении “Маркитанты”. О Свиридове никто из них и не вспомнил... А Свиридов, в отличие от Шнитке (о котором только и могли сказать, что он написал музыку к 60 (!) кинофильмам, да намекали, что последняя его симфония не зря называется “9-й” — почти бетховенская!), не входил в круг “творян”, охваченных мировой антрепризой, она же мировая закулиса.

“16/X-85 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Жизнь у меня довольно хлопотливая, дел очень много в связи с концертами будущего сезона, выходом книг и пр. Приходится много репетировать, немножко сочинил и нового, но главная работа моя — увы! — стоит, и это меня прямо-таки тревожит. Мои друзья рассказывали мне о впечатлении от Вашей полемической статьи в журнале “Наш современник”, там же, говорят, была и хорошая статья М. Любомудрова о театре, которую обругали в “Правде” и “Сов. культуре”, но я ничего этого не читал по занятости своей работой и болезни глаз. Теперь глаза немного стали лучше, хотя болезнь осталась, конечно (болезнь моя главная верно называется — старость, куда от нее денешься). Особенно хороших новостей нет, кроме того, что произведение В. Гаврилина “Перезвоны”, кажется, будет удостоено Гос. премии (среди кучи говна, в том числе и литературного). На меня ужасное впечатление произвели случайно попавшиеся на глаза стихи Вознесенского в “Лит. газете”, где он называет Христа — собакой. Есть ли управа на этого супернегодяя? И непонятно, зачем это печатают! Ведь такие стихи только отталкивают людей от власти, которая как бы поощряет хулиганство этого духовного сифилитика. Жаль кончать письмо на этой поганой ноте. Но — да сгинет Тьма!

Дайте о себе знать, хочу Вас видеть и потолковать хочется.

Г. Свиридов”.

Я подарил Свиридову “Избранное” Николая Клюева, составленное мной и моим сыном Сергеем. Свиридов разволновался. Оказывается, поэзию Николая Клюева он ценил не менее, а может быть и более, нежели Сергея Есенина. Он видел в ней нечто свойственное только русской и очень древней поэтической традиции: монументальную мощь, сравнимую в музыке разве что с мощью Мусоргского, и какое-то присутствие общенародного, еще не расщепленного XX веком, еще не “атомизированного” сознания. И религиозное ощущение Клюевым смысла человеческой истории и мировой жизни Свиридову казалось более цельным и значительным, нежели религиозное чувство Сергея Есенина, более раздробленное, личностное и противоречивое.

— А о Горьком не говорите ничего плохого, — твердо сказал он мне, когда я поделился с ним мыслями о том, что Горький не любил и не знал русского крестьянства, а потому не желал спасать в тридцатые годы ни Николая Клюева, ни Павла Васильева, ни Сергея Клычкова...

— Все гораздо сложнее, все не совсем так, — горячо возразил мне Свиридов. — Я помню те времена! До Первого съезда писателей, до 1934 года русским людям в литературе, в музыке, в живописи не то чтобы жить и работать — дышать тяжело было! Все они были оттеснены, запуганы, оклеветаны всяческими авербахами, бескиными, лелевичами, идеологами РАППа, ЛЕФа, конструктивистами... А приехал Горький, и как бы хозяин появился, крупнейший по тем временам русский писатель... Конечно, сразу все ему поправить не удалось, но даже мы, музыканты, почувствовали, как после 1934 года жизнь стала к нам, людям русской культуры, поворачиваться лучшей стороной... И все же, во время войны в эвакуации, когда на каком-то плакате я встретил слова “Россия, Родина, русский”, у меня слезы потекли из глаз...

ИЗ МОНОЛОГОВ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

— Так называемое буржуазное искусство существует. Это не миф. Что такое вырождение европейской оперы? Это есть приспособление жанра к вкусам буржуазной публики.

Благодаря деньгам и способностям Мейербергера (он был сыном еврейского банкира) во Франции расцвело в XIX веке творчество Оффенбаха, Обера, Галеви с их музыкальной и исторической легковесностью. Никакого проникновения в глубины национального характера европейских народов в этом буржуазном музыкальном мире не было, именно тогда началась полная дегероизация музыкальной жизни, буржуазное искусство Парижа и Вены бросило тогда вызов еще могучему немецкому музыкальному романтизму. Эта традиция в разных вариантах и сейчас правит бал в так называемом оперном европейском жанре. Недавно в России был музыкальный фестиваль. Один западный композитор-миллионер привез на фестиваль оперетку про Иисуса Христа. Как Вы думаете, где она сейчас ставится? В старом оперном венском театре, где играли Шуберта, Моцарта, а сейчас в его стенах идет оперетка-спектакль, которая называется “Кошки”. Европа сегодня повторяет азы венской школы, в которой изначально выхолащивалась национальная природа музыки. А мы, к сожалению, после полутора веков успешного все-таки противостояния европеизации русского мелоса (вспомним “Могучую кучку”, Рахманинова, даже Прокофьева) впадаем в еще более пошлую американизацию русского мелоса.

“30.12.1983 г.

Дорогой Станислав Юрьевич, спасибо за память, за привет! Он — дорог мне, как и Вы сами. С Новым годом! И желаю Вам бодрости душевной, глубокого размышления и покоя, для осознания того из жизни, что в наших силах осознать. И вперед, не торопясь — за работу. В ее плодах сконцентрирована вся энергия творческого бытия, иначе она растекается бесцельно почти, ибо не обретает формы. Привет жене Вашей и всей Вашей семье здоровья и благополучия.

Эльза Вам кланяется.

Г. Свиридов”.

Приближалось девяностопятилетие со дня рождения Сергея Есенина. Мне было поручено Союзом писателей вместе с Прокушевым и Валентином Соро-

киным руководить работой юбилейной комиссии. Свиридов, которому в ту осень исполнилось семьдесят лет, тут же откликнулся письмом.

“Дорогой Станислав Юрьевич! Поздравляю Вас с юбилеем Октября. Прочел свое имя в списке Есенинской комиссии и обрадовался тому, что Вы ее возглавляете. Имейте в виду, что теперь нужно и можно кое-что сделать, например, организация в Москве Музея и установка памятника поэту в центре города, там, где он жил, в воспетых им переулках. Но для этой цели нужно, чтобы комиссия действовала, то есть действовало бы прежде всего ее ядро. И надо поощрять исследовательскую деятельность есениноведения, которое очень популярно, но не так идет в глубину. Но это все при встрече. Обстановка жизни какая-то напряженная, тревожная, а в музыке – мрачная, кладбищенская. Злобные силы пока “перестроили” ряды и укрепили свою деспотию. Но это уже в порядке вещей.

Дайте о себе знать. Жму руку.

Г. Свиридов”.

ИЗ МОНОЛОГОВ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

– Есть в мире сообщества людей, объединённых идеей владычества над миром. Они берут под свое крыло творцов, обладающих большим или малым талантом, действуют на их честолюбие, подчиняют своим целям, указывая им, что исполнять, что петь, что писать, изображая свою волю, как мировую, существует настоящий свод правил о том, как делать знаменитым художника, композитора, поэта. Иногда делают “знаменитость” буквально из ничего.

Наше время вообще характерно небывалой, неслыханной ранее концентрацией власти в руках совершенно заурядных людей. В их руках находятся целые страны, их власть чудовищна. В руках этих клерков, бюрократов, ничтожных марионеток, избранных ареопагом мировой финансовой власти, и бомбы, и смертоносные бактерии, и газеты, и медицина, и, наконец, вода, воздух, хлеб... Недиктаторской власти теперь вообще нет. Она лишь чуть-чуть замаскирована театральным механизмом выборов, “свободой” абсолютно несвободной печати. Все эти марионетки – ставленники концерна богачей – отравлены ядом властолюбия. За “место в истории” – мать родную продадут, народ предадут, от Бога откажутся.

* * *

В последние годы жизни Свиридова мы встречались реже. Он подолгу болел, а я был занят журнальными заботами и политической борьбой, да и жизнь сама настолько быстро и катастрофически разрушалась на глазах, что следовать прежним привычкам, устоям не было ни сил, ни времени.

Редким и ярким праздником в эту мерзкую эпоху было лишь его восьмидесятилетие, когда мы с Валентином Распутиным приехали к Свиридовым на дачу, поздравили его, посидели, поговорили и распрощались до встречи в консерватории, где в декабре 1995-го Москва справляла его юбилей... К сожалению, из всех моих писем к нему у меня сохранилась лишь копия одного, написанного, видимо, незадолго до его смерти.

“Дорогой Георгий Васильевич!

Где Вы? Что делаете? Как живете? Простите, ради Бога, меня за молчание – я на последнем издыхании от физических и душевных перегрузок, но о Вас вспоминаю часто, чуть ли не каждый день. Наши беседы у Вас на даче, на Грузинской... Можно ли было предположить, что времена станут еще хуже, еще подлей, еще безнадежней. Все силы уходят на борьбу за существование журнала, на оборону от клеветы и глумления. Да думаю, что Вы сами многое знаете. Очень бы хотелось осуществить мою давнюю мечту – сделать для журнала беседу с Вами на самые вольные темы – о музыке, о литературе, о России, словом, обо всем, что Ваша душа пожелает. Возможно ли это? А собеседника – выберите себе сами, любого близкого Вам писателя, искусствоведа, критика. Думаю, что Вы не представляете, сколь важно будет именно сегодня Ваше слово. Вы же очень давно нигде ничего не печатали –

никаких статей, никаких интервью не давали, насколько я помню. Но, конечно, все зависит от Вашего здоровья. Дай Бог Вам силы и бодрости в наше время, обессиливающее всех. Я по себе это чувствую. Как Эльза Густавовна? Передайте ей мой сердечный привет.

Ваш Ст. Куняев”.

Поздравление писателей и вообще деятелей культуры с юбилеями – хлопотное и рискованное дело для журнала. Всех не упомнишь, да и незачем, а обид и претензий много. Почему о том-то вспомнили, а обо мне нет? Почему одного поздравили с пятидесятилетием, а про шестидесятилетие другого забыли... Но тем не менее, поскольку, хочешь не хочешь, история подводит в конце века итоги советской эпохи, в которой мы все жили, в последние годы “Наш современник” чаще, чем в прежние времена, отмечал писательские юбилеи, печатал хвалебные слова товарищей в адрес того или иного юбиляра, помещал их портреты, иногда сегодняшние, печальные, а иногда те, на которых они изображены в расцвете лет, молодые, известные, почитаемые. Надо хоть как-то приободрить людей в трудное время! И, однако, ни один из них не прислал в журнал ничего хотя бы похожего на те слова, которые в начале 1996 года мы получили от великого русского человека и подлинного народного интеллигента Георгия Васильевича Свиридова.

“Дорогой Станислав Юрьевич!

В номере 12 “Нашего современника” за прошлый год помещена заметка В. Г. Распутина по поводу моего 80-летия. Сердечно благодарю Вас и в Вашем лице редколлегию журнала, оказавшую мне столь высокую честь.

*С глубоким уважением Г. Свиридов.
3 февраля 1996 г.
Москва”.*

* * *

Мы хоронили его в лютый мороз перед Крещеньем. Легкий ветер струил поземку по дорожкам Новодевичьего кладбища – великого имперского пантеона, между черными гранитными стелами и застывшими на свежих могилах, словно изваянными из белого молочного стекла, гладиолусами. Рядом с Эльзой Густавовной стояла сестра Свиридова, как две капли воды похожая на брата, племянник Александр Сергеевич, дирижер Владимир Федосеев, русские литераторы – Валентин Распутин, Владимир Крупин, Юрий Кузнецов... Порывы ледящего январского ветра задували огоньки свечей, прикрытых замерзшими ладонями...

ПРЕУМНОЖЕНИЕ ТАЛАНТОВ

*Беседа с руководителем фонда
“Возрождение Тобольска” А. Г. Елфимовым*

В апреле исполняется 70 лет Аркадию Григорьевичу Елфимову. Более 40 из них он отдал Тобольску. В 1977 году был направлен сюда на строительство Тобольского нефтехимического комплекса. В 80-е годы был председателем исполкома городского Совета народных депутатов. В 1992 году уволился из властных структур, будучи недовольным либеральными реформами. В 1994 году Елфимов создал общественный благотворительный фонд “Возрождение Тобольска”, который стал одним из значимых духовных центров Сибири.

— Аркадий Григорьевич, в начале своего трудового пути вы были строителем, затем возглавляли первую столицу Сибирской губернии Тобольск, и, казалось бы, ничего не предвещало такого решительного поворота в судьбе: сегодня вы известный благотворитель, книгоиздатель с четвертьвековым стажем, зачинатель и проводник многих культурологических, просветительских проектов...

Там, где не бывает света и недвижимо время, мало что может произрасти, а у меня был свет моего родного дома, с которым я входил во “взрослую” жизнь... Время, дарившее мне возможность приобщения к прекрасному, живописи и Слову... Но время — это сами люди, они делают его таким, какое оно и бывает: вчера и сегодня. Все мы — продолжение наших родителей, тех, кто учил и воспитывал нас. Благодаря моему отчиму — Михаилу Александровичу Воробьёву — в нашем доме всегда были книги, и они, конечно же, не могли “пройти мимо меня”. А уж сколько в них было света... И потом, профессия строителя — созидательная, видимо, одно с другим так удачно сложилось в своё время, что у меня уже и другого выбора не было...

— Но время, в которое создавался ваш Фонд, предполагало совсем другие “проекты”...

Да, это было время чуть ли не тотального учреждения общественных организаций, причём на фоне неуправляемости экономикой и социальными процессами в стране. Тогдашняя экономическая политика превратила тонкий слой старой коммунистической номенклатуры и “новых русских” в невообразимо богатых, но и в нём оказались своего рода лишние — те, кто в силу ряда причин своего куска не получили. Я уже не говорю о том, что миллионы людей остались без работы. Потому-то и стали тут и там возникать различные общественные организации — многие из не попавших в касту “избранных”

таким образом пытались приспособиться к изрядно обглоданному бюджетному пирогу. Сотни тысяч организаций было в то время зарегистрировано в целом по стране, и Тобольск не стал исключением. Понятно, что их руководители ходили к главе города, к депутатам, выпрашивая средства на свои, прямо скажем, небольшие цели и задачи, а поскольку бюджет и так был “дырявым”, то мало кому что перепало...

– Но фонд “Возрождение Тобольска” занял принципиальную позицию, которой следовал более двадцати пяти лет своей деятельности – не пользоваться никакими бюджетными средствами...

... И это дало нам возможность проводить независимую политику, за что нас, ну или меня лично, считали состоящими в некоей оппозиции к власти. По крайней мере, ни перед кем не лебезили и делали только то, что считали нужным.

– Тем не менее, никак не соприкасаясь с властными структурами, наверное, не выжить ни одной общественной организации...

Лет десять назад ныне покойный Савва Ямщиков брал у меня интервью для “Народного радио” (позднее оно было опубликовано в книге “Созидающие”, куда вошли беседы с различными деятелями культуры, писателями, мыслителями и т. д.) и задал похожий вопрос, а мой ответ был основан на примере из биографии уроженца Тобольска Александра Алябьева. Выдающийся русский композитор, уроженец нашего города Александр Александрович Алябьев во время Отечественной войны участвовал во многих боях и за свою храбрость был награждён орденами. Отличился он при взятии Дрездена в составе партизанского отряда легендарного Дениса Давыдова, который, благодаря своей смекалке и отваге, не дожидаясь “указаний сверху”, добился капитуляции трёх тысяч французских солдат и местного гарнизона. Естественно, Давыдов был вправе ожидать от командования если не награды, то хотя бы поощрения, но... оказалось, что героем-освободителем видел себя генерал Ф. Винцингероде. В итоге Дениса Давыдова отстранили от командования, он был отправлен в Петербург. Дескать, как так, есть регулярная армия, есть планы командования, а тут какая-то партизанщина... Пережили такую несправедливость все подчинённые партизанского командира, но разделить его участь вызвался только Алябьев, раненный в руку при взятии старой части Дрездена. Денис Давыдов вспоминал в своих записках: “Алябьев поехал со мною; служба представляла ему случай к отличию и к награждениям, езда со мною – одну душевную благодарность мою; он избрал последнюю...” Слава Богу, начальство во всём разобралось, Давыдова назначили командиром Ахтырского полка, куда перешёл и Александр Алябьев... Так вот, отвечая Савве Васильевичу, я сказал, что в наше время власть – это своего рода “регулярная армия” чиновников, которая занимается организацией различных культурных мероприятий, устраивает выставки и т. п., а тут какая-то “партизанщина” – имею в виду деятельность фонда “Возрождение Тобольска”, хотя именно мы взяли на себя многое из того, чем власть должна заниматься, если говорить, к примеру, о популяризации истории города, что сказывается на привлечении туристов и т. д. Поэтому и отношение было к нам, скажем так, никаким: не мешают – и слава Богу...

Сегодня, оглядываясь на пройденный путь, мне вспоминаются 90-е годы прошлого столетия, которые сейчас так залихватски вестернизируются, даже эпитет для них соответствующий придумали – “лихие”, хотя они были просто бандитскими. Люди месяцами не видели зарплаты, наличных денег почти не было, “ходили” какие-то суррогаты – векселя, зачёты... Именно тогда, проявив инициативу, мы стали заниматься возрождением Художественного музея. Само здание (бывшее здание Губернского музея), от которого оставались практически одни стены, мы восстанавливали методом народной стройки. Раз в неделю я собирал штаб и, пользуясь своими старыми знакомствами со строителями, руководителями местных предприятий, решал вопросы по предоставлению тех или иных строительных материалов, системой взаимозачетов расплачивались со строительными бригадами. Помню, владыка Димитрий предоставил нам на первые наши субботники семинаристов, они вынули грунт из подвалов, чтобы сделать туалеты, гардероб... Кровля была совсем худой, сняли землю, которая там лежала в течение ста лет в качестве утеплителя, потом насыпали эффективный утеплитель, отремонтировали стропильную систему, и даже медью удалось покрыть на народные деньги... Всего и не расскажешь...

Затем разослали десятки писем художникам России с просьбой безвозмездно передать свои работы для новой коллекции. Одними из первых откликнулись московский художник-монументалист Герман Черёмушкин с серией работ тобольского цикла, живописцы Игорь Обросов, Олег Савостюк, скульпторы Геннадий Правоторов, Виктор Цигаль. Всего за период с 1996-го по 2003 год от общественного фонда в дар музею передано более 700 работ. Это работы патриарха сибирской живописи XIX века Кондратия Белова, мастера монументальной живописи Олега Филатчева, крупнейшего отечественного пейзажиста Алексея Грицай, замечательных российских графиков Мечева, Мая Митурича-Хлебникова. Поверьте, перечень можно продолжать очень долго. Есть среди даров от Фонда и работы тобольских художников. Благотворительную деятельность по пополнению музейной коллекции фонд продолжает и сейчас.

Надо сказать, что все 26 лет деятельности Фонда – это народное волеизъявление, народные деньги, но должен заметить, что как раз на этапе собирания художественной коллекции к этой теме подключились и власти (областной и федеральный бюджеты), стали доводить здание до ума, и в результате получился замечательный художественный музей...

– **То есть инициатива всё равно принадлежала Фонду...**

Подчеркну – инициатива деятельная, а не просто какие-то слова и лозунги, можно сказать, именно своей активностью, конкретной работой мы вынуждали власть принимать необходимые городу решения.

Другой пример – наше участие в установке памятников и памятных досок. В те же тяжёлые 90-е годы мы открывали памятные доски Дмитрию Ивановичу Менделееву в Тобольске и в Верхних Аремзянах, где он жил со своей матушкой, и Александру Александровичу Алябьеву на школе искусств, и Семёну Ульяновичу Ремезову, и царской семье... Все эти мемориальные доски мы заказывали большим профессионалам – выдающимся скульпторам Геннадию Провоторову, Александру Бакланову, а некоторые из них отливались в мастерской Вячеслава Клыкова, великого русского ваятеля... Совсем недавно, к 425-летию Тобольска в нашем городе появилась мемориальная доска в честь первого сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина.

Инициатива исходила именно от Фонда, а например, надгробный памятник исследователю Тюменского Севера Александру Дунину-Горкавичу на Завальном кладбище (автор – замечательный скульптор Михаил Переяславец) появился благодаря исключительно нашим стараниям, на народные деньги. Необходимо вспомнить и открытие бюста первого русского генералиссимуса Александра Семёновича Шеина (автор – Михаил Орестович Лушников)... Более трёх лет мы с Михаилом Владимировичем Переяславцем обсуждали создание памятника Петру Павловичу Ершову в Тобольске. Когда Фонд проделал всю предварительную работу, затратив немалые средства, к проекту подключилась городская администрация, которую тогда возглавлял Евгений Владимирович Куйвашев, нынешний губернатор Свердловской области. Позднее, благодаря его поддержке, хотя в то время он был уже мэром Тюмени, в Тобольске появился памятник Фёдору Михайловичу Достоевскому, но опять же огромная предварительная работа была проведена именно фондом “Возрождение Тобольска”, а решение об установке памятника, о финансировании принимал губернатор Владимир Владимирович Якушев (нынешний министр строительства и ЖКХ РФ), немало сделавший для Тобольска, совершивший своего рода “культурную революцию” в архитектуре, в реставрации города...

– **Аркадий Григорьевич, фонд “Возрождение Тобольска” известен, прежде всего, своими издательскими проектами: книги, выпускаемые Вами, зачастую называют уникальными. В чём, по Вашему мнению, эта уникальность заключается?**

Нет у меня права упреплять эпитеты “превосходной степени” в отношении издательских программ фонда. Замечу только, что ни одна из них не была “проходной”, сиюминутной, когда бы мы могли снизить требования к тексту, оформлению книги. Фонд, по сути, возвращает “на круги своя” определение Книги как произведения искусства, чему соответствует каждый новый выпуск альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, “Библиотеки альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, которые становятся роскошными изданиями. Собственно это и есть – два наших основных издательских проекта, к которым добавились альбомы из серии “Сибирский художественный музей”.

Первый в истории отечественного книгопечатания монументальный проект Всесибирского историко-культурного, литературно-краеведческого, научно-художественного издания — альманах “Тобольск и вся Сибирь”, посвящённый великой исторической эпопее освоения и преобразования гигантского региона Евразийского континента, простирающегося от Уральских гор до берегов Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до монгольских степей и Китая, уже насчитывает тридцать один выпуск. Вышли из печати номера, посвящённые Тобольску, Сургуту, Томску, Тюмени, Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам, Омску, Красноярску, Иркутску, Камчатке, Барнаулу, Нарыму, Шадринску, Нарыму, Югре, Берёзову, Бийску, Таре, Якутску, Ишиму, Кургану, великой сибирской реке Обь, “тематические” номера — к 300-летию учреждения Сибирской губернии, “Сибирское казачье войско” (отмечу работу над этими и другими изданиями фонда замечательного художника Александра Быкова, к сожалению, уже ушедшего из жизни), двенадцатитомная военно-патриотическая серия, включившая в себя двухтомник “Сибиряки в битве за Москву”, трёхтомник “Сибиряки в Сталинградской битве”, пятитомник “Сибиряки и Победа”, двухтомник “Победа над Японией” и, конечно же, четырёхтомная эпопея, посвящённая десятивековому освоению русскими людьми Северного морского пути... Редкие фотографии, карты, уникальные архивные документы, научные исследования, мемуары, очерки, поэзия и художественная проза, работы и судьбы полярных первопроходцев, открывателей земель, живописцев, учёных и многое другое наполняют наше новое издание, а “география” городов и весей, где живут и трудятся авторы, — фактически кругосветная: Москва, Петербург, Нарьян-Мар, Тюмень, Ишим, Новосибирск, Омск, Иркутск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Красноярск, Уфа, Екатеринбург, Якутск, Барнаул, Тобольск, Томск, Ростов-на-Дону, Архангельск, Северодвинск, Мурманск, Курган, Минск, Харьков, Сан-Диего, Вашингтон, Нью-Йорк, и это ещё неполный список... А сегодня в работе находятся книги о реке Лене, Енисейске, собираются материалы по темам: “Русская Америка”, “Русский Харбин”...

...Каждая книга Фонда — является общественно значимым событием и сегодня, и в исторической перспективе. Чему соответствуют и просветительские задачи Фонда: помнить и понимать историю своей страны — значит видеть, куда двигаться в будущем.

Именно таких, “понимающих” писателей мы издаём в нашей Библиотеке альманаха. Это и выдающийся русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев, автор знаменитых на весь мир произведений “Дерсу-Узала”, “В горах Сихотэ-Алиня” и др.; и замечательный русский поэт, прозаик, историк, географ, путешественник, архивист, этнограф Сергей Николаевич Марков (именно им найдены неизвестные архивы по истории освоения русскими мореходами и землепроходцами Аляски и Северной Калифорнии, отыскан и исследован архив рода Строгановых); и малоизвестный ныне, но удивительный по своей масштабности и лиричности поэт-самоучка из Тобольска Милькеев, творивший в XIX веке; и наш современник — прекраснодушный, замечательный поэт Михаил Трофимов из Иркутска, к сожалению, недавно ушедший от нас; и, конечно же, классик русской литературы с мировым именем Валентин Григорьевич Распутин. Жемчужиной этой серии стала отпечатанная в Италии двухтомная Антология сибирской поэзии “Слово о Матери” (редактор-составитель — главный редактор альманаха “Тобольск и вся Сибирь” Юрий Перминов). Порадовали мы ценителей русской словесности избранными произведениями “короля сибирских писателей” Антона Сорокина, а недавно нами была выпущена книга Михаила Тарковского “Не в своей шкуре”... В этой же серии выделю и поэтическую антологию под названием “Цевница”, составленную писателем, литературоведом и историком русской культуры Александром Николаевичем Стрижёвым. Издание посвящено совершенно особенной — усадебной — поэзии, поэзии отдохновения, размышления, восхищения природой и любования ей...

Если же возвратиться к альманаху, который является своего рода камертоном всей нашей издательской политики, то мне сразу же вспоминаются слова Валентина Григорьевича Распутина: “Это не что иное, как объединение расшатанной Сибири в один родственный и духовный узел. Как сибирское купечество в 1887 году пришло на помощь отставленному от прежней могущественной службы и теряющему своё звучание Тобольску, так теперь воспрявший

духом Тобольск взялся собирать сибирские земли в одно историческое Отечество”. Кстати, именно великий наш сибиряк, выдающийся русский писатель и дал название альманаху... И в этом было возрождение и возвращение. Ко всему тому, что, по большому счёту, никогда не менялось. В отношении к Тобольску – по всей Сибири. Сибири, в которой, как было осознано при работе над очередными изданиями альманаха, чего нет, так это – провинции. В традиционном её снисходительном восприятии как окраины, захолустья...

Не могли мы обойти и тему сибирской деревни, ибо, по моему глубокому убеждению, сердцевина русского мироздания необратимо перемещается именно в Сибирь и не абы куда, а в деревню, что явственно видится в каждом разделе вышедшей в прошлом году книги “Муромцево”. А кто из нас в прежние годы не слышал прибаутку: “Тюмень – столица деревень”? Для жителей первого сибирского города оно казалось обидным, но сегодня приходит понимание того, что это, вероятно, самое высокое звание, поскольку столица деревень и есть – центр русского мироздания. Посему недавно обратились мы ко всем неравнодушным соотечественникам: настала пора всем миром создать своего рода гимн сибирской деревне – книгу под названием “Тюмень – столица деревень”. Убеждён, что планы “по возрождению села” не только в государственных головах кипят, если ещё там осталось место для такого кипения. И сами жители сельской местности думают, как бы им свою жизнь обустроить. И не только думают, но и обустраивают, живут. Благодаря им – живы и мы. И мы в долгу перед ними. В долгу перед русской деревней.

– Но вы уже не ограничиваетесь одной только Сибирью...

Да, недавно, например, Фондом был издан двухтомник “Белорусы в Сибири”, и мы уже представили его в Минске, Гродно... Белорусский этнос – один из народов, чей миграционный вектор направлялся в Россию на протяжении последних пяти столетий. Исследования современных историков дают все основания полагать, что предки современных белорусов вместе с русскими принимали активное участие ещё в самых ранних этапах освоения Сибири. В исторических исследованиях, опирающихся на анализ летописных источников, существует несколько гипотез, указывающих на то, что в составе отряда Ермака могли быть выходцы с территории современной Беларуси. Переселенческая тема – одна из главных в книге. Отдельное место в ней занял тематический раздел, посвящённый выдающимся сибирским ученым, имевшим белорусские корни – академиком В. А. Коптюгу и А. А. Трофимуку, который включает не опубликованные ранее документы, связанные с их активной гражданской позицией, которая внесла свою лепту в сохранение отечественной науки от развала в драматические 1990-е гг. В издании также освещены другие страницы новейшей истории Сибири, связанные с участием белорусов в освоении Тюменского Севера и их вкладом в культурную жизнь региона. В советское время белорусы принимали активное участие в промышленном развитии Сибири. В 1950-х, когда началось освоение сибирских целинных и залежных земель, из БССР приезжали геологи, нефтяники, трактористы, водители, комбайнёры. Молодёжные, комсомольские бригады рассматривали начатое ими дело как почётный вклад белорусского народа в освоение Сибири. С появлением минских гигантов-производителей – тракторного, автомобильного заводов – помощь стала оказываться и техникой. Из Беларуси постоянно поступали оборудование, запасные части, машины, электродвигатели, одежда. Когда было принято решение о строительстве электростанций на реках Оби, Енисее и Ангаре, Беларусь отправила туда лучших своих представителей. В строительстве Сургутской электростанции есть немалая доля Беларуси. Только за десять лет, 1956–1966 годы, комсомол БССР направил за пределы республики около ста тысяч юношей и девушек. Новостройки “гремели” по всей Тюменской области. К процессу подключились предприятия строительной индустрии и лёгкой промышленности, быстро и качественно выполнявшие разовые и долгосрочные заказы сибиряков. На некоторых белорусских заводах специально осваивали выпуск изделий, пригодных к суровым климатическим условиям Севера. Помимо этого, в двухтомнике “Белорусы в Сибири” представлена литературная и поэтическая мозаика, отражающая атмосферу исторических событий разных лет, героями которых стали белорусы, проживавшие в Сибири. Так же на страницах этого выпуска альманаха “Тобольск и вся Сибирь” были представлены малоизвестные факты о белорусских корнях Ф. М. Достоевского и о сибирских страницах жизни одного из величайших русских писателей.

– Кстати, деятельность фонда “Возрождение Тобольска” неразрывно связана с именем Достоевского. Переиздание Евангелия, с которым Фёдор Михайлович не расставался ни на каторге, ни в последующие годы жизни, стало одним из самых ярких событий в культурной жизни страны...

Никаких сомнений в “нужности” этого издательского проекта у меня не возникало... В своё время, на открытии в Тобольске памятника Достоевскому был гостем известный достоевсковед Владимир Николаевич Захаров, который в беседе с журналистами сказал неожиданную для всех вещь, что многие годы выдающиеся учёные всего мира изучают творчество Фёдора Михайловича, но делают это неправильно. Все изумились: “Как неправильно?”. Он пояснил, что надо было изучать творчество Фёдора Михайловича Достоевского по отчёркиваниям в Евангелии, которые он оставил на его страницах, поскольку все мысли, возникшие за четыре года омской каторги, переродившись, попали в пять его знаменитых романов, их нередко называют “великим пятикнижием Достоевского”.

Одному Богу известно, состоялся бы или нет Достоевский с его “Преступлением и наказанием”, “Подростком”, “Бесами”, “Идиотом”. “Братьями Карамазовыми”, не подарил ему в Тобольске на пути в Омск жена декабриста Наталья Фонвизина Новый Завет, который стал для великого писателя на каторге самым главным открытием (позже он воскликнет: “...я там себя понял... Христа понял... русского человека понял”). “Евангелие Достоевского”, его текстовая часть, подготовлено к изданию ведущими российскими достоевсковедами В. Н. Захаровым, Б. Н. Тихомировым и заведующим отделом рукописей Российской государственной библиотеки, главным хранителем и исследователем книжных сокровищ России В. Ф. Молчановым. Основа издания, его сердцевина – факсимиле экземпляра Нового Завета, принадлежавшего Ф. М. Достоевскому, со всеми пометами Фёдора Михайловича. Кроме этого издание включает в себя два оригинальных тома. В одном изложены исследования и комментарии учёных к маргиналиям Достоевского в Новом Завете. Во второй вошли статьи современных авторов, посвящённые творчеству одного из самых читаемых в мире писателя. За художественную часть отвечал известный книжный художник – В. Е. Валериус. Как это всегда бывает у него – дизайн издания продуман во всей его полноте до миллиметра. Оригинально решена им задача вынесения пометок за рамки факсимильного издания. В чём здесь заключалась трудность? Нет проблем сделать копию страницы, на которой есть карандашная сноска или чёткое подчеркивание слова. А если имеет место загиб страницы, да ещё двойной? А если отметка нанесена ногтем (долгое время узник острога Достоевский иных пометок и не мог делать, в его распоряжении самым пишущим предметом был собственный ноготь), да ещё след на бумаге едва-едва заметен, без увеличительного стекла невозможно разглядеть, в некоторых случаях бывало, что и при помощи многократного увеличения он слабо читался. Исследователями в течение двадцати лет была проведена огромная работа по выявлению и изучению пометок. Их обнаружено в результате кропотливого труда более 1400. Каким-то образом нужно было обратить внимание читателя на каждую из них. Будь не Новый Завет, художник без труда нашёл бы дизайнерское решение, поместил маргиналии тут же рядом с текстом книги на расширенных полях. Как удобно – вот текст, вот пометки, их краткое описание. Однако таким образом обращаться с Боговдохновенной книгой попросту кощунственно. Валериус находит оригинальное решение. Специально разработанный блок с Новым Заветом состоит из самого факсимильного издания и полутомов, расположенных справа и слева от него. В полутомах дано описание пометок. В одном из них описываются пометки, расположенные на нечётных страницах, в другом – на чётных. Смотрим пометку в полутоме, затем обращаемся к строке, стиху, главе Нового завета, к которому она относится, после этого открываем том с комментариями к пометке. Наглядно и функционально.

Сам короб, в котором хранятся все три книги, выполнен в арестантской символике, отправляющей нас к тому периоду жизни Достоевского, который стал важнейшим в его жизни и, по признанию самого писателя – сформировал его. На каторге произошло возрастание души, укрепление духа, переосмысление вчерашних убеждений. В общении с каторжниками писатель открывал для

себя русского человека и Россию как явление вселенского масштаба. А учебником жизни стал Новый Завет. Достоевский снова и снова склонялся над Книгой книг (хранил её в остроге как самое дорогое, что было у него), вчитывался в неё. Только представим себе картину: каторжное помещение, смрад, духота летом, холод зимой, тусклый свет, скученность страдающих людей, чьи-то стоны, чьи-то скандальные выкрики, и писатель с Евангелием, открывающий для себя новые и новые горизонты. Он оттискивает ногтем чёрточку на поле страницы, а за этой пометкой может быть озарение, ожог души, зарубка на память, мысль, которая потребует многолетних раздумий, а потом даст импульс к написанию романа, коим будет зачитываться весь мир, открывая для себя Достоевского, Россию, православие...

— **А недавно, в Российской государственной библиотеке, вы представляли факсимильное воспроизведение рукописи Антона Павловича Чехова “Остров Сахалин”, даровавшего нам новое прочтение бытования российской окраины, где, как в зеркале, отражается не только чеховское время, но предстает и многое из дня нынешнего...**

В том числе, как безусловное напоминание о том, что никакой материальный достаток не гарантирует благоденствия человеку, если нет в нём сердоболья. Если нет в нём желания возлюбить своего ближнего, быть милостивым к падшим, “униженным и оскорблённым”. Книга, вместившая в себя, помимо самого труда Чехова, научный подвиг сотрудников Российской государственной библиотеки (были “вскрыты” и изучены более десяти тысяч “зачёркиваний” Чехова!), талант художника, литературоведческие искания и многое другое, со дня своего выхода стала ещё одной скрижалей, удостоверяющей величие русской литературы, одной из вершин которой является творчество Чехова, чей “Остров Сахалин” и сегодня заставляет глубоко вдуматься в различные стороны русской жизни. Промысел Божий, что Чехов вдруг ощутил в себе внутреннюю потребность этой поездки. Писателю, наделённому Богом редким талантом, понадобилось впитать в себя безбрежный простор Российской империи, понять всем своим существом её масштаб, увидеть страну своими глазами, почувствовать её величие, её противоречия, её устремления. Узнать русского мужика во всём его многообразии не по московским извозчикам и лакеям в ресторанах. После этого путешествия на Сахалин он и становится великим Чеховым...

— **Одно из главных Ваших достижений — издание всего творческого наследия, в том числе всемирно известной “Чертёжной книги Сибири”, выдающегося деятеля науки и культуры Сибири второй половины XVII — первой четверти XVIII в. Семёна Ульяновича Ремезова, прославившего своей многогранной деятельностью Сибирский край и обогатившего русскую культуру. Один из сибирских историков заявил, что “возвращение трудов Семёна Ремезова для учёных равносильно открытию в русской литературе “Слова о полку Игореве”...**

— **Согласен с учёным, но значение трудов Ремезова, на мой взгляд, еще не оценено в должной мере, хотя, наверное, каждый современный историк или искусствовед, изучающий историю Сибири, не раз обращался к исследовательским трудам Семёна Ульяновича... Ремезовские карты Сибири высоко ценили его современники. Царь Пётр I, например, постоянно держал в своём рабочем кабинете гигантскую карту Сибири, рисованную для него Ремезовым “на белой бязи”. Кстати, она до сих пор хранится в архиве Российского географического общества и экспонировалась в кабинетах Петра I в Эрмитаже. Картами Ремезова пользовались русские и европейские учёные и путешественники: Мессершмидт, Витсен, Страленберг и другие... Составленные Ремезовым атласы не только поражают воображение потомков масштабом территорий, которые было необходимо подробно изучить в эпоху, когда люди передвигались лишь конным или водным транспортом, но и всеохватывающим разнообразием представленных в них сведений о географии, культуре, экономике, нравах и обычаях, царивших в разных уголках Сибири. Помимо научно-практического аспекта, картографические изображения Ремезова представляют собой несомненную художественную ценность. Впрочем, этой теме можно посвятить далеко не одно интервью, и должен заметить, что за каждым изданием Фонда стоит труд многих людей — редакторов, историков, художников, литераторов... Уж нам-то ведомо, что сегодняшнее время вовсе не так оскудело талантами, как это выкрикивают современные мракодумцы.**

– Ваши книги неоднократно получали различные награды на престижных ярмарках, конкурсах. Как вы относитесь к подобного рода успехам?

“Успешность” – не наш термин. Валентин Григорьевич Распутин говорил в одном из своих интервью, что в слове “успешность” слышится скорее бесстыдство людей среднего порядка. Оно больше приложимо к хватким чиновникам, ловкачам разного рода, остающимся в тени, и целой армии бизнесменов, только еще поднимающихся на орбиту. Успех, успешность, даже прищепщик – все это однокоренные слова. “Поспешешь – людей насмешишь”. Раньше выражение “иметь успех” означало “сорвать куш”. Если наши авторы, редакторы-составители, художники профессионально делают свое дело и достигают вершин мастерства, это не успех. Это преумножение талантов, Богом данных. Успешность понимается в современном мире совершенно определенно – как успешность в достижении внешних целей с вытекающим из этого повышением благосостояния. Если успешность не приносит доход, то она и не воспринимается как таковая. Мы же в 1994 году четко определили для себя суть нашей издательской политики: наши книги должны перечитываться и использоваться не одним поколением; наши книги рассчитаны не на однократный просмотр, поэтому идут не на продажу массовому потребителю, а к тем людям, которые испытывают потребность в культурном и духовном обогащении. Поэтому мы должны не вступать в конкуренцию с коммерческой литературой, а развивать интерес в обществе к нашим изданиям.

– На протяжении 25 лет вы строите парк под Тобольском, дав ему название “Ермаково поле”. Чем для вас он является – местом отдыха на природе или, в первую очередь, источником знаний, мыслей и чувств?

Парк “Ермаково поле” – своего рода ключ-символ к истории Тобольска. Название же возникло даже не в связи с парком: мысль о том, что такое поле русской славы – Ермаково – непременно должно быть в Сибири, не покидала меня многие годы. Куликово поле, Бородинское поле, Прохоровское поле, где сложил голову родной брат моего отца... Священные земли, ратные поля России, державшейся с твердостью монолита под натиском внешних угроз, утверждая силу и величие русского духа. Вечные, неколебимые знаки победы духа над силой вражды и злобы. Родина-Мать не забывала своих героев. Отмечались юбилеи и праздники, воздвигались триумфальные арки, храмы и монументы, чеканились памятные медали, создавались огромные батальные картины и портретные галереи героев и спасителей Отечества. Но как-то забывалось, что и Сибирь, благодаря которой все эти годы приращало могущество России, находящаяся, казалось бы, вдалеке от героических событий, точно так же озарена лучами славы великих русских побед, ставшими нашей общей надежной опорой и всепобеждающим духовным оружием. Здесь же, в парке, воздвигнута часовня в честь святого великомученика Димитрия Солунского (проект архитектора Алексея Белоусова). Ермак, напомню, вступил в татарскую столицу Искер 26 октября, в день памяти Димитрия Солунского. “Воистину достойно вспомнати, – говорит летописец, – сию победу и в предбудущие лета, яко немногим войском таковое (сибирское) царство, взято помощью Всесильного Бога и угодником его страсто-терпцем Димитрием”.

Тоболяки часто вспоминают деревянный, уютный, гостеприимный Дом отдыха, но в начале 1990-х ничего живого уже не оставалось: когда мы сюда пришли, увидели унылую картину – пепелище, лопухи и крапиву в человеческий рост, и свалку отходов человеческой “жизнедеятельности”, свозимых отовсюду. Качели были порезаны на металлолом. Поселковый народ пригонял сюда своих коров, а бедные животные в растерянности выискивали голодными глазами хотя бы какой островок съедобной травы... Мерзость запус-тения, иначе не скажешь... И сначала пришлось территории чистить – вывозить строительный и бытовой мусор, завозить грунт, разравнивать его и лишь затем практически с нуля создавать коллекцию ботанического сада. Но прежде чем высевать газон, необходимо было дожидаться “всхода” сорняков, чтобы выполоть их вручную... После чего я стал привозить из Новосибирского ботанического сада (НИУ “Центральный сибирский ботанический сад СО РАН”), познакомившись с замечательным специалистом и человеком Анатолием Владимировичем Каракуловым, различные растительные культуры. Они стали основой ботанической коллекции парка, несколько позднее

здесь появились растения из Екатеринбурга, Барнаула, Тюмени... * И сегодня под открытым небом или, как говорят садоводы, в открытом грунте здесь произрастают редкие для Сибири растения: восемь видов клёна, актинидия, кирказон, пять видов и форм барбариса, три вида клематиса, скумпия, бересклет, ясень, гортензия, шесть видов и форм можжевельника, пузыреплодник, пять видов и форм ивы, лимонник, восемь видов и форм спиреи, сирень, девять форм туи, барвинок и вейгела. На площади менее 27 га произрастает 418 видов, форм и сортов растений! Всего за эти годы было высажено более 6000 деревьев, кустарников, цветов.

“Ермаково Поле” – не просто парк, а живая история Тобольска, выраженная средствами ландшафтной архитектуры. Дубовая рощица – это Ермаково войско: один дубок – двадцать казаков, а всего дубков – двадцать пять, а, как мы знаем, примерно из 500 воинов и состояла дружина Ермака Тимофеевича. А вот и сам Ермак, поперед всех, выше всех, на холме, огороженном частоколом из заостренных бревен. Напротив войска казацкого выстроились ряды растений азиатских – это татарское войско с Кучумом во главе. А промеж них – поле сечи, красных барбарисов, будто кровью багровой залитое...

Постоянно прирастает новыми деревцами и липовая роща. Её начало положил выдающийся русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, приехавший из Иркутска в Тобольск. С тех пор возникла прекрасная традиция, и многие известные деятели культуры и искусства, писатели, учёные, общественные деятели России посадили здесь свои именные липы... Сегодня их уже около 190.

– Была когда-то такая телепередача – “Чтобы помнили...” Вот именно, чтобы помнили. Но не кажется ли Вам, что сегодня куда более существеннее – чтобы знали?

Это правильно, но в последнее время в человека загрузили столько “знаний”, что предстоит долгий путь к прозрению, если хотите. Так называемый “массовый потребитель” не читает книг, не знает истории, не имеет культурных потребностей. Его кругозор ограничивается объёмом двигателя его автомобиля, строительством правильной бани, знакомством с нужными людьми, деньгами и продвижением по карьерной лестнице. Вышестоящий начальник, имеющий больше – пример для подражания. Все, кто ниже, включая его самого – ноль без палочки. Об этом ещё Достоевский сказал в “Дневнике писателя” за 1877 год: “. . . матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу...”. Так и происходит ныне, когда из человеческого сознания ежедневно вымарывается шукшинский постулат: “Нравственность есть Правда. Не просто правда, а – Правда”. Говорят, что человек должен-де сам выбираться к свету, находить в себе такие силы, но это – утопия. Здесь необходимо обязательное участие государства, которое, в том числе, есть “организация публичной власти, обладающая аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется всё население страны”. Понимаю, что процесс обольванивания и оскотинивания человека занимает гораздо меньше времени, чем процесс обратный – к свету, и, да, будет “ломка”, когда вместо похабщины и русофобской подлости люди снова будут смотреть, к примеру, встречи с русскими писателями-державниками в Останкино – нынешний “массовый” телезритель привык участвовать в полоскании грязного белья всего этого так называемого бомонда, но, уверяю вас, в результате мы получим совсем другую страну. Дело, конечно, не только в телепередачах, но, увы, даже несмотря на все заявления о том, что вот, дескать, пора поставить заслон историческим фальсификациям, сей канализационный поток не прекращается ни на минуту. Зато сегодня мы имеем батальоны штатных казённых патриотов. Причем патриотов существующего строя, а не России, судя по их богатой недвижимости за пределами Родины. Казенные патриоты – это такие патриоты, которые чутко смотрят, куда дуют ветры на Олимпе власти, и мгновенно разворачиваются в нужную сторону. Таким образом, патриотизм превращается в России в самое настоящее прибежище негодяев и карьеристов. Или, опять же, к примеру, Яков Кедми, далеко не самый первый русофил, справедливо указывает

* С подробным каталогом этой коллекции можно ознакомиться на сайте <http://ермаковополе.рф>.

казанным российским патриотам, что невозможно выстоять в политической и исторической войне с Западом, опираясь на антигосударственную и анти-российскую идеологию Солженицына. Тем более что Запад аргументирует свою позицию с опорой на лживую или манипулятивную фактологию Солженицына. Вспомните недавние выпады польского премьер-министра — это ведь на все 100% совпадает с обвинениями Солженицына против СССР! Вообще, идеи Солженицына слово в слово, цифра в цифру совпадают с листовками Геббельса, и всё это плавно перекочевало в главы нынешних учебников про СССР. В итоге получается чудная картина: Запад бьёт нас Солженицыным, который является личной иконой казённых патриотов.

— Но даже при всей той огромной просветительской деятельности, которую ведёт фонд “Возрождение Тобольска”, у него близко нет “государственных возможностей”...

Зато есть государственные задачи, уж не сочтите мои слова пафосными. Новосибирский поэт Леонид Овчинников когда-то сказал, что будет считать свою жизнь состоявшейся, если хотя бы один человек, прочтя его стихи, не пнёт собаку. Так вот, знаю немало людей, которым именно издания Фонда помогли и преодолеть болото уныния, и даже пересмотреть свои взгляды на прошлое и настоящее... И число наших авторов, соратников, помощников — прирастает, а не уменьшается... Стало быть, в какой-то степени наш пример того, что необходимо “раньше думать о Родине, а потом о себе”, — становится притягательным.

Что говорит нам наша совесть? А что о нашей совести скажут потомки? И для чего каждому из нас, ныне живущих, личное благополучие, если потомки скажут: они могли, но не сделали. Вот мы и говорим своими делами, что можем. И давно уже не так и важно, что “жить в эту пору прекрасную (нравственной чистоты и правды) // Уж не придётся — ни мне, ни тебе”...

— В упомянутые Вами 90-е веками накопленный ценностный базис жизни нации начал размытаться, но всё-таки был ещё прочен. Сейчас, казалось бы, ситуация обратная, говорят, что мы стали вновь обращаться к ценностям, благодаря которым многие века жила, трудилась и побеждала Россия. Тем не менее, в людях стало меньше отзывчивости, как говорил Василий Розанов, “человек возлюбил свое “гетто”, в нём греется, им защищается, и, ей-ей, это выше Сократа и Спинозы”...

В людях, в руководителях предприятий начала 90-х, оказавших немалую помощь в восстановлении того же музея, были накопления нравственные, идейные, как это ни странно, по сути христианские: “Нет больше той любви, если кто душу свою положит за други своя”, помните? К сожалению, именно эти накопления тают гораздо быстрее, а отсюда проистекает такая разница между руководителями прежних лет и нынешними. Наверное, поэтому всё тяжелее находить понимание у сегодняшних предпринимателей, директоров, хозяев и т. п. Так что объяви мы сегодня о начале какой-нибудь “народной стройки”, результат был бы другим, вернее, предположу, что никакого результата не было вовсе. Да и обычные наши граждане с прежним энтузиазмом не откликнулись бы...

Псевдоценности, принцип обогащения любой ценой ведут к деградации любого общества... Мы только что говорили о нравственных накоплениях советской эпохи, но давайте вспомним, к примеру, о русских купцах дореволюционного времени. Традиции меценатства в России были созданы далеко не на пустом месте. В первую очередь рождение этого явления произошло благодаря усиленному влиянию христианской морали. Богатство, учили священники, дано Богом не для единоличных удовлетворений прихотей. Сегодня, глядя на высокие заборы нынешних “купцов”, эти североамериканские химеры застолбленных суверенных территорий, ставших обязательным элементом уже и сибирского пейзажа, невольно вспоминаешь замечательное место из “Слова о полку Игореве”: “Борьба князей с погаными ослабела, потому что брат сказал брату: это моё, а то — моё же, и начали князья про малое такое большое слово молвить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую”... Сказав про высокие заборы, я имел в виду и то, что многие обеспеченные люди нынче ожлобились, гребут исключительно под себя, и рано или поздно всё это добром для них не кончится...

В то же время многие наши авторы совершенно бескорыстно предоставляют свои материалы. Отмечу также, что поскольку издания наши — того же

“Евангелия Достоевского”, “Острова Сахалин” Чехова – дорогостоящие и нашему Фонду осуществить его в одиночку было не под силу, неоценима помощь людей, искренне болеющих за культурное наследие России, за будущее русской цивилизации. Именно стараниями и финансовой помощью этих состоятельных людей стало возможно появление на свет многих наших изданий... Нам помогают финансово. Ради чего? Чтобы такие книги у нас БЫЛИ, чтобы мы знали СВОЮ историю. Потому что если бы история наша была другой, то и мы бы с вами были другими. Но мы – наследники тех, кто именно так жил, думал и именно так верил. Но, уверен, что нам самим надо жить так, чтобы твой народ мог гордиться тобой. И тогда у нас с вами будет прекрасная общая история, которую напишут, может быть, наши дети и внуки! Поэтому так важно уже сейчас знать ответ на вопрос: поставит ли молодое поколение личные блага выше морали и люди начнут рвать друг другу глотки за копейку, или они все-таки будут оставаться людьми на нашей замечательной земле...

Беседу вёл Ю. Петров.

.....

Сердечно поздравляем со славным юбилеем нашего друга и автора!

Редакция

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

АЛЬТРУИЗМ ПРОТИВ РУСОФОБИИ

*Самая большая несправедливость —
оставить зло без наказания.*

Платон

Русский поэт сказал: “Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...” Нам, действительно, не дано, но люди, которые слова произносят, должны не только предугадывать последствия своих слов, но и отвечать за них. Должны, но не отвечают. К чему это приводит, покажем на конкретном историческом примере.

Поскольку далее я буду говорить о русской нации, считаю необходимым сделать следующее пояснение. Русским я называю человека не столько по крови, сколько по духу, тому самому, о котором говорил поэт: “Там русский дух, там Русью пахнет”.

У меня и в мыслях нет идеализировать русскую нацию. Я русский человек, прожил достаточно долгую жизнь, не лишен здравого смысла и наблюдательности. Понятно, что русская нация не лишена недостатков, и мне они известны. Но наций без недостатков не существует, и русская исключением не является.

Перехожу к конкретному примеру. Для начала небольшая историческая справка. Первая мировая война (ПМВ) началась в 1914 году. Воюющие стороны: Антанта (Англия, Франция, Россия и союзники), с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия и их союзники, с другой. Поводом для начала войны стало убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда, причиной — передел мирового рынка великими державами.

Война закончилась подписанием в июне 1919 г. Версальского мирного договора. Германия была признана главным инициатором и виновником войны, она признала свое поражение и капитулировала. Прямым наказанием за причиненное немцами зло была потеря Германией территорий (около 15%) и выплата репараций союзникам в размере 269 млрд золотых марок. О косвенном наказании чуть ниже.

ПМВ была на тот момент самой крупной, самой кровавой в истории. Жертвами той войны с обеих сторон стали 17 миллионов солдат и мирных жителей. Самые большие человеческие жертвы в этой войне понесли русские и немцы. За что же погибли русские и немецкие солдаты? Фридрих Великий говорил: “Если бы наши солдаты понимали, из-за чего воюем, нельзя было бы вести ни одной войны”.

Фридрих Великий был прав. И русские, и немецкие солдаты были далеки от понимания истинных причин войны. Зная их, вряд ли они стали бы воевать. Русские солдаты были уверены, что они в этой войне защищают своих единоверцев-сербов, защищать кого-то — нас хлебом не корми. Для немецких солдат это была война с русским варварством, рабством, имперским сознанием. Такими немцы видели русских. Русофобия, граничащая с ненавистью ко всему русскому, стала оружием. Понимали ли европейские интеллектуалы, трудами которых формировалось такое представление о русских, чем отзовутся их слова? Приведу высказывания некоторых из них.

Готфрид Лейбниц: “Московиты хуже варваров”. Шарль Монтескье: “Народ там состоит из одних рабов”. Вольтер: “Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом”. Жан-Жак Руссо: “Русские никогда не станут цивилизованной нацией”. Что стоит за этими словами — словесные упражнения интеллектуалов, обыкновенная русофобия или разжигание межнациональной розни? Задумывались ли они о том, что эти слова, обидные и несправедливые, но всего лишь слова, приведут к многомиллионным человеческим жертвам?

Наказанием Германии за развязывание ПМВ были наложенные победителями репарации размером 269 млрд золотых марок. Наказание очень серьезное. По оценке авторитетного английского экономиста Джона Кейнса, репарации превышали возможности Германии по выплатам примерно в 4 раза, что делало их выплату заведомо невозможной. По существу, это было экономическое убийство Германии. Правильнее сказать, могло бы быть.

Французский президент Клемансо и английский премьер Ллойд-Джордж, идеологи лозунга “немцы заплатят за все”, не без давления США были вынуждены это наказание смягчить. Для начала репарационная комиссия сократила сумму платежей до 132 млрд. Затем международная конференция по проблеме стабилизации экономической ситуации в Германии, которая состоялась в Лондоне в 1924 году по инициативе США, приняла решение о выводе французских войск с территории Германии. Следующим шагом было предоставление Германии финансовой помощи в виде американских и английских кредитов.

Далее президент США Герберт Гувер в 1932 году объявил мораторий на германские репарации. В этом же году Германия за три миллиарда золотых марок выкупила свои репарационные обязательства с правом погашения их в течение 15 лет. Гитлер, став канцлером, в одностороннем порядке отказался от выплат репараций и связанных с ними долгов.

В полном объеме репарации по Версальскому договору Германией были погашены в 1983 году. На тот момент экономика Германии была первой в Европе, и выплата остатка репараций критического значения для нее не имела. Проценты в размере почти 200 миллионов евро Германия закончила платить только в 2010 году.

Но самым серьезным наказанием Германии за развязывание ПМВ стал жесточайший кризис, политический и экономический. С политическим кризисом связаны восстание матросов в Киле и ноябрьская революция, падение Германской империи, безуспешные попытки создать Веймарскую республику, обнищание населения и гиперинфляция. Репарационные платежи не способствовали политической и экономической стабилизации, но не они были первопричиной политической и экономической анархии в стране.

Главной причиной кризиса был паралич государственной власти, связанный с падением Германской империи. Некая высшая сила наказала тогда Германию и немецкую нацию за развязывание ПМВ и то зло, которое она принесла людям. Мы не знаем, какая это была сила, но это не значит, что ее не могло быть.

Оценивая наказание Германии за развязывание ПМВ с точки зрения Платона, можно сделать следующий вывод. Германия, начав ПМВ, совершила зло и, по справедливости, должна была понести за это наказание. Но нашлись силы, которые помогли Германии если не уйти от ответственности, то сильно смягчить последствия, что стало большой несправедливостью. Наказания за эту несправедливость человечеству долго ждать не пришлось.

Кризис в Германии закончился с приходом к власти Гитлера в январе 1933 года. За 7 лет Германия подняла пострадавшую, но не убитую войной экономику, создала сильнейшую в мире армию и в 1939 года начала Вторую

мировую войну (ВМВ). Могло бы такое произойти, если бы победители в ПМВ хотели наказать Германию всерьез? Вторая мировая война (ВМВ) стоила уже 50, а по некоторым оценкам – 80 миллионов человеческих жизней. А если бы Германия успела до конца войны создать ядерное оружие, последствия этой войны могли бы быть просто катастрофическими. Но, как говорится, в тот раз Бог уберег.

ВМВ действительно была войной планетарного масштаба. Граждане 61 государства, из 73 существовавших в то время, принимали участие в этой войне. Война коснулась 80% населения нашей планеты, всего было мобилизовано более 128 млн человек, из них 34 млн русских, 16 млн американцев. Основной вклад в победу союзников над фашистской Германией внесли русские, они же понесли в этой войне самые большие потери.

Немцам смысл войны с русскими Генрих Гиммлер объяснял так. “У нас идет борьба между Европой и Азией, между Германским рейхом и “недочеловеками”. Это – расовая борьба. У нас кровь лучше, сердце – тверже, нервы – крепче”. Не ошибусь, если скажу, что оправданием зверств, которые творили на русской земле представители нации, давшей миру великих философов, ученых, музыкантов, была русофобия. Слова западноевропейских философов стали оружием в руках фашистов. Русофобия из категории этической превратилась в категорию идеологическую и в очередной раз привела к многомиллионным жертвам.

Чем закончилась ВМВ для Германии, хорошо известно. Наказание, которому союзники подвергли побежденную Германию, было суровым, но справедливым, во многом благодаря Сталину. Сталин не поддержал предложение союзников разделить Германию на части, сказав при этом: “Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается”. В результате, несмотря на поражение в войне, Германия как государство не только сохранилась, но и через 20 лет после окончания войны стала первой экономикой Европы, а немцы сохранились как нация.

Немцы, надо отдать им должное, уроки той войны усвоили хорошо, о бывшей немецкой воинственности вот уже 75 лет говорить не приходится. Зло, похоже, было наказано по справедливости, и немцы, в основной массе, с этим согласились. Может быть, по этой причине чувства ненависти к победителям, по моим наблюдениям, они не испытывают. В день 70-летней годовщины встречи на Эльбе советских и американских войск, 25 апреля 2015 года, я видел, как немцы в 7 утра несли цветы на могилы русских солдат, похороненных на кладбище близ Торгау, где впервые встретились советские и американские солдаты.

Наказание Германии за развязывание ВМВ принципиально отличалось от наказания за ПМВ. В случае ПМВ Германия была наказана как государство, виновники войны персонально названы не были и наказания не понесли. В случае ВМВ вину Германии как государства и немцев, признанных военными преступниками, следую всем международным юридическим нормам и правилам, определил Нюрнбергский трибунал. Трибунал вынес подсудимым справедливое наказание, и человечество уже 75 лет живет без мировых войн.

Но Нюрнбергский трибунал не приблизил нас к пониманию того, почему в мире одни люди несут зло, а другие добро? О зле люди говорят больше, о добре меньше. Вся наша жизнь, по большому счету, это борьба добра со злом. В этой борьбе рано или поздно добро побеждает зло, хотя на первый взгляд это не очевидно. Но если бы это было не так, человеческая жизнь на планете прекратилась бы. Но, что интересно, если зло в нашей жизни воспринимается почти как норма и народ этому не удивляется, то реакция на добро может быть самой разной – как негативной, так и позитивной.

Народные поговорки это правило подтверждают. “Сделай человеку добро и навивешь врага”. Это у русских. В английском варианте эта мысль звучит так: “No good deed goes unpunished” (ни одно доброе дело не остается безнаказанным). В немецком: “Tue nichts Gutes, dann geschieht Dir nichts Böses” (не делай хорошего, и с тобой ничего не случится). И у русских, и у англичан, и у немцев смысл одинаковый: “Не делай добра, не получишь зла”. Поговорки не появляются случайно, в них сконцентрирована накопленная веками народная мудрость, с ними можно соглашаться или не соглашаться, но они есть. Но вопреки этим поговоркам всегда находились и будут находиться люди, которые, несмотря ни на что, делают добро другим людям. Почему?

Для себя ответ на этот вопрос я нашел в статье В. П. Эфроимсона “Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)”. Эта статья впервые была напечатана в 1971 году в 10-м номере журнала “Новый мир”. И по образованию, и по роду научной деятельности я был тогда далек от обсуждаемых в этой статье проблем. Для меня эта статья была не просто новой, она была революционной, и не случайно уже почти 50 лет она остается в моей памяти.

За идеи, которые в этой статье обсуждает В. П. Эфроимсон, в 1971 году уже не сажали. Ни автор, который эту статью опубликовал, ни читатели, которые ее читали, ничем не рисковали. Автор, правда, получил свое до того. Не собираюсь пересказывать статью, желающие могут найти ее и прочитать, но небольшой отрывок из нее привести необходимо.

Эфроимсон пишет: “Под названием “совесть”, “альтруизм” будем понимать всю ту группу эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему непосредственно невыгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Бесчисленные мыслители приходили к выводу о существовании в человеке какого-то начала, заставлявшего из века в век (нередко вопреки всему, что пытались заложить в него воспитатели) подыматься на борьбу со злом даже при ничтожных шансах на победу, и тем самым признавали в человеке врожденное существование доброго начала”. Интересно, что по Эфроимсону понятия совесть и альтруизм являются синонимами. Отсюда следует: жить по совести означает быть альтруистом, то есть бескорыстно делать людям добро.

Примеров, когда люди ценой своей жизни спасали жизни других людей, история знает немало. В масштабе отдельной личности это, к примеру, Александр Матросов, который своим телом закрыл пулеметную амбразуру и тем самым спас десятки других жизней. В масштабе человечества это Иисус Христос, который дал людям свое учение. Наградой ему была мученическая смерть, но свой долг перед людьми он исполнил. Этому учению уже более 2000 лет, и многие люди следуют ему, прославляют и благодарят Христа.

Согласно Эфроимсону, эволюция формирует на генном уровне такие этические нормы поведения человека, которые способствуют выживанию человека и продолжению жизни на планете. Поэтому, несмотря на бесчисленные войны, массовые расстрелы гражданского населения, бомбежки мирных городов, экологические катастрофы и различные катаклизмы, жизнь на планете Земля сохраняется. Сохраняется потому, что на нашей планете есть люди, которые, несмотря ни на что, несут добро другим людям и, сохраняя жизнь одному человеку, сберегают жизни всего человечества.

Но делать это эффективно люди могли при условии объединения усилий. История знает различные коллективные формы, которые создавали люди для противостояния возникающим угрозам. Это была община, род, племя, в современных условиях это нация – группа людей, объединенных общей территорией, языком, культурными традициями, экономической деятельностью. Как показал исторический опыт, нации и возникшие на их базе государства оказались оптимальной и потому наиболее устойчивой и эффективной формой существования групп людей, способствовавшей их выживанию. Однако для сохранения нации это было условием необходимым, но недостаточным.

В мире существовали нации с тысячелетней историей, но сотни наций больших и малых, существовавших когда-то на нашей планете, исчезли, не сумев себя сохранить. Ответ на вопрос, почему это произошло, дают историки, но в их объяснениях я не нахожу места человеку, как субъекту истории.

По сложившемуся в обществе мнению, историю делает властная элита нации. Остальная, наиболее многочисленная, часть нации при этом “безмолвствует”. На первый взгляд, это, действительно, так. Но элита делает историю с помощью инструмента под названием человек, который в массе образует нацию. Насколько умело элита владеет этим инструментом, определяется ход истории и жизнь нации.

Институт государства и правящая элита исторически возникли не для того, чтобы обеспечить элите сладкую жизнь, а для того, чтобы государство руками элиты наилучшим образом сохраняло жизнь нации. История знает примеры, когда элита делала это даже ценою жизни своих представителей. За элитой было право идти в бой в первых рядах в военное время и быть там, где труднее, в мирное.

Если элита об этом забывала, нация ей об этом напоминала. О трагических последствиях таких напоминаний, как для элиты, так и для нации, следовало бы помнить нашей современной элите. Но, как известно, история учит лишь тому, что ничему не учит. Правда, исключения бывают.

Английскую элиту, например, история чему-то научила, и потому и английская аристократия, и английская королева, которая якобы ничего не решает, существуют не одно столетие. Российская элита уже в который раз появляется на исторической сцене и начинает учиться с чистого листа, но каждый раз урок, как говорится, не впрок. Временные властные группировки в России есть, а элиты нет. А без элиты нация существовать не может, она обречена на вымирание. Секрет существования английской элиты простой, она усвоила, что уроки истории надо учить и к голосу народа, который глас Божий, прислушиваться.

А история учит тому, что события, которые происходили и происходят в обществе, следует рассматривать с учетом отношений двух субъектов общественной жизни — отдельного человека и нации — и находить компромисс интересов этих двух субъектов. Человек живет своей жизнью, своими чувствами, своими эмоциями. Он взаимодействует с окружающими его людьми, по мере сил соблюдает правила бытия, которые определяет нация, и вносит посильный вклад в ее укрепление. О том, как живет нация, чуть ниже.

Среди отдельных представителей нации есть альтруисты, которые несут добро другим людям, есть эгоисты, которые этим добром пользуются, ничего не давая взамен. Есть и такие, которые живут для себя, и им нет дела до других. Из членов нации формируется правящая элита и происходит ее ротация. Способность нации к выживанию при прочих равных условиях определяется соотношением численности этих групп и качеством управляющей элиты.

Наша планета в некотором смысле представляет собой большую коммунальную квартиру, обитателями которой являются нации. При этом отношения между нациями во многом напоминают отношения между обитателями коммунальной квартиры. Обитатели квартиры могут дружить, а могут ссориться друг с другом, создавать различные группировки, враждующие между собой, могут все объединиться против одного, выбрав его в качестве жертвы.

Ничто человеческое не чуждо и нациям. И если это так, то можно предположить, что наряду с существованием альтруистов среди людей существует среди наций и нации-альтруисты. Нации-эгоисты существуют тоже, но это совсем другая история.

В мире известны нации-антагонисты, например, англичане-французы, французы-немцы, поляки-русские, турки-греки, которые конфликтовали между собой на протяжении веков, а некоторые и сейчас продолжают конфликтовать. Также известны миру и нации, симпатизирующие друг другу, например, австрийцы-немцы, чехи-словаки. Примеры и тех, и других наций можно продолжать.

Но такие отношения нельзя назвать альтруизмом. Альтруизм — это тогда, когда кто-то, в данном случае нация, своими действиями, ей непосредственно невыгодными или даже опасными, приносит пользу другим нациям. Есть ли в мире такие нации? Как минимум, одну такую нацию я назвать могу. Это русские. “Сам погибай, а товарища выручай”, “живот положи за други своя”. Не знаю, есть ли такие поговорки у других народов. У русских это не только поговорки, это образ жизни.

Честно говоря, я не считаю, что альтруизм является для нации благом, скорее, наоборот. Желающих получать добро много больше, чем желающих его дать. И те, которым добра не хватило, считают себя несправедливо обиженными со всеми вытекающими последствиями. Обостренное чувство справедливости как раз свойственно русской нации. Великий русский писатель Ф. М. Достоевский отмечал, что “высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее”. Сюда же нужно добавить и совесть. Напомню, что по Эфроимсону быть альтруистом означает поступать по совести.

Все эти, мягко скажем, особенности русской нации легкой жизни не способствовали, и ее, по правде говоря, у русских никогда и не было. Но особенности эти даны нам природой, мы не можем быть другими, это то, что отличает русскую нацию от других наций. Может быть, именно поэтому великий русский поэт-философ Ф. И. Тютчев говорил: “Умом Россию не понять, аршином

общим не измерить, у ней особенная статья, в Россию можно только верить”.

Но вернемся к теме альтруизма русской нации. Историки могли бы называть много добрых дел, которые русские совершали в пользу других наций. Недобрые дела тоже были, но сейчас речь не о них, без греха один Бог. Можно было бы напомнить европейцам, что русская нация защитила Европу от татаро-монгольского нашествия, а грузинам – то, что русские исключительно из альтруистических соображений спасли их от геноцида со стороны турок и персов. Как пишет Л. Н. Гумилев, после присоединения Грузии к России в 1800 году ее население с 800 тысяч за 100 лет увеличилось до 4 млн.

Можно было бы упомянуть и о том, что в Российской империи в конце XIX века русских, умеющих читать, было 29%, финнов – 98%, эстонцев – 94%, латышей – 85%, немцев – 78%, евреев – 50%, литовцев – 48%, поляков – 42%. Напомню, что русские были титульной нацией. В “нормальных” империях, как известно, бывает все наоборот. Население метрополий более образовано, а народы колоний забыты и малограмотны.

Но Россия в этом смысле “нормальной” империей никогда не была. И население “колоний” имело больше экономических и политических свобод, чем русская нация. Подобные примеры можно продолжать, но я ограничусь тремя, с моей точки зрения наиболее показательными и исторически достаточно свежими.

Пример первый. В Первой мировой войне Россия участвовала на стороне Антанты. О катастрофических последствиях этой войны для России Николая II предупреждали многие. Пророческой в этом смысле была направленная Царю записка П. Н. Дурново, бывшего министра внутренних дел. Все предупреждения царь оставил без внимания.

Российская армия к этой войне готова не была, что и показало первое крупное сражение российской армии в Восточной Пруссии. По поводу этой трагедии главнокомандующий российской армией великий князь Николай Николаевич говорил: “Я знаю, что история меня осудит, но союзники просят о наступлении, и я не могу им отказать”. Результатом этого неподготовленного наступления был разгром армии генерала Самсонова, сам генерал застрелился, и окружение армии генерала Ренненкампа. Это сражение было началом конца российской армии и, как оказалось, империи.

Сражение в Восточной Пруссии заставило Германию ослабить Западный фронт и часть своих войск перебросить против русских. Это помогло союзникам выиграть битву на Марне и спасти Париж. Главнокомандующий союзными войсками маршал Фердинанд Фош вклад России в победу союзников в ПМВ оценил так: “Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат”. Россия помогла союзникам выиграть ПМВ, но в конечном итоге потеряла армию и империю, получила революцию и гражданскую войну. П. Н. Дурново в своей записке с прогнозом, к сожалению, не ошибся.

А что же союзники? В знак “благодарности” в конце декабря 1917 года Жорж Клемансо и Роберт Сесиль подписали тайную конвенцию о разделе юга России на сферы интересов и районы будущих операций британских и французских войск. В английскую зону вошли Кавказ, казачьи области Дона и Кубани, Средняя Азия, а во французскую – Украина, Бессарабия и Крым.

Цинизм этого действия состоял в том, что еще шла война, в которой Россия, Франция и Великобритания были союзниками. Брестский мир будет заключен только в марте 1918 года. Но шкуру еще не убитого медведя союзники спешили “по справедливости” разделить. Что интересно, убить этого медведя союзники хотели руками немцев. “Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна”. Это пророческие слова великого русского поэта А. С. Пушкина. Как тут не вспомнить, сделай нации добро и наживешь врага.

Вторую мировую войну (ВМВ) как пример альтруизма русской нации рассматривать не будем, несмотря на то, что в этой войне русские понесли наибольшие жертвы и внесли наибольший вклад в Победу над фашизмом. Но это не было альтруизмом, русская нация защищала свою страну, спасала свой народ, а заодно спасла от фашизма и многие другие народы, о чем эти народы вспоминать сейчас не хотят.

Но не упомянуть ВМВ было бы неправильно, поскольку она является уникальным примером того, как лидеры государств с разным политическим

строем и разными политическими взглядами проявили политическую волю и общими усилиями победили и наказали агрессора. Хороший пример для подражания современным политическим лидерам, особенно сейчас, когда человечеству угрожает целый набор кризисов – финансовый, экономический, экологический, мультикультурный, терроризм и наркотики, и это еще не все. Была лихорадка Эбола, ей на смену пришел коронавирус, будут и другие сюрпризы.

Преодолеть последствия всех этих кризисов сейчас ни одна страна в мире в одиночку не в состоянии. Было бы правильно, если бы лидеры великих держав вспомнили Ялту 1945 года, 75-летний юбилей которой приходится на этот год, и подарили людям спокойную жизнь без мировых войн хотя бы еще на 75 лет.

О том, что Победа во ВМВ была достигнута общими, пусть и неравными, усилиями участников, особенно уместно сказать в год 75-летия этой Победы. Тема мне знакома, поскольку я являюсь соавтором и продюсером документального фильма «Союзники. Верой и правдой». В этом фильме ветераны ВМВ рассказывают о том, какой та война была для них, простых солдат и матросов. Фильм напоминает нам, что в той войне союзниками были лидеры государств – участников антигитлеровской коалиции, но союзниками были и миллионы простых солдат и матросов.

Поэтому, когда мне говорят, что «хуже войны с англосаксами может быть только дружба с англосаксами», я вспоминаю героев моего фильма. Англосаксом был Черчилль, но англосаксом был и Джок Демпстер, который 16-летним пареньком принимал участие в северных конвоях. Таких, как Черчилль, было несколько сотен, может быть, тысяч, а таких, как Джок Демпстер или другой герой нашего фильма Джон Картер, моряк из США, участник знаменитого конвоя PQ-17, были миллионы.

Понимание угроз, которые фашизм нес человечеству, заставило непримиримых политических противников забыть на время разногласия и объединить усилия против общего врага. Как наши союзники помогали Красной армии победить Германию, покажем на примере авиации. Известно, что пехота – царица полей, а артиллерия – бог войны. Что касается авиации, подобные афоризмы мне неизвестны, но если артиллерия была просто богом войны, то во время ВМВ авиация была больше, чем богом.

Хорошо известно, что летчиков не случайно называли сталинскими соколами – все, что связано с авиацией, было слабостью Сталина и пользовалось его особым вниманием и любовью. Это не было чудачеством Главнокомандующего. Он, как никто, понимал, роль авиации в современной войне. Например, 12 ноября 1942 года Сталин писал Жукову: «... Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе...»

На эту же тему приведем малоизвестные у нас слова Сталина, сказанные им на банкете, который давал Черчилль по случаю своего дня рождения в Тегеране в декабре 1943 года. «Я хочу рассказать вам, что, с советской точки зрения, сделали для Победы президент и Соединенные Штаты. В этой войне главное – машины. Соединенные Штаты доказали, что они могут производить от 8 до 10 тысяч самолетов в месяц. Советский Союз может производить в лучшем случае 3 тысячи самолетов в месяц. Англия производит от 3 до 3,5 тысячи самолетов, главным образом бомбардировщиков. Следовательно, Соединенные Штаты – страна машин. Без этих машин, полученных по ленд-лизу, мы бы проиграли войну». Впервые я прочитал об этом в книге Сьюзен Батлер «Рузвельт и Сталин. Великое партнерство». Автор дает ссылку на протоколы Госдепартамента США.

Читатели, имеющие возможность и желание, могут посмотреть:

– U. S. State Department Foreign Relations of the United States, Conferences at Cairo and Tehran, 1943, 469;

– Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943, Washington, D. C.: Government Printing Office, 1960.

Цифры по объемам производимых союзниками самолетов, приведенные Сталиным, и его слова были не только комплиментом Рузвельту. Их анализ позволяет сделать вывод о масштабах воздушной войны между ВВС союзников и люфтваффе. По ленд-лизу союзники поставили СССР за все годы войны около 18 тысяч самолетов – примерно одну десятую часть производимых ими самолетов.

Основная масса самолетов сражалась с немцами на других фронтах. Германия была вынуждена перебрасывать свои самолеты с Восточного фронта на другие театры военных действий, что позволило советским летчикам достаточно успешно противостоять авиации Германии. В результате уже в 1943 году наша авиация получила стратегическое превосходство в воздухе, о важности которого говорил Сталин. С этого момента начинается победное шествие Красной Армии.

Почти каждый четвертый, по некоторым данным пятый, истребитель и бомбардировщик, поступившие в годы ВОВ в действующий состав ВВС СССР, был англо-американского производства. Во время “холодной войны”, да и сейчас, надо сказать, наша пропаганда старалась приуменьшить роль ленд-лиза. Конечно, поставки самолетов по ленд-лизу были весомым, но не решающим, вкладом в боевую мощь наших ВВС. И если количество поставленных союзниками самолетов оспорить нельзя, арифметика есть арифметика, сомнению подвергается их качество.

Тему технического совершенства поставляемых нам самолетов оставим специалистам, скажем только то, что трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин воевал на американской “Авиакобре”. Начиная с 1943 года 15 советских асов, летающих на “Аэрокобрах” под его командованием, сбили более 500 самолетов нашего общего врага. Первый дважды Герой Советского Союза советский летчик Борис Сафонов летал на английских “Харрикейнах”. Надо полагать, что и Покрышкин, и Сафонов кое-что в самолетах понимали, и их выбор говорит сам за себя. Похоже, не такими уж плохими были “Аэрокобры” и “Харрикейны”.

Нелишне напомнить и то, что первой страной, оказавшей СССР реальную помощь в войне с Германией, была Великобритания. Уже в августе 1941 года по указанию премьер-министра Черчилля первый английский конвой прибыл в Архангельск. Помимо прочих грузов, конвой доставил в разобранном виде 15 самолетов “Харрикейн”. Еще 24 самолета в это же время приземлились на аэродроме в районе Мурманска. Отряд английских летчиков и технических специалистов численностью около 500 человек сопровождал эти самолеты и готовил их к боевым действиям.

Про эскадрилью “Нормандия–Неман” можно было бы не упоминать, о ней и так знают многие. Если бы не одна история. В 1998 году генерал-полковник Н. Т. Антошкин пригласил меня принять участие в праздновании 45-летнего юбилея французского полка “Нормандия–Неман”. Празднование состоялось по месту базирования полка в Кальмаре, что в Эльзасе.

С российской стороны присутствовали ветераны эскадрильи “Нормандия–Неман”, летчиков в живых уже не было, были техники, представители российского полка “Нормандия–Неман”, который в то время базировался на Дальнем Востоке, были представители командования. Наша пилотажная группа “Русские витязи” также принимала участие в праздновании юбилея и показала высокий класс. Французская сторона тоже была представлена достаточно солидно: ветераны “Нормандия–Неман”, летчики и техники, командование французского полка, представители министерства обороны Франции.

После официальной части состоялся банкет. Французы по этой части большие мастера, да и у наших ребят кое-что с собой было. Банкет закончился, но народ расходиться не спешил и стал собираться группами. К одной из таких групп присоединился и я. Французский я знаю, и послушать со стороны, о чем говорят французы после хорошей выпивки, было интересно. Что я русский, они не знали. Французский ветеран, потом я с ним познакомился, это был Жорж Мазюрель, сначала техник, а потом летчик “Нормандия–Неман”, рассказывал, как создавалась французская эскадрилья.

Договорившись со Сталиным о создании эскадрильи, генерал де Голль обратился к французским летчикам с призывом прибыть в Советский Союз. Из разных концов, из Алжира, Сирии, Ливана французы стали прибывать в СССР. И вот здесь самое главное из рассказа Мазюреля. “У русских не было ничего, они снимали с себя последнюю рубашку и делились с нами. Когда богатый что-то отдает, это понятно. Но когда это делает бедный, мы этого не забудем никогда”.

Не исключаю, что какой-то момент гиперболизации в его рассказе был, но у меня в тот момент на глазах навернулись слезы. Когда закончилась война, Сталин распорядился выплатить французам зарплату за все годы войны.

Деньги, по его словам, были приличные, но французы от них отказались. Тогда Сталин принял решение подарить французам самолеты, на которых они летали. На этих самолетах французы улетели во Францию.

Но вернемся к теме альтруизма. Второй пример альтруизма русской нации связан с советским прошлым. Согласно статистике ООН по индексу человеческого развития, включающему в себя уровень жизни, грамотности, доступности образования, продолжительности жизни, а также по паритету покупательной способности СССР в 70-е годы входил в десятку самых развитых стран мира и занимал второе место в мире по основным экономическим показателям.

Было бы несправедливо не отметить, что эти достижения были результатом труда граждан всех 15 республик Советского Союза. Но было бы также несправедливо не сказать, что союзный бюджет, из которого эти республики финансировались, наполнялся, в основном, трудами русской нации. Наполнялся неплохо, делить было что, свое получали и союзные республики, и страны народной демократии, да и страны третьего мира забыты не были.

Показать на цифрах, кто и сколько получал, к сожалению, нельзя, как по причинам экономическим, так и по политическим. Данные Госплана и Минфина СССР по финансированию союзных республик из союзного бюджета, базирующиеся на директивных, а поэтому достаточно условных ценах, были тогда и остаются сейчас закрытыми по политическим мотивам, понятно почему.

Что касается причин экономических, то ввиду отсутствия в СССР рынка, основной закон рыночной экономики – закон стоимости в социалистической экономике не работал. Плановая социалистическая экономика базировалась на принципах удовлетворения общественных потребностей. Поэтому разработать достоверную модель финансовых потоков между союзным бюджетом и бюджетами союзных республик в рыночных ценах невозможно.

По причине отсутствия прямых данных будем использовать данные косвенные. Советский Союз прекратил существование в декабре 1991 г. Уже почти 30 лет бывшие союзные республики являются свободными и независимыми государствами, власти которых несут ответственность за уровень и качество жизни своих граждан. Став свободными, эти граждане получили право выбора, где им жить, и было бы неправильно их за это осуждать. Как известно, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Если политическая ситуация в стране стабильная, экономика растет, люди уверены в завтрашнем дне, они заводят семьи, рожают детей, численность населения растет, страна богатеет. И наоборот, падение численности населения говорит о наличии в стране проблем, как экономических, так и политических. Другими словами, люди ногами голосуют либо за власть, либо против власти.

В этом смысле одним из критериев оценки результатов работы федеральной и региональных властей мог бы быть показатель изменения численности населения за время правления губернаторов на уровне регионов и президента на федеральном уровне. Сейчас для этого совсем не обязательно проводить всероссийскую перепись, достаточно использовать ведомственную статистику.

Рост экономики и численности населения, как известно, связаны пропорциональной зависимостью, и изменение численности населения может служить индикатором политической и экономической стабильности государства. Что важно, данные об изменении численности населения более доступны, чем данные об экономике страны, и могут быть использованы для анализа. Правда, достоверность их не гарантируется, статистика вещь лукавая, но проверяемая.

Покажем, как менялась численность населения бывших советских республик в советский и постсоветский периоды. Прежде чем перейти к цифрам, необходимо сделать следующее замечание. Допускаю, что специалисты по демографии с некоторыми приводимыми здесь данными могут не согласиться. Это не удивительно, потому что в разных источниках цифры различаются. Но нашей целью является не точная демографическая картина, поскольку настоящая статья не научная работа, а тенденция, которую эти цифры демонстрируют.

За 40 лет, начиная с 1950 года, население РСФСР выросло на 44%, Литвы – на 43%, Украины – на 42%, Латвии – на 40%, Белоруссии – на 32%.

Завидные темпы роста, не так ли? Для справки, население ближайшей нашей западной соседки Польши за этот период увеличилось на 52%. Не так уж плохо жили граждане Польской Народной Республики во время советской оккупации". Опять же для справки, за последние 30 лет прирост населения свободной Польши составил всего 1,7%.

За 30 постсоветских лет население бывших союзных республик менялось следующим образом. Начнем с витрины СССР – прибалтийских республик, первыми объявивших о выходе из состава СССР. Население всех этих республик уменьшилось: Эстонии – на 16%, Литвы – на 24%, Латвии – на 28%. Население Грузии, одной из самых богатых, если не самой богатой, советской республики уменьшилось на 32%, Молдавии – на 38%, Украины – на 18%, Армении – на 11%, Белоруссии – на 7%.

Помню свой разговор с директором завода из Литвы. Он, конечно же, знал, что экономика Литвы дотируется из союзного бюджета, тем не менее, говорил: "Траву будем есть, но хотим быть свободными". Как говорится, вольному воля. Правда, как оказалось, не все литовцы так думали, немалая часть их выбрала для себя что-то более питательное.

Среди бывших советских республик устойчивый рост населения демонстрируют в настоящее время Таджикистан (79%), Узбекистан (67%), Туркменистан (66%), Киргизия (43%), Азербайджан (42%), Казахстан (12%). Рост численности населения в этих государствах не коррелируется с ростом экономики и уровнем жизни.

Причин здесь несколько. Первая причина – фактор конфессиональный. У мусульман, а в упомянутых государствах ислам доминирует, многодетные семьи считаются нормой, и количество детей в семье от материального достатка практически не зависит. Вторая причина – уровень жизни в среднеазиатских республиках высоким не был никогда, и местное население привыкло довольствоваться малым. Домашнее хозяйство позволяет людям и сейчас это малое иметь и выживать. На большее они в массе своей пока не претендуют и жестких претензий власти не предъявляют.

Однако предпосылки к росту протестных настроений по причине низкого уровня жизни у народа там имеются, о чем свидетельствует растущий отток трудовых мигрантов из среднеазиатских государств, в основном в Россию. При этом необходимо отметить, что многочисленное население бывших среднеазиатских республик является капиталом, который раньше или позже сыграет свою положительную роль. И не случайно китайские инвесторы считают эти государства зоной своих политических и экономических интересов и направляют туда инвестиции, прежде всего в инфраструктурные проекты и в подготовку рабочей силы.

В этой связи не может не вызывать беспокойства демографическая ситуация в России. Согласно статистике за 30 постсоветских лет численность населения России практически не изменилась. Убыль населения составила всего 0,4%. Насколько корректна эта статистика, большой вопрос. В России на одну семью приходится 1,6 ребенка, а для того чтобы сохранять постоянную численность населения, в семье надо иметь минимум 2,15 ребенка. Так, во всяком случае, говорят демографы.

Но если даже предположить, что статистика о численности населения в России верна и население ее за 30 лет практически не уменьшилось, успокаивать это не может. За это же время население США, нашего главного противника – "партнера", увеличилось с 246,8 до 327,2 миллиона, что составляет 33%. Так что демографические проблемы России решать придется рано или поздно.

Обеспечить рост населения за счет мигрантов не получается. И слава богу, может быть, пример эмиграционной политики Франции и Германии, правильнее сказать – последствия отсутствия такой политики российскую власть чему-то научит.

Резюмируя представленные данные, приходим к следующим выводам. Начиная с 1950 года численность населения всех союзных республик СССР стабильно росла, демонстрируя высокие темпы роста. С момента ликвидации СССР в декабре 1991 года численность населения во всех союзных республиках, за исключением среднеазиатских и Азербайджана, начинает стабильно падать.

Казалось бы, став независимыми, бывшие союзные республики освободились от обязанности пополнять союзный бюджет, но и перестали получать

из него. С этого момента экономические отношения между бывшими союзными республиками стали выстраиваться на рыночных условиях.

В выигрыше должны были бы оказаться те республики, которые вносили в бюджет больше, чем из него получали. На эту разницу они теоретически могли бы увеличить свой бюджет, использовать его на развитие и сохранить или даже увеличить численность своего населения. На практике численность населения бывших союзных республик, за исключением среднеазиатских, начала уменьшаться. Оказалось, что все республики были дотационными, собственных республиканских бюджетов оказалось недостаточно, и отсутствие союзных дотаций привело к сокращению республиканских бюджетов и падению численности населения.

Дотируя бюджеты союзных республик, кремлевская власть покупала лояльность республиканских властей, и альтруизмом Кремля это не было. Но со стороны русской нации, которая союзный бюджет наполняла, это был самый настоящий альтруизм. Но обвинения со стороны тех, кто добро получал, звучат не в адрес бывших советских руководителей, а в адрес русской нации. В странах Балтии, и не только там, русофобия стала товаром, за который пока хорошо платят. Вот власти этих как бы независимых государств и стараются свой шанс не упустить. Еще одно подтверждение поговорки “сделай нации добро и наживешь врага”.

Третий пример альтруизма русской нации связан с Советом экономической взаимопомощи (СЭВ). Замалчивание этого уникального проекта, как победителями в “холодной войне”, так и побежденными, говорит о многом. То, чего добился СЭВ, Европейский союз сделать не сможет никогда. На долю стран СЭВ приходилось 18,5% территории и 9,4% населения земного шара. Эти 9,4% населения произвели в 1974 году более 33% мирового производства промышленной продукции. За 25 лет страны СЭВ увеличили объем производства почти в 2 раза, темпы роста фантастические.

Но объемы производства, равно как показатели экономического роста стран, которые просто поражают воображение, были важными, но не самыми главными достижениями этого действительно уникального проекта. СЭВ показал, что рыночной экономике капитализма имеется реальная альтернатива. Один из гигантов экономической науки XX века американский экономист австрийского происхождения Йозеф Шумпетер говорил: “Социалистическая организация общества неизбежно вырастает из такого же неизбежного процесса разложения общества капиталистического”. Что-то похожее, помнится мне, говорил и Карл Маркс.

Социалистическая экономика стран – членов СЭВ, равно как и экономика СССР, была практическим подтверждением правильности идей американского профессора. Русский эксперимент, как его назвал А. А. Зиновьев, к сожалению, провалился по причине допущенных руководством СССР ошибок, неизбежных в таком новом и непростом деле. Эти ошибки привели к поражению СССР в “холодной войне”. Результатом поражения был развал и СССР, и СЭВ. Но это не значит, что эксперимент нельзя повторить. Проиграно сражение, но не проиграна война.

Успехи проекта под названием СЭВ, пусть и временные, были связаны, прежде всего, с тем, что СССР, а по существу – русская нация, спонсировал страны-члены СЭВ, поставлял им советские энергоресурсы и сырье по ценам ниже мировых, гарантировал сбыт продукции, производимой в этих странах, на советском рынке. Советский Союз был ключевым участником этого проекта. Экономические проблемы, возникшие в СССР, в том числе и в результате горбачевских реформ, сделали невозможным спонсирование им стран-членов СЭВ. По инициативе СССР в 1991 году СЭВ, к радости мирового капитала и российских либеральных экономистов, прекратил свое существование.

Ликвидация СЭВ в той или иной мере коснулась 9,4% населения нашей планеты. Оценивая результаты этого проекта по критерию изменения численности населения стран-участников СЭВ, можно сделать следующие выводы. На всем пространстве СЭВ не было ни одной страны, где бы население в 1970–1991 годах сократилось. Суммарный прирост за эти годы составил 87,5 млн чел. По странам этот прирост составил: Вьетнам – 30%, Россия – 21%, Польша – 7%. Ситуация стала меняться начиная с момента ликвидации

СЭВ в 1991 году. Страны Восточной Европы теряли: Румыния – 12%, Болгария – 15%, Венгрия – 5%, Россия – 3% населения.

Россия, а в конечном итоге русская нация, в течение почти 70 лет спонсировала союзные республики, в течение 40 лет спонсировала страны народной демократии, строила, учила, лечила народ из стран “третьего мира”, финансировала напрямую, давала, а потом прощала кредиты. Говорить, что это делала не нация, а коммунистическая власть, было бы не совсем правильно.

Русский народ не только не протестовал против этого, он этим гордился. Я хорошо помню те времена, как тогда говорили, развитого социализма. У нас болела душа за индусов, которых угнетали англичане, за чернокожее население Африки, вечно голодное, за кубинцев, объявивших войну США. Как могли, русские помогали бедным народам. Но, в соответствии с поговоркой, за наше добро мы нажили врагов.

Зачем русская нация это делала? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. Сыграл, безусловно, свою роль российский суровый климат, который формировал у русской нации понимание необходимости объединяться и помогать друг другу. Иначе мы бы просто не выжили. Читайте “Почему Россия не Америка” Андрея Паршева.

Ведь русская нация построила свое государство там, где больше никто не живет. Западная Европа по нашим понятиям – субтропики. США сравнимы по климату с Западной Европой и географически находятся южнее Кубани. В этих суровых условиях русская община складывалась как одна большая семья. И все попытки Столыпина разрушить эту общину-семью успеха не имели, поскольку крестьяне, а это было 85% населения России, понимали, что в одиночку им не выжить.

Возможно, что альтруизм русской нации является следствием молодости нашего суперэтноса, который, по мнению Л. Н. Гумилева, на 500 лет моложе западного. Русский суперэтнос, молодой по сравнению с западным, временем и цивилизацией еще не сильно испорчен. Правда, некоторые признаки нравственной деградации русской нации наблюдать уже можно.

В русской традиции деловой успех был неотделим от благотворительности. Царской России уже нет 100 лет. Но есть Третьяковская галерея, Бахрушинский музей, Солдатенковская, ныне Боткинская, больница, Морозовская больница, примеры можно продолжать, созданные русскими меценатами в те далекие времена. Тогда благотворительность была возведена в ранг государственной политики, меценатство было нормой.

Сейчас в России очень богатые люди есть, но нет ни больниц, ни музеев, ни галерей, созданных ими. Про яйца Фаберже, купленные Вексельбергом, что-то мы слышали, а кто-то, может быть, их даже и видел. Не повезло Абрамовичу, он несколько лет был спонсором Чукотки. Другие олигархи отделались легким испугом, но какие-то крохи на благотворительность выделять им придется. О том, как они стали олигархами, лучше промолчим.

Рискну предположить, что мы никогда, даже через 500 лет, не будем такими же законопослушными и организованными, как немцы, а жаль. Мы не станем меркантильными и жадными, как французы, и слава Богу. Англичане с их фанатичной верностью традициям, иногда просто забавным, вызывают у нас усмешку, а зря. Деловитость и практичность американцев – это тоже не для нас. Просто мы другие.

Альтруизм русской нации задан генетически и с этим мы жили и будем, даст Бог, жить дальше. Пока, надо честно сказать, в трудные моменты Бог нам помогает. Без участия некоей высшей силы было бы невозможно победить во ВМВ противника, военно-технический потенциал которого с учетом побежденной им Европы был в 4 раза выше, чем потенциал СССР. Но мы Германию победили.

Наука говорит, что изменить генетику нации невозможно в принципе, это как цвет кожи. Русскими мы останемся навсегда, такими нас создал Бог. С точки зрения сохранения жизни на нашей планете альтруизм является условием необходимым и для других наций полезным, но ответной реакцией этих наций на альтруизм русской нации является многовековая русофобия. Сделай человеку добро, и наживешь врага, сделай нации добро, и наживешь много врагов.

Объяснением альтруизма русской нации, скорее его констатацией как факта, могут служить и слова великого русского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского. “Я и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными

в сферах их экономической славы или научной. Я просто говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения... Это нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?"

Как оказалось, может. Градус русофобии в мире повышается и сейчас, похоже, достиг высшей точки. Против русской нации ведется не "холодная", не информационная, не гибридная, а самая настоящая цивилизационная война. Мы теряем население, территории, природные ресурсы, экономический потенциал. С Запада нас душат американская политическая элита и транснациональные корпорации, с Востока с нашего молчаливого согласия наступают Китай, явочным путем захватывая наши территории и ресурсы, выдавливая коренное население.

Напрашивается аналогия с Византией. Византию тоже в течение нескольких столетий руками крестоносцев убивал Запад, турки-османы действовали с Востока. Существовавшая более 1000 лет империя, которая так много дала человеческой цивилизации, распалась. Был ли такой конец Византии справедливым или нет, сказать не могу. Наказания за распад Византии, насколько мне известно, не понес никто. Возможно, она это заслужила, и это был естественный, угодный Богу конец великой империи под названием Византия.

Проводить исторические параллели занятие не благодарное и рискованное. Что касается России и русской нации, ситуация в данный момент выглядит следующим образом. Было время, когда русская нация могла нести людям добро, спонсировать союзные республики, страны СЭВ, оказывать помощь странам третьего мира. Ничего подобного сейчас Россия делать не может, свой народ прокормить бы. Народ недоволен, но терпит. Терпит несправедливость собственной власти, терпит несправедливое отношение других наций. Как долго он будет терпеть, не знает никто, сам народ в том числе.

Но и зла наш народ никому не причиняет. Отдельные локальные попытки российской власти защитить свои национальные интересы в Абхазии, Южной Осетии, на юго-востоке Украины и в Крыму, которые в другое время прошли бы незамеченными, используются как повод для нагнетания антироссийской истерии, и общественному мнению преподносятся как угроза всему человечеству.

Казалось бы, какое дело американцам до того, что российские власти поддержали местное население Абхазии или Южной Осетии в их конфликте с Грузией? Оказывается, есть дело. Бесконечные антироссийские санкции, фальсификация истории, компрометация всего, что связано с Россией, становится нормой, что несправедливо. Вся политика коллективного Запада направлена на разжигание антироссийской истерии и русофобии в мировом масштабе. Перефразируем, не меняя смысла, слова И. А. Крылова: "Ты, Россия, виновата лишь в том, что кому-то хочется кушать".

Самой голодной, похоже, является элита американская, да и европейская тоже не прочь подзакусить. Элита единственной в мире супердержавы считает, что в мире нет силы, которая могла бы ограничить ее аппетит, и, закусив мелочью типа Украины, Ирака или Ливии, готовит на главное блюдо Россию. Надо сказать, что русофобия в среде американской элиты, да и американской нации, в большей или в меньшей степени, по ситуации, существовала всегда.

Один из главных американских генералов времен ВМВ Джордж Паттон говорил так: "...У меня нет особого желания понимать их (русских), если не считать понимания того, какое количества свинца и железа требуется для их истребления. В дополнение к другим азиатским свойствам их характера, русские не уважают человеческую жизнь – они сукины дети, варвары и хронические алкоголики..." В то время генерал Паттон был, между прочим, союзником русских в войне с Германией.

Была "холодная" война, американцев пугали ядерной угрозой и строили бомбоубежища в американских школах, был Карибский кризис, были различные дипломатические скандалы, пропаганда умело использовала все это для нагнетания русофобии среди американцев. Американский президент Рейган назвал Советский Союз империей зла, а другой американский президент – миротворец и лауреат Нобелевской премии мира Обама второй по значимости угрозой миру назвал Россию. Разве это не русофобия, разве это справедливо?

США зверствовали во Вьетнаме, устраивали перевороты в Панаме, Гватемале и других странах. Об этом откровенно и подробно Оливер Стоун и Питер Кузник пишут в своей книге “Не рассказанная история Америки”. Но ни советские, ни российские руководители никогда не позволяли себе сказать в адрес американской нации то, что говорили их президенты о русской нации.

Продолжением войны “холодной” стала война информационная, которая идет уже 30 лет и переходит в войну цивилизационную, в войну американской нации против русской. Даже во времена самых напряженных отношений между нашими странами русская нация никогда не опускалась до американофобии, хотя в некоторых странах американофобия существует и, надо сказать, не без оснований. Сейчас под предлогом вмешательства России в американские выборы русофобия в США достигла небывалых пределов.

Я готов допустить, что какие-то не очень продуманные действия в пользу того или другого кандидата в президенты США со стороны российских политиков могли быть. Они, политики, как это часто у русских бывает, хотели как лучше. Получилось, к сожалению, как всегда. Но какое отношение к этому имеет русская нация?

Однако же американские власти и пропаганда обвиняет в этом русскую нацию, и очередной американский президент не упустил шанс нанести нам очередной удар, ужесточив экономические санкции против русской нации, что не справедливо. Из доступной информации следует, что президент Трамп русофобом не является, для него русские просто конкуренты, у которых надо отобрать бизнес. Но в своей практической деятельности он разыгрывает карту русофобии. По отношению к русской нации это несправедливо, и Трамп является прямым виновником этой несправедливости, а косвенным — американский народ, во всяком случае, та его часть, которая русофобскую политику своего президента одобряет.

Понимают ли они, Трамп и американская нация, что всякая несправедливость в силу закона окончательного возврата будет наказана? Этот закон гласит: “То, как ты поступаешь по отношению к другим людям, вернется к тебе рано или поздно. Это закон окончательного возврата. Он не имеет ничего общего с наказанием или вознаграждением. Так устроен мир. Ты получаешь то, что посылаешь. Это неизбежно”. Такую формулировку закона окончательного возврата предложил известный американский писатель Нил Доналд Уолш, хотя подобные мысли можно найти и у других авторов.

За историческими примерами того, как этот закон работает, далеко ходить не надо. Судьба Наполеона и Франции, например. Наказанием Наполеону за зло, которое он принес России и русской нации, стала бесславная смерть на затерянном в океане острове, а Франции — подрыв генофонда нации. Фюрер немецкой нации и немецкая нация сделали немало зла людям, и русской нации в первую очередь. И, что важно, это зло не ушло от наказания и для фюрера, и для немецкой нации.

Необходимо отметить, что самые искусственные в мире политики — англичане всегда старались воевать с Россией чужими руками, по минимуму используя свои военные силы. Выпускники английской политической школы — американские политики уроки своих учителей усвоили хорошо и с Россией никогда не воевали.

Но президент Трамп не политик, он бизнесмен и управляет США как корпорацией, а в бизнесе все средства хороши, был бы результат. К тому же он имеет немецкие корни, а за всю историю в Германии, как известно, был один великий политик Бисмарк. С политической интуицией у Трампа, похоже, проблемы есть. О чем Бисмарк предупреждал немцев, он, конечно же, знает, но вместо того, чтобы войну с Россией остановить, Трамп масштабы ее увеличивает, война грозит перейти в мировую.

В этой войне, которая идет уже почти 30 лет, пушки не стреляют, но потери населения в России могут в обозримой перспективе приблизиться к потерям СССР во ВМВ. Надо сказать, что виноваты в этом не только американские президенты и американцы, но проблем России и русской нации они добавили.

Что ожидает американскую нацию и ее нынешнего лидера с его претензиями на мировое лидерство и знакомым лозунгом “Америка превыше всего”, объявившего войну чуть ли не всему миру, за зло, которое они уже несут русской нации и другим нациям, нам еще предстоит увидеть. Исторические параллели напрашиваются сами собой, их трудно не заметить.

Было бы неосмотрительно исключать возможность того, что информационные торговые, финансовые войны, которые американская нация и ее президент ведут сейчас со многими странами, перейдут в войну мировую. Кто и как накажет виновников этой войны, нам знать не дано. Но если закон окончательного возврата сработал в двух случаях, почему бы ему не сработать и в третий раз, на этот раз против американцев?

Правда, для всей планеты, и для русских, и для американцев в том числе, было бы лучше, если бы закон возврата в этот раз не сработал. Страшно представить, какими последствиями для человечества может быть наказание за несправедливость, которую творит американский президент и американская нация, несправедливо наказывая русскую нацию, да и другие нации тоже.

Если обратиться к урокам истории, которая, как известно, ничему не учит, можно отметить следующее. Почти 600 лет тому назад просуществовавшая более 1000 лет Византия сошла с исторической сцены. Особых потрясений мир при этом не испытал, хлопнуть дверью Византия была уже не в состоянии. Россия и русская нация, на которую сейчас ополчился почти весь мир, в отличие от Византии, может хлопнуть дверью так, что никому мало не покажется, и может сделать это вопреки желанию своей политической и деловой элиты, которая активно стремится стать частью элиты интернациональной.

Нам остается надеяться, что такое не произойдет, и политические противники вспомнят своих предшественников и найдут способ, как победить мировое зло, русофобию и прочие фобии в том числе. Но чтобы быть на стороне победителей, как это было 75 лет тому назад, Россия и русская нация должны обладать той силой, которой обладал когда-то Советский Союз.

И тут возникает извечный русский вопрос: что делать? Ответить на него легко, когда-то мы уже это проходили – необходимо добиться единства народа и власти, как это было во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы до так называемой хрущевской “оттепели”. А вот как это сделать – вопрос, как говорится, не по моей зарплате, вернее пенсии. Это к президенту Путину.

В заключение хотел бы еще раз обратить внимание на следующую историческую аналогию, которая сулит нам определенную надежду. В настоящее время в мире имеется 4 политических лидера с претензиями войти в историю. Это Дональд Трамп, Си Цзиньпин, Владимир Путин и Эммануэль Макрон. Скоро к ним присоединится пятый лидер, амбициозный Борис Джонсон. Ялта ждет их, Ливадийский и другие дворцы Крыма в прекрасном состоянии и готовы их принять. Возможны и другие варианты. В России много достойных мест, есть они, впрочем, и в США. Главное не место, а результат, но Ялта – это было бы символично.

Нынешним лидерам ничего не надо придумывать, надо просто повторить то, что сделали их великие предшественники. История и благодарные потомки их никогда не забудут. Пусть в помощь им будут слова президента Рузвельта: “...В Тегеране мы доказали, что различные идеалы наших народов могут совпасть в единое, гармоничное целое, чтобы сплоченно служить для нашего общего блага и ради общего мира...”

ЕВГЕНИЯ ДЕКИНА

ВРЕМЯ НАРЦИССОВ

Современная литература, как и культура в целом, находится в крайне сложном положении. Из-за бурного развития информационного общества меняются не какие-то частности нашего с вами привычного уклада — полностью изменился тип мышления. Наступило время, которое философ Жан Бодрийяр назвал “временем после оргии”. Полным ходом идёт четвёртая промышленная революция, киберфизические системы внедряются в производство и обслуживание человеческих потребностей. Меняется вся культурная парадигма.

Мы незаметно для себя начинаем воспринимать мир иначе. Кажется, что это какие-то микроскопические изменения, но представьте себе, что раньше автору, который хочет внести изменения в текст, приходилось перепечатывать всю страницу заново, а потом появился компьютер и кнопка отмены. Раньше перед тем, как перепечатать, автор перепроверял текст, думал, что ещё можно улучшить, чтобы не пришлось снова переделывать. Страница воспринималась как свершившийся акт. Теперь ты можешь всё отменить. Отменить знак, букву, действие, вернуться к вчерашнему варианту. Ничто не конечно, и всё может оказаться пробным вариантом. Мир становится приблизительнее. Грамотным можно не быть — автоматическая программа проверки грамотности сделает всё за тебя. Мы стали думать меньше, мы перестали взвешивать. Технологии продвинулись ещё дальше — появились голосовые расшифровщики, и можно надиктовать, а потом проверить грамотность программой. Автору остаётся только мыслить.

Но. И это, оказывается, не предел. Созданы программы, способные сами создавать художественные тексты. Эти программы самообучаются, имитируют мыслительную деятельность, и скоро автор будет не нужен. И писателю будущего придётся уже отвечать не на вопрос о том, зачем я пишу, а на вопрос: чем я лучше компьютера? Что я смогу сделать в культуре, чего не может сделать он? Естественно, литература в таких условиях не может оставаться прежней, она тоже меняется невероятно быстро, отражая в этих изменениях и изменение языка, и изменение мышления.

Конечно, не стоит думать, что литература исчезнет, — живёт же театр, частично ушедший в кинематограф, выживет и литература, однако роль её в культуре, возможно, станет столь же незначительной, как и нынешняя роль театра. Мы уже видим это за рубежом, где литература давно существует в двух ипостасях: “университетская литература”, которую на гранты и дотации создают прикрепленные к кафедрам филологи, и массовая. Массовая — это однодневная, прикладная, то есть разработка художественного мира-основы для экранизаций или компьютерных игр.

Мы можем и дальше закрывать глаза на происходящие в мире процессы и думать, что с нашей культурой этого не произойдёт. Но это не так. Даже полная изоляция своей культуры от иностранных влияний, как в Китае, например, ни к чему не приводит — даже там эти процессы уже заметны и вызывают бурную реакцию. В Китае, кстати, государство активно поддерживает литераторов, интерес к литературе растёт, развивается книгоиздание и литературная периодика. Нам на это рассчитывать не приходится, поэтому наше положение куда более сложное, и найти из него выходы — сейчас наша основная задача.

И для начала нам следует понять, кто они — современные авторы, которые создают теперешний литературный процесс. На что ориентированы эти люди, как они видят происходящее и на какую систему ценностей опираются, что несут они своему читателю. Для этого нам придётся сначала поговорить о современном поколении вообще и только после этого перейти к литераторам.

Моя мама, которая всю жизнь проработала с трудными подростками в вечерней школе маленького сибирского городка, говорит, что изменения эти колоссальны. Каждое последующее поколение, безусловно, отличалось от предыдущего, но на этот раз возникло что-то настолько необычное, что это отмечают все. Новое поколение эмоционально куда более развито, чем предыдущие: оно лучше чувствует эмоции, интересуется психологией и иначе общается.

Современное поколение называют поколением интеллектуального фаст-фуда, поколением Z (англ. Generation Z), iПоколением или поколением “Me-MeMe”. Это последнее поколение, выросшее без интернета, но успевшее к нему частично адаптироваться. В Гарварде проводятся целые исследования о сознании этого поколения, вызывающие бурную полемику. Современный молодой человек (родившийся в 1980-х — 2000-х годах) не просто общается через интернет, он социализируется в обществе с его помощью. Написать сообщение и посмотреть страницу в соцсети для него привычнее, чем говорить вживую. Он проводит с электронными устройствами больше времени, чем с людьми, и отправляет порядка 88 сообщений в день. Это, естественно, меняет тип мышления.

Через меня идёт колоссальный поток текстов самых разных современных авторов — как начинающих (в семинарах), так и опытных (в отделе прозы литературного журнала), и те общие тенденции, которые я для себя отмечаю, поразительным образом совпадают с исследованиями мировых футурологов, которые озабочены сохранением культуры. Самые явные тенденции я выделю и поясню примерами из текстов. Авторы этих текстов я называть не буду, чтобы никого не обидеть и не обрушить на них потоки праведного гнева читателей. Некоторые особенно категоричные читатели иногда воспринимают авторский посыл как сознательную позицию — вот, автор, мол, специально подрывает устой и рушит последнюю опору гуманизма, а автор, как мы с вами сейчас выясним, просто пытается отразить наше непростое время.

“О’кей, бумер!”, или Жизнь без авторитетов

Это пренебрежительная фраза, которую часто употребляет поколение Z в ответ на попытки вразумить молодёжь. Она получила широкую популярность после того, как 25-летняя депутат из Новой Зеландии ответила “О’кей, бумер!” старшему члену парламента, который перебил её насмешкой над возрастом девушки.

Отсутствие авторитета старших отмечают все, не только учёные, но и педагоги, которые говорят о том, что дети перестали подчиняться, — они хамят, задают неудобные вопросы, отказываются выполнять задания и постоянно заявляют о своих правах. Джоэл Штайн из журнала Time опубликовал статью со статистическими исследованиями, из которых следует, что почти 80 процентов современных американских подростков сомневаются в авторитете старших, считают школу игрой, в которую придётся сыграть, чтобы получить диплом. Само по себе это не было бы критичным — мы знаем примеры революционных настроений в обществе, которые не раз приводили к обновлению культуры, освобождали пространство для нового. Но тут совершенно другая

ситуация, потому что взрослые не воспринимаются как сдерживающая сила, с которой стоит бороться, чтобы утвердить собственную систему ценностей.

Взрослые — это просто источник материальных благ со своей субъективной системой требований. С источником своего дохода лучше не ссориться, а потому требования лучше выполнять. Современный молодой герой, окончивший учёбу, работающий, живущий отдельно, спокойно берёт деньги у родителей. Пластиковая карта, на которую в любой момент можно попросить перевод, — обычный аксессуар.

Прошрое поколение (нынешние тридцати-сорокалетние) было сфокусировано на семейных ценностях: в произведениях литературы активно разбирались огрехи воспитания, детские травмы, комплексы, родительские влияния, мешающие детям быть счастливыми. Это и сейчас интересует авторов этого возраста. В центре повествования был конфликт с бившим в детстве отцом-алкоголиком, бабушкой-тираном, манипулирующей матерью и проч. Теперь этого нет. В произведениях современного автора у героя нет родителей, нет бабушки и дедушки, нет семьи вообще. О них умалчивается в принципе, и упоминается только в связи с денежными переводами. Герой решает рабочие проблемы, переживает любовные драмы в одиночестве. Родитель (чаще всего мать) появляется в критической ситуации, чтобы дать денег или найти психолога — это тоже показатель. Советоваться с родителем бессмысленно, он “бумер”, он всё равно ничего не понимает.

Появился и ещё один мотив, которого раньше было раз в семь меньше. Герой о своих переживаниях много рассказывает своим сверстникам, и делает это напрямую, чётко, сложившимся языком письменной, а не устной речи. Диалог в соцсетях становится главным способом коммуникации. Но он ни к чему не приводит и смысловых ответов не даёт. Он нужен только для того, чтобы описать происходящее от первого лица. Сверстник сочувствует и советует опять же обратиться к психологу, который должен решить проблему. Масса таких сцен в текстах современных авторов. “Давление сверстников антиинтеллектуально, — говорит профессор Марк Баурляйн. — Истории не известны люди, которые могли бы повзрослеть под влиянием однодокков. Чтобы развиваться, тебе нужны те, кто старше: 17-летние не взрослеют, если общаются только с 17-летними...”. Отсюда возникает следующая важнейшая тенденция.

Инфантильность

Типичный представитель поколения живёт с родителями до 30 и после. По результатам нашумевшего исследования в журнале Time в 1992 году около 80% людей в возрасте до 23 лет хотели получить работу с высокой степенью ответственности; 10 лет спустя этот показатель упал до 60%, сейчас — уже до 30. Это напрямую повлияло и на литературу.

Во-первых, грамотность и стилистика. Авторы поколения не способны выполнять монотонную кропотливую работу, они не могут править текст, поэтому неуклонно падает качество. По этой же причине сокращается объём текста и усредняется язык. Они пишут странной смесью разговорного с официально-деловым, и художественной ценности такой текст иметь не может.

Во-вторых, и это самое страшное, меняется уровень осмысления реальности. Они фантастически наивны. Конфликты в произведениях раздуваются из ничего — простейшее несовпадение взглядов становится неразрешимой проблемой и поводом для вражды. Человек оказался токсичен. Человек оказался не-веганом. Человек не хочет беречь планету. Злодеи сами по себе злы и совершают плохие поступки, потому что автору так нужно. Очень часто злодей просто болен, и ему нужно сходить к психологу.

Классическая русская литература всегда славилась глубочайшим погружением в психологию человека, совершала открытия в этой области, говорила об идеях. Теперь этого нет. Есть проблемный человек, он должен лечиться. На этом у автора всё.

Что интересно, злодей теперь всегда плохо выглядит, и вообще, все теперь выглядят так, что сразу всё про них ясно. Это новый мотив. Раньше в литературе было принято усложнять образы, наделять злодея обворожительной внешностью или давать читателю подсказку вроде “беличьих зубов”, чтобы насторожить. Современный человек постоянно рассказывает о происходящем

фотографиями, это развивает визуальное восприятие и разрушает образное, поэтому современный автор придумать сложный образ просто не может, он категоричен и прост. “Красивый”, “модный”, “анорексичный”, “асексуальный”, “крутой лук” (от англ. Look – смотреть), “ключицы”, “кофе”, “рюкзак”, “мартинсы”. Сейчас достаточно навесить ярлык, упомянуть ключ, который будет отсылать к целому понятийному комплексу, ясному, к сожалению, только представителю соответствующего поколения. Человек сейчас мыслит мемами.

Это понятие ввёл Ричард Доккинз. Он обозначал мем как широкое понятие, которое означает элементарную единицу любой информации, отсылающую человека к коллективной памяти. А коллективная память – резервуар, где хранятся отточенные временем мысли и программы поведения.

Раньше такую функцию выполняли поговорки – они запоминались благодаря яркой форме, но несли в себе сразу целый комплекс идей. И они считывались вербально, а современный мем основан на картинке с забавной подписью, и сейчас интернет-мемы представляют собой сжатые программы смыслов, которые очень быстро грузятся в наше сознание и поощряют к действию. Американский философ и когнитивист Дэниел Деннет пишет, что эффект мемов усиливается за счёт того, что они считываются не только на вербальном (логическом), но и визуальном (образном) уровне. Чем больше каналов восприятия вовлечены, тем мощнее эффект. Благодаря визуальной форме мемы попадают сразу на подсознательный, сублимативный уровень, минуя сознание. Некоторые учёные делают предположения, что мемы и правда поработают человека: об этом, к примеру пишет Дуглас Рашкофф в книге о медиавирусах.

Современные школьники почти не общаются словами, они пересылают друг другу смешные видео и картинки и говорят фразами оттуда, примерно как Эллочка-людоедка. Мои ученики как-то пожаловались мне на то, что в принципе не могут говорить с родителями и старшим поколением. Между собой они общаются мемами и фразами из них, а когда они начинают объяснять смысл родителям, им приходится растолковывать сразу целый пласт информации. А мем – мгновенен, его остроумный эффект рассчитан на быструю восприятия, и получается, как при долгом объяснении смысла анекдота – глупо и не смешно. От этого непонимание растёт и создаётся ощущение, что общаться со старшими бессмысленно в принципе. Отсюда проистекает следующая тенденция.

Политическая пассивность

Это поколение готово ругаться в интернете по поводу того, что котиков не разрешают брать в салон самолёта, готово отказаться от пластиковой посуды, потому что она загрязняет окружающую среду, готово выйти на митинг по поводу подтасовок на выборах, но бороться за конкретного кандидата это поколение уже не выйдет. Политическая система дискредитировала себя в принципе, она больше не интересна. А так как со старшим поколением говорить бессмысленно, попыток разобраться в политике молодое поколение тоже не предпринимает.

По сравнению с предыдущими поколениями они проявляют гораздо меньшую гражданскую активность и почти не принимают участия в политической жизни. За последние полгода я прочла около 500 текстов молодых авторов. Угадайте, сколько из них было текстов с ярко выраженной политической позицией? Ни одного. Исторических было 3. 3 из 500. Того ухода в историческое прошлое, в чем сейчас активно обвиняют поколение постарше, больше нет. Предыдущее поколение пыталось в прошлом найти истоки событий, происходящих в обществе сейчас, выстроить взаимосвязи оттуда. Потому как осмыслить тот гигантский информационный поток, в котором мы пребываем, практически невозможно. Молодая проза даже не пытается. Это связано ещё и со следующей важной тенденцией.

Обесценивание знания

Исчезла интеллектуальная ценность знания – есть интернет, и факт всегда можно загуглить, а потому произведение искусства утрачивает познавательный компонент. Раньше автору важно было быть эрудитом, выстраивать

сложные метафоры, использовать аллюзии и реминисценции, позволяющие вписать произведение в традицию или обозначить полемические взаимосвязи. Современный автор не использует НИЧЕГО. Эпиграфами он берёт строчки из популярных песен, а главы называет фразами из мемов. В этом не было бы ничего страшного, если бы это было принципиальное отталкивание от культуры прошлого, попытка сделать наоборот, идти другим путём, но это просто игнорирование. Это новое начало. С нуля.

Литература, которая всегда была вместилищем культуры, которая и сохраняла связи, проговаривала и объединяла разрозненное, постепенно превращается в некое подобие музыки, где есть эмоциональная составляющая, но нет фактологической. Возможно ли при этом сохранение философского смысла? Как-то не слишком в это верится.

Нарциссическое расстройство личности

Об этом уже написана масса трудов. Нарциссическое расстройство личности во всём мире признано болезнью поколения. В психиатрии это расстройство личности, характеризующееся убеждённой в собственной уникальности, особом положении, превосходстве над остальными людьми, грандиозностью; завышенным мнением о своих талантах и достижениях; поглощённостью фантазиями о своих успехах; ожиданием безусловно хорошего отношения и беспрекословного подчинения от окружающих; поиском восхищения окружающих для подтверждения своей уникальности и значимости; неумением проявлять сочувствие; идеями о собственной свободе от любых правил или о том, что окружающие им завидуют. Нарциссические личности постоянно пытаются контролировать мнение окружающих о себе. Они склонны обесценивать практически всё, что их окружает, идеализируя при этом то, с чем они ассоциируют самих себя. Оно встречается у нынешних двадцатилетних втрое чаще, чем у поколения тех, кому сегодня 65 и больше; студенты 2009 года на 58% более нарциссичны, чем студенты 1982-го.

Именно поэтому растёт охватившая литературу графомания. Этому поколению хочется зафиксировать пресловутое “я так вижу”, то есть то, как они смотрят на мир и как-то его видят, кажется им настолько важным, что об этом следует написать даже без сюжета, без персонажей, без собственно литературы. Увеличивается количество Я-прозы, мемуаристики, что обусловлено эгоцентризмом и желанием славы, но из-за постоянного общения с друзьями и сверстниками художественного уровня эти тексты не достигают и достигнуть не могут. Позицию вненаходимости, первичную для создания художественного произведения, современные авторы занять не умеют, они слишком сфокусированы на себе, пытаются выразить свою “сложную и противоречивую натуру”, которая сложна и противоречива только потому, что обращена внутрь себя и на себе замкнута.

Авторы такого типа занимаются бесконечной самофиксацией себя любимого в предлагаемых выдуманных обстоятельствах. Они пишут о своих мечтах: как они богатеют, охмуряют красавиц, пьют и романтически болтаются по городам мира, создавая стартапы и открывая трастовые фонды, о которых никакого представления не имеют. То есть теперь это даже не психологическая или бытовая проза, содержательно это сентиментальная “Я-эссеистика”, даже когда она написана не от первого лица. Причём такие произведения имеют особую поэтику и подчеркнута эстетичны по форме. Это своеобразная трансформация идеи “чистого искусства”, однако искусством она так и не становится, потому что настоящее литературное произведение – это многоуровневая структура, в которой в тонкой взаимосвязи находятся все уровни человеческого бытия, а в упомянутых произведениях, кроме формализма, ничего нет.

Кроме того, это поколение поголовно считает себя гениями, поэтому они сразу берутся за сложные формы и сюжеты, уже зарекомендовавшие себя как успешные. Самоуверенность и амбициозность (а это тоже общие характерные черты данного поколения) обрекают их на желание взять бастион мировой литературы с наскока и мгновенно прославиться – мотивационные истории успеха “звёзд” массовой культуры убеждают их в том, что это возможно. Они прочитывают несколько книг из разряда “Истории на миллион”, заканчивают шарлатанские курсы для графоманов и радостно издают свои книги на родительские деньги. Теперь большая часть молодых авторов изначально ориентирована на хит.

С развитием интернета в свободном доступе оказалась масса псевдонаучной информации о том, как создать успешное литературное произведение, множество всяческих руководств, форматов и "образцов". Молодые авторы следуют этим рекомендациям и начинают подражать мировым трендам.

Это всё было бы неважно и никак не влияло бы на современный литературный процесс, но на территорию искусства вторгся профессиональный пират, что уничтожило критерии художественности. Эталона нет, но есть "авторитетные мнения", которые убеждают нас в том, что любая распиаренная книга – художественное событие. Мы потеряли систему профессиональной литературной критики (раньше критиками были профессиональные филологи, умеющие адекватно оценивать текст), почти потеряли толстые литературные журналы, державшие планку качества.

И на фоне этого появляется новое поколение нарциссов, одержимых славой. Опрос 2007 года показывает, что школьники, которые хотят стать личным ассистентом известного человека, втрое больше, чем мечтающих стать сенаторами. Они уверены в собственной крутизне: 60% из них считают, что способны интуитивно определить, что правильно, а что нет. Они одержимы успешностью и мотивацией и настолько привыкли к постоянным поощрениям, что 40% из них рассчитывают на повышение каждые два года, вне зависимости от успехов в работе и личной эффективности. Слава богу, что часть из них уходит в прикладные области литературного творчества – кинодраматургия, реклама, копирайтинг, текстовое сопровождение компьютерных игр, блогинг и журналистику.

И что ещё любопытно в этой связи – зависть теперь полноценный мотив для творчества. И он реализуется не в виде какой-то классовой ненависти, нет. Теперь это так же обычно и естественно, как ревность или амбиции. Убил из зависти, представляете? А я такое частенько читаю.

Отсутствие креативности

Об этом впервые заговорили медики. Постоянный поиск дозы дофамина снижает креативность. По данным тестов Торранса, креативность молодёжи росла с середины 1960-х до середины 1980-х. Затем падала – и резко обвалилась в 1998-м. Начиная с 2000 года аналогичное падение показателей наблюдается относительно эмпатии, которая необходима, чтобы интересоваться другими людьми и другими точками зрения. Это, по их мнению, связано с ростом нарциссизма и нехваткой коммуникаций "лицом к лицу". А если добавить сюда ещё и распространяющееся мемное мышление, ситуация становится критической. Голливуд уже расписался в своей беспомощности, заговорив о кризисе идей и объявив широкомасштабный поиск интересных сюжетов в развивающихся странах.

Современные авторы пишут фанфики, приквелы и сиквелы к известным книгам, а часть пытается создать условно "своё" в таких жанрах, которое, конечно же, из-за диктата выбранного формата своим быть никак не может. Молодой автор живёт в виртуальном мире сериалов и компьютерных игр, по сравнению с которыми реальность – скука и "тлен". Естественно, наблюдать за такой реальностью и осмысливать её молодой автор не хочет, а потому продолжает множить симулякры и создавать неловкие подражания известным произведениям.

В прозе молодые авторы создают миры непродуманной и непроработанной фантастики и фэнтези. Сделать это качественно молодые авторы не в состоянии по этой же причине – из-за нежелания обратиться к реальности. Ведь для выстраивания собственного ирреального мира необходимо обладать критическим мышлением и понимать законы функционирования мира реального. Хотя бы частично.

Позитивизм

Новое поколение – позитивисты, они не любят расстраиваться, не хотят думать о плохом, считают, что если ты настроен негативно, то это притянет в твою жизнь дурные события. Но их позитивное – это не тяжкая попытка найти свет в темных сторонах жизни или путём проб и ошибок выйти из травмирующей ситуации, нет. Это очередной игнор.

Они просто переключаются на другое. Например, на просмотр забавного контента, и глубокого осмысления реальности от автора этого контента уже не требуется. По мнению Джоэла Штайна, это приведёт к тому, что читатель будет требовать от текста коучинга, повышения мотивации и подчёркнутой позитивности. Естественно, в таких условиях трансформируется и сама литература, утратив привычную жанровую систему и превратившись в короткие исповедальные посты в соцсетях о том, как автор смог и что он преодолел. Я замечаю это на своих постах – больше всего лайков набирают рассказы о том, как было плохо, но я постаралась, и стало хорошо. Плохо ли это для литературы? Да. Потому что это не просто форматное требование – это определённая отупляющая идеология.

При этом массовая культура, которая теперь базируется на основах теории восприятия и психологических разработках, достигла очень высокого уровня технического развития. Она с помощью мелькания цвета и перепадов звука на животном уровне способна удерживать внимание воспринимающего сколь угодно долго. Вместе с тем, целиком ориентированная на развлекательность, она утратила и всяческую смысловую обязательность. В этих условиях исчезнет социальная и психологическая составляющая, исчерпается интерес к человеку, уйдёт интеллектуальная наполненность, креативность и собственные идеи. А что останется?

Я не хочу призывать к панике и транслировать упаднические настроения, но не кажется ли вам, что всё это обязывает нас оторваться от тех проблем, которые мы решаем сейчас, объединиться и подумать о нашем будущем?

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

доктор филологических наук

НА ПОЛЕ БРАНИ

Принято считать, и это буквально навязывается нашему сознанию, что русский язык содержит множество непристойных слов, так что можно выделить даже особую его часть – русский матерный, на котором якобы разговаривает половина населения нашей страны. Русским приписывают необычайную грубость в высказываниях, без которой, дескать, не обходится у нас ни армия, ни медицина, ни строительство. Причем и сами себе мы представляемся изощренными ругателями, в отличие от цивилизованных и культурных народов, к которым причисляем всех, кроме себя.

Однако особая грубость и тяга к непристойностям у русского народа – это навязанное извне заблуждение, а совсем не наша национальная черта, поскольку необходимость в словесном оскорблении существует у всех народов, и это есть отражение и воплощение общечеловеческой потребности отмщать обидчику, совершать возмездие врагу, наказывать при помощи оскорбительной речи. Каждый народ выработал свои собственные формы словесного отмщения и наказания, хотя они подчас не кажутся нам, русским, чем-то действительно обидным. Так, к примеру, японцы, в языке которых оскорбительных, с нашей точки зрения, слов практически нет, наносят обиды своим врагам, намеренно не употребляя грамматическую категорию вежливости, так свойственную японскому языку. По-русски это звучало бы так. Вместо вежливой просьбы: “Будьте добры, откройте, пожалуйста, окно”, – мы бы просто приказали: “Открой окно!” – человеку, к которому нам нельзя обращаться на “ты” или мало нам знакомому. Индусы и казахи сохранили особый способ оскорбить родственника: они с намерением обидеть называют его просто по имени, а не по родственному статусу – невестка, деверь, шурин, сноха. Это все равно, как если бы мы пожилого, уважаемого нами человека, которого все величают по имени-отчеству “Василий Иванович”, вдруг обозвали Васькой. Для немцев крайне оскорбительны обвинения в нечистоте, неряшливости. Они существуют и у нас, когда мы обзываем кого-нибудь свиньей или свинтусом, но для русских это обвинение не слишком обидно. Получается, что словесное оскорбление есть опровержение того, что народу особенно дорого и важно: для японца важна дистанция между людьми, и они держат её с помощью грамматической категории вежливости. Для индуса или казаха дороги семейные отношения, и разрушение их наносит им обиду. Немцы – блюстители чистоты и порядка, и их оскорбляют обвинения в неряшливости. Но всё это нам не представляется особенно обидным или срамным. Наши русские формы оскорбления кажутся нам гораздо более непристойными и обидными. И это всё потому, что русским причиняет скорбь, то есть горе, а именно таково значение слова “оскорблять” – причинять скорбь, болезненную обиду, горе

человеку, – нам действительно причиняют скорбь совсем иные слова, которые задевают струны нашей национальной души и заставляют их дрожать и плакать. Эти слова именно в нас, русских, вызывают чувства страха, срама и стыда, потому что для нас дороги и святы понятия, которые пятнает оскорбление.

Что такое “ругаться в Бога-Мать”

Самое страшное оскорбление для русских – богохульство, хула на Бога, оскорбление Божьей Матери и святых, то что называлось “ругаться в Бога-Мать”. Даже у неверующих людей это вызывало чувство внутреннего содрогания, инстинктивного страха Божия и действовало на человека как сильнейший удар, вызывало нравственную боль и потрясение. Богохульство жестоко наказывалось на Руси. В первой статье соборного Уложения Царя Алексея Михайловича за богохульство полагалась казнь через сожжение.

Считается, что, благодаря таким жестоким мерам, богохульство практически исчезло из русской речи. Но это не так. Оно обрело особые формы, которые выражены словом “чертыхаться”. Богохульством по-русски является поклонение дьяволу, а в живом языке чаще в этом значении употребляется слово “чёрт”. Чёрт подери, иди к чёрту, чёрт его знает, чёрт-те что – всё это намеренные замены Имени Божьего именем врага рода человеческого, которого верующие люди остерегались и остерегаются поминать. В старину подобные богохульства употреблялись редко. Они вызывали тот же ужас, что и прямая хула на Господа, ибо поминание имени дьявола в представлении русского народа, как и любого народа, имеющего в душе веру в Бога, призывало в помощь нечистую силу точно так же, как поминание имени Божьего призывало к действию и к помощи Господа и ангелов его. Вот почему чертыханье было запрещено среди благочестивых людей, оно вызывало потрясение души, как и прямое поругание Бога.

Но в современном русском мире, где почти отсутствует подлинная религиозность, поминание чёрта перестало быть ругательством. Поскольку Бог и Божья Мать для большинства народа уже не святыня, то и богохульство в виде чертыханья, а по сути, поклонения дьяволу и нечистой силе, воплощённой в образах чёрта, лешего, “чёртовой матери” и “чёртовой бабушки”, стало обычной фигурой речи, выражающей наши раздражение и досаду.

Насколько мы потеряли страх поминания дьявольского имени, видно в вошедшем в обычай богохульном обращении к чёрту в выражении “чёрт-те что”. А ведь перед нами вопрос, которым человек, отрекаясь от Бога, ищет ответа и помощи у дьявола. Эта фраза по сути своей противопоставлена выражению “помоги, Господи”, “дай, Боже”, “спаси, Господь”. В ней присутствует обращение в древнем звательном падеже “чёрт-те” и вопросительное местоимение “что”, поставленное здесь в ожидании ответа на призыв нечистой силы. Так что, оказывается, мы, полагая чертыханье простым выплеском раздражения, на самом деле богохульствуем, призывая себе в помощь и поспешение не Бога и его благие силы, а дьявола и бесов, под разными именами пробравшихся в наш язык. Вслед за “чёрт-те что” множим мы, безумствуя, иные вопросы к бесам: “чёрт-те как” и “чёрт-те сколько”, “чёрт-те кто” и “чёрт-те зачем”... А ведь всё это формы общения с нечистой силой, или, иными словами, богохульства.

Ругань “на чём свет стоит”

Ещё один страшный вид оскорбления – матерщина, которую в древности называли “матерная лая”, уподобляя матерные слова и выражения собачьему лаю. Матерщина имеет истоки в древнем поклонении русского человека Матери Сырой Земле, которая, согласно исконным представлениям нашим, нас родила, носит на себе, кормит-поит, одевает, согревает и после смерти даёт последний приют нашему телу. Вот почему и существует выражение “ругаться на чём свет стоит”, ведь свет стоит и мир держится на Матери Земле. Мать Земля – древняя святыня, которой в старину надлежало касаться рукой прежде, чем человек вставал ото сна, – так у Земли испрашивалось разрешение встать на неё ногами. У Земли предписывалось просить разрешения на пахоту и сев, иначе она, матушка, не даст хорошего урожая. Ею приносили клятву, съедая горсть земли, которая в случае лжи или нарушения присяги вставала комом в горле. Вот отчего мы порой, сами не понимая с какой

целью, говорим, уверяя собеседника в необходимом нам деле: “Хочешь, буду землю есть!” До сей поры так необходимая в человеческих отношениях клятва связана именно с землёй. Из-за этого мы говорим, давая обещание, “провалиться мне сквозь землю”, то есть в случае нарушения слова или заведомой лжи обрекаем себя не упокоиться в сырой земле, а провалиться в тар-тарары, в преисподнюю, в ад. Такой же смысл несёт и проклятие “чтобы тебе сквозь землю провалиться!”, некогда вызывавшее праведный страх.

Мать Земля в русской картине мира сходна с родной матерью в заботе о своих детях, потому и матерная брань как оскорбление адресуется к матери оскорбляемого человека и одновременно к земле, которая его носит на себе. Поношение матери в наших представлениях есть осквернение чрева, выносившего его, и родной земли, вскормившей его, и подобные слова, если оскорбляемый почитает и любит родную мать, вызывают тот же ужас, что и поминание чёрта у человека глубоко религиозного и искренне верующего в Бога. И хотя мы давно позабыли древние ритуалы поклонения Матери Сырой Земле, но в большинстве своём по-прежнему любим своих матерей, и потому наша душа при матерщине трепещет и возмущается, захлёстывается чувством обиды.

Богохульство и матерщина являются оскорблением двух высших чувств в человеческой природе – чувства **святого** как осознания нами святости нашего Творца во всех Его ипостасях, и чувства **священного** как понимания места нашего творения, материала, из которого мы созданы. Это священное и есть родная мать и её прообраз – Мать Земля. Господь, по убеждению всех религиозных народов, создал нас из Земли (в слове **создать** корень **зд-** означает землю или глину). Земля есть место силы, ею человек живёт и питается в физическом смысле слова и её непременно сравнивает в глубине души с родной матерью, которая для нас священна в той же степени. Она нас рождает, растит и питает, и заботится о нас до конца наших дней. Священное, как и святое, обязывает нас к почитанию, благоговению, сбережению от всякого поругания и осквернения. И когда скверными устами произносится **матерное слово**, обвиняющее родную мать оскорбляемого в нецеломудрии или в блуде, то он переживает чувство стыда и ужаса, что является неизбежным при поругании и осквернении всего священного. В Полесье до сих пор сохранилось поверье, что у тех, кто ругается матом, земля три года под ногами горит.

Почитание священной Матери Земли было сильнейшей стороной языческой картины мира. Наши предки благоговели перед священными источниками и рощами, святыми горами. Они приветствовали просыпающуюся весной землю, просили у неё разрешения на пахоту и сев, благодарили за урожай. Женщины катались по скошенному жнивью, приговаривая: “Нивка, нивка, дай мне силку”... Христианство эту традицию не развивало, но и не препятствовало крестьянину почитать Мать Землю как кормилицу и благодетельницу. Священное отношение к земле разрушалось в городах, где люди совсем не зависели от природы и полагались только на Господа и на себя самих. А последние сто лет гонений на крестьянство окончательно искоренили сословие, которое почитало Мать Землю священной. И тогда матерщина перестала для многих быть оскорблением. Она стала грязной речью грубых людей.

Итак, богохульство вызывало у человека сильнейший **страх**. То был страх перед неизбежным отмщением за поругание Божьего Имени и за призывание бесов и чертей. Матерщина же вводила человека в шок, вызывая в нем чувство ужасного **стыда**. Стыд же, как известно, имеющий тот же корень что и слова **студить**, **стужа**, а в древности это слово звучало как студ, являл собой образ сильнейшего озноба, человек, охваченный стыдом, сам себе представлялся незащищенным, одиноким и оголённым, поскольку его лишили главных исконных защитников – Матери Сырой Земли и родной матери.

Скверна плоти и духа

Есть ещё один вид сильного оскорбления по-русски – сквернословие, использование так называемых скверных слов, обозначающих нечистоты, экскременты, органы человека ниже пояса и его физические отправления. Такое восприятие сквернословия основывалось на древней установке, через язык входящей в нашу картину мира понятия добра и зла: верх в этом случае обозначал добро, низ – зло, и в этой системе тело человека разделялось на добрую и злую половины границей пояса.

Органы человека ниже пояса представлялись, да и сейчас представляют нечистыми. И говорили мудрецы так: “Все мы наполовину люди, наполовину скоты”.

Человек, которого оскорбляют скверными словами, обзывая нечистотами или детородным органом, задней частью тела, то есть срамными, похабными, пошлыми словами, испытывает чувство, которое в русском языке называется словом **“срам”**. Срам возникает при словесном или физическом обнажении человека перед людьми, этимологически оно означает чувство жути, которое охватывает при обнажении запретного. Неслучайно о том, кто срамит кого-то или срамит сам, говорят – он **наглый**, он **издевается** и **изгаляется**. И тем самым язык наш подчёркивает, что скверна плоти обнажена, освобождена от покрова и выставлена во всей нечистоте на всеобщее обозрение. Однако сегодня сквернословие далеко не всеми воспринимается как срамное слово. Люди, потерявшие представление о чистом и нечистом в составе собственной плоти, утрачивают и брезгливое отношение к нечистому слову, поистине скверна плоти рождает и скверну духа, и речь русского человека всё больше наполняется нечистотами.

Так что оскорбление по-русски включало в себя три вида слов, вызывавших своего рода паралич души, сильнейший шок, оторопь и обиду, – это **богохульство**, **матерщина** и **сквернословие**. Богохульство влекло за собой чувство страха, матерщина вызывала стыд, а сквернословие порождало срам в человеке. Именно про эти словесные оскорбления говорят, что “словом можно убить”. Ибо такие оскорбляющие слова заставляли человека как бы обмереть, испытывал **скорбь**, а по сути этого слова – паралич души, так как скорбь происходит от понятия **скоробиться**, то есть скорчиться и застыть в скорченном состоянии. Именно об оскорблении гласит русская пословица: “Слово не стрела, а пуще разит”.

Нельзя сказать, что люди сегодня этого совсем не понимают. Но сквернословцы и матерщинники настолько приросли душой к грязной речи, что и в приличном окружении находят им эквиваленты, прямо отсылающие окружающих к нечистому смыслу – многочисленные ёлки-палки, ёшкины коты, японские городовые, блины, помянуть которые ныне не стесняются культурные с виду дамы и джентльмены, и даже дети не чураются их. Они являются отвратительным явлением не только грязной речи, но и свидетельствуют о грязном образе мысли произносящих подобные эвфемизмы.

Брань – словесная оборона

Однако помимо слов оскорбительных, ведущих к параличу души, в русском языке есть слова бранные, которые служат человеку на пользу. Ведь и само слово **брань** означает нашу словесную оборону в стремлении избежать физического столкновения с противником и обойтись при выижении своей агрессии одними лишь словами. Как говорили истари, “берёза не угроза, где стоит, там и шумит”. Действительно, уж лучше обругать недруга бранным словом, нежели раскроить ему в горячах череп. Так действовало предостережение: “Браниться – бранись, а рукам воли не давай”.

Бранные слова, или словесная оборона, весьма отличаются от оскорбительных слов. Брань искони использовалась как форма предупреждения противника о том, что он будет атакован, если не смирится и не сдастся. Таков обычай русского народа. Мы не нападаем на неприятеля сзади, как это делают степные народы. Мы не кидаемся на врага внезапно, без предупреждения, как это принято у наших соседей-горцев. Русские имеют обыкновение предупредить недруга о нападении, и в это предупреждение мы, как правило, вкладываем ритуальные слова поношения врага – ту самую русскую брань. Знаменитое послание князя Святослава “Иду на вы”, так удивлявшее его противников, является примером русского предупреждения супостатов о грядущей схватке. Великодушие воина-славянина здесь сопровождалось обыкновением ритуальными угрозами врагу, которые не столько деморализовали неприятеля, сколько подбадривали самого бранящегося.

Действительно, использование словесной брани ведёт своё начало из древнего воинского обряда уничтожения врага перед схваткой. Подобные обряды укрепляли в боях чувство собственного превосходства над противником. Ритуал брани был настолько обязателен в русской бытовой культуре, что на этот счёт существует известная поговорка, исходящая от лица заинтересованных схваткой зрителей: “Полно браниться, не пора ль и подраться?”

Самым важным в таких ритуалах является переименование врага из человека в животное, причем в такое животное, победить которое легко. Нестрашные, неопасные звери и скоты – козёл, баран, осёл, свинья, лиса, собака, – становились именованьем противников русского воина. Их названия употребляли в зависимости от того, что побольнее заденет недруга, – неряшливость свиньи, тупость барана, упрямство осла или вредность козла... Но в брани никогда не использовались имена хищников – волка и медведя, противостояние с которыми не сулило лёгкой победы. Поминали в оборонной брани животных в собирательном смысле: **тварь** или **скотина** – тоже универсальные переименования перед схваткой. С возгласом: “Ах ты, скотина!” – или: “Ух ты, тварь!” – у нас принято кидаться врукопашную.

Переименование человека в скота было важно для русского ещё и потому, что русич, добрый по своей природе, не был готов убивать себе подобных даже и в открытом бою. Ему требовалось не только переименовать своего противника в животное, но и убедить самого себя, что он видит перед собой врага не в человеческом облике, а в обличье зверя. Ибо, как писал Владимир Высоцкий, “бить человека по лицу я с детства не могу”. И вот, чтобы не бить человека по лицу, это лицо по-русски переименовывали в звериную образину: так родились бранные угрозы – **набить морду**, **дать в рыло**, **начистить рожу**, **порвать пасть**, **врезать в харю**, **разбить мурло**. Все перечисленные здесь слова суть именованья звериной морды – нечеловеческого обличья. Уничтожая таким образом противника своей угрозой, приготовившийся к бою или драке человек и себя освобождал от угрызений совести, что он поднял руку на человека. Противник для него становился как бы зверем.

Есть в словесной обороне и иной способ переименования врага перед схваткой. Чтобы оправдать свою агрессию, боец называл противника именем чужака, человека чужого, враждебного нам рода-племени. Русская история накопила немало таких прозвищ, запечатлённых в языке благодаря множеству нашествий и войн. Из тюркских языков пришли к нам **балбес** (из татарского **билмас** – “он не знает”), **болван** (татарское **богатырь**), **балда** и **бадма**. Это память о монголо-татарском иге и последующем враждебном соседстве со степняками. Война с Наполеоном отразилась в словах **шаромыжник** (франц. **шер ами** – “милый друг”) и **шваль** (франц. – “лошадь”, отсюда **шевалье** – “всадник”). Слова эти пережили сложную историю. Они возникли в результате наложения друг на друга старинных русских корней и французских заимствований. Именно с опорой на русский корень в слове **шушваль** (клочок, обрывок, лоскут) произошло переосмысление слова **шевалье**, обозначавшего всадника, недруга-француза. Так возникла **шваль** – название всякого никчёмного, ни на что не годного человека. Французское **шер ами** тоже было переосмыслено в нашем языке с помощью русского корня – **шара** (пустота, дармовщина), **шаром**, **на шару** (даром) в соединении с суффиксом **-ыг-**, известном в словах **свалыга**, **забулдыга**, **прощелыга**. **Шаромыга**, **шаромыжник**, таким образом, стали ироническими прозваниями попрошайки и ничтожества. Кстати, слово **забулдыга** имеет подобное же образование. Здесь использован татарский корень **булды** (“хватит”), а **забулдыга** означает пьяницу, у которого нет понятия “хватит”, то есть способности вовремя остановиться в хмельном питии. Вспомним здесь также и **шалопая**: заимствованное из французского языка **шепаран** (негодяй) преобразовалось в слово **шалопай** под влиянием русского **шалун**, **шалый** и стало означать обыкновенного бездельника.

Назовём ещё одну стратегию словесной обороны, которую использовал русский воин и всякий изготавившийся к драке русич. В этой стратегии очень важно предупредить своего противника, что он будет повержен и уничтожен. Именно для этого используются слова, обозначающие падаль и мертвечину. Таковы слова **падла** и **стерва**, **мразь** и **мерзавец**, **сволочь** и **зараза**. Каждое из них выражает идею мёртвого особенным образом. Если **падла** – это то, что мёртвым пало на землю, обычная падаль, то **стерва** – растерзанное существо. Не случайно медведь в говорах называется **стервецом**, что означает **терзающий добычу**. Памятен и **стервятник** – хищная птица, питающаяся падалью, терзающая её на части. **Мразью** именуют противника, сравнивая его с **замерзшим** до смерти существом, таков же и **мерзавец**. В слове **сволочь** прослеживается сравнение со **сволоченной** в кучу мёртвой листвою, ни к чему не годным мусором, так полагал Владимир Даль. А слово

зараза происходит от глагола *заразить* (то есть *поразить, убить*) и обозначает убитого в бою.

Итак, словесная брань – это самая настоящая стратегия защиты, предупреждение врага о нападении, уничтожение противника и одновременно укрепление самого бойца перед схваткой. Такова история происхождения бранных слов. Но и сегодня брань допустима и порой даже необходима в речи. Ведь ею можно сполна выплеснуть обиду на неприятеля, одной лишь перебранкой исчерпать конфликт и избежать рукоприкладства.

Ругань – выяснение отношений с близкими

Оскорбительными и бранными словами русский запас обидных речений не исчерпывается. Важнейшей частью национального быта является **ругань** – словесное уничтожение наших близких при выражении недовольства ими и при так называемом “выяснении отношений”.

В русской традиции общения, которая складывалась на протяжении тысяч лет, особо ценилась искренность, открытость человека во взаимодействии со своими близкими. Именно поэтому мы считаем идеалом общения разговор по душам, без которого русский человек скукоживается в собственном коконе и иссыхает душой. Но и оборотную сторону разговора по душам – искреннее выражение недовольства своими близкими – мы тоже очень ценим, называя его “выяснением отношений”. Такое общение – это разговор по душам наизнанку, это накопленные обиды, выплеснутые в лицо, это злоба, сконцентрированная в ругательном слове, которым мы обзываем провинившегося перед нами родственника или друга. В русских пословицах подобные ругатели метко сравниваются с собакой, что переменчива нравом, от свирепости до ласковости: “Полай, полай, собака, да и облизись”.

Ругательные слова, какими в нашем языке “выясняют отношения”, очень разнообразны и красочны, поскольку человек, ругаясь, стремится высказаться как можно ярче, но при этом не оскорбить, не сразить, не облить грязью. В подборе выражений ругатель, как правило, исходит из установки, что его раздражитель – как бы не человек вовсе, он некое пустое место, не имеющее главного признака человека – живой души.

Таково, к примеру, слово **“дурак”**, этимология которого основывается на понятии *дыра* – пустое место. Причем, ругаясь, мы любим подчеркнуть, что дурак – безумный, безголовый, бестолковый. И к дураку добавляем **бестолочь**, утверждаем, что у дурака *крыша съехала, чердак без верха*. Дураков величают на разные лады, новизной формы освежая силу ругательства: здесь и ласковое **дуралей**, и раздражённое **дурандас**, и добродушное **дурачина**, и гневное **дуролом**, и просто банальные **дурень** с **дурилой**, а также **дурошлёп** и **дурында**. Звонкости добавляют устойчивые определения дурака – дурак бывает **круглый, набитый, отпетый**. А если дурак не совсем дурак или притворяется таковым, то есть и для этого свои названия – **полудурак** и **придурак**.

Другое ругательное именование ближнего – бездушным предметом – обозначает разные виды дерева; тут и **чурка**, часто она выглядит как “чурка с глазами” или “чурка с ушами”, и **чурбан**, и **полено**, и **бревно**, и **дуб** с **дубиной** и **дуболомом**, причём для яркости дубина именуется **стоеросовой**, то есть не лежащей, а стоячей, подобно человеку. Высокого и тупого человека назовут ещё и **орясинной** – длинной жердью или хворостиной. Так ругают добрых молодцев. Вспомним и **пень**, к которому добавляют, что он старый или замшелый, – так укоряют стариков. Сходно с представлением о человеке-деревяшке и слово **остолоп**, оно исстари обозначало деревянный столб и имеет тот же корень. Ещё один деревянный предмет, переосмысленный в ругательство, – **оглобля**. Современный язык добавляет к этому списку **бамбук** и **баобаб**, а ещё, постулав по деревяшке, мы произносим с чувством собственного превосходства над тупицей: “Здравствуй, дерево!”

Занимательны и ругательства с названием ближних обувью. Тем самым мы подчеркиваем, что перед нами не человек, а лишь его оболочка без содержания – то есть опять-таки без души. И обувь в таких выражениях мы подбираем, соответствующую социальному статусу ругаемого нами человека. **Сапог** – скажем о тупоголовом военном, **лаптем** и **валенком** обзовём простофилю – деревенского жителя, **тапком** жена отчихвостит собственного безвольного мужа, а тот **тапочкой** – свою бестолковую жену, но в любом случае,

мы высказываемся в том смысле, что перед нами голимая пустота, бессодержательный объект.

Мысль о своей никчёмности, ненужности обидна для человека, и ругатели этим с удовольствием пользуются. Русский язык накопил коллекцию никчёмностей, используемую в ругани. Здесь и обычная **дрянь с фи́гнёй** впридачу, и более конкретные **отрепье** — рваная одежда, и **ошмётки** — старая обувь, а также **отребье** — ненужный хлам и мусор. Особняком здесь стоит слово **обормот**, оно тоже обозначает никчёмного оборванца, и звуковое сходство обормота с оборванцем вроде бы прослеживается. Однако в обормоте состоялось русское переосмысление немецкого *Ubermut* (хулиган, кривляка, шалун). Совпадение звучаний обормота с оборванцем и мотом дало импульс развитию иного значения — никчемного гуляки, промотавшегося до последней нитки. Точно так же в конце XIX века сформировалось слово **охламон**, изначально оно соотносилось с греческим **охлос** (народ) и буквально означало “человек из народа”. Но яркое совпадение звучания этого слова с корнем “хлам” породило новый смысл — плохо одетый, неряха.

Ругани, адресованной близким, свойственны и наименования их животными, прежде всего, отличающимися глупостью, вредностью или никчёмностью. Жену муж может обозвать **овцой**, **козой** или **курицей**, а она его в ответку — **козлом** или **бараном**. Вредного и капризного старика величают **старым хрычом** (слово “**грич**” сохранилось в чешском языке и означает *старый лес*), а ворчливую старуху прозывают **старой каргой** (слово “**карга**” сохранилось в санскрите в значении *ворона*).

Важной приметой внутрисемейной ругани являлись именованья своих ближних именами чуждого происхождения — **дундук** (никчёмный, тупой) происходит от тюркского личного имени, **олух** (глупый, неряшливый) ведёт своё происхождение от финского личного имени *Oliska*, **пентюх** (неуклюжий, туповатый) возник в результате переосмысления греческого имени (Пантелей — Пантюха — пентюх) при совпадении звучаний с выразительным *пень*.

Обратим внимание, сколь велико число таких ругательств — безобидных, ибо они не являются оскорбительными, как богохульство, мат и сквернословие, и никому не угрожают, как словесная брань. В такой повседневной ругани каждый из нас сбрасывает нервное напряжение, раздражение, которое вызывают обычно трудные обстоятельства жизни или усталость от труда: “не выругавшись, дела не сделаешь”, “без шума и брага не закиснет”. Вот оно — истинное назначение русской ругани — “поругаться — душу отвести”, а значит, вернуться в спокойное состояние и с толком довести дело до конца.

Когда же мы ругаемся на собственную родню и друзей, то и тут в подобной ругани есть большие достоинства. Психологическая разрядка наступает, когда человек пользуется всеми этими смешными именами — олухами, дундуками, орясинами и ошурками, ошмётками и валенками. К примеру, назовёшь своего ленивца-сына телепнем, и сам пустишься в хохот, представив его в виде неповоротливого увальня, телепающегося туда-сюда без толку. Или жена в сердцах крикнет мужу: “Ну, что встал, как остопоп!” — а он ей в ответ: “Совсем, овца, потерялась!” И смешно это, и не обидно, но поучительно. Почему и говорят на Руси: “Больше бранятся, смиреннее живут”, “при счастье бранятся, при беде мирятся”, “свои собаки грызутся, чужая не встревай”.

Психологи изучили потребность людей в словесной разрядке и установили, что, когда человек постоянно из страха или в силу хорошего воспитания, или ещё по какой причине не имеет возможности высказать свои негативные чувства, у него затемняется рассудок, он начинает тихо ненавидеть окружающих и может не только сойти с ума, но и совершить преступление или самоубийство. Это состояние называется по-русски “зла не хватает”. “Зла” в словесной ругани должно хватать сполна, потому что это наиболее безобидная форма наказания или возмездия раздражающему нас ближнему. После чего для обоих наступает мир и успокоение. Потому все мы и знаем: “брань не дым, глаза не ест”, “брань на вороту не виснет”, и, главное, “не побив кума, не пить и пива”.

Так зачем же, спрашивается, мы позабыли многое множество таких метких, звонких, точных ругательных слов, а вместо них, как обухом по голове, кроем наших ближних и дальних отборным матом, чертыхаемся на них и сквернословим, потеряв при этом страх и стыд и выставляя напоказ собственный срам?

Может, это происходит потому, что мы уже давно живём в обществе, где люди перестали поклоняться Богу и Его Пречистой Матери? И потому хулить Их – ругаться “в Бога-Мать” не является для многих чем-то страшным? Может быть, чертыханье в ходу потому, что все эти сто лет, а то и больше дьявола перестали считать врагом рода человеческого? А значит, входить с ним в открытое общение, чертыхаясь, также стало не страшно? И ведь эти же сто лет, за какие мы так стремительно забыли Бога и познали черта, люди в нашей стране перестали поклоняться Матери Земле и пренебрегли святостью материнства вообще. Вот и матерная брань не стала вызывать стыд сначала перед лицом родной земли, потом – перед лицом родной матери и, наконец, в глазах собственных детей. Что до сквернословия, то его нечистоты уже не воспринимаются как срам, ибо люди привыкли не только грязно говорить, но и грязно думать. Всё дело именно в том, что мы в большинстве народа привыкаем грязно думать, а то и не думать вовсе, используем сквернословие и матерщину как рефлекс недовольства и негодования. При провалах в мыслях и в памяти, как установлено нейролингвистами, люди как раз и заполняют пробелы речи матерщиной, чертыханием и сквернословием. Есть даже психическое заболевание, при котором у человека полностью отсутствует речь, но, чтобы привлечь к себе внимание окружающих, больной изрыгает сквернословие и матерщину. Так что беспричинно матерящиеся и привычно сквернословящие люди сродни душевнобольным и должны таковыми восприниматься в обществе.

Итак, навязанное сегодня в России убеждение, что русские – какие-то особо изощренные сквернословцы, которые без мата не пьют, не едят и вообще не живут на свете, – это лукавство или заблуждение. Богохульство, мат и сквернословие ещё сто лет назад считались недопустимыми не только в образованной среде, но и в простом народе. Слова эти несли открытое зло, были опасны для общества и человека, их избегали, за них жёстко наказывали. Другое дело – бранные слова и ругань, что оказывались подспорьем в искреннем общении с ближними и способом предотвращения рукоприкладства. Здесь меткое русское слово служит полезную службу и по сей день. Это не значит, конечно, что мы вправе костерить родню и друзей с утра до ночи, но это значит, что мы должны беречь себя и всех окружающих нас от оскорблений и сквернословия.

АЛЕКСЕЙ КОЛОМИЕЦ

БЕРЕЧЬ РУССКОЕ СЛОВО

Записки неравнодушного

Время идёт и привносит с собой, вполне естественно, в широкий обиход новые слова, выражения, новые технологические, технические и культурные понятия. Давайте же поглядим, откуда возникают эти новоделы в нашем исконно русском языке, столетия совершенствуемом нашими великими предшественниками – поэтами и писателями, истинной российской интеллигенцией. Они обогатили нашу речь не только созданными словами и выражениями, но и привнесли в неё звучные, сочные образцы метких народных слов, пословиц и поговорок, естественно внедрилось в обиход немалое количество слов народов России (особенно татар), обозначивших в большинстве новые, несвойственные русскому языку понятия. Всё это только обогащало и без того яркую, глубокую – с глубинными корнями – русскую (да и всю восточнославянскую) речь.

Конечно же, были и периоды засилья “немецкой” лексики (немцами в средневековой России звали не германцев, а всех европейцев, не знающих русского языка: немцы – немые). Затем активно и агрессивно – через высший свет – стал насаждаться французский язык. Они недолго увечили нашу речь. Да иначе и не могло быть. Ещё Ломоносов отмечал силу и ценность русского языка. И, тем не менее, ряд немецких и французских слов и выражений органично вжился в нашу речь, обозначая новые технические и технологические термины, а также новые понятия культуры и быта. Подобное продолжалось и в советское время. Так, органично вжились некоторые английские слова и выражения, особенно в технической области, твёрдо вошёл в обиход ряд специфических слов и понятий советского периода, ряд выражений даже так называемого “стиляжьего” сленга нормально бытует и сейчас.

А что же ныне, последние два с лишним десятка лет – что “обогастило” (а может быть, замусорило?) наш великий, могучий, правдивый и свободный?

КОЛОМИЕЦ Алексей Маркович родился в Приморском крае. Окончил Московский геолого-разведочный институт им. С. Орджоникидзе в 1960 г. Доктор технических наук. Академик РАЕН, АГН, МАМР и других. Автор семи научных монографий. Пятьдесят лет возглавлял крупнейшее в стране геологическое предприятие. Награждён орденами “За Заслуги перед Отечеством” IV степени, “Трудового Красного Знамени”, “Знак Почёта” и более чем пятьюдесятью другими государственными, ведомственными и научными наградами и знаками, заслуженный геолог РФ. Член Союза писателей России, автор 19 книг поэзии и прозы. Живёт в Нижнем Новгороде.

И кто виновен в этом засорении? Тем более что на страницах газет, в научных (!) монографиях, в многочисленных телепередачах идёт яростная дискуссия о неизбежности огромного коренного “преобразования” (или изувечения?) русского языка. Вспомним хотя бы телешоу господина Швыдкого – нужен ли сейчас Пушкин, да и многое другое.

Свои размышления на эту тему я попробую начать издалека и с того, что попроще. Я старый геолог. Мне в силу своей специальности, как и большинству моих добрых коллег, ещё с ранних послевоенных лет (50-е годы прошлого столетия) пришлось вплотную познакомиться с так называемой “феней” – специфическим языком тюремного и блатного элемента. Это знакомство начиналось в студенческие годы на далёких (сами выбирали!) геологических практиках, в последующем – на инженерной работе, где основная масса сезонных полевых и горно-буровых рабочих были тогда бывшие зеки. Напомню, что слово это впервые появилось у строителей Беломорско-Балтийского канала – ЗБК – если не ошибаюсь, – застройщики Беломорско-Балтийского канала, или что-то в этом роде. Тогда стройку посещало множество делегаций, в том числе зарубежных, и, чтоб смягчить впечатление от этих лагерников, их и называли ЗБК. Ну, а позднее это слово трансформировалось в з/к – заключенный.

В те времена рабочие приходили к нам в значительном количестве после больших и многочисленных сроков отсидок, нередко – из “полосатиков”, т. е. з/к с длительными и строгими сроками заключения плюс с поражением в гражданских правах (запретом выезда за строго установленную в километрах зону от их бывших лагерей). С другой стороны, это были, как правило, хорошо обученные профессионалы – горнопроходчики и буровики, трактористы и шоферы, рабочие других необходимых в геологии специальностей – по стажу их лагерных занятий.

Так вот, у них был своеобразный язык, известный и пропагандируемый ныне некоторыми ушлыми учёными-языковедами в монографиях, язык клановый, жёсткий и жестокий – они “ботали по фене”. Несколько ниже я подробнее коснусь этой темы, а пока что скажу, что люди эти были, мягко говоря, непрстой народ, со своей строжайшей иерархией, чёткими законами-понятиями, правилами и судом (!). Но с ними всегда или почти всегда можно было договориться по производственным задачам, срокам, качеству работы, которые, как правило, неукоснительно ими выполнялись.

Некоторые из подобных бригад были у нас стабильно в передовиках (это в период расцвета соцсоревнования!). Так, шурфопроходческая бригада Николая Ивановича Фролова (который с трудом привык отзываться на это обращение, а откликался лишь на “кликуху” – “Колыма” – 17 лет отсидки там!), неоднократно выигрывала первые места в соцсоревновании шурфовиков нашего предприятия, а однажды стала победителем соцсоревнования горнопроходческих бригад Министерства геологии РСФСР. Вручать переходящее Красное знамя приехал крупный и, надо сказать, уважаемый по своей работе руководитель.

Невероятно волнующийся Николай Иванович забыл все слова, которым я его учил (а был я тогда уже начальником крупной геологоразведочной экспедиции), и, получив высокую награду, крепко ударил себя в грудь кулаком и прокричал: “Победа!” На том и закончилось его “яркое” выступление. Руководитель, вручивший ему знамя, после следующего короткого разговора выяснил, что у Фролова всё сейчас в жизни (с его слов) отлично, а на вопрос, были ли у него в жизни трудности, получил такие искренние, откровенные и предельно шокировавшие его ответы, что немедленно от нас побежал, прычав мне на прощанье: “У вас работают пещерные люди, каменный век!”. На что я, ещё молодой, а значит, неосторожный, всё же успел сказать ему, что нет – это не пещерные люди, а люди очень трудной судьбы. Главное, что сейчас они невероятно ценят свободный труд, который для Н. И. Фролова – это полная самоотдача до изнеможения, а в сложных условиях – на грани подвига. И, главное, потом Фролов “завязал” – покончил со своим воровским прошлым – чужого гвоздя без спросу не возьмёт. Да, душа у него в тяжелейших рубцах, но она излечивается, рубцы рассасываются. А живёт он сейчас, из-за поражения в гражданских правах, в старом разваливающемся бараче с тремя малолетними детьми. Таков был мой ответ. Отмечу, что мой собеседник добился отмены поражения Н. И. Фролова в гражданских правах, и тот

получил от нас благоустроенную 3-комнатную квартиру рядом с г. Горьким. Заканчивая об этом, скажу, что Николай Иванович прожил немногим более 60 лет (тяжки испытания судьбы!), но оставил о себе память в виде задокументированных геологами сотен идеально пройденных шурфов.

Естественно, что некоторые “неформальные лидеры” подобных бригад пытались подмять под себя молодых геологов, да и не сидевших рабочих. Для нас, юных инженеров, это была хорошая школа “выживаемости”. Кто сумел её одолеть, а таких было несомненное большинство, кто не поддался на провокационные давления, тот завоевал достаточный авторитет у этой категории рабочих и успешно ими руководил.

Окриком, немотивированным приказом их нельзя было заставить делать то, что они не принимали. Твёрдо настоять с чётким объяснением стоящих задач, без унижения человеческого достоинства (это – табу!), самим показывать пример ответственного отношения к делу, строго выполнять взятые на себя обязательства, искренне заботиться об их человеческих потребностях и нуждах. В сущности – видеть в них свою человеческую ровню. Таков должен был быть и был преобладающий стиль нашей работы с ними.

Конечно, давалось всё это, особенно первоначально, с большим трудом. Были попытки физических расправ (один на один – при молчаливом наблюдении остальных – проверка “на вшивость”). Спортивная подготовка и характер меня не подводили. Понятно, что жалоб ни с одной стороны никуда не поступало и дурных последствий не случилось.

Своих “отступников” от “правил” они наказывали сами и физически, и изгнанием из бригад. Случались, что греха таить, но уже без их умысла, и противостояния посерьёзней – два ножевых ранения, не слишком опасных, благодаря моей спортивной подготовке. Естественно, помощь бригады в таких случаях была полная и немедленная.

Став в 26 лет главным инженером крупной геологоразведочной экспедиции, я, по прошествии многих лет, могу нескромно похвалиться, что уже к 33 годам получил от них почётную “кликуху” – “отец родной”.

Ну, а теперь, собственно, о “фене”, о том широко известном блатном наречии, в значительной степени вошедшем ныне в русскую обиходную и, что особенно противно, в эстрадную лексику нашей так называемой “творческой интеллигенции”.

Очень редко отходили мы, молодые инженеры, от правила не называть этих рабочих по их “кликхам” и “погонялам” – только по имени, отчеству и фамилии.

Никогда не пользовались их “терминологией”. У меня в памяти немало случаев, связанных с этой темой, моментов нередко драматических, изредка на грани трагедии, но это не тема моих сегодняшних размышлений.

Мы не старались поднимать рабочих этой категории до своего нормального рабочего языка, мы даже не думали об этом, просто то была естественная манера нашего поведения – истово трудящихся на свой народ инженеров-геологов-полевиков.

Итак, “феня” не привилась у нас, постепенно уходя и из речёвок старых з/к. Не хочу лгать, было у нас достаточно и плохого, дурного, но не это было основой нашей жизни тогда. Мы думали, в значительном большинстве своём, о служении народу, стране, а не как сегодняшняя “творческая интеллигенция” – служить зажившим легализовавшимся бандитам, отсидевшим сроки и потом обогатившимся “теневикам”, фарцовщикам или спекулянтам, одуревшим от дармовых денег олигархам, проворовавшимся чиновникам и т. п.

Позднее, в 60–70-е годы, дальнейшее мощное послевоенное развитие нашего могучего государства – СССР привело к тому, что в геологическую отрасль пришла многотысячная армия профессионалов всех специальностей, в том числе и молодых рабочих. Ушли на пенсию или из жизни бывшие з/к – тоже крепкие профессионалы. Была организована огромная геологическая отрасль страны – мощное производство.

В 80-е годы был в геологии период, когда сезонных геологических рабочих набирали из новой генерации – армии бичей (БИЧ – для непосвящённых – бывший интеллигентный человек – спившийся, опустившийся, потерявший семью и себя и, за редким исключением, человеческий облик). С ними работать было и неинтересно, и тяжело. Хитрые, деклассированные, лживые, без правил и устоев, они могли работать только из-под палки, ради денег

“на пропой”. У бичей тоже был свой сленг, гимн ему создал знатный наш алкаш Веничка Ерофеев. Но сленг этот не оставил в геологии никакого следа.

Не умолчу и того факта, что бытовал в геологической среде и язык “руководящий” – матерный. Кому-то так удобнее работалось и с рабочим классом, и между собой. Но далеко не все руководители опускались на производстве до мата. Это мне лично и многим моим друзьям было просто не по душе, это нас унижало. Ну, анекдотец солёный рассказать, ну в “разборках” пробегало крепкое словечко. В общем, мат тоже не стал широко употребим у нас, геологов.

И вот закончились советские времена, скончалось в судорогах великое государство. Что оставили после себя мы, советская техническая (в том числе геологическая) интеллигенция 50–80-х годов? Мы создали мощную минерально-сырьевую базу страны, любя и ценя свою профессию и уважая всех людей, кто честно и добросовестно трудился на инженерных, технических и рабочих местах над изучением и раскрытием богатств недр страны.

Общаясь двадцать четыре часа в сутки с разными категориями рабочих, мы не только не потеряли родной русский язык, но ещё и создали много хороших стихов, ставших в большинстве своём уже народными прекрасными геологическими песнями. Из нашей среды вышел целый ряд замечательных профессиональных писателей, поэтов, кинорежиссёров.

Круглые сутки мы находились вместе, конечно, в период полевых работ. Что это значило для нас? Мы постоянно обогащали друг друга своими знаниями, интересами, привязанностями. Кто-то любил классическую музыку, кто-то народную и эстрадную песню, кто-то романс. Молодёжь увлекалась классическим джазом. Другие увлекались литературой (настоящей – не низкопробными детективами). Если кто-то восторгался “Кола Брюньонем” Роллана, то, значит, его читали все. Если у кого-то в рюкзаке был томик “Тилья Уленшпигеля” Шарля де Костера, то и он зачитывался до дыр.

В большинстве своём выходцы из рабоче-крестьянских семей и зарождающейся молодой советской интеллигенции, мы жадно стремились к высокой культуре, к нравственному совершенствованию.

В известной мере за нами тянулись и рабочие. Немало их закончило заочно геологические техникумы, некоторые – институты, они стали высококлассными профессионалами, хранителями геологических знаний, традиций, культуры. Подобным образом жила и трудилась и мощно развивающаяся инженерно-техническая интеллигенция других отраслей народного хозяйства СССР с огромной тягой к научным и техническим знаниям, искусству, культуре.

В большинстве квартир интеллигенции, да и рабочих были сотни и тысячи прочитанных книг художественной и специальной справочной литературы, сотни пластинок высококачественной музыки, в том числе классической, расцветал большой интерес к познанию русской и мировой поэзии, собирались альбомы известных живописцев и т. д.

Сегодня многие из этих людей ещё живы, но нередко раздавлены морально. То, что они создавали, то, к чему они стремились – совершенствоваться профессионально, культурно, нравственно, – сегодня практически обесценено.

Редкие телепередачи в неурочные часы ещё несут иногда огоньки русской (и не стесняюсь сказать – советской) нравственности, культуры, душевной глубины, доброты, участия и сострадания – этих главных черт духовного облика русского народа, основанного на тысячелетиями впитывавшихся в гены лучших традициях древних предков и впоследствии святых истин, православных “Заповедей” Господних.

И вот перехожу к новому времени – времени “торжества” капитализма в России. Кто сегодня создаёт современный русский разговорный, литературный, театральный язык, кто старательно внедряет новую абсолютно несвойственную русскому характеру лексику?

Посмотрите новые школьные программы, где отсутствует понятие “знание”, а вводится понятие “компетентность”, где в учебниках литературы исчезают классики русского языка и появляется дурная незапоминающаяся поэзия. А учебники истории – позор их авторам! Они нередко занимаются сознательной подтасовкой и клеветой, где-то кем-то срежиссированной. Стыдно за академика РАН Смирнова, написавшего учебник истории России для вузов – поверхностный, тенденциозный, на потребу нынешней “элиты”,

где разрушители нашего государства – герои времени. Не хочу даже упоминать здесь их фамилии.

Вернёмся к нашей теме.

Почему после полного развала экономики России в постреволюционные годы после Октября и тяжелейшей братоубийственной гражданской войны, после сложнейшей политико-экономической борьбы с троцкизмом и мощным отрядом правых уклонистов, по существу за срок менее 15 лет, советскому руководству удалось мобилизовать нравственный потенциал народа, удалось восстановить и создать державу, способную обуздать и разгромить самого мощного тогда на планете врага – фашистскую Германию, а точнее фашистскую Европу.

А что же у нас с 1991 года? Разваливаем и разваливаем то, что героическим трудом всего советского народа создавалось десятилетиями. И до сих пор не можем до конца развалить, несмотря на усилия “реформаторов” типа Горбачёва, Ельцина, Чубайса и их идейных последователей.

Ну, правда, это тема отдельного большого разговора.

“Феня”, новоделы беспредельщиков 90-х, мерзкие слова и обороты нынешних героев бизнеса – бывших з/к из валютных спекулянтов, фарцовщиков и теневиков. Всё это введено в обиход нашей так называемой “творческой интеллигенцией”. Бесстыдный мат с экранов телевидения, пошлые, грязные слова и сцены многих театральных постановок и, наконец, засилье циничной, зажавшейся эстрадной “элиты”, не допускающей в свои ряды инакомыслящих, тех, кто несёт другую – высокую культуру; новых, чистых, ярких исполнителей, несомненные свежие таланты.

Вся эта ситуация поддерживается гласно и негласно чиновничьей элитой от российской культуры, где, как говорится, один другого стоит. И это они культивируют, “обогащают и украшают”, повторюсь – наш “великий, могучий, правдивый и свободный русский язык”?! Увы!

Ну и, наконец, о писательском труде, о “чернорабочих” и “элите” современной писательской среды.

Всегда и во все времена считалось, что писатель и поэт должны быть той нравственной, духовной элитой, заставляющей серьёзно задуматься, порадоваться или глубоко страдать над их творением, клеймить зло, славить добро, намечать нравственные ориентиры, поднимать читателя, а не потакать низменным вкусам.

Плоды истинного писательского и поэтического труда должны быть тем мениском, который наполняет и удерживает высокий уровень народной нравственности и духовности. Конечно, были во все времена и подпевалы власти имущим, были дурные примеры мелкой ангажированной литературы – в семье не без урода! – но они не портили главного – глубокого, нравственного звучания русской и многонациональной советской литературы.

Поскольку я пытаюсь обратиться к читающей аудитории, то, думаю, что нет необходимости перечислять приписываемые к поэтическим шедеврам всевозможные нынешние “айсберги” и прочую (возможно, моё суждение спорно) галиматью в поэзии – малокровные поделки на потребу толпе. Хлеба и зрелищ! – Да?!

А это одуряющее однообразное засилье пошлых детективных романчиков оборзевших российских дамочек-писательниц, обогащающих свои творения эротическими воспоминаниями. А выпускаемые сотнями тысяч тиражи бессмысленных книг зарубежных авторов, наполненных мелкими чувствами и пошлостью!..

В советские времена, что бы ни говорили злопыхатели, и какие бы обидные, драматические “накладки” в литературной жизни ни случались, всё же людям искусства создавались условия особые – для поддержания и поощрения творческого потенциала. Это были дома и посёлки творчества (что стоило одно Переделкино). Творческие союзы писателей, художников, композиторов поддерживались государством, талантливые книги издавались такими тиражами, чтобы дошли до широкого читателя, а гонорары позволяли, как правило, не задумываться о хлебе насущном, а заниматься подвижническим писательским и поэтическим трудом.

Только циничные луны могут писать, что не было советской литературы и поэзии. Да что с ними спорить. Большинство шедевров советской поры до сих пор составляют гордость домашних библиотек в России.

Есть ли сейчас в России талантливые, честные, совестливые писатели и поэты? Мне, двадцать лет активно сотрудничающему с нижегородским литературно-художественным журналом «Вертикаль. XXI век», который возглавляет талантливый русский писатель и публицист-патриот Валерий Сдобняков, пришлось прочитать сотни рукописей талантливых провинциальных поэтов и прозаиков, владеющих словом, заставляющих читателя глубоко задуматься над прошлым, нынешним и искать наше будущее.

Но кто их знает? Издавая на свои нищенские или унизительно выпрошенные спонсорские деньги книги тиражами 100–200 экземпляров, редко больше, до какого читателя они могли дойти? И авторы эти в большинстве своём нищенствуют. Они вынуждены выискивать различные малооплачиваемые подработки, после которых не остаётся у них душевных сил для творчества. Какое уж там вдохновение. Кто их нынешние поэтические герои? Страдающая страна, несчастные бомжеватые люди, уныние и боль за ложь и обман. Как они могут писать о прекрасном, о возвышенно-трагическом в условиях всеобщего разврата и обмана, неосуществлённых обещаний, коррупции и воровского жирования одних и нищеты, а главное – обездоленности и отсутствия веры в будущее у других – уже и не для себя, а хотя бы для детей и внуков.

А что поощряется властями? Пошлая клоунада однообразных беснующихся концертов; мужики, сплошь переодетые бабами, пошлая жуткая речь из их, с позволения сказать, уст. А ведь есть среди них и талантливые молодые ребята, но нет – и они «лепят на потребу» обезумевших от денег вороватых богачей и развращаемой молодёжи. И, как следствие, груди этой, с позволения сказать, «артистической элиты» украшают ордена «За заслуги перед Отечеством» всех степеней. Какие заслуги перед Отечеством у них? Стыд и позор! Вот уж поистине цинизм беспредельный.

Наверное, анекдотом для всего мира является сейчас Россия, где в жестоких дискуссиях не могут поднять НДС с богатых до 15%. «Караул – убегут, утащат деньги через офшоры». В Швеции богатые платят 60% налога, поднимают во Франции до 75%, в США Обама поднял до 39,6% с 400 тыс. долларов в год! Только жалко ведь наших «бедненьких богатых». Налог-то на роскошь – курам на смех. Не с годового дохода, как почти везде. Так ведь у всех людей либо какой-нибудь самовар найдут XIX века или иконку семейную древнюю. Вот вам и роскошь – гони деньгу, которой нет.

Депардье заманили в Россию, пожалели. А, между прочим, деньги-то свои он зарабатывал честно! А наша-то вороватая элита получила капиталы свои за гроши или бесплатно. Ну, всё равно, так её жалко! А может, и кое-кому из властных больно потерять что-то сердцу дорогое? Ну, а наши власти врут народу, чётко зная массу рычагов ввести эти процессы в жёсткие законные рамки. А осмеиваемая ныне всем миром борьба с коррупцией в виде ловли мелких «блошек» и поощрения крупных акул и китов мздоимства и воровства! Сколько социальных проблем, какого подъёма уровня нравственности и истинной культуры можно было бы достичь, какого подъёма реальной экономики можно было бы добиться за счёт только украденных и уведённых за рубеж триллионов долларов.

Российская элита готовится жить за рубежом, потому и ворует и загоняет свои капиталы туда. Ну так и пусть уезжают. Кто-то из честных людей в 90-х годах написал: ну пусть и уворуют всё, увезут всё, что могут, за рубеж – и когда к нам потеряют интерес, мы встрепенёмся, освободившись от швали, и найдём у себя всё, чтобы создать новое развитое, экономически крепкое государство с высоким уровнем духовной и нравственной культуры.

А где вы теперь, истинная, родная наша единокровная отечественная интеллигенция? Где вы? Когда в последнее время мы слышали с экранов телевизора или с подмостков театров выступления прекрасных мастеров русского слова – поэтов, писателей, актеров? Это редчайшие случаи. Ну, канал «Культура» старается держать какую-то марку – спасибо ему. А ещё кто? Редкие провинциальные телестудии иногда покажут что-то, заставляющее сердце волноваться. И все?!

Я вот припоминаю визит в середине 90-х годов в Нижний Новгород народного артиста СССР Василия Ланового. У нашего театра оперы и балета им. А. С. Пушкина не нашлось средств на его достойную встречу и на тот минимальный гонорар, который он запросил. Нашёлся частный спонсор.

Лановой приехал и читал гениальную “Метель” Пушкина в сопровождении музыки гениального Свиридова с оркестром театра. Половина зрителей рыдала! Вот она, волшебная сила искусства в исполнении великого мастера, поднимающая людей на нравственные высоты.

Власть имущие, встрепенитесь, исполнитесь справедливостью, совестью, уважением и любовью к своему родному народу.

История многократно доказывала, что ни одно возрождение России после тяжелейших трагических событий в её истории не происходило, прежде всего, без первичного яркого всплеска народного патриотизма, подъёма духовных и нравственных сил. Только тогда и происходили экономические чудеса возрождения – только после этого! Так было и после ляхов, и предательства бояр, и после Наполеона, и после Первой мировой и последующей жестокой братоубийственной Гражданской войны. Да! Сначала – нравственный подъём, потом экономический.

Необходимо восстановить издание государственных литературно-художественных альманахов и журналов, в которых в свое время получили голос, а затем и всеобщее признание многие наши крупные мастера пера. Вспомните ежегодные издания альманаха “День поэзии”, где появлялись новые, яркие, свежие, талантливейшие имена, получавшие тем самым дорогу в жизнь. Наиболее талантливая молодёжь получала путёвки к изданию своих книг с гонорарами, позволявшими, как правило, продолжать плодотворную творческую деятельность.

А нынешние системы присвоения литературных премий? Не знаю, как в Москве, хотя догадываюсь, глядя на списки буковских и национальных лауреатов, но на периферии, за редким исключением, этим занимаются не официально выдвинутые творческими союзами авторитетные люди и талантливые авторы, а чиновники и откуда-то взявшиеся удобные прилипалы. Разве это нормально, что в состав комитетов по присуждению литературных премий в Нижегородчине не входит избранный нижегородским отделением Союза председатель писательской организации? Разве нормально, что деньги на издание отдельных книг некоторые авторы получают по решению чиновников без обсуждения и рекомендаций творческих советов – Союза писателей, например.

Я уже не говорю о том, что на поддержание большого, солидного Союза писателей Нижегородчины не выделяется ни одного рубля, не получено ни одного гранта на издание авторитетного не только в стране, но и за рубежом журнала “Вертикаль. XXI век”, издающегося регулярно уже двадцать лет. Журнал выходит в результате подвижнических, титанических, бескорыстных усилий руководителя писательской организации Нижегородчины Валерия Викторовича Сдобнякова и небольшого круга его соратников.

Причём Нижегородская областная организация Союза писателей России вообще не поддерживается финансово. Ни на оплату коммунальных услуг, ни на издание книг, ни на транспортные расходы – ни копейки. Нет зарплат не только у маленького аппарата, но даже у председателя Правления.

Честь и слава руководителям Татарстана и Белгородщины, ряда других регионов России, которые активно поддерживают творческие, в том числе писательские союзы, выделяют солидные средства на их содержание, обслуживание, издание лучших книг, присуждают премии достойным авторам литературы с солидными уважительными суммами средств. Не пора ли и нам везде в России в честном открытом разговоре руководителей регионов и широкой общественности – людей искусства – обсудить эти насущные проблемы, выработать необходимые меры, потому что первое слово воспитания народа всегда принадлежало истинной интеллигенции, на неё главная ставка под эгидой и при систематической поддержке властей.

А заканчиваю я вновь о русском слове. Это богатейший язык мудрого народа с древней историей и культурой, являющийся языком многонационального общения и взаимного обогащения культур народов России и СНГ. Защитить его от грязи, вульгаризации, от разбазаривания, от разрушительных реформ – государственная задача – предельно необходимая, всенародно важная.

МИХАИЛ СТРАШНОВ

ОСИРОТЕВШИЕ

Тысячи любознательных путешественников мечтали побывать в удивительном заповедном краю под названием Камчатка. В советское время эта территория имела особый статус: погранзона. Только специальный документ давал право попасть в это царство вулканов – естественный природный заповедник.

Летом 1969 года посчастливилось и мне побывать в тех далёких краях. В то время после окончания третьего курса МГРИ все студенты должны были проходить производственную практику в настоящей геологической экспедиции. Я учился на геологоразведочном факультете в группе ПС – геологическая съёмка и поиск полезных ископаемых. Это самая что ни на есть романтическая геологическая специальность. Так мы считали тогда. И эта наша производственная практика показала нам, как трудно быть первопроходцами.

Экспедиция ВАГТа (Всесоюзный аэрогеологический трест) была создана в 1955 году и занималась составлением геологических карт с целью выявления перспективных территорий на поиски полезных ископаемых. Для подготовки специалистов этого профиля при МГРИ была создана специальная элитная группа ПС. Как правило, все выпускники этой группы вливались в дружный коллектив экспедиции ВАГТ. К 1968 году почти вся территория СССР была покрыта государственной геологической съёмкой масштаба 1:200 000. Только в самых труднодоступных уголках нашей страны ещё оставались “белые пятна”. Одним из таких уголков была тогда Северная Камчатка. Вот там-то, на севере Корякского автономного округа, летом 1969 года проводила свои полевые работы поисково-съёмочная партия № 11, в составе которой я проходил производственную практику. Моим наставником и учителем полевой геологии был начальник отряда Лёва Заботкин. Это был неунывающий человек, который в свои 40 лет уже успел поработать на Чукотке, Кавказе, Полярном Урале, Памире, в Казахстане. Мы с Лёвой быстро сработались. Он по-отцовски опекал меня, воспитывая мой характер, сдерживая излишний темперамент.

Наша геологическая партия имела три отряда, работавших на смежных территориях. Отряд начальника партии Цукерника Александра Борисовича занимался геологическим картированием в верховьях полноводной реки Ачайваям. Отряд Серёжи Бочкова работал в верховьях реки Уступ (правого притока р. Ачайваям). Отряд Лёвы Заботкина вёл геологическую съёмку в верховьях

СТРАШНОВ Михаил Михайлович — геологоразведчик с двадцатилетним стажем. Автор рассказов об удивительном мире Дальнего Востока, где люди часто оказываются один на один с природой, соперничают маленьким и большим проблемам заповедного края.

реки со сложным названием Умайолгиваям (левого притока Ачайваям). Связь между отрядами и с Большой землёй осуществлялась по рации. Изредка начальник партии делал проверочные визиты в свои отряды, используя единственный вездеход. Геологосъёмочные отряды на одном месте долго не задерживались. Чтобы не делать больших подходов к маршрутным линиям, лагерь геологов “кочевал” от одного места к другому. Отработают один планшетный лист и перемещают лагерь в центр другого листа. Это на карте. А на местности через каждые 10–15 дней лагери геологов переносятся на 25–30 километров. И с каждым новым перемещением расстояние между отрядами уменьшается. В конце полевого сезона три отряда уже живут одним лагерем и “сбивают” (уточняют) геологические границы своих планшетов, готовят пробы к отправке в Москву, приводят в порядок все полевые материалы. Но такое бывает в идеале. Почти всегда непогода вносит серьёзные изменения в утверждённый начальником экспедиции график.

Затянувшиеся дожди, бурно разлившиеся ручьи, туманные завесы выбивают из графика работ. В длинные полярные дни приходится навёрстывать упущенное время. Маршруты удлиняются, времени на сон почти не остаётся. Да и к концу сезона добросовестным геологам приходится идти на помощь “отстающим”. Ведь все делают общее дело.

В начале августа лагери трёх отрядов разделял огромный горный массив, являющийся водоразделом трёх рек: Ачайваям, Уступ и Умайолгиваям. Всего в 60 километрах друг от друга находились лагеря геологических отрядов. И в 130 километрах от ближайшего корякского посёлка Ачайваям. Погода пока радовала геологов, и работа шла полным ходом. Наш отряд перебазировался на новое место и после оборудования лагеря мы с Лёвой пошли в рекогносцировочный маршрут.

Мы поднимались на водораздельный хребет по звериным тропинкам, протоптанным среди непроходимых густых зарослей карликовой берёзки и кедрового стланика. Эти узкие извилистые тропы уже многие тысячи лет являются основными путями передвижения всего живущего здесь зверья. Кто только не ходил по этим тропинкам – олени, лоси, лисы, россомахи, волки и, конечно, медведи. При виде огромных медвежьих следов на узкой тропе среди густого полуметрового стланика, сжимающего тебя непролазным забором, сердце начинает тревожно биться. Невольно хочется повернуть назад, чтобы не встретиться с грозным хозяином этих мест. Но, как говорится: работа есть работа. И чтобы её сделать, надо заткнуть все свои страхи и шагать вперёд. По технике безопасности при встрече на тропе с медведем надо обнаружить себя: шуметь, кричать, но не истерично, не смотреть зверю в глаза, не поворачиваться к нему спиной, ни в коем случае не пытаться убежать от него – это бесполезно. Если медведь не уходит с тропы, то ты сам тихонько должен пятиться назад, до первого поворота тропы и дальше спокойно, без паники покинуть это место.

Хорошо написано на бумаге, но в жизни бывает по-разному. По узким звериным тропам геологи ходят с погремушками. Берут банку из-под тушёнки, с не полностью отрезанной крышкой. Кладут в пустую банку камешки, и прикрывают их сверху недорезанной крышкой. Не доходя до каждого поворота тропы, где прямая видимость заканчивается, надо трясти банкой, как погремушкой. У медведя очень хорошее обоняние, но слабоватое зрение. Услышав звуки погремушки, медведь встаёт на задние лапы и смотрит по сторонам: “Что за идиот там гремит на моём пути?”. Огромная фигура бурого медведя возвышается над стлаником из-за поворота. Медведь начинает затяжно глотать ноздрями воздух, стоя на задних лапах и поворачиваясь в разные стороны. Ты от страха кричишь благим матом и что есть мочи гремишь погремушкой. Медведю это начинает надоедать. Он или уходит с тропы, грубо ломая стланик, оставляя за собой целую просеку. Либо убегает дальше по тропе. Либо тихонько идёт к тебе посмотреть, что это за чудовище тут орёт и выкрутасничает со своей погремушкой. Тогда уже надо самому спокойно уходить, держа ружьё наготове.

Северную Камчатку недаром называют “медвежьим углом”. В 1960–1970 годах на территории полуострова проживало более 87000 особей. Почти 60000 из них обитало в малонаселённой северной части Камчатки. Это значит, что на один километр площади приходилось по одному медведю. На Северной Камчатке медведи жили, как в московской коммуналке. И всё

потому, что в совершенно безлюдном районе было полно еды. Вкуснейшая и калорийная пища — красная рыба громадными косяками ежегодно поднималась на нерест вверх по всем рекам Камчатки. Отметав икру, красная рыба умирала, выполнив своё главное в жизни предназначение: продолжение рода. Сотни килограммов этой мёртвой разлагающейся рыбы, валявшейся по берегам речных долин, являлись кормом для всех больших и малых зверушек и птиц.

Во время всего периода нерестилища медведи жировали, без труда вылавливая беззащитную красную рыбу из мелких горных рек. Этот медвежий пир длился с начала августа до первого сентябрьского снега. Всё это время массового нерестового периода.

Мы тоже с нетерпением ждали “красной путины”. Хариус, который ловился везде и в большом количестве, стал нам надоедать. Нам хотелось поймать кету или уж горбушу весом под 5 кг. Поесть и заготовить вкусную красную икру. Поэтому мы мечтали о выходном дне, который всё откладывался и откладывался по случаю хорошей погоды.

Так было и в сегодняшнем маршруте. Поднявшись по медвежьей тропе выше стланиковых полей, мы с Лёвой вышли на пологий склон, покрытый мшистым кочкарником. Ноги, одетые в болотные сапоги, по щиколотку проваливались в пахучий мшистый ковёр.

Лёва показывает на седловину хребта, на которую нам надо взобраться. До неё километра два с половиной напрямую через марь. В обход — не меньше шести километров.

— Как пойдём? Попробуем по мари проскочить или обойдём? — спрашивает меня Лёва.

Это у нас такой учебный процесс. Я должен выбрать правильный путь. Я всматриваюсь вперёд. Кочкарник становится выше, и между кочками блестит болотная жижа. Там начинается настоящая марь. Марь — это топкие болота, лежащие на промёрзших торфяниках. Летом вечная мерзлота оттаивает на метр-полтора. Плотный мшистый ковёр плавает на оттаявшей воде, как плавающий остров. Идётся по такому мху, как по батуту. Ноги проваливаются по колено. Опоры надёжной нет. Устаёшь очень быстро. И сесть не на что и стоять на одном месте нельзя.

— Умный в гору не пойдёт, — отвечаю я Лёве. — Нормальные герои всегда идут в обход.

— Ну что ж, ты сегодня у нас за старшего, — говорит Лёва. — По твоей милости теперь лишний крюк в четыре километра надо шагать. Но лучше так, чем утонуть в этой вонючей мари.

Обходим топкое болото и выходим на седловину хребта. Отсюда открывается прекрасный вид на высокие конусы древних субвулканов. Своими макушками они проткнули облака, и их вершины блистают на солнце яркой снежной белизной. Под курчавой шапкой облаков синей гребёнкой топорщатся острые базальтовые скалы. А у подножья этих скал расстилается необозримый ковёр из ярко-зелёных мхов, бело-жёлтого ягеля, красно-жёлтых лишайников. И среди этого разноцветного ковра выделяются ярко-синие блюда ледниковых озёр.

Мы устроились на обросшем красным лишайником останце базальта. Достали аэрофотоснимки, топографические карты и отточенным карандашом стали наносить на них линии будущих маршрутов.

Солнце большим жарким диском клонилось к юго-западу. Снежные вершины вулканов покрылись позолотой. Надо было возвращаться в лагерь.

Незаметно, за разговорами подошли к надпойменной террасе реки Умай-олгиваям. Трудный язык у коряков, совершенно не понятен для русского уха. Почти все названия рек заканчиваются слогом “ваям”, что значит “река”. Другие же словосочетания даже не выговоришь. Коряки, как чукчи и юкагиры, относятся к одной группе палеоазиатских народов, живших на Крайнем Севере ещё со времён неолита. Само название “коряк” произошло от чукотского слова “хора”, что значит олень. Коряки испокон веков разводили и пасли оленей. Из-за мест под пастбища сильно враждовали чукчи и коряки. Да сейчас эти народы не дружны. Если коряк узнает, что в геологической партии есть проводник чукча, то ни за что не пойдёт работать в эту партию. Вражда этих народов, можно сказать, на генетическом уровне. Впрочем, как и у всех древних соседствующих народов.

С высокой надпойменной террасы был хорошо виден наш палаточный лагерь, расположившийся на берегу реки Умайолгиваям. Возле большой кухонной палатки уже дымился костерок. Рабочий Виктор сегодня дежурил по кухне. Наверное, опять варит уже всем надоевшую овсяную кашу. Экспедиционный народ давно мечтает поесть мясо, а на охоту сходить времени нет. Маршрутный план надо выполнять. Лёва всё дождями пугает. А начнутся дожди, тогда ни работы, ни охоты не будет. Зверь затаится, птица спрячется, рыба на дно ляжет. Все непогоду пережить будут.

“Завтра с утра на охоту бы сходить, – размышлял я. – Да разве Лёва разрешит?”

Спустились в пойму реки. Лагерь уже близко. Дымком потянуло. Выходим на песчано-галечную косу. И тут видим совсем свежие медвежьи следы. Огромные косолапые. Ещё трава под ними не успела встать. Мы замерли. Лёва снимает с плеча карабин и молча показывает мне на маленький след медвежонка, шедшего возле своей матери. Я присмотрелся. По левую и правую сторону от огромных медвежьих следов тянулась цепочка маленьких следиков медвежат. Следы медвежат пересекали материнский след, петляли поодаль, топтались на месте, снова теснились к материнским следам. Семейка шла прямо к нам в лагерь. Мы с Лёвой не на шутку перепугались. Ребята ни о чём не подозревают. Увидят медведицу, не дай Бог начнут палить из ружья или, того страшнее, пустятся наутёк. Медведица шутить не будет. За поворотом реки лагеря не видно. Что сейчас там происходит? Выстрелов и криков не слышно. И это внушало надежду, что всё там пока нормально.

Мы шли по медвежьему следу в сторону нашего лагеря. Дошли до речного поворота. Здесь следы разделились. Медвежата остались возле камня, а мать пошла на речную косу. Цепочка мелких следов продолжилась до скального прижима. Здесь снова появляются крупные следы медвежьих лап. Следы почти не видны на крупной речной гальке. Выходим из-за поворота реки. Прижим переходит в широкий пляж. Отсюда виден наш лагерь.

В лагере всё спокойно. Дымится костёр, стоят палатки. Слабый ветерок доносит запах дыма и копчёного хариуса.

Медвежьи следы идут вглубь пляжа и скрываются на пологом каменистом склоне. Значит, медведица увидела наш лагерь и отвела своих медвежат подальше от него. Хорошо, если так.

Об увиденных нами медвежьих следах мы рассказали всем членам нашего отряда. Конечно, в медвежьем краю каждый из нас в каждом маршруте встречал по несколько медведей за день. Ничего удивительного здесь нет. Плохо, что рядом с нашим лагерем обитает медведица с медвежатами. Как известно, из всех крупных зверей на свете медведица самая заботливая и бесстрашная мать. Своих детей она не бросит ни при каких условиях. Наоборот, рядом с медвежатами она повышенно агрессивна. Она может наброситься на любого, кто приблизится к её ребёнку. А если любопытный медвежонок подойдёт близко к человеку, то медведица не будет разбираться, кто к кому подошёл. Она непременно бросится на человека. Нашим ребятам надо будет промывать пробы из шурфов и мыть шлихи на ручьях Чепчик и Карат. Как раз туда пошла медведица. У неё наверняка там лёжка. Работяги наши приуныли, узнав о таком неприятном соседстве. Теперь скорость шлихового опробования может резко снизиться. Тут больше надо по сторонам смотреть, а не работать.

Вечером у костра Лёва успокаивал ребят опробовщиков. Мол, нам ещё повезло, что здесь медведица с медвежатами поселилась. Вот отряду Цукерника каково будет, когда красная рыба пойдёт? Река Ачайваям, где они стоят лагерем, основная нерестовая река. Там столько рыбы будет, что вода не вместит. Туда со всей Северной Камчатки медведи соберутся. Там, пожалуй, пострашнее будет? Наша медведица специально ушла сюда подальше от крупных самцов, которые могут напасть на её медвежат.

Тут рабочие стали спрашивать у Лёвы:

– А что, по нашей реке красная рыба на нерест не пойдёт? А если в такое тихое место, как у нас, все медведицы своих медвежат приведут? Как нам здесь жить и работать?

Лёва, как бывалый в этих местах геолог, стал объяснять, что и по нашей реке рыба пойдёт на нерест, но не в таком большом количестве. Что во время нереста красной рыбы медведица будет находиться рядом с руслом реки

и не пойдёт к ручьям. Там ей нечего делать. Она будет учить своих детей ловить рыбу и сама запасать жирок на рыбной ловле. Так что бояться медведицы не стоит, но бдительность надо усилить.

Несколько дней в лагере только и разговоров было, что о медведице и о “красной путине”. Но медведица куда-то исчезла, а вот красная рыба начала подниматься по руслу реки Умайолгиваям. В прозрачном мелководье геологи видели больших рыб, плывших против течения. Пытались ловить её на спиннинг, но рыба не хотела брать наживку. Она набрасывалась на приманку, даже толкала носом воблер, но не заглатывала его. Рабочие начали расстраиваться, мол, очень мало красной рыбы идёт на нерест, да и та не ловится на спиннинг.

Лёва Заботкин успокаивал горе-рыболовов, мол, основная красная рыба ещё не подошла. Вот-вот она пойдёт плотным ходом, и её только успевай зачерпывать сачком. На спиннинг хорошо идёт только кижуч и то не от того, что он голоден, а от того, что пытается отогнать непрошеного хариуса и по ошибке хватает спиннинговый воблер. Хариусы постоянно преследуют красную рыбу, т. к. поедают их икру.

И Лёва оказался прав. Скоро мы не узнали нашу тихую речку Умайолгиваям. В одночасье она забурлила и заклокотала от серебристых тел крупных лососёвых, идущих на нерест. Рыба буквально шла потоком, почти соприкасаясь друг с другом. Бледно-серые с зеленоватым отливом рыбы спины хорошо просматривались в прозрачной воде. По чёрным пятнам на спине и хвосте можно было понять, что на нерест шла горбуша. Она с завидным упорством преодолевала все преграды на своём пути. На бурлящих мелководных перекатах рыба буквально ползла на брюхе по острым камням, наполовину высунувшись из воды. Диву даёшься, как ей удавалось преодолевать столь стремительное течение. Пройдя вверх по течению реки почти 200 (!) километров, рыба, конечно, потеряла свой “товарный” вид. Бока её были покрыты незаживающими ранами, у самцов нос стал обезображиваться, превращаясь в крючковатый отросток. На спине появлялась горбинка. Отсюда и название: горбуша.

Удивительно, как могло придти сюда, за двести вёрст от океана, минуя десятки браконьерских кордонов, столько рыбы? Промысловый лов лососёвых начинается ещё в океане до подхода косяков к устью рек. В устьях рек косяки лососёвых уже поджидают государственные промысловики. Рыбу ловили беспощадно, перегораживая сетями почти все протоки. Это был самый серьёзный заградительный кордон для рыбных стай после отлова её сейнерами. Тем рыбьим косякам, которые прошли заградительный кордон, предстояло ещё одно серьёзнейшее препятствие: браконьеры. Жители приморских посёлков промышляли ловлей лососёвых, начиная с весны и до самой поздней осени. На десятках километрах от устья нерестовых рек расставляли они сети. Нелегально добывали красную икру. Сама рыба им была не нужна. Они её выбрасывали тоннами. Конечно, с браконьерами велась “номинальная” борьба. Но, даже в те времена, браконьеры в основном обслуживали местное начальство, верхушку правоохранительных органов и руководство армейских гарнизонов. Уже тогда создавались первые нелегальные бандитские госкорпорации. Это при развивающемся социализме 1960-х. В период “хрущёвской оттепели” продолжалось разграбление природных ресурсов. Конечно, с теперешними темпами воровства те времена никак не сравнить. По официальной статистике, в настоящее время только на одной Камчатке в год около 50 000 тонн лососёвых вылавливается браконьерами. Это составляет 70% всего отлова лососёвых на Камчатском полуострове.

Тогда (в 1969 году) по сравнению с нынешними временами, можно считать, браконьерства не было. Тем более в безлюдной Северной Камчатке.

О том, что рыба пошла на нерест, нам радостно сообщил радист Костя Каретников из отряда Цукерника. Весь сеанс радиосвязи он только и рассказывал, что у них чавыча две сети порвала, что их лагерь осаждают медведи, пытающиеся забрать вяленую рыбу, развешанную на верёвках, что по случаю “красной путины” Цукерник объявил пятидневный выходной.

Ну, о том, что пошла рыба, нам и самим было известно, а вот новость насчёт выходных, объявленных начальником партии, была встречена на ура. Лёва, узнав об этом, предложил нам в полтора раза увеличить продолжительность рабочего дня и этим покрыть шестидневный выходной. До разгара

путины ещё три-четыре дня в запасе. Мол, давайте ударно поработаем, чтобы после достойно отдохнуть. Длинные приполярные дни и белые ночи, почти без сумерек, позволяли продлить маршрутный день до 21 часа. Поэтому мы приняли предложение Лёвы и с удвоенной силой взялись за работу.

Я уже ходил в самостоятельные маршруты в паре с рабочим Виктором. В одном из маршрутов с высокого речного откоса мы увидели медведицу с двумя медвежатами. Мать учила своих детей ловить рыбу, стоя в воде на перекате. Медвежата не хотели лезть в быстрые потоки холодной воды. Медведица демонстративно влезла в воду и звала к себе медвежат. Они же, подойдя к воде, трогали её лапой, но входить боялись. Мать рывкнула на них. Один из медвежат, более светлой окраски, нехотя полез в воду. Часто фыркающая и стараясь держать равновесие в бурном потоке, он подошёл к матери и вцепился ей в зад своими передними лапками. При этом он смешно встал на задние лапы и почти повис на заду у матери. Другой медвежонок, почти чёрного цвета, ревел благим матом, боясь лезть в воду. Медведица резко развернулась в его сторону. Так, что её дитя свалился в воду и, непрерывно отряхиваясь, опять вцепился в мамин зад. Мать требовала, чтобы второй медвежонок полез в воду. Она рывкнула так строго, что чёрненький медвежонок испугался и бегом помчался по воде к матери. А мать пошла на стремнину. За ней брели непослушные медвежата. Медведица остановилась почти на середине реки. Для неё там было достаточно мелко, но стоящим на задних лапах медвежатам вода доходила до пояса. Держась за маму, они с интересом смотрели на огромных рыб, быстро проплывающих возле них.

Медведица остановилась, приподнялась немного на задних лапах, а затем моментально наклонилась, как бы хлопнув в ладоши под водой. Затем опять поднялась на задних лапах, держа передние лапы перед собой. В её цепких лапах трепетала большая горбуша. Рыба извивалась, пытаясь выскользнуть в воду. Медведица прикусила бьющуюся рыбу и, сделав полуоборот к своим детям, показала им пойманную рыбу. Особой реакции на этот мамин жест со стороны медвежат не последовало. Они, крепко вцепившись в маму, боялись упасть в воду. Тогда медведица, держа пойманную рыбу во рту, медленно направилась к берегу. Медвежата, как пристёгнутые, пошли на задних лапах за своей мамой.

Выйдя на берег, медведица положила рыбу на галечник. Медвежата с опаской приблизились к рыбе. И тут рыба изогнулась и подпрыгнула. Медвежата с громким визгом отпрянули в разные стороны. Медведица что-то проворчала. Медвежата опять приблизились к рыбе, но трогать её не решались. Но затем бурый медвежонок, зарывав, как большой, схватил рыбину зубами, но не смог её распотрошить. Тут подскочил чёрненький, схватился зубами за рыбий хвост и стал тянуть рыбу к себе. Так бы они долго игрались, но медведица рывкнула и отобрала их игрушку. Прижав рыбу лапой к галечнику, медведица надкусила рыбу возле головы и ловким рывком сдёрнула с неё шкуру вместе с чешуёй. На розовое рыбье мясо сразу накинулись голодные медвежата. А их мать тем временем пошла в воду за следующей рыбой.

На эти сцены семейной жизни крупных обитателей тундры можно смотреть часами, но мы находимся на работе, и надо было продолжать свой маршрут.

Мы стали часто встречать медведицу с её потомством возле реки. Она тоже видела нас издали. К нам она не приближалась, да и мы старались её обходить. Наши рабочие, промывая галечник в ручье Карат, тоже несколько раз видели медведицу. Наблюдали, как она учила своих детей залезать на чахлые лиственницы, как играла с ними в догонялки, как учила их отыскивать вкусные корешки.

Время летело незаметно, и настали, наконец, наши выходные дни. То-то мы “оторвёмся” на “красной путине”. Рыбы и впрямь прибавилось. Теперь косяки лосося сопровождали стайки хариусов. С хариусами вступали в схватку горбатые самцы горбуши. Крючковатыми носами они пытались ткнуть хариусов в бока. Но юркие хариусы, будучи в три раза меньше горбуши, мелькали серебром своей чешуи под самым их носом. Мы боялись, что вот-вот закончится миграция лосося и нам не удастся насладиться рыбной ловлей. Но рыба шла днём и ночью, и её количество не уменьшалось. Как нам объяснил Лёва, горбуша шла на нерест в озеро, находившееся в 20 километрах выше по течению реки Умайолгиваям у подножия хребта Укэлаят. В этом озере горбуша устраивает красивые свадебные игры. Самцы ухаживают за самками,

прижимаясь к ним своим пораненным телом. Самки выбирают местечко для кладки икры. Хвостами в каменистом дне озера делают лунку глубиной 40 см. Очень важна для них глубина воды в этом месте. Ведь икринки горбуши будут здесь зимовать, и важно выбрать место для гнезда, чтобы оно не промёрзло до дна. В то время как самка занимается устройством гнезда, самцы конкурируют между собой за право быть отцом. Удивительно, что за очень краткий период времени перед нерестом (4–5 дней) у самцов горбуши отрастают в челюстях большие острые зубы. Самцы начинают драться между собой, кусая друг друга, вырывая у противника большие куски плоти. Эти рваные раны тут же покрываются грибок и приобретают вид белёсых лохмотьев. Отгнав своих конкурентов, израненный самец приближается к самке и вместе с ней опускается на дно гнезда. Пара рыб одновременно начинает производить вибрационные движения. Самка выпускает из себя икру (от 1000 до 7000 икринок), а самец в этот миг оплодотворяет икру своей молокой. Процесс икрометания может продлиться от нескольких минут до часа. Вот для чего живёт свои два года рыба горбуша!

Отметав икру, самец и самка ещё целую неделю находятся рядом с гнездом, отгоняя от него хариусов и других хищников, готовых сожрать оплодотворенные икринки. Но с каждым днём защитники своего потомства теряют силы, разлагаясь заживо. На протяжении целого месяца, как они только попали в устье своей родной реки, приплыв к нему из океанских просторов, лососёвые рыбы ничем не питаются. Их жизненный цикл заканчиваются. Через неделю после икромета горбуша умирает. После смерти родителей икру некому охранять. Все кому не лень набрасываются на неё, если достанут. А сколько желающих ею полакомиться. Начиная от медведей и кончая речными птицами. Но и сама мёртвая горбуша тоже служит кормом для этих мародёров. Так что даже после своей смерти горбуша защищает своё потомство своей плотью.

Те икринки, которые спаслись, зимуют в своём гнезде до вскрытия рек, питаюсь сначала содержимым своих желточных мешков (внутри икринок), а затем планктоном. Весной мальки лососёвых по рекам спускаются в моря и там живут, как все хищные рыбы. Горбуша, нагуляв свой вес и превратившись в половозрелую особь, через год идёт на нерест именно в тот водоём, где она родилась. Её жизненный цикл длится всего два года. У других лососёвых больше: до 7 лет. Вот такую интересную историю о жизни лососёвых поведал нам у костра Лёва Заботкин. Мы все сидели и слушали, как говорится, открыв рты. Ведь с информацией на любые темы в те времена была «напряжёнка». Не было компьютеров и интернета. Библиотеки не пользовались спросом, да и отыскать нужную литературу было не так-то просто.

В первый свой выходной день мы поднялись спозаранку. Ещё туманная дымка марлевым покрывалом колыхалась над долиной, а густая роса серебрилась на прибрежных кустах, мы подходили к скальному прижиму, за которым река расплёскивалась перекатами. Там на мелководье предполагалось вытаскивать рыбу рыболовными сачками, которые специально вместе с сетью были привезены из Москвы. Сеть же мы хотели растянуть в русловом прижиме возле скальной гряды.

Сначала пошли на перекаты. Натянули доверху ботфорты болотных сапог, взяли сачки и брезентовые мешки под рыбу. Рёв перекатов заглушал наши голоса, туман наполовину скрывал наши фигуры. Мы разошлись по руслу и стали всматриваться в прозрачные потоки бурлящей воды. Большие рыбины, шарахаясь от нашей тени, упорно плыли против течения реки. Течение здесь было сильное, но рыба, извиваясь всем телом, продвигалась вперёд достаточно быстро.

Улучив момент, я попытался подвести сачок под нос большой рыбине с зеленовато-серой спиной. Но она, увидев перед собой препятствие, резко вильнула вправо и скрылась с моих глаз. Я попробовал подхватить рыбу сзади. Но как только сачок касался рыбьего хвоста, то лосось резко менял направление движения и быстро исчезал. Но после нескольких неудачных попыток мне всё-таки удалось выхватить из воды большую рыбину размером сантиметров 50. Она билась в сачке, норовя выскочить из него. Теперь мне предстояло вытащить проворную рыбу и переложить её в мешок, подвешенный к моему поясу. Подхватив рыбу за жабры, я рассмотрел её. Серая спина с зеленоватым оттенком, покрытая небольшими чёрными пятнами. Такие же

пятна были на хвосте и плавниках. Брюшко ровного желтовато-белого цвета без крапинок. Нос был крючковатый с горбинкой. Я стал сомневаться: самец это или самка. Мы заранее договорились ловить только одних самок, чтобы из них добыть икру. Раздумывать, самку я поймал или самца, у меня не было времени. Я засунул свой улов в мешок и продолжил ловлю. Но рыба не желала спокойно лежать в мешке. Она упорно дёргалась в нём, хлеща меня по заднице. Но в азарте рыбной ловли я не обращал на это внимания. Мне удалось выхватить ещё одну рыбку. Она была точно такая же, как первая, но с тупым носом. У второй рыбки было толстое брюшко с жёлтым окрасом. Вес пойманной мной самки не превышал 2,5 кг. Я уже наловчился выхватывать из бурлящего потока шустрюю горбушу. Скоро мешок стал настолько тяжёлым, что был для меня обузой. Я пошёл на берег опорожнить мешок.

Отвлечись от рыбалки, я хоть мог посмотреть по сторонам. Первые лучи солнца, пробившись сквозь бреши облаков, играли радужной брызг, расплывённой над перекатами. А по мелководью реки бегали здоровые бородастые мужики с сачками, пытаясь что-то выковырнуть из-под камней. Зрелище весьма забавное.

На берегу Лёва уже потрошил рыбу, выкладывая ястыки с икрой в большой таз на марлю. Ястык — это такой мешочек из тончайшей прозрачной плёнки, в котором находятся икринки лососёвой рыбы. Перед засолкой икринки необходимо освободить от плёнки — вылущить. Но пока Лёва аккуратно выкладывал ястыки с икрой в таз и закрывал их сверху марлей, чтобы не лезли мухи. Выпотрошенную рыбу Лёва сортировал: на засолку, еду и на выброс. На выброс шла сильно израненная рыба.

Я высыпал содержимое своего мешка в небольшую кучку возле Лёвы и хотел было идти продолжить рыбалку. Но Лёва меня остановил. Он сказал, что надо бросить эти детские игры с сачками и идти всем вместе ставить сеть. Сетью мы за час наловим столько, что нам работы с рыбой хватит на целый день.

Когда все собрались возле Лёвы, он объяснил нам, как ставить сеть и как её вытаскивать. Мы забрали сеть, бредень, всю тару под рыбу и пошли к речному прижиму — узкому и глубокому участку русла. Далеко идти не пришлось. Метрах в семидесяти от перекатов возле чёрных базальтовых скал река сужалась и делала резкий поворот. В этом узком месте водный поток с рёвом обрушивался на торчащие в русле базальтовые глыбы и пенными бурюнами отворачивал от скал. В месте поворота реки на дне у скальных выступов образовалась большая отбойная яма. Течение на дне этой ямы замедлялось, и здесь скапливались стайки лосося. Они могли здесь отдохнуть, не сопротивляясь сильному течению реки.

Вот в эту русловую яму мы и хотели черпануть бреднем. Для начала разделались догола. На клячи (деревянные шесты, к которым привязываются края бредня) встали по двое. К мотне привязали большой камень, чтобы её не вывернуло на течении. Влезли в воду выше отбойной ямы. Вода обожгла неистовым холодом. Растянули бредень. Мы с Лёвой вплотную подошли к скалам. Двое рабочих отошли на середину реки. Опустили нижний край подбора. Течение реки растянуло сеть. Преодолевая напор воды и обжигающий холод, мы потянули бредень вниз по течению. Мы с Лёвой бултыхнулись в отбойную яму. Вода едва не накрыла меня целиком. Всем телом я чувствовал, что в яме происходит что-то невероятное. Сильные удары по ногам и в бока. Сквозь прозрачную воду я видел рыбы тела, метавшиеся возле наших голых тел. Мы уже выходили из ямы, подворачивая к береговому камням. И тут нас словно швырнуло назад. Мы едва устояли с Лёвой. Это рыбий косяк рванул мотню.

— Ташим на берег! — заорал Лёва. — Иначе не удержим.

Видя, что нам не удержать кляч, в воду к нам на помощь бросился прямо в одежде рабочий Виктор. Втроём мы едва волокли свою сторону бредня на берег. Ребята на другом конце бредня уже выходили на берег. С огромным усилием шестеро здоровых мужиков вытянули бредень на берег.

Рыба билась в мотне. Но нам сейчас было не до неё. Мы дрожали от холода, натягивая на себя одежду. Минут пять приходили в себя. Затем, с видом победителя, стали вытаскивать рыбу. Такое количество рыбы мы видели только в кино. Но самок с икрой оказалось всего штук двадцать.

Когда достали икру, сложили её в ведро и взвесили, то убедились, что наша добыча оказалась весьма скромной. На шестерых мы добыли семь с половиной килограмма икры. Это чуть больше трёхлитровой банки.

Отобрав полтора десятка “горбылей” посимпатичней и прихватив ведро с икрой, мы направились к лагерю. Благо до него было рукой подать. Но, как только мы вышли с речного пляжа и стали подниматься в пойму реки, так нас начали одолевать несметные комариные тучи. Пришлось надеть накомарники. В хорошо продуваемое русло с холодной речной водой мошкара редко наведывается. Не зря измученные комариным нашествием животные часами стоят в русловом потоке, отдыхая от надоевших вампиров. И мы тоже на рыбалке немного отвлеклись от этой кровососущей нечисти. Но в лагере она опять напомнила о себе.

Разобравшись с первым уловом и пообедав лососёвой ухой, мы пошли, как говорится, на второй заход. Но на этот раз прихватили с собой комбинезоны химзащиты. Зная о необходимости хорошей экипировки при ловле лососёвых рыб, начальник партии Александр Борисович ещё в Москве заказал у завхоза экспедиции шесть костюмов химзащиты. Конечно, экспедиционное начальство прекрасно понимало, для какой цели приобретаются комбинезоны, но смотрело на эти вещи сквозь пальцы. Полученные со склада костюмы распределили по два на каждый отряд. Поэтому в нашем отряде таких комбинезонов было всего два. Остальные смельчаки собрались лезть в воду в одежде. Гольшом в ледяной воде бродить охотников больше не было. Кроме бредня у нас ещё была сеть длиной 5 метров. Мы хотели её установить в русловом омуте. Что получится из этой затеи, мы ещё не знали. День ещё только-только перевалил в свою вторую половину. Мы были полны сил и надежды на успех. Но, подходя к месту рыбалки, выйдя из-за поворота реки, мы увидели огромную медведицу с двумя медвежатами. Ту самую, нашу соседку. Медведица лакомясь рыбой, выловленной нами и оставленной на берегу. Медвежьему пиршеству мешали огромные птицы бакланы. Эти бакланы справлялись с тушками рыб очень ловко. Рвали на части своими крючковатыми клювами и с невероятной скоростью уплетали. Медведица рычала на птиц, отгоняла их. Но наглые птицы вырывали рыбу буквально изо рта медвежат. Медвежата, боясь птиц, жались к матери. Бакланы издавали противные гортанные звуки, эхом разносившиеся на всю округу. Откуда-то из-за горы, услышав этот клёкот, к месту пиршества слетались всё новые и новые птицы. Мы поняли, что в этом месте нам уже делать нечего. Бакланы нам не дадут порыбачить.

Мы не стали смотреть, чем закончится схватка медведицы и бакланов, развернулись и пошли выше по течению реки. Река большая, места для рыбалки на всех хватит. И, действительно, в полукилометре выше по течению мы нашли хорошие русловые омуты и стали ставить сеть. Но для сети река была мелковата. Ловля бреднем оказалась намного эффективней.

В этот раз мы уже брали только самок с икрой. Самцов горбылей отпускали сразу же в воду. Самок убирали в мешки, чтобы не привлечь к себе крикливых бакланов.

Когда через несколько часов мешки были полностью наполнены рыбой, мы стали переносить свой улов ближе к лагерю. В одной из речных протоков принялись разделять рыбу. Все рыбы остатки мы собирали в мешок и бросали в реку. Река несла их вниз по течению на корм зверью и птицам.

Увлечшись рыбалкой, мы не замечали, что были мокрые с ног до головы. Преимущество комбинезона химзащиты было оценено нами сразу же. В те времена это была лучшая экипировка для ловли бреднем.

Вечером у костра мы сушили свои вещички, сапоги и портянки. Со стороны реки до нас доносились гортанные крики бакланов, ворон и других падальщиков.

На четвёртый день нам уже стала надоедать вся эта суета рыбной ловли. Мы не столько ловили, сколько вялили и коптили лососёвые тушки. Пять трёхлитровых банок зернистой икры было уже заготовлено. Поначалу мы с удовольствием ложками ели красную икру. Но на третий день есть её уже не хотелось. Икру хорошо есть, намазав её поверх хлеба со сливочным маслом. Да ещё под водочку. Но ни хлеба, ни водки у нас не было. Вместо хлеба мы поначалу употребляли сухари (высушенные в домашних условиях в Москве). Но всех сухарей, привезённых с собой, хватило лишь на месяц. Последний раз (три недели назад) вертолётчики с оказией привезли нам 10 буханок серого хлеба. Но что это на шестерых здоровых мужиков? Так что без хлеба красная икра, хоть и была вкусна, но елась плохо. Для копчения мы отбирали самых лучших горбылей. У них мясо поплотней, чем у самок.

Но в верховья нерестовых рек самцы горбуши приходят худые. Нет той свежести, что у океанского лосося.

Кроме того, мы уже стали замечать, что количество рыбы, идущей на нерест, сильно уменьшилось. Поэтому мы решили: заполним шестую банку икрой и закончим свои выходные. Снова возьмёмся за основную нашу работу.

В пятый свой выходной день мы устроили помывку и постирушку. Парились в палатке, поставленной на речной косе, предварительно награв на костре столитровую бочку речной воды. Затем над догорающим костром с бочкой почти кипящей воды поставили палатку. В этой палатке устроили парную. Хлестали себя ольховым веником. Устроили соревнования: кто дольше продержится в парной. На раскалённую в костре речную гальку плескали горячую воду. Пар обжигал уши и вместе с дымком выходил в маленькое окошечко у конька палатки. Пот лил градом. А мы хлестали себя веничком и только покрихтывали. Но вот уже мочи нет терпеть эту жару. Первый из нас не выдерживает, отстёгивает дверь и пулей вылетает из парной. И прямо с косы сигает в ледяную воду. Орёт от удовольствия. За ним выскакивают другие. Трёх минут вполне хватает, чтоб “охлануться” и прийти в себя от перегрева. Вылезая из воды и снова в парную. Так не меньше пяти раз. Затем, напарившись вволю, одеваемся и возвращаемся в лагерь. Там ужинаем и начинаем гонять брусничным чаем. Сидим у костра и слушаем “байки” бывалых геологов. Выходные кончатся. С завтрашнего дня снова начинается напряжённая работа.

Закончился первый проход горбуши по реке Умайолгиваям. Лёва нас успокаивал, мол, скоро будет второй проход. Затем пойдёт осенняя горбуша и кета, и тоже в несколько ходок. Так что “красная путина” только начинается.

С прекращением хода горбуши наша соседка медведица стала водить своих медвежат к базальтовым скалам, торчащим у подножья высоких субвулканических конусов. Всякий раз, идя маршрутом возле этих мест, я видел медведицу с медвежатами. То они лакомились поспевающей морошкой, то грибами, то паслись, как коровы, на травянистом лугу. Однажды мне повезло увидеть любопытную сценку из медвежьей жизни.

Возле осыпи у крутых базальтовых скал медведица что-то копала. Медвежата стояли рядом и наблюдали. Между мной и медведями было метров сто пятьдесят. Я достал полевой бинокль и навёл его на медведицу. Всмотревшись в окуляры, я понял, что происходило. Медведица нашла нору суслика (их здесь называют евращками). Суслики копают свои норки под скальными выходами и делают не один, а несколько выходов. Медведица всё это прекрасно знала. Она нашла два запасных выхода суслика и поставила возле них по медвежонку, сказав им на своём языке, мол, покажется суслик из норки — сразу хватайте его. Сама же медведица стала разрывать основную нору. Она работала без отдыха, бросая каменную осыпь в разные стороны. Медвежата стояли в метрах в трёх друг от друга, поодаль от медведицы. Они с интересом смотрели на свою маму и иногда посматривали на запасные выходы суслика. Изредка мать медведица смотрела на своих медвежат, не прекращая работать. Видя, что они смотрят не на норку, а на неё, она призывала их быть бдительными. И вот я вижу: один медвежонок (чёрненький) вдруг подпрыгнул и шарханулся от испуга в сторону. Видимо, из запасного выхода выпрыгнул суслик прямо на медвежонка. Медвежонок испугался и дал дёру. Медведица-мать подскочила к своему дитяти, рывкнула на него и дала ему затрецину передней лапой. Мол, ты что делаешь? Тебя для чего здесь поставили? Ты должен был схватить суслика зубами, а ты сам его испугался. Медвежонок, получив нагоняй от мамы, отбежал в сторону, сел на попку и заплакал, как человек, закрыв лапами мордочку. Медведица, выждав паузу, подошла к медвежонку, присела возле него на задние лапы, передними аккуратно взяла своё дитя, выпрямилась, встав во весь рост, и прижала к груди своего плачущего медвежонка. Сцена трогательная, ну как у людей.

Целых три года живут медвежата рядом с матерью, спят в одной берлоге, вместе охотятся. Бывает, что медведица-мать воспитывает сразу трёх, реже четырёх медвежат. Но медвежата разновозрастные. Взрослые трёхлетки — пестуны помогают матери воспитывать своих братиков и сестёр. Только на четвёртый год медвежата становятся самостоятельными, способными сами добывать пищу и жить отдельно. За всю свою двадцатилетнюю жизнь медведица может воспитать в лучшем случае десять медвежат. И в каждого медвежонка медведица-мать вкладывает свою душу.

Приближался конец августа. После коротких дождей взбухли ручьи и малые речки. Видимо, наполнилось водой нерестовое озеро, куда спешила половозрелая горбуша. Бурлящим потоком вскипала река Умайолгиваям. Вынесла из озера трупы отнерестившейся горбуши. Теперь эти останки неслись вниз по течению, застревая в завалах плавника, расплываясь по широким пляжам, цепляясь за крупную гальку. Дожди пролились, и река снова обмелела. По всему руслу валялись полусгнившие тела горбуши. Огромные стаи падальщиков пировали, дрались и ссорились над зловонными трупами рыб. Пришли сюда и большие медведи из соседних мест. Тяжело приходилось нашей медведице прятаться от огромных бурых самцов. Они, совершенно не стесняясь присутствия человека, поедали останки лосося вблизи нашего лагеря. Этим бурым великанам было не до нас. Чтобы подготовиться к зимней спячке и накопить 10 сантиметров подкожного жира, медведям надо ежедневно съедать 40 килограммов калорийной пищи. И трупы лосося пришлось им по вкусу. Они уважают любое мясо с душком.

Медведица-мать увела своих детишек подальше от реки. Я их увидел в маршруте на краю болота возле топкой мари. И меня удивило то, что медведица и медвежата, как свинюшки, валялись в болотной грязи. Медвежатам этот процесс принятия грязевых ванн очень нравился. Они визжали от удовольствия, бегая по грязи и плюхаясь в неё с разбега. Затем, когда медведи испачкались в грязи с головы до лап, они начинали с удовольствием кататься по мшистому ковру, оставляя после себя клочья шерстистой грязи.

Я спросил у Лёвы, мол, зачем медведи, как свиньи, в грязи валяются? Лёва сказал, что у медвежат к зиме появляется новая шерсть с большим подшерстком. Чтобы быстрее избавиться от линялой шерсти, надо поваляться в грязи, а когда грязь возьмётся корочкой, необходимо поваляться во мху и тогда с клочьями грязи выпадет старая шерсть, которая сильно чешется.

Пиршество на реке продолжалось недолго. Галечные пляжи снова стали чистыми, вороньё и бакланы разлетелись. Медведи ушли от русла, и только тогда возле лагеря снова появилась наша знакомая медведица с медвежатами. Каждое утро эта тройца приходила к реке и устраивала моцион по широкому длинному пляжу. Медведица смотрела, не пошла ли рыба на нерест. Затем она вела своих детишек к плёсу и учила их плавать и нырять.

Медведица настолько свыклась с нашим присутствием, что не проявляла никакого беспокойства. Она была уверена, что её медвежатам ничего не угрожает.

И вот пришло время второго летнего прохода горбуши к месту своего нерестилища. Об этом нам сообщил по радиосвязи радист Костя Каретников. У них к руслу реки Ачайваям уже начали подтягиваться медведи. Значит, дня через два и к нам придут первые косяки лосося. В конце радиосвязи состоялся разговор Лёвы Заботкина с начальником партии Александром Борисовичем Цукерником. Александр Борисович сообщил, что на днях к ним должны прилететь представители Камчатского геологического управления. Видимо, хотя бы ознакомиться с данными шлихового опробования ручья Быстрый, в котором были встречены знаки золота. Поэтому переброска нашего лагеря откладывается на несколько дней.

Наш отряд уже отработал маршрутную площадь возле своего лагеря. Надо было перебазировать наш лагерь на другое место для того, чтобы не делать длинных подходов к новым маршрутам. Для переброски лагеря нужен вездеход. Вездеход сейчас находится в отряде Цукерника. Если прилетят гости из Петропавловска, то их надо отвезти на перспективный участок на ручье Быстрый. А это значит: пока не освободился вездеход, нам придётся заняться камеральными работами. “Камералка” – это необходимая работа по упаковке проб и образцов в ящики, составлению каталогов, оформлению полевых дневников, вычерчиванию геологических границ на “топооснове” и аэрофотоснимках. Вообще вся рутинная работа по оформлению, которая делается при вынужденных маршрутных простоях во время непогоды. Теперь же “камералка” подарит нам время для рыбалки и охоты. Об этом только можно было мечтать.

На следующий день, возвратившись из маршрута, я уже начал готовиться к завтрашней охоте. Мы хотели вчетвером пойти на большое Укзалаймское озеро пострелять уток. Но не тут-то было. Цукерник радировал, что гости из Петропавловска уже у них и завтра с утра вместе со старшим геологом Женей

Дараганом полетят на ручей Быстрый. Завтра же утром сам начальник партии Александр Борисович на вездеходе отправляется к нам в лагерь. И если всё пройдет хорошо, то завтра вечером будет у нас. Так что охота отменяется. Надо готовиться к переброске лагеря.

С утра началась суэта: мытьё кастрюль, котелков, упаковки проб, оформление полевых дневников, журналов опробования и прочей бумажной волокиты. К приезду начальника Лёва утром сходил к базальтовым скалам и настролял там с десяток куропаток. Ближе к вечеру стали готовить торжественный ужин по случаю приезда начальника. И тут мы услышали стрекот вертолётки. Все бросились смотреть: кто это к нам летит? Вертолёт Ми-2 летел вдоль русла реки в сторону нашего лагеря. Огромная редкость увидеть вертолёт в этих диких местах. Просто так они здесь не летают. Скорее всего, этот вертолёт из Камчатского геологического управления летит из отряда Цукерника к нам.

Вертолёт летел над поймой реки довольно низко. И вдруг вертолётная дверь открылась, и из неё кто-то высунулся и начал стрелять. И тут мы заметили бегущую по косе нашу медведицу с двумя медвежатами. Медведица металась, прижатая к крутому берегу. Она хотела добежать до тропы и скрыться в прибрежном кустарнике. Мы с замиранием сердца смотрели на это страшное зрелище. Вертолёт летел буквально около медведицы. Стрелок явно видел бегущих рядом с ней медвежат. Но он палил из ружья и, видимо, ранил медведицу. Она упала на бегу, но затем быстро встала и снова побежала вперёд. Тогда из вертолётки высунулась ещё одна фигура, и тут же прозвучала раскатистая автоматная очередь. Медведица упала, как подкошенная. К ней подбежали медвежата и стали облизывать её раны. Вертолёт выбирал место для посадки. Наконец сел на косу невдалеке от убитой медведицы. Из вертолётки выпрыгнули трое здоровых мужиков с ружьями и мешками. Один летун, другие в геологических штормовках. Медвежата, увидев, что к ним приближаются люди, побежали по тропе в полосу прибрежного леса. Я подумал, что трое с мешками хотели поймать медвежат, но они не стали их преследовать, а остановились возле убитой медведицы.

Между тем из вертолётки по приставной лестнице спустились ещё двое. Один из них был второй пилот, а другой, видимо, геолог. Он был в новеньком геологическом костюмчике и с коричневой полевой сумкой через плечо. Увидев нас, стоящих на холме, он помахал нам рукой.

Все мы были буквально шокированы тем убийством, которое только что произошло на наших глазах. Я ругался и готов был разорвать тех, кто убил нашу медведицу. Видя наше возмущение, Лёва строго и грозно сказал нам:

— Так, все свои эмоции затыкаем в задницу. Это наши коллеги из Камчатского геологического управления. Нам с ними работать дальше. В том числе и от них зависит наше финансирование. Ругаться с ними нельзя. Идите в лагерь, а я к ним. Выясню что к чему.

Мы, ругаясь и негодуя, пошли к палаткам, а Лёва зашагал к вертолётке. Сидя у костра, мы видели, как Лёва о чём-то разговаривал с геологом в стороне от других, занимавшихся свеживанием медведицы. Позже мы узнали, что Лёва разговаривал с заместителем главного геолога Камчатского геологического управления. Вместе с ним прилетели заместитель главного инженера и начальник Первого отдела треста «Приморзолото». Вот они-то и убили нашу медведицу. Скорей всего «чекист» (из Первого отдела) стрелял из автомата.

Где-то часа через полтора вернулся Лёва, неся в руках большую свёрток. Это оказался кусок медвежатины, подаренный нам по случаю встречи. Я, помню, что-то съязвил насчёт этого мяса, но остальные были не против попробовать свежей медвежатины. Лёва объяснил, что мясо медведя очень волокнистое. В нём много болони. Болонь — это жёсткие жилистые плёнки, оболочки из соединительных тканей в мясе. Медвежатины вкусна только после мясорубки: в котлетах или пельменях. Поэтому он предложил к приезду нашего начальника приготовить котлеты. У нас в хозяйстве было две ручных мясорубки и хорошая огромная чугунная сковорода.

По очереди мы стали крутить мясо через мясорубку. Это было непросто. Мясо очень жилистое. Его пришлось прокручивать несколько раз. Пока сутились с мясом, не заметили, как улетел вертолёт. На том месте, где была убиита медведица, уже пиروвали бакланы. Они растаскивали оставшуюся на галечнике требуху. Всё остальное (шкуру и расчленённую плоть) вертолёт увёз с собой.

Уже вечерело. Пригорки морщились длинными тенями чахлах лиственниц. В косых лучах солнца серебрилась река. В её долину узкой струйкой начал сползать туман. Монотонный комариный гул висел в тишине.

Но вот из-за поворота реки ветерок донёс слабый рокот мотора. Мы прислушались. Так и есть — это к нам приближается вездеход. Пошли встречать своего начальника.

Вездеход шёл по руслу реки. Периодически он останавливался. Александр Борисович взбирался на кабину вездехода и в бинокль осматривал пойму реки. Заметив дым от костра, он искал место, где было бы легче подняться на пойменную террасу. Как раз в это время мы выходили ему навстречу. Водитель Валя Рогачёв, видя нас, выпрыгнул из кабины и радостно закричал:

— Вот вы где! А мы уж думали, не найдём вас сегодня.

— Вы как раз вовремя. Мы тут котлеты из медвежатины накрутили. Вас ожидаем, — говорил Лёва, здороваясь с приехавшими коллегами.

Через час мы уже в полном составе сидели за столом, вдыхая сладковатый аромат поджаренных котлет. Наш начальник по случаю встречи достал свою заготовку: пол-литровую бутылку спирта. Спирт разбавили водой и разлили по кружкам. Настроение было у всех приподнятое. Начальник произнёс тост на производственную тему. Мы выпили свои сто двадцать граммов и стали уплетать котлеты из только что застреленной медведицы-матери. Которой совсем ещё недавно восхищались и признавали своей.

В этот вечер у костра не стали засиживаться. Завтра ранний подъём и переезд на новое место. Залили костёр и разошлись по палаткам. Но ещё долго внутри палаток горели свечи. В их дрожащем свете скользили тени людей по брезентовым стенам. Но скоро стихли разговоры, погасли огарки свечей. Лагерь геологов погрузился во тьму короткой летней приполярной ночи. Но вот в тишине ночи послышался детский плач. Он доносился от реки. Два тоненьких писклявых голоса плакали навзрыд. Этот детский плач разрывал душу, не давая сомкнуть глаз. Я не выдержал, вылез из спальника, накинул телогрейку и вышел из палатки.

Ночь была расцвечена мерцающими угольками звёзд. Крупный месяц выглядывал из-за кривой спины хребта, высвечивая серебряную рябь реки. В матовом лунном свете чернела гривка кустов на широком речном пляже. Оттуда и доносилось громкое непрерывное рыдание. Во тьме возле меня блеснул огонёк. Я повернулся и увидел Лёву. Он тоже вышел из палатки и закурил самокрутку. Я подошёл к нему и спросил, что это за странные звуки. Лёва объяснил мне, что это медвежата ищут свою маму. Я спросил Лёву:

— Смогут ли медвежата выжить без медведицы?

— Ну, она их уже многому научила. Сейчас пойдёт рыба на нерест. Прокормятся у реки и жирок нагуляют. Но вот смогут ли они вырыть себе берлогу? Это большой вопрос. Этому мать их не успела научить.

Мы перекурили и возвратились каждый в свою палатку. Но сон не шёл. Со стороны реки всё так же слышался несмолкаемый жалобный плач. Я долго ворочался на своей раскладушке, готовый сам разрыдаться от переполняющей меня жалости к медвежатам. Заснул коротким сном только под самое утро.

Проснувшийся лагерь был наполнен суетой сборов. Снимали палатки, грузили вещи в вездеход. Об убитой медведице и её осиротевших детях никто не хотел говорить.

Время шло. За долгие годы своей полевой геологической жизни я повидал много всякого хорошего и плохого. Но я на всю жизнь запомнил этот душераздирающий плач осиротевших медвежат. И даже сейчас, по прошествии почти пятидесяти лет с того времени, я с содроганием сердца вспоминаю тот безутешный жалобный плач в ночной тиши.

АЛЕКСАНДР СМЫШЛЯЕВ

ТАМ, ГДЕ РЕКА АМГУЭМА...

Документальное повествование о героизме

Трудяги Севера – особая порода людей. Там задерживаются только сильные духом и выносливые телом. К тому же Север не терпит крайних индивидуалистов, скряг и стяжателей. Они, конечно, появляются, но быстро исчезают. К сожалению, на смену им приезжают другие подобные, и их мелькание порой сливается в сплошную картинку, и тогда кажется, что они – тоже составная часть Севера. Но это не так, их проблески все-таки коротки. А вот люди настоящие там живут подолгу. Это их работой, их жизнью осваивается и преобразуется Север. И они – настоящие работяги, а зачастую еще и романтики.

Полярные геологи – тоже особая каста. Здесь пойдёт рассказ о геологе Владимире Николаевиче Миляеве. Почему-то многие, кто писал о нем, считали, что он был студентом последнего курса института, когда ему выпала честь стать первооткрывателем крупнейшего в стране Иультинского месторождения олова, молибдена и вольфрама. Но студентом он не был, и вообще в институте проучился только год. Он был геологом-практиком, таких специалистов в те годы в стране насчитывалось немало. Вот почему некоторые люди, работавшие тогда, в 1937 году, вместе с Миляевым во Второй Чукотской экспедиции горно-геологического Управления Северного морского пути, говорили, что “перо сказочной жар-птицы досталось не умелому, а счастливому”.

“Не умелому, а счастливому”. Почему так говорили, принижая роль Миляева в открытии Иультина? Да потому, что не знали, как Иультин открывался, как он достался Миляеву. Да, Миляев был тогда относительно молод, ему шел 31-й год, и он был лишь практиком, а возглавлял работу другой геолог, опытный Юрий Одинец, который и отправил Миляева на реку Амгуэму с заданием искать оловянный камень. И Владимир Миляев нашел этот камень, открыл месторождение. Сам открыл. С ним рядом находились только рабочие, из геологов он был один. И вошел в историю. А вот умелому и опытному

СМЫШЛЯЕВ Александр Александрович — геолог, писатель. Родился в 1952 году в Горной Шории (Кузбасс). По образованию геолог и телережиссер. Работал в геологоразведочных экспедициях Сибири, Якутии и Камчатки, затем в журналистике. Член Союза писателей России, член Правления Союза писателей России. Автор книг о Севере и Дальнем Востоке России, лауреат Международной литературной премии “Полярная Звезда” (2012), Камчатской региональной государственной премии в области литературы. Награжден орденом РПЦ Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Живёт в Петропавловск-Камчатском.

Одинцу не повезло, хотя и он вошел в историю, но только как начальник Миляева, хотя при этом был прекрасным человеком и геологом.

Писатель Герман Жилинский описал эту историю в книге “Оловянные горы геолога Миляева” (Магаданское кн. изд-во, 1985). Жилинский тоже был геологом, и Иультинское месторождение в его жизни занимает особое место. Так случилось, что именно ему довелось продолжить дело Миляева – участвовать в дальнейшем изучении и подготовке к освоению Иультина. Он является соавтором работ по обоснованию разведки, подсчету запасов и оценке перспектив этого месторождения. Его монография “Иультинское рудное поле” на протяжении многих лет служила пособием для геологов-разведчиков этого района. Здесь началось его приобщение к серьезной научно-исследовательской деятельности, которой он посвятил все последующие годы, работая в Казахстане, Якутии и снова в Магаданской области.

И все-таки Герман Жилинский в первую очередь геолог, а затем уже ученый и писатель. Просто, без всякой патетики, он написал небольшую книгу о подвиге Владимира Миляева. Бродяга, романтик написал книгу о своем коллеге, тоже бродяге и романтике. Не рассказать об этом невозможно еще и потому, что они жили в славное, интересное время – время полярных бродяг.

1. Веление долга, или Безумство храбрых

Вторая Чукотская экспедиция горно-геологического Управления Северного морского пути начала полевые работы в 1936 году. Начальник экспедиции (он же и начальник Управления) М. Ф. Зяблов тогда впервые привлек для работы с геологами легкую полярную авиацию – самолеты У-2 и Р-5. Численность экспедиции составляла пятьдесят человек. В первый год работы геологи обследовали всю долину реки Амгуэмы и во многих местах открыли небольшие рудопроявления полиметаллов и молибдена. Это послужило основанием для продолжения работ в следующем, 1937 году.

“Осенью 1936 года весь личный состав экспедиции М. Ф. Зяблова отбыл в Москву, – пишет в своей книге Г. Б. Жилинский, – а на смену ему той же осенью прибыли новые люди во главе с геологом Ю. А. Одинцом”.

Владимир Миляев был самоучкой. Он, как уже говорилось выше, только один год проучился в Семипалатинском горном институте, почему многие и называли его студентом, хотя таковым он не был – из института ушел добровольно, чтобы всецело отдаться полевой геологической работе на любимом Памире, в высокогорье. Он любил снег и альпинизм. Там же работал и Юрий Одинец, которому, как опытному геологу-оловянщику, предложили возглавить Вторую Чукотскую экспедицию 1937 года на поиски олова. Одинец согласился и пригласил с собой на Север геологов Владимира Миляева и Ариадну Шпилько, также специализировавшихся на этом металле.

Почему надо было искать именно олово? Да потому что олово – металл войны, консервная банка. Месторождений олова мало на Земле, в Советском Союзе их тогда практически не было. Поэтому искали повсюду, в том числе и на Чукотке. Искали интенсивно.

На Чукотку, в залив Креста, экспедиция Одинца прибыла в сентябре 1936 года. Вот-вот должна была начаться зима, но пока стояли теплые дни, Одинец решил работать. Он сам на самолете вылетел в среднее течение реки Амгуэмы, где с промывальщиком Фарифьяновым брал шлиховые пробы. И в каждой поблескивали знаки золота. Он понял, что олово – оловом, но мимо золота нельзя пройти, поэтому решил отправить в этот район Миляева. Одинец вернулся на базу, оставив на реке промывальщика, а Владимир Миляев уже через час вылетел на Амгуэму с топографом Ганешиным, где они присоединились к Фарифьянову и приступили к работе.

Герман Жилинский детально изучил биографию Миляева и даже нашел братскую могилу на территории Венгрии, в которой похоронен лейтенант Владимир Николаевич Миляев, погибший в бою в декабре 1944 года. Разыскал родственников Миляева и его семью. Валентина Васильевна, вдова Миляева, передала Жилинскому чукотский дневник мужа, в котором описывалась эпопея открытия Иультина.

Вот запись от 12 сентября 1936 года, как раз за день до этого Владимир Миляев и прилетел на реку Амгуэму с базы в заливе Креста:

“С утра пасмурно, слабый северо-восточный ветер (температура ниже нуля), слабый снег. Вскоре перестал. Маршрут в распадок, впадающий слева в Амгуэму (первый распадок после ущелья Амгуэмы). По руслу ручья встречается большое количество валунов гранита, диорита и кварца. До коренных выходов гранита добраться не удалось. По-видимому, они расположены в 15 километрах от впадения ручья в Амгуэму, так как видны светлые осыпи в левом борту ручья. Встречен порфиоровидный гранит. По маршруту оба склона ручья сложены глинистыми сланцами, изредка встречаются кварцевые жилы, кварц в них белого (молочного) цвета, слабоохристый, иногда содержит мелкие вкрапленники сульфидов (пирит, халькопирит). Взяты шлихи № 1, 2, 3. В шлихе № 16 два значка Au (золота). Возвратились в лагерь к 6 вечера”.

13 сентября они продолжили работу, а на следующий день уже не смогли, потому что резко похолодало, даже вода замерзла в кастрюлях. Надо было выбирать на базу. Но как, на чем? Вчера мимо пролетал гидросамолет, их заметил, сделал вираж, но садиться не стал. Уповать ли на авиацию?

Решили выходить самостоятельно, на надувной лодке по реке до стойбища Амгуэма, как наспех инструктировал их Одинец перед отлетом с базы. Но продвижению лодки мешал сильный ветер, дувший с севера, с океана. С трудом прошли один километр и разбили лагерь на левом берегу Амгуэмы.

Утром обнаружили на реке забереги и покрывшиеся льдом озера. И все же решили поработать, хотя при минусовой температуре воды руки при промывке проб быстро коченели, а лоток обледеневал.

К вечеру пошел снег. Ночевали в холоде. К утру землю покрыло снегом, работать стало невозможно. И все же Миляев надеялся на то, что непогода закончится. И правда, во второй половине дня потеплело, началась оттепель. А к вечеру пошел дождь, который не утихал всю ночь и всю первую половину дня 17 сентября. Вода в реке стала быстро прибывать.

Но они работали, пока, стоя против ветра, можно было держаться на ногах. Вечером залезли в мокрую палатку, но мысли о прибывающей воде не давали заснуть.

В пять часов утра сняли лагерь и вновь попробовали сплавиться по реке. Удалось пройти два километра. Разбили лагерь на небольшом островке недалеко от правого берега Амгуэмы.

Из дневника Владимира Миляева:

“К часу дня опять начался сильный норд. Вечером дождь. Промыты пробы в правой бортовой террасе Амгуэмы. В 3 часа дня самолет Катюхова* бросил вымпел.

19 сентября. С утра дождь с сильным ветром норд. С 2-х часов опробовали косу, остров. Ганешин успел проложить еще две точки. Вечером дождь и ветер.

20 сентября. Сильный норд с утра. Иногда снег. Топосъемку вести невозможно. Плыть на лодке по реке в такой ветер нет никакой возможности: и несет против течения, и захлестывает волной”.

21 сентября они подсчитали, что прошли только десять километров. Ветер и снег не утихали, никакой надежды на самолет не было. И они продолжали, как могли, сплавиться по реке на лодке. Одежда не просыхала, постоянно донимал холод. Добром это кончиться никак не могло. Посовещавшись, решили целенаправленно идти до устья Амгуэмы, в поселок Ванкарем, минуя стойбище Амгуэма, из которого чукчи наверняка уже откочевали, и они не найдут там ни пищи, ни тепла.

“23 сентября по реке пошло сало. С трудом перебрались через протоку. Плыть по реке до устья рискованно. Лодка оставлена на правом берегу реки Амгуэмы на верхней террасе между точками топографа, ниже ущелья на 8 км и на 0,5 км ниже сланцев. Под лодкой оставлено: 4 оленьих шкуры, 2 кукуля (овчинный и олений), 3 кастрюли, 1 таз, 1 лоток, 2 пары резиновых сапог, чай, гречневая крупа, консервы рыбные, сахар, какао в порошок, яичный порошок, мука, соль, старые кожаные сапоги, примус.

24 сентября. Пошли пешком вниз по Амгуэме по правому борту, продолжая мензуральную съемку. Груза около трех пудов у каждого. Пройдено 7 километров”.

* Летчик Г. И. Катюхов, который привез В. Миляева и В. Ганешина на реку Амгуэму, а затем искал их, чтобы забрать.

27 сентября налетела пурга. Залегли в палатку. К утру пурга не утихла, но геологи решили идти. Весь инструмент оставили, взяли только продукты, которых осталось “на пять дней, с натяжкой – шесть”.

30 сентября установился полный штиль. “Слабый снег. Все протоки застыли настолько, что свободно переходим их почти в любом месте. Главное русло еще не застыло. Идет шуга. На правом берегу в 11-12 часов дня увидели 5 яранг. В это же время от устья Амгуэмы показался самолет. Приземлился в 5-6 км от нас. Непонятно зачем. Предполагая, что он ищет нас, приготовили палатку и костер. Старались привлечь внимание. Не успели развести костер, как самолет поднялся и пошел вверх по Амгуэме. Скоро возвратился и нас опять не заметил, несмотря на все наши старания. Шел близко к нам над главным руслом, очевидно ища лодку. Ушел на Ванкарем вдоль побережья. Думая, что он снижался возле яранг, пошли к тому месту и заночевали у одной из проток. Пройдено 16 километров”.

И они пошли дальше, к морю, под усиливающимся дождем с мокрым снегом. Надеялись выйти к ярангам или радиостанции, о которой говорил Одинец.

“Вечером туман поредел, и на горизонте, в устье Амгуэмы, увидели триангуляционный знак, приняли его вначале за маяк. Плохо, что нет хотя бы плохонькой карты*. Плохо вообще то, что сборы на работу проводились всего один час. До конца не продумано ничего. Мы даже не узнали, на каком берегу Амгуэмы расположена радиостанция...”

Среди плавника на берегу реки нашли плаху и изготовили из нее что-то вроде саней. Мокрую, тяжелую палатку и оставшийся груз сложили на плаху и потащили по льду. Идти стало легче, но начинал донимать голод. “Единственная пища теперь у нас примерно такова: утром по кусочку или по два колбасы, несколько ложек сухарных крошек и крепкий чай, в полдень рисовая похлебка из одной банки консервов. Вечером крепкий чай”.

По подсчетам до Ванкарема оставалось 62 километра. Это еще несколько дней пути.

3 октября на другом берегу пролива увидели избушку. Решили сделать из плавника плот, чтобы переправиться: вдруг там найдутся какие-нибудь продукты. К тому же переправляться все равно было необходимо, чтобы по косе лагуны Нутаугэ (Миляев назвал ее проливом) прямым путем идти на Ванкарем.

Плавник был мелким, вязали его веревкой, сделанной из собственной одежды и палатки. Плот мог выдержать только одного человека. Первым благополучно переправился Миляев. Добравшись до берега, он пошел в избушку, плохо закрепив плот, и его унесло течением в море.

В избушке нашлись лишь прокисшие тушки гаг и такое же мясо моржа. Ночевал Владимир Миляев в одиночестве в этой избушке. Утром к нему переправились, сделав плоты, его товарищи топограф Василий Ганешин и промывальщик Рахим Фарифьянов. Еще одну ночь они провели в избушке, с отвращением глядя на протухшие тушки гаг и пуская голодную слюну. Но голод не тетка, пришлось есть гаг.

А утром разъяснилось. “В 12 часов дня над берегом вдоль лагуны пролетел Катюхов. Нас не заметил. Продолжаем путь на Ванкарем, питаюсь тухлыми утками и лепешками из остатков муки...”

7 октября наткнулись на белого медведя, но разминулись благополучно. А вскоре вышли к палаткам исследовательского отряда Потынского из экспедиции Дитмара*. “Обжорный вечер”, – записал в дневнике Владимир Миляев.

Подкрепившись у Потынского, геологи отправились дальше, и на другой день пришли в Ванкарем. “Во время пути до Ванкарема была интересная мысль о том, что вряд ли будем живы”, – написал Миляев. Но эта фраза в дневнике зачеркнута. Спало напряжение, ушли и плохие мысли.

В Ванкареме они просидели больше месяца в ожидании самолета и лишь 14 ноября смогли вылететь на мыс Шмидта, а оттуда 26 ноября – на свою базу в бухту Оловянную в заливе Креста.

* Тогда еще не было карт всего северо-востока страны, их только предстояло составить.

** Геолог Владимир Георгиевич Дитмар, начальник Чукотской экспедиции Арктического института, так же, как и наши герои, работал на поисках олова.

“Вот так закончился первый полевой сезон Миляева на Чукотке, — пишет автор книги, из которой здесь взяты цитаты, Герман Жилинский. — Начинать полевые работы со второй декады сентября — такого еще не случилось в истории Арктики! Легкомысленное поспешание в делах, требующих осмотрительности и хорошей подготовки, могло привести к трагедии”.

2. А теперь — Иультин

Но Иультинское месторождение олова еще не было открыто, его предстояло открыть в следующем, 1937 году. И об этом рассказывает Владимир Миляев в своем дневнике, а Герман Жилинский — в книге, опираясь на этот дневник.

Г. Жилинский: “К полевому сезону следующего года готовились всю зиму и постарались все предусмотреть вплоть до мелочей... В состав отряда Миляева на этот раз, кроме Фрифьянова, уже проверенного на прочность, вошли еще трое рабочих — Анисимов, Миронов и Рудь. Топограф Ганешин работал в 1937 году самостоятельно”.

Миляев с отрядом выехал на Амгуэму в конце мая на вездеходе, дождался весеннего паводка и на резиновых лодках в середине июня сплавился к устью реки Якитики. Здесь организовали временную базу, на которой постоянно жили Анисимов и Рудь.

В первый рабочий геологический маршрут Владимир Миляев отправился 22 июня. Сделав два маршрута вверх по Якитики, на третий день он решает повернуть в противоположную сторону и пойти к тому месту, где они взяли несколько проб с золотом и другими рудными минералами в прошлом году... Маршрут в эту сторону оказался интереснее, о чем свидетельствуют записи в дневнике, которые стали более подробными, как и описание образцов и проб, которых Миляев стал брать больше. В кварцевых жилах и в пробах начали встречаться рудные минералы.

Постепенно поиски привели Владимира Миляева к Восточно-Иультинскому гранитному массиву, где он обнаружил много даек и кварцевых жил. “Они пошли с рабочим Мироновым все дальше и дальше, ночуют, где застанет ночь, а порой работают сутками и даже дольше, потому что наступил полярный день, — пишет об этом Г. Жилинский. — Часто идут дожди, но это Миляева не останавливает. Он уже интуитивно чувствует добычу”.

Из дневника В. Миляева: “4 июля. Большое количество кварцевых осипей со склонов. Кварц белый, сахаровидный, рудных минералов не встречено. Характер контактов со сланцами. Образец № 38, слюдка. В осыпи в борту распадка (Медвежьего) взят образец лейкократовой полевошпатовой мелкозернистой породы с мелкими кристаллами турмалина”.

Вот оно! Есть кристаллики турмалина! Сердце забилось сильнее.

Вскоре Миляев находит обломки кварцевой жилы с вкраплением кристалликов касситерита и скородита. Это вторая зацепка! Он на верном пути.

И вот день открытия — 6 июля 1937 года. Запись в дневнике:

“Маршрут по распадку, против которого расположена точка 29. Впадает в широкую долину слева (в речку Иультинку). В устье распадка обнаружены глыбы (!) грейзена, содержащие вольфрамит и арсенопирит. Кварцевые глыбы с вольфрамитом и оловянным камнем...”

И далее пишет уже Г. Жилинский: “Вот и свершилось! Так было открыто Иультинское месторождение! Но пока оно безымянное. Название ему Миляев дал потом и потом вписал это название на 33-ю страницу дневника, где описан маршрут того дня, в который было открыто месторождение.

Первая находка крупных глыб богатой руды сняла всякую усталость. Они всюду видели руду, да еще какую! Миляев и его спутники ликовали. А когда немного успокоились, то, сбросив рюкзаки, полезли вверх по склону горы и всюду находили свалы кварца с крупными включениями рудных минералов. Даже по тому, что они видели на поверхности, было ясно — найдено крупное и богатое месторождение.

Когда вдоволь набегались по склонам высокой и крутой горы и убедились, что вся она, от подножия до вершины, пронизана рудными жилами, уставшие, но довольные, собрались вместе и стали решать, что делать дальше”.

А дальше Миляев известил об открытии базу. В августе на Иультин прилетел Одинец, и они вместе составили депешу в Москву с просьбой направить

в залив Креста хорошо оснащенную техникой геологоразведочную экспедицию, чтобы как можно быстрее начать разведку Иультинского месторождения.

Из официальной справки:

“Иультинское месторождение – типичный пример оруденения жильного морфологического типа касситерит-кварцевой формации. Находится в пределах Иультинского рудного узла одноимённого района, в среднем течении р. Амгуэма. Открыто В. Н. Миляевым (Вторая Чукотская экспедиция ГУСМП) в 1937 году. Разработка месторождения началась в 1938 году и продолжалась до 1994 года, после чего оно было законсервировано и перемещено в госрезерв”.

3. Призраки Иультина

После открытия Владимира Миляева на Иультин пришли геологи-разведчики, чтобы выяснить параметры месторождения, запасы и качество оловянно-вольфрамовой руды. Параллельно с непростой и затянувшейся на долгие годы разведкой заключенные строили на берегу залива Креста поселок Эгвекино и вели от него дорогу на Иультин. Дорога давалась трудно – работали вручную, в стужу и пургу, под проливными холодными дождями и комариным летом. В Эгвекино стоит памятник строителям дороги. На нем две фигуры заключенных: один с тачкой, другой с кайлом. Возможно, это единственный памятник советским заключенным, воочию показывающий их тяжкий подневольный труд.

Строительство дороги было начато в 1946 году, закончено в 1953-м. Сразу же после этого стали строить Иультинский горно-обогатительный комбинат. Его пуск состоялся в 1959 году, через год приехал корреспондент газеты “Советская Чукотка”, будущий известный писатель Альберт Мифтахутдинов, чтобы рассказать о строителях и горняках. После этого появилась серия его очерков под общим названием “Иультин комсомольский”. Позже очерки были изданы отдельной книжечкой с тем же названием.

В очерках трудовой героизм переплетается с комсомольским задором молодых строителей и горняков. Пишет Мифтахутдинов не только о пуске комбината, но и вдаётся в историю его строительства. Он превращает очерки в бесценный исторический материал, которым позже пользовались местные краеведы.

Текст очерков пульсирует под умелым пером автора. Описание трудового героизма просто переполняет его. И все это написано короткими, но ёмкими фразами, которые и придают пульсацию и кинематографичность тексту:

“Леденеет дорога. Скользкой коркой покрывается гора. Ребята снова меняют сапоги на валенки или унты.

Строителям еще хуже. После пурги приходится раскапывать площадку, а в мороз возиться с каждым кирпичом, сбивая с него лёд.

Начальство предлагает аккорды (надо навёрстывать упущенное), а комсорг стройки Саша Кожевников начинает каждое собрание с напоминания, сколько дней осталось до пуска комбината [...] На стене – рукописная газета. Постоянно ведётся специальный отдел, центральный в номере. Называется “Штурм горы”. Гора – это, собственно, Иультин. На горе – корпуса фабрики, бетоноцех, цех ремонта горно-обогатительного оборудования. В горе – рудник.

Комсомол штурмует гору. Строит рудник, фабрику и производственные помещения”.

Автор посвятил иультинские очерки XIV съезду ВЛКСМ. А в качестве эпиграфа привел слова из песни молодых строителей Иультина:

*Молодой покоритель чукотских вершин,
Энергичный, отважный, веселый!
Это в силах твоих превратить Иультин
В Светлогорск, образцовый посёлок!*

Тогда иультинцы мечтали назвать свой строящийся поселок городом Светлогорском. Ведь строили светлое будущее Чукотки. К тому же сама гора была белой от кварцевых глыб. Но поселок все же чьей-то волей остался Иультином, что с искаженного чукотского переводится как “Длинная льдина”.

Почему льдина, да еще и длинная, никто так и не узнал. Но к слову “Иультин” привыкли, как и к слову “Эгвекино́т”. Эти поселки связаны автодорогой, построены одновременно, они – родные братья. Но судьбы у них разные.

Эгвекино́т живет и сегодня. Это административный центр Иультинского района Чукотки. А вот самого Иультина больше нет. Точнее, он есть, но стоит пустой, полностью заброшенный, его теперь называют городом-призраком. Отшумела в нем жизнь, оставшись только в воспоминаниях его бывших насельников-тружеников, количество которых доходило в лучшие годы до пяти тысяч человек.

Иультин разделил судьбу сотен других горняцко-шахтерских городков и поселков, разбросанных не только по нашей стране, но и по всему миру. Заканчиваются запасы полезного ископаемого, и уходит из таких поселков жизнь. Тем более на Севере, где на пенсию не проживешь, земля не родит, поэтому следом за молодежью вынуждены уезжать и старики, оставляя обжитые квартиры, а зачастую и всёжитое. И как же щемит им сердца, когда, обосновавшись на материке, в теплых краях, они достают старые фотографии и рассматривают свой поселок, лица друзей. Или же перечитывают Мифтахутдинова, много написавшего об Амгуэме, Иультине и заливе Креста. Писатель словно песню спел этим суровым краям. Песню былой жизни, которая никогда не повторится, потому что жизнь вообще кардинально изменилась. Мало того, что поменялся климат, но и долететь из той же Москвы сюда уже можно на малюсеньком вертолетике, правда, затратив немало времени. Но ведь можно. А когда-то местным полярным летчикам давали за полеты в северном небе высокие государственные награды вплоть до Звёзд Героев. И гибло их много.

В 2013 году по Северу “прокатились” на вертолете “Робинсон” члены московской экспедиции “Россия 360”. Занес их вертолет и в Иультинский район. Вот как описывают поселок Эгвекино́т авторы экспедиционной летописи Игорь Гуржуенко и Виктор Сидельников:

“...Посёлок оказался на редкость ухоженным и приятным. Никаких заброшенных зданий и разрухи. Улицы чистые, здания новые или выглядят, как новые. Но особенно нас поразило другое – тут все дороги из монолитного железобетона! Нет, это не стыренные откуда-то (хорошо, если не с аэродрома) бетонные плиты, уложенные кое-как. Это ровные, как взлётно-посадочная полоса, улицы и тротуары. Не каждый аэродром похвастается таким качеством полосы и рулёжек. Но еще больше поразила размах дорожного строительства! Непрерывно туда-сюда снуют грузовики, множество дорожных рабочих в аккуратных спецовках и касках, новая дорожная техника... Всё кипит и бурлит. И всё из бетона! Оказывается, это не местная компания. Рабочие и техника наняты из различных городов России. Много рабочих из Омска. Откуда деньги на всё это богатство?”

Мы заселились в гостиницу. Не бог весть какая, но чисто и тепло, правда, удобства в коридоре. Мы спрашиваем администратора, где тут магазин, купить что-то, а она говорит: зачем магазин, сходите в кафе, оно тут недалеко... Кафе?! Вот так Эгвекино́т! И правда, в паре сотен метров приличное здание, а в нем кафе. Народу мы, правда, в нем не нашли, но внутри все на уровне, играет музыка, и нас неплохо накормили обедом.

Яркое солнце на улице, тепло, мы сытые и довольные... Есть время прогуляться по улицам этого загадочного посёлка, необычного для Севера процветания. Кто-то из местных нам рассказал секрет. Оказывается, в посёлке базируется Чукотская торговая компания – некая организация, занимающаяся многими видами экономической деятельности, включая золотодобычу. Я уж не знаю, какие договорённости у этой компании с правительством Чукотки, но, похоже, что в Эгвекино́т они вкладывают немалые средства. Поэтому всё с иголочки”.

Вот такое искреннее удивление вызвал Эгвекино́т у залётных москвичей (залётных – в хорошем смысле слова, потому что на вертолете прилетели).

Некая, как они пишут, Чукотская торговая компания действительно базируется в Эгвекино́те. Ее учредитель и владелец – Игорь Павлович Иванов. Сейчас его компания занимается не только торговлей, но и строительством, завозом топлива в поселки. О владельце компании, а он местный житель, здесь с уважением говорят, что “поднявшись на Олимп чукотского предпринимательства, он не “эмигрировал” в Анадырь, а остался верен Эгвекино́ту”.

В поселке — его офис. Еще он меценат, возводит на собственные средства каменную церковь, построил памятник заключенным — строителям Иультинской трассы, занимается благоустройством посёлка и т. д.

Так что живет и здравствует Эгвекинот. А вот Иультина больше нет. Но кто думал об этом в далеком теперь уже 1959 году, когда торжественно открывали горно-обогатительный комбинат, а немногим позже писал об открытии комбината и его работе журналист Альберт Мифтахутдинов? Перед людьми тогда стояла задача достроить поселок и пустить комбинат, чтобы полноценно давать стране олово и вольфрам.

Кто думал об этом и в 1936-м, 1937 годах, когда ценой здоровья, да и жизни геологи искали оловянный камень. И нашли! И страна возвела рудник в вечной мерзлоте, и получила стратегический металл, который пришелся как раз к войне.

Из телеграммы, полученной А. Мифтахутдиновым из Иультина после возвращения в Анадырь, в родную редакцию “Советской Чукотки”:

“Анадырь. Совчукотка. Мифтахутдинову. На Чукотку я приехал в 1949 году. Расту вместе с поселком, который почти стал городом. Государство дало образование, специальность. Зарабатываю сто пятьдесят. Продолжаю учиться в вечерней школе. Купил мотоцикл. Предлагаю создать в поселке мото-клуб. Голосую впервые. За мир, за труд, за коммунизм. Очень счастлив. Спасибо партии, спасибо Родине. Володя Пестов, слесарь-сантехник”.

Они верили в свой Иультин, они жили взахлёб. И писали стихи, как рабочий поэт из Иультина Павел Кузнецов:

*Чтобы детали в пути не устали,
И скорость полёта предела не знала,
Отчизна нуждается в нашем металле,
И нашей Горе его заказала.
Ты помнишь, строитель, еще вчера
Сном непробудным спала Гора,
А у подножья твои топоры
Строили базу для штурма Горы.
Сегодня час пробил. Дорога открыта.
В Горе коммунизма частица зарыта.
Выше темпы страдной поры!
Вперёд, иультинцы, на штурм Горы!*

Сегодня это призраки — и коммунизм, и вера в него, и Иультин с его выпотрошенной Горой. Но остались книги Альберта Мифтахутдинова, книги Германа Жилинского. Осталась память. И хочется воскликнуть: “А пусть завидует нынешнее прагматичное поколение тому, как мы жили! Тому, как мы верили! Тому, как мы стремились к лучшему и светлому! Тому, как мы не уставали! Тому, что в наших душах жила романтика — чистая и настоящая!”

2019 г.
Чукотка, Ванкарем — Петропавловск-Камчатский

“...Всё для победы”

ЮРИЙ ТАТАРЧУК
заслуженный геолог России

ВЛАДЛЕН ШЕВЧЕНКО
лауреат Государственной премии РСФСР

РАТНЫЕ ПОДВИГИ ВОЕННЫХ ГЕОЛОГОВ

На любую большую войну работает, как известно, почти стопроцентно все народное хозяйство воюющих держав. Не остается в стороне и такая, казалось бы, самая мирная отрасль, как геология. Так, почти во всех странах, принимавших участие во Второй мировой войне, создавались специальные военно-геологические организации, в задачу которых входила подготовка различного рода карт, справочных материалов, характеризующих природную обстановку в местах проведения боевых операций. Эти карты и материалы содержали данные о проходимости местности для техники, местоположении водоисточников и водозаборов с их характеристиками, наилучших местах преодоления водных преград и другие сведения, необходимые командирам и штабам всех уровней.

Германский генеральный штаб, например, издавал подобные военно-геологические справочники до 1944 г., т. е. до той поры, пока не стало совершенно очевидно, что генералам вермахта они больше не понадобятся. Эти карты-справочники включали территорию СССР до Западной Сибири, всю Европу, страны Ближнего Востока и Северной Африки. Выполненные с немецкой педантичностью, они содержали такие детали местности, о которых порой не знали и сами хозяева “нарисованных” территорий.

Естественно, такого рода работа, итоги которой носили гриф “Секретно”, проводилась и в Советском Союзе, в частности трестом “Спецгео”, созданным в 1933 г. Однако с началом Великой Отечественной войны выяснилось, что командный состав Красной Армии остро нуждается в сведениях военно-геологического характера, касающихся собственной, уже далекой от границы территории. “Спецгео” же до войны занимался в основном изучением приграничных — как с той, так и с нашей стороны — регионов, что вытекало из общей военно-политической установки: бить противника на его собственной территории.

ТАТАРЧУК Юрий Серафимович (1938—2017). Окончил МГРИ. С 1979 по 2000 гг. — генеральный директор Гидроспецгеологии. Заслуженный геолог РСФСР (1993). Награжден орденами и медалями.

ШЕВЧЕНКО Владлен Константинович (1931—2010). Кандидат геолого-минералогических наук (1971), окончил МГУ (1962). Работал в Гидроспецгеологии более 50 лет. Автор более 60 научных работ (соавтор семи монографий). Лауреат Государственной премии РСФСР в области науки и техники (1991).

Обстановка потребовала жестких и быстрых решений. Срочно были созданы десятки военно-геологических отрядов (ВГО) для исследования местности, ставшей театром военных действий. Им надлежало проверить состояние поверхностных водотоков и водоемов, определить глубину залегания подземных вод, их качество, водообильность, сохранность существующих водоисточников, возможности проходимости местности, наличие месторождений минерального сырья для военного строительства (щебня, песка, гравия, глины и т. п.), охарактеризовать леса с точки зрения использования их в качестве стройматериала, в целях маскировки, а также реальность преодоления их танками. Карты-справочники, как правило, составлялись на основе уже имевшихся в отрядах и в “Спецгео” источников, в том числе и аэрофотоснимков, а затем уточнялись и дополнялись рекогносцировкой на местах. Информация, полученная инженерной разведкой, могла учитываться командованием как при наступлении (пройдут ли наши танки в тех или иных условиях), так и в обороне (пройдут ли танки противника).

В первые месяцы войны ВГО, имея “костяк” из профессионалов “Спецгео”, доукомплектовывались преподавателями и студентами МГРИ, МГУ и других вузов столицы, работниками Главгидростроя. Надо отметить, что в “Спецгео” в годы Великой Отечественной войны трудились многие известные ученые, такие, как академик Д. И. Щербakov, доктора наук Д. И. Щеголев, Г. П. Синягин, А. М. Овчинников, М. Е. Альтовский, Б. Н. Семихатов, крупные специалисты и организаторы производства: Н. В. Коломенский, И. С. Комаров, Н. Н. Лугцихин, Е. Г. Чаповский, В. И. Миртов, И. Г. Варжель, Ф. В. Котлов, Н. Д. Краснопевцев, А. И. Перельман, А. А. Янковский и другие. Много сделал для организации ВГО отозванный с фронта К. И. Антоненко. Работая в ГВИУ КА, он обеспечивал курирование “Спецгео” и ВГО.

На плечи этих в общем-то далеких от военного дела людей в горькие дни поспешного летнего отступления 1941 г. буквально обрушилась вся тяжесть срочных спецзаданий, направленных на обеспечение командования инженерно-геологической информацией.

Люди работали сутками. Нередко случалось, что подготовленная за ночь карта наутро оказывалась не нужна. И все приходилось делать заново, но уже для новых пунктов обороны.

Особенно трудно в те дни пришлось военно-геологическим отрядам Н. В. Коломенского, Б. Н. Семихатова, Н. Н. Луцкихина и другим, работавшим на Западном фронте и имевшим задачу обеспечивать соответствующей инженерно-геологической информацией строителей оборонительных рубежей на Смоленско-Вяземской и Можайской линиях, а также на близких подступах к Москве.

Всего за три месяца (сегодня это представляется просто нереальным) было обследовано несколько тысяч километров рек и огромная площадь заболоченных территорий, произведен поиск строительных материалов (камня, гравия, щебня, песка, глины), выполнена комплексная гидрогеологическая съемка с целью выявления участков, позволяющих благодаря близкому залеганию грунтовых вод наладить водоснабжение оборонительных рубежей; исследованы места, пригодные для затопления, устройства плотин и водосборов; обследованы с целью выявления устойчивости откосов многие участки, где должны были проходить трассы эскарпов и противотанковые рвы. Особое внимание уделялось обследованию болот, заболоченных территорий и водных артерий: было необходимо установить их проходимость. По окончании исследований информация оперативно в виде карт, кратких отчетов, рекомендаций, проектов передавалась в инженерные отделы штабов фронтов, армий.

В отзыве о деятельности треста “Спецгео” за 1942 г. (“Спецгеолфонд” ГП “Гидроспецгеология”, арх. № 3816-А, л. 87) заместителя начальника инженерных войск Западного фронта генерал-майора И. Галицкого так говорится о работе военно-геологических отрядов на этом фронте: “Отмечаю, что работа проводилась в трудных условиях фронтовой полосы, иногда под минометно-артиллерийским огнем противника. В этих условиях работники отрядов вместе с личным составом воинских частей стойко переносили все трудности. Особенно следует отметить работу начальника отряда инженера Н. В. Коломенского, который при небольшом штате и трудных условиях продовольственного снабжения сотрудников сумел своевременно выполнить задания и обеспечить штаб всеми необходимыми материалами”.

Впрочем, в аналогичных условиях работали (лучше сказать, воевали) и другие ВГО: № 2 (В. Н. Попов, Крымский фронт); № 3 (В. Г. Смирнов, Северо-Западный фронт); № 4 (В. П. Слинко, 1-й Прибалтийский фронт); № 5 (А. С. Рябченков, Брянский фронт); № 6 (К. Е. Слензак, А. Е. Бабинец, Юго-Западный и 4-й Украинский фронты); № 9 (И. Ф. Володько, 2-й Прибалтийский фронт); № 10 (В. К. Соболев, инженер-майор Е. П. Панфилов, 3-й Украинский фронт); № 11 (И. А. Бузыкин, 2-й Украинский фронт); № 14 (Д. И. Килеев, 1-й Украинский фронт). Военно-геологическое обеспечение боевых действий нашей армии на Дальнем Востоке осуществлялось ВГО-18 (В. И. Миртов) и ВГО-19 (инженер-майор И. И. Берсенев).

Первые два года войны в системе военно-геологических отрядов имелись определенные организационные различия. Так, военно-геологическое обслуживание войск Ленинградского фронта в период блокады города производилось Отделом военной геологии Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ). К работе привлекались еще 15 организаций, имевших в своем составе гидрогеологов и буровых мастеров. Отделом проводились работы по водоснабжению Ленинграда, составлению военно-геологических карт, инженерно-геологическому обслуживанию действующих частей (поиск месторождений строительных материалов в интересах военно-полевого строительства).

За время блокады было подготовлено порядка 60 геолого-литологических и водоснабженческих карт, большое количество схем и проектов искусственных оборонительных рубежей с возможным затоплением местностей, в том числе и по устройству около 200 плотин и других водных преград на пути движения противника. Приходилось выполнять и другие оперативные задания штаба Ленинградского фронта.

На Кавказе с 1942 г. успешно работал ВГО-7 под началом Б. Д. Русанова. В то время как в других отрядах работало от 8 до 20 человек, в ВГО-7 трудилось до 70 человек. Объяснялось это, может быть, тем, что отряд обслуживал не только нужды Закавказского фронта, но и вхождение наших войск в Иран. Русанов умело организовал работу отряда, привлек к ней ученых Грузинской АН, Экспедиции особого назначения АН СССР, Грузинского геологического управления и других учреждений. Трудился в отряде и большой знаток Кавказа профессор И. Г. Кузнецов. Учитывая особенности боевых действий в горной местности, в частности организацию обороны на перевалах, военные геологи в сентябре 1942 г. по заданию командования Закавказского фронта составили военно-геологические карты на топографической основе масштаба 1:200000, в кратчайшие сроки показав проходимость дорог, троп и перевалов в высокогорных районах, водопункты, месторождения дорожно-строительных материалов, посадочные площадки для самолетов, командные высоты с указаниями по просматриваемости местности и т. п.

Карты ВГО-7 в период борьбы за Кавказ служили обоснованием оперативных решений. Они не потеряли своего значения и в дальнейшем, например, в ходе наступательных действий в районах Моздока и Краснодара.

В конце февраля – начале марта 1943 г. в Тбилиси состоялась военно-геологическая конференция (с участием представителей штабов), на которой подводились итоги работы ВГО. Высокая оценка на ней была дана отряду Б. Д. Русанова, сумевшему оперативно выполнить боевое задание командования Закавказского фронта: подготовить в большом количестве карты проходимости.

Военно-геологическое обеспечение наступательных операций 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов летом 1944 г. осуществляли ВГО-1 (Е. Г. Чаповский), ВГО-5 (Г. Н. Раков), ВГО-13 (М. Ф. Нижегородов), ВГО-15 (А. А. Янковский), ВГО-16 (А. И. Шапиро). Эти отряды проделали большую работу, обеспечив командование характеристиками проходимости местности, картами условий преодоления водных преград, водоснабжения и др.

Сталинградскую операцию обеспечивал ВГО-6 под руководством А. Е. Бабинца. В его задачу входило решение проблемы водоснабжения войск в засушливых степных районах, инженерно-геологическое обеспечение строительства фортификационных сооружений, поиск и разведка месторождений природных строительных материалов.

Военно-геологическое обслуживание войск в период наступления в низовьях Кубани и на Таманском полуострове выполнял ВГО-8 под руководством П. В. Куницына. Кроме обеспечения водоснабжения надо было искать пути

для прохода войск и техники в плавнях Кубани и в районах лиманов. Информация добывалась путем проведения инженерной разведки, обследования дорог, мостов, рек, переправ, бродов, лиманов, болот и т. п.

Для обеспечения Корсунь-Шевченковской операции геологами ВГО-И (начальник В. М. Бицилли) была проделана большая работа не только по изучению местности, изобилующей оврагами, балками, долинами, но и по составлению проектов организации новых водозаборов, поскольку на освобожденных территориях противник разрушил или отравил многие водопункты. Надо сказать, что все указанные работы были выполнены в требуемые сроки и использованы при разработке плана Корсунь-Шевченковской операции.

В ходе наступления в Белоруссии и Прибалтике войска особо нуждались в сведениях о проходимости водных преград с заболоченными поймами. Геологам приходилось составлять специальные карты условий проходимости местности в масштабах 1:50000, 1:100000 и 1:200000 для всех фронтов на глубину от Днепра до Вислы. К началу наступления войск штабы фронтов и армий получили также карты условий преодоления Днепра, Березины, Друти, Свислочи, Западной Двины, Припяти, Немана и других рек на этом направлении. Начальник инженерных войск 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Н. Баранов, отзываясь о работе ВГО-1, отмечал, что подготовленные им карты условий проходимости отличаются высокой точностью, детально освещают условия форсирования рек.

В заключение хотелось бы сказать, что прикладная геология – вполне “военная наука”. Опыт Великой Отечественной войны (как, впрочем, и последующих, обычно именуемых военными конфликтами, а то и миротворческими операциями!) показал, что, если военные учитывают геологические условия, экономится время, силы и технические средства, войска несут меньше потерь как в обороне, так и в наступлении, а это равносильно приросту сил.

К сожалению, работавшие на фронтах Великой Отечественной войны геологи долгое время к фронтовикам не относились, не имея, естественно, ни соответствующих пенсий, ни льгот. Лишь в июле 1996 года эта несправедливость была исправлена: директивой Генерального штаба ВС РФ военно-геологические отряды “Спецгео” отнесены к частям, входящим в состав действующей армии.

ЮРИЙ КАЛИНИН

АФГАНСКИЕ ОЧЕРКИ

Оглядываясь на романтические и удивительные годы, проработанные в “поле”, начинаешь понимать, что, наверное, почти у каждого в судьбе, в том числе и у меня, жизненный рабочий “путь” предопределён заранее. Мне повезло. Я сумел правильно выбрать свою колею.

Шофер, врач, актёр? Нет. Мне хотелось быть путешественником. Почему? Не знаю. Это шло изнутри, от души. Я родился, рос, вырос, учился в школе в шахтёрском посёлке в Донбассе. Многие годы, до самой старости, страстью у моего папы была охота. Как правило, летний охотничий сезон начинался в конце августа. Мне было лет шесть или семь, сейчас трудно вспомнить точно, когда он по моей просьбе взял меня с собой.

Так начались мои путешествия по курганам, балкам, оврагам, мелким речушкам, кукурузным и пшеничным полям. Охотился на пернатую и водоплавающую живность летом, на зайцев и лис зимой.

Однодневные вылазки и многодневные. Мне нравилось ходить с ночёвкой. Усталый, засыпаешь в стогу сена. Утром, проснувшись с рассветом под пение птиц, завтракаешь и – в путь, по утренней росе. Я ходил, наблюдал, радовался жизни и носил охотничью сумку. Повзрослев, иногда бродил с ружьишком.

Наши походы закончились с моим поступлением в Днепропетровский горный институт на геологоразведочный факультет. Понятно, почему на геологоразведочный факультет. Всё это “проделки” моих охотничьих сезонов. В моём сознании геология отождествлялась с путешествиями и романтикой.

Не было у меня и проблем, куда поехать по распределению. Определяющий выбор оказала прочитанная в юном возрасте книга “Человек меняет кожу”, где все действия проходили в Средней Азии. Книга очень понравилась, как и места событий.

КАЛИНИН Юрий Викторович, пенсионер (р. 1950). После окончания Днепропетровского горного института (1973, техника разведки месторождений полезных ископаемых) работает в Гидроспецгеологии — старший буровой мастер, начальник отряда, главный инженер, начальник экспедиции, ведущий инженер аппарата управления, зам. главного бухгалтера, главный бухгалтер. Являясь начальником партии, выполнял специальное задание в Афганистане (1985—1988). Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1988), медалью “10 лет Саурской революции” (ДРА, 1988), медалями “За трудовую доблесть”, “В память 850-летия Москвы”, почетными знаками: “Отличник разведки недр”, “60 лет погранвойск КГБ”, “Отличник погранвойск 1 степени”, “Отличник погранвойск 2 степени”.

После защиты диплома я стремительно направился в комнату, где записывали, кто и куда хотел распределиться на работу. Мы, студенты, уже знали, что нам предложат. Каждый, как правило, скрывал, куда он хочет, дабы друг-конкурент не выбрал его место. Отличники не боялись. Им был отдан приоритет выбора места работы.

Немного мандражируя, я подошёл к столу, где лежал список.

С облегчением увидев, что одно из двух мест в графе “Таджикская ССР, г. Ленинабад — 30, Экспедиция 6-го района” свободно, быстренько вписал свое имя и фамилию. Ни сном, ни духом не ведал, что мой выбор стал окончательным и бесповоротным, связавшим меня с единственной организацией, в которой я работаю с 27 сентября 1973 г. по настоящее время. Эта организация — ФГБУ “Гидроспецгеология”.

За годы работы в Средней Азии (1973–1988 гг.) было всё. И любовь (супруга), и радость (рождение дочери). Продвижение по службе. Неудачи, обычно связанные с авариями на скважинах. Я объездил практически всю Среднюю Азию и многие районы Казахстана. Поработал в песках Каракумов, в Центральных Кызылкумах, пустынях и полупустынях Азии. Побывал во многих исторических центрах, таких как Бухара, Самарканд, Мары и в других местах. Стал непосредственным участником открытия месторождения подземных вод в центральных Кызылкумах, где участвовал во всех стадиях работ. Бурил скважины на стадиях поиска, предварительной и детальной разведок. Пробурил великое множество скважин как на воду, так и для других целей.

Но особо я хотел бы выделить годы работы в Афганистане. Трудно переоценить их значимость. Ибо найденная нами вода в буквальном смысле означала человеческую жизнь.

Подготовка

Весна 1984 г. К нам, в Экспедицию 6-го района, приезжают Ю. С. Татарчук (генеральный директор Гидроспецгеологии), В. Ф. Левченко (начальник производственного отдела), В. С. Касьянов (заместитель начальника гидрогеологического отдела). Задача одна. Встретиться с соседями в Ташкенте, Фрунзе и Ашхабаде и обсудить возможности участия этих республик в работах по бурению скважин на воду в Афганистане.

Небольшая подготовка, и наша группа, в которую дополнительно вошли я — главный инженер экспедиции — и Ю. Н. Анисифоров — водитель, готовы к поездке. Ю. Н. Анисифоров бесменно возил начальников экспедиции, которые были “у руля”, по крайней мере, с того момента, когда я с ним познакомился (1973 г.). Возил он и меня (я около года был начальником экспедиции до момента своего отъезда в Афганистан).

Водитель высочайшего класса, исколесивший всю Среднюю Азию и Казахстан. Знание дорог накоплено частыми поездками на объекты работ нашей экспедиции: дороги к этим местам пролегли через равнины и перевалы, города Ташкент, Самарканд, Бухару, Коканд, Керши, Мары, Термез, Душанбе и многие другие замечательные районы, оставившие заметный след в истории Средней Азии.

Поездка обещала быть деловой и интересной. Автомашина УАЗ-469 оборудована для длительного перехода как полагается: спальные мешки, брезент, кошама, казан, паяльная лампа, чайник и многие другие мелочи, необходимые в пути. Маршрут: Чкаловск—Ташкент—Фрунзе—Ашхабад—Чкаловск. А это не одна тысяча километров, которые предстояло нам преодолеть за неделю.

Паузы между деловыми встречами заполнялись сотнями километров пути и небольшим культурным отдыхом, который в нашу честь устраивали гостеприимные хозяева.

Под Кокандом, недалеко от Ташкента, нас остановила служба ГАИ. В чём дело — не поймём. Оказалось, нам устроили приятный сюрприз коллеги из Узбекистана. Улыбаясь и идя нам навстречу, пригласили немного отдохнуть в придорожной чайхане. Замечу, что такие вкусные шашлыки на бараньих рёбрах я больше никогда не ел за всё свое время работы в Азии.

В Ашхабаде нас возили отдохнуть и покупаться в подземных озёрах. Незабываемое впечатление. Спускаешься по ступенькам в глубину пещеры — внизу блестит подземное озеро. Над озером небольшое облачко пара, создаётся впечатление, что озеро дышит. Вода тёплая. Мне купаться было страшно.

Когда отплываешь от берега, становится всё темнее, создаётся впечатление, что на тебя сваливаются своды огромной подземной пещеры и затягивают в чёрную пустоту озера, которое простирается в глубину пещеры. Я с облегчением вздохнул, выбравшись на солнышко.

Запомнился один из дней ночёвки в долине на горном пастбище. С вечера поужинали, расстелили кошму, залезли в спальники и накрылись брезентом. Небо ясное и всё в звёздах, а вокруг темнеют силуэты гор. Утром мы проснулись под слоем снега. Удивительно красивая картина открылась перед нами. Светит солнце, блестит снег, ровным слоем покрывший зелёную долину и нас.

Ашхабад был последним пунктом нашей деловой поездки. В Москву улетели В. Ф. Левченко и В. С. Касьянов. Ю. С. Татарчука и меня Ю. Н. Анисифоров с ветерком покатыл назад, откуда началась наша поездка, растянувшаяся в пространстве на многие тысячи километров.

Переправившись на пароме через Амударью из Туркмении в Узбекистан, в районе Термеза мы устроили нашу последнюю ночёвку. Чувствуется, что все устали. В казане сварили суп из курицы, выпили бутылочку винца, поужинали и легли спать.

С рассветом двинулись и к вечеру были на базе экспедиции. Поездка успешно завершена. Начались будни, заполненные подготовкой к работе в Афганистане.

9 августа 1985 г. Всё готово.

Колонна, состоящая из двух новеньких буровых станков БА-15В, двух новеньких каротажных станций, автомашин, гружённых компрессорами, буровым снаряжением, трубами и прочим снаряжением, готова совершить бросок через реку Пяндж на территорию Афганистана и далее к намеченным точкам, на которых нам предстояло начать работы.

Мы на вертолётной площадке. Слегка возбуждённые в ожидании дальнейших событий, ждущих нас впереди.

Короткая команда. Мы садимся в вертолёты и в путь. Так началась наша командировка длиною в три года.

Афганистан: рабочие будни

Цель одна. Обеспечить водой наши воинские подразделения, расположенные вдоль северной границы Афганистана.

Команда подобралась отличная. Основная группа – это работники ФГУГП “Гидроспецгеология”, представляющие Экспедиции 6-го района, 16-го района, № 30. В партии большой десант из Киргизии. Все работники высококвалифицированные специалисты, не один год проработавшие в “полях”. В команде специалисты различного профиля: гидрогеологи, геофизики, техники геологи, бурильщики, компрессорщики, сварщики.

Работа проводилась двумя отрядами, обеспеченными всем необходимым для выполнения поставленной цели. Вопросы безопасности, согласования маршрутов передвижения по территории Афганистана, быта и другие, связанные с функционированием партии, решали военные офицеры, входившие в состав партии. Особо следует отметить В. Ф. Черняева и И. М. Белова. Их интуиция, опыт боевых действий, знание своего дела в конечном итоге позволили пройти весь путь без потерь.

Поверьте, “костлявая” ходила за нами по пятам. И тому были примеры, я затрону эту тему чуть позже.

Наша задача одна: квалифицированно выполнить ту работу, которую мы знаем и умеем делать. Трудность решения этой задачи заключалась в том, что воду надо было найти на ограниченном участке.

Если географически привязаться к началу нашего маршрута, то это посёлок Московский на территории современного Таджикистана и дальше с востока на запад до стыка границ трёх государств: СССР (Туркменская ССР), Иран и Афганистан (Чакав).

Первые наши участки – Янгикала и Чахи-Аб. Начало более чем удачное. Вода есть на обоих участках. Хороший дебит. Вода питьевая, с уровнем минерализации и вредных примесей гораздо ниже допустимых норм. Это стало ясно после проведенного нашими гидрогеологами химического экспресс-анализа проб воды.

Работа сдавалась “под ключ”. Это целый комплекс работ. Бурение эксплуатационно-разведочной скважины и оборудование её обсадной колонной. Оборудование скважины погружным насосом. Строительство водонапорной вышки, дизельной подстанции с установкой дизеля. Разводка труб с их подводкой к главным центрам – штаб, столовая, баня и умывальники.

Работы окончены. Контрольная проверка работы всего комплекса проведена. Настал первый торжественный момент сдачи объектов в эксплуатацию. Потом, уже со временем, когда радость от первых успехов прошла, передача объектов стала обычным делом.

На всех участках, где мы работали, вода привозная, из местных источников. Часто вода не самого хорошего качества, из-за чего были болезни личного состава.

Доставка воды связана с опасностью подорваться на mine, попасть под обстрел. Маршруты перед поездками проверяются специальными инженерными подразделениями. Расход воды экономный. Не забывайте, где происходят события. Средняя Азия. Температура воздуха многие месяцы очень высокая.

Теперь у них всё своё. Вот почему радостные улыбки на лицах офицеров и солдат, наше приподнятое настроение.

Всё готово. Комиссия по приёмке на месте. Запускаем дизель. Включаем погружной насос. Вода наполняет ёмкость на водонапорной вышке. Открываем все краны, откуда льётся прозрачная, холодная питьевая вода. Вот и сданы наши первые участки.

Было отработано около тридцати участков – Нанабад, Таш-курбан, Мазари-Шариф, Шибирган, Андохой, Маймене, Кайсар и др. Более двадцати участков сданы “под ключ”.

По мере продвижения на запад качество воды ухудшалось. Стали попадаться “пустые” участки. Запомнился один участок, расположенный на господствующей высоте. Внизу протекала местная река. Внизу кишлак, на окраине которого били из земли подземные ключи. Особых проблем не ожидалось. Но воду мы так и не нашли. Пробурили разведочную скважину глубиной 300 м, и ни одного водоносного горизонта.

После сдачи участка – ожидание дальнейшего маршрута. Эти маршруты готовились очень тщательно, так как проходили они по территории боевых действий. Иногда в целях безопасности колонну проще было вывести на нашу территорию, продвинуться вперёд и стремительным броском через границу прибыть в нужное место.

Перемещались по суше, воде и воздуху. Были такие участки, подобрать к которым было проще, форсировав водную преграду. Специалистов с точки на точку перебрасывали и на вертолётах.

Так проходили наши рабочие будни: бурение скважин, строительство объекта “под ключ” и его сдача, хорошее настроение при переезде на новый участок, если найдена вода, и разочарование, если воды нет.

Афганистан: тревожные мгновенья

Этот случай произошёл во время перелёта из Термеза в Мазари-Шариф. Рядом с Мазари-Шариф располагалось воинское подразделение (к слову, на этом участке мы нашли воду и сдали объект “под ключ”), где мы всегда останавливались перед поездкой в город Кудебарг.

В Кудебарге, что расположен в тридцати километрах от Мазари-Шариф, проживали советские специалисты, располагалось консульство и резиденция советника по Северному Афганистану.

Мне, как руководителю партии, часто по делам службы приходилось бывать в Кудебарге: получать заработную плату для работников партии, информировать советника о наших передвижениях и решать различные дела, связанные с нашим пребыванием за рубежом. Такие поездки всегда проходили в сопровождении военных специалистов (наших ангелов-хранителей), прикомандированных к партии.

Время было уже послеобеденное. Находимся на вертолётной площадке, расположенной недалеко от Термезского погранотряда. Кроме нас лететь должны несколько солдат и офицеров из этого погранотряда. И. М. Белов и В. Ф. Ченяев, по-видимому, чувствуя какой-то душевный дискомфорт,

предложили перенести полёт на следующий день (вот что значит интуиция). В такое время суток редко совершались перелёты. Но всё-таки принято решение лететь.

Чтобы сократить маршрут, пилоты решили лететь через “зелёнку”. Полёты всегда выполнялись двумя вертолётами. Пассажирский и сопровождающий его боевой вертолёт, на жаргоне вертолётчиков прозванный “крокодилом”. Пролетая над “зелёнкой”, почувствовали, как вертолёт резко пошёл вбок и вверх, и тут же услышали барабанную дробь по днищу и боковой обшивке вертолёта. Сидевший напротив меня геофизик С. А. Тер-Саакян резким движением выдвигает к середине салона картонную коробку с карамелью (праздничная добавка к солдатскому меню на 23 февраля) – в неё откуда-то струйкой потекло масло.

Это одна из пуль пробила боковую обшивку и маслопровод буквально в нескольких сантиметрах над головой солдата, сидевшего рядом. В салон выбегает бортмеханик, срывает панель внутренней обшивки, с досадой произносит несколько слов и возвращается в кабину пилотов.

Пилоты совершают экстренную посадку. Невольно подсчитываем имеющиеся средства защиты: три автомата членов экипажа, пистолеты “наших” офицеров, бортовой пулёмёт. “Крокодил” кружит над нами, прикрывая нас с воздуха. Все вышли из вертолёта. Солдаты и офицеры рассредоточились, на случай нападения. Как потом нам сказали пилоты, нас обстреляли из крупнокалиберного пулёмёта, установленного в кузове грузовой автомашины.

Боевой вертолёт успел в ответ выпустить несколько ПТУРСов в сторону стреляющих. Паники никакой. Ждём решения пилотов. После недолгого совещания и обмена мнениями пилоты решили отключить маслонасос и дотянуть до пункта назначения, управляя вертолётom без “гидравлики”. Бортмеханик, орудуя молотком, быстро заглушил пробитую медную трубку маслопровода, влезает обратно в вертолёт и минут через двадцать прибываем на место. Страх не было. Он пришёл потом, когда все парились в бане, обсуждая случившееся. Лётчики поведали, что нам всем сильно повезло: вертолёт мог в одно мгновение загореться и взорваться.

Пару раз попадали под миномётный обстрел. Один раз на участке, куда мы прибыли небольшой группой, совершая рекогносцировочный маршрут по будущим объектам. Другой раз под миномётный обстрел попала группа наших специалистов, прибывшая на участок для ремонта погружного насоса.

Были и другие тревожные мгновения. Но давайте не будем о тревожном.

Афганистан: радостные мгновения, быт

Бытовые условия самые разные. Жили в землянках, в вагончиках. Однажды жили на открытом воздухе. Нам просто было так удобнее. Вторая половина мая–июнь. В помещении ночевать было душно.

Место по оперативной информации было спокойное. Воинское подразделение, для которого мы были должны найти воду, располагалось в имении богатого бая, который исчез в неизвестном направлении. В тени деревьев расставили кровати и натянули на них накомарники. Так и отработали участок, живя на открытом воздухе. Место это примечательно было тем, что в имении был огромный сад. На деревьях созревали фрукты. Вот уж отвели душу, наполняя организм витаминами. Вместо воды пили только компот.

Проживали и в резиденциях бывших афганских шахов. В одной такой летней резиденции был большой участок сада, посаженный только розами различных сортов. Был период цветения роз. Буйство красок, аромат – редко можно увидеть такую красоту. Был бы поэтом, написал бы поэму об этом райском уголке.

Отдыхали по-разному. Было и повальное увлечение спортом: упражнения со штангой, гириями, бег. Потом всё это проходило. Были увлекательные поединки по футболу и волейболу с военнослужащими. Но одно увлечение так и осталось до конца командировки – это игра в преферанс. Мы даже изготовили специальный походный стол для игры в преферанс, обтянув его зелёным дермантином. Дело доходило иногда до курьёзов.

Игра подходила к концу. Внезапно погас свет. Раздалась жуткая беспорядочная стрельба за пределами нашего участка. Мы располагались рядом с большим кишлаком. В ответ раздалась выстрелы из пулёмёта, установ-

ленного на крыше помещения, в котором мы жили. Вместо того, чтобы прекратить игру и спросить у военных, что происходит, мы склонились над игорным столом и под свет фонарика начали подводить итоги игры.

Перед отпуском старались попасть в магазин (магазин по-нашему). Отоваривались, как правило, в Кудебарге. Уезжая в очередную служебную поездку, забирали с собой отпускников. Выбор товаров иностранного производства и очень приличного качества, очень богатый по сравнению с тем, что было на прилавках у нас в те времена. Джинсовые, кожаные изделия, портативные магнитофоны, электронные часы, различная бижутерия и многое другое, что у нас считалось дефицитом. В общем, было что привезти в подарок.

Письма. Самая большая радость. Письма и посылки в основном доставляли на вертолётах. Услышав звук вертолётки, спешишь к вертолётной площадке. Солдаты быстро разгружают вертолёт, который тут же взмывает вверх и улетает на следующий участок. Подходим к солдату, в руках у которого пачка писем. Он зачитывает фамилии на письмах вслух. И вот уже те, кто получил весточку, радостно и не спеша уходят, чтобы в укромном месте по нескольку раз перечитать письмо и мысленно пообщаться с родными и близкими. Кто не получил письма, огорчены, но уверены, что со следующим вертолётком они непременно его получат.

Афганистан: последний этап

Весна 1988 г. И. М. Белов чем-то радостно возбуждён, но ничего не объясняет. Ближе к вечеру собирает нас и говорит, что завтра вылетаем в Термез, дальше – в Москву для получения наград. Все радостно галдят. По радиации сообщаем эту радостную весть на другой участок, где трудится вторая половина нашей партии. Кое-какие слухи до нас доходили, но без какой-либо конкретики. И вот тебе на, такая приятная и неожиданная весть.

Чартерным рейсом из Термеза нас доставили в Ленинград. В Ленинграде нас встретил главный инженер Экспедиции 29-го района А. Ф. Защеринский, вручил нам билеты до Москвы и посадил в поезд. Ранним утром мы в Москве.

Генеральный директор Ю. С. Татарчук поздравляет нас и информирует о дальнейшем регламенте. В очень торжественной обстановке министр Е. А. Козловский вручает нам ордена и медали. Так оценило правительство нашу работу, проделанную в Афганистане.

Отметили событие, как и положено. Собрались все вместе. Накрыли стол. В стакан с водкой опустили награды и стоя, немного приподняв локоток, выпили за награды, за наш труд, за жизнь. Короткий отдых и возвращение в Афганистан, где нам предстояло проработать ещё несколько месяцев.

И вот наш последний участок. Он находится совсем близко от нашей земли. Нас разделяет только мост через Амударью. По этому мосту торжественным маршем на наших глазах начали выходить советские войска из Афганистана.

Все работы окончены. Последняя передача объекта, сданного “под ключ”.

За несколько дней до отъезда сфотографировались. Счастливые, гордые, немного усталые лица. Там, за нашими спинами, Амударья, а дальше – Родина!

Все разъехались. Сидим немного грустные в пустом вагоне-доме – я и И. М. Белов. Ждём вертолёт. Нам ещё предстояло провести несколько дней в Кудебарге для оформления всех формальностей, связанных с окончанием нашей командировки.

7 августа 1988 г. в автомашине, мы, советник по Северному Афганистану В. М. Данилов, И. М. Белов и автор “Афганских очерков”, мчимся по безлюдной трассе Мазари-Шариф–Термез.

Вот и конец моей командировки. Впереди – российские будни.

СЕМЕН ГРОШИН

ОТ КАРЕЛИИ ДО КОРЕИ

Мое участие в работах военно-геологических отрядов началось вскоре после окончания института (в 1944 г.). Первым военно-геологическим отрядом, куда я был направлен, был отряд № 2 на Карельском фронте.

Это было время завершения прорыва блокады Ленинграда и передислокации войск Волховского фронта в Карелию. Отрядом готовились материалы по освещению природных условий отдельных направлений, ведущих к границам Финляндии, и естественных рубежей (крупных рек, болот, озер, существующих возвышенностей). Мною выполнялись поручения по изучению проходимости территории, выделению и более детальному определению участков, наиболее благоприятных для преодоления естественных рубежей механизированными средствами.

После форсирования войсками Карельского фронта реки Свирь отряду было дано задание попытаться продвинуться с войсками на освобожденную территорию с целью проверки составленных нами на ранее недоступную территорию материалов, поиска трофейных карт и геолого-географической литературы. В этой работе совместно с начальником отряда В. А. Буханевичем мы проделали путь от Олонца до города Питкяранта, обследуя самые крупные здания.

Дорога досталась нам очень тяжело. Больше чем половина пути прошла под сильной бомбежкой немецкой авиации, поскольку по этой единственной автодороге растянулись наши танки, артиллерия и даже какие-то пехотные подразделения, которые больше всего и страдали от волн авиационных налетов.

К сожалению, трофейных карт мы не нашли, а литература была на финском языке, так что разобраться в ней было не просто. Кое-что, однако, в последующей работе использовали.

Проверка же составленных нами на недоступную территорию карт произошла так.

В один из спокойных дней – боевые действия в южной части Финляндии практически закончились – последовал срочный вызов к “особисту”. Приказ – завтра со всеми своими материалами вам надлежит отбыть в начальный пункт наступления – Лодейное Поле для работы в составе особой группы. Зачем? Что за “особая группа”, никто не знает.

ГРОШИН Семен Израилевич — геолог, начальник партии, главный геолог экспедиции ФГУГП “Гидроспецгеологии”. В 1944 г. награжден орденом Красной Звезды за выполнение специального задания военного командования. Один из руководителей военно-геологических отрядов.

Прибыли в Лодейное Поле. Выясняется, что “особая группа” состоит из особистов, военного прокурора, представителей танковых и механизированных частей, а задачей группы является выяснение причин, по которым танки, бронетехника и транспортные механизмы не дошли до передовой (не участвовали в боевых действиях), застряли в болотах, сели на валунах, повредили ходовую часть на камнях и т. п.

Нам стало очень неуютно.

Работа продолжалась несколько дней и была построена так. На нескольких автобусах (с конвоем!), ориентируясь по имевшейся у особистов карте, на которой были отражены все “инциденты”, подъезжали в нужный район. Из автобусов вызывался провинившийся экипаж, следовала команда – геолог, тащи свою карту, пошли смотреть.

И происходил тщательный разбор – правильности составления наших карт, степени доведенности их до экипажей, умения экипажей управлять техникой, ориентироваться и т. д. Тут же вершился суд. Конечно, никого не расстреливали, но наказания следовали немедленно и достаточно суровые – вплоть до штрафбата.

К счастью, ни одного случая поломки техники по нашей вине найдено не было.

К середине лета 1944 г. финская армия, оборонявшая южную половину страны, капитулировала, но северную часть обороняли немецкие войска, и перед Карельским фронтом была поставлена задача – не дать уйти гитлеровцам из Финляндии.

Дело в том, что на севере Финляндии есть только одна автомобильная дорога Кочи–Рованиemi и далее в Норвегию – на город Киркенес, который соединялся несколькими автодорогами с главными портами Норвегии, откуда и нам меревались покинуть страну отступавшие под натиском наших войск немцы.

В этих условиях начальник инженерных войск Карельского фронта – генерал-полковник А. Ф. Хренов дал задание специалистам нашего отряда подготовить на местности трассы колонных путей для танков и бронетехники, по которым советские войска могли бы выйти на участок дороги Рованиemi–Киркенес, отрезав путь для отступления немецким войскам.

Трассы колонных путей на местности вместе с подразделениями инженерных войск фронта разрабатывали Б. Н. Леонов, И. М. Фердман и я. По-видимому, эту задачу мы выполнили успешно, так как нам объявили благодарность начальника инженерных войск, а несколько сотрудников отряда были представлены к орденам и медалям, в том числе и я.

По разработанному нами колонным путям прошли наши танковые части, по существу устроившие немецким войскам что-то наподобие “котла”.

Боевые действия в Финляндии вскоре были окончены, и Карельский фронт перестал существовать. Зимой 1944–1945 мы простояли с войсками бывшего фронта в районе Ярославля, и весной 1945 г. были передислоцированы в город Ворошилов–Уссурийский (ныне Уссурийск). Это было открытие 1-го Дальневосточного фронта. Здесь был создан Военно-геологический отряд № 18, возглавил который В. И. Миртов.

Первое время на Дальнем Востоке мы составляли карты проходимости по территории Кореи и Манчжурии. Война с Японией была скоротечной, и после капитуляции Японии перед нами была поставлена задача изучения театра военных действий.

Случайно мы оказались в городе Янцзы, где наткнулись на штаб каких-то соединений Квантунской армии. Проходя по этому небольшому китайскому городку, за одним из глиняных заборов (дувалов) я заметил несколько роскошных лошадей.

Поскольку рядом с ними людей было не видно, зашел на эту огороженную территорию и у небольшого домика обнаружил вывалившиеся наружу большие листы бумаги, которые оказались топографическими картами масштаба 1:200000 на дальневосточную территорию СССР – почти все Приморье. Я быстро начал собирать листы этих карт, на которых увидел горизонталы, закрашенные леса, реки, дороги и впечатанные иероглифами надписи. Здесь же, в домике обнаружили оптические приборы – в основном стереоскопы и приспособления для стереоизмерений. С кем-то из техников мы собрали карты и один-два стереоскопа, поместили в рюкзаки и поспешили в усвоенное место к машине, на которой приехали.

Собранные карты оказались картами проходимости, по-японски освещавшими качество дорог, проходимость леса, рек, вьючных троп, характеристики искусственных сооружений на дорогах и т. д. Все это стало ясно после того, как, уже будучи в Корее, я попросил одного из корейцев перевести японский текст условных обозначений и надписей на площадных и линейных объектах. Снабженные переводом карты были отправлены мной в штаб инженерных войск фронта.

После кратковременной подготовки и необходимых сборов почти в том же составе мы, т. е. специалисты ВГО № 18, получившие задание штаба инженерных войск 1-го Дальневосточного фронта (начальник инженерных войск генерал-майор Суслов) на изучение и описание театра военных действий в Корее, выехали к месту работ.

Это было уже начало сентября 1945 года. Границу с Кореей пересекали в районе озера Хасан. За пограничной рекой Туманган (Тумыньцзян), одной из крупнейших в Корее, открылась крупнохолмистая и низкогорная, частично залесённая местность, по которой пролегалась довольно хорошая, но неширокая автодорога с гравийным покрытием. По этой дороге проехали около 100 км и остановились пополнить запасы воды из колодца, вокруг которого скопилось много автомашин. Лишь только мы наполнили водой имевшиеся у нас емкости, как с вершины прилегающей горки раздались выстрелы. Несколько наших солдат бросились к вершине, но оттуда раздалось еще несколько выстрелов, а затем они смолкли.

Спустя 2-3 дня мы благополучно прибыли в Пхеньян, в штаб 25-й армии, где представились начальнику инженерных войск армии – генерал-майору А. В. Николаеву. Между нами и руководством инженерных войск завязались деловые отношения, и мы стали выполнять оперативные задания, которых было очень много, так как в вопросах природной обстановки в стране и ее особенностей мы были подготовлены существенно лучше офицеров штаба инженерных войск и могли передать свои знания, не упуская из вида своей основной задачи – изучение театра военных действий.

Планомерное обследование страны мы начали с полосы от широты Пхеньяна на юг до 38-й параллели и от берега Японского моря до берега Желтого моря, постепенно продвигаясь к северу – к границам СССР. Наиболее тяжело досталось обследование северо-западной части Кореи. Здесь расположено на границе с Манчжурией обширное вулканическое плато Чанбайшань с прекрасно сохранившимся до наших дней конусом вулкана Пэктусан и озера Тянци в его кратере.

Вся поверхность плато покрыта зрелым густым сосновым лесом. 1 сентября 1946 года в сопровождении четырех автоматчиков из инженерных войск и семи стрелков корейской полиции, приданных для усиления нашей рекогносцировочной группы, поскольку район этот считался беспокойным, я на грузовой автомашине “шевроле” двинулся по плато Чанбайшань из села Бубо к упомянутому вулкану. К сожалению, плато пересекает с востока на запад только одна автодорога, от которой к северу идут две-три просеки, плохо расчищенные от леса, по которым машины очень медленно продвигаются. Та просека, которой нам рекомендовали воспользоваться корейцы, имела протяженность около 8–10 км. В конце этой просеки мы вынуждены были оставить машину с водителем.

В направлении к вулкану двинулись наши солдаты (четыре человека), семь корейцев (полицейские) и я. От места, где была оставлена машина, отошли на 1,5–2 км, как вдруг по нашей группе открыли стрельбу. Первыми же выстрелами был тяжело ранен один из наших саперов. Корейские полицейские моментально скрылись, и мы, три сапера и я, таща раненого бойца, бросились назад к оставленной машине. Определить, кто открыл стрельбу, и сколько их там находилось, затруднял густой лес, но, судя по направлениям, откуда раздавались выстрелы, стреляющих было много больше нашей группы. Кто это были – гоминдановцы или действующие в этих местах грабители – хунхузы, мы так и не узнали.

Отстреливаясь из имевшихся у нас автоматов, добрались до машины и попытались поскорее выбраться на хорошую дорогу. Раненый боец лежал в кузове машины, там же были и остальные три сапера с сильно уменьшенным боезапасом. Машина быстро завелась, и мы двинулись в обратный путь. Но продвинуться далеко от места стоянки машины не удалось.

Видимо, нашим противникам хорошо были известны тропы, и они встретили нас еще более интенсивным, чем раньше, огнем. Полетели стекла кабины, пули коверкали мотор и кузов. И единственное решение, которое мне представлялось в эти мгновения – оставить машину, спасти людей, раненого сапера, который самостоятельно двигаться не мог, и секретные материалы. Оставив машину, мы с оружием бросились в лес, стараясь поскорее как можно дальше отойти от просеки.

Постепенно стали сгущаться сумерки. Переговариваться было опасно, и мы, стараясь не шуметь, разместились на ночлег. Утром с большим прискорбием узнали, что наш раненый сапер-горьковчанин скончался от ран. Выбрав нужное направление для выхода на хорошую автомобильную дорогу, таща на себе тело сапера, группа спустя 5-6 часов пришла в село Бубо.

Из этого села я связался по телефону с Пхеньяном. Рассказал о случившемся, просил передать мой рассказ в СМЕРШ и выслать машину. Через сутки в село прибыло небольшое войсковое подразделение с полковой артиллерией, и я с ними отправился к месту происшествия на просеке. Там обнаружили сгоревшую машину, из которой забрали кое-какой каменный материал и часть не сгоревших полевых книжек. Изучение территории северных районов Кореи вскоре было продолжено, и маршруты по ряду участков здесь были повторены.

АЛЕКСАНДР ТОЛСТОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

СЛОВО О БАТЬКЕ КРИВОНОСЕ

Я познакомился с Валентином Филипповичем в первый же день моей работы в Амакинской экспедиции в начале сентября 1985 года.

В отделе кадров на первом этаже деревянного административного здания АмГРЭ под диктовку Александры Михайловны Коптиль я писал заявление на работу по распределению после окончания геологического факультета Воронежского государственного университета имени Ленинского комсомола. Александра Михайловна упорно указывала мне, что в заявлении нужно непременно написать “товарищу Кривонос”. Я не поддался на провокацию и написал “товарищу Кривоносу”, объяснив ей, что фамилия Кривонос, как и Коптиль, склоняется по падежам, если речь идёт о мужчинах, и не склоняется, если это касается женщин.

Аргументация Александры Михайловны, замахавшей на меня двумя руками, была убийственной: “Да ты что! Какому там ещё Кривоносу! Да как же можно! Это же сам батька Кривонос! Не знаем мы никаких падежей и знать не хотим! Имей в виду, что мы тут, в Амакинке, начальника не склоняем и тебе не советуем! Привыкай...”

Тем не менее, переписывать заявление из-за одной буквы я не стал, даже несмотря на ворчание сотрудницы о несговорчивой и настырной молодёжи, которая ещё пальцем не пошевелила, а уже проявляет гонор. Ещё до самой встречи с амакинским начальником я уже был настроен увидеть грозного батьку, как минимум, в папахе и в образе не хуже того, что был у батьки Махно.

К моему удивлению, в просторном кабинете начальника на втором этаже меня ожидал дружелюбный молодежавый мужчина средних лет с тёмными аккуратно зачёсанными назад волосами, чёрными усами, густыми бровями и внимательными глазами.

ТОЛСТОВ Александр Васильевич родился в апреле 1961 года в селе Подгорное Тамбовской области в крестьянской семье. Окончил Воронежский государственный университет. С 1985 года более четверти века жил в Якутии. Работал главным геологом Ботубинской экспедиции АК “АЛРОСА”. Доктор геолого-минералогических наук, академик РАЕН, заслуженный геолог России и Якутии, лауреат премии им. А. Н. Косыгина. Автор девяти научных книг и более 230 статей по проблемам геологии. В настоящее время работает директором Научно-исследовательского геологического предприятия (НИГП) АК “АЛРОСА”. Автор книги-эссе “Геологи Эбеляха” (1999) и повести в коллективном сборнике трёх авторов “Первая практика” (2004).

Сентябрь в Амакинке – традиционное время завершения летних полевых сезонов на Крайнем Севере, поэтому начальник несколько раз отвлекался от беседы со мной на телефонные звонки по поводу прилетающих и отлетающих самолётов и вертолётов. Но, тем не менее, успел обстоятельно поговорить со мной, расспросив о специализации, которую я получил в университете, об увлечениях, и посоветовал с первого рабочего дня изучать алмазную геологию, дорожить тем, что поступил на работу в прославленную Амакинскую экспедицию. В глазах его загоралась юношеская увлечённость, когда рассказывал о личном участии в полевых работах в Прианабарском Заполярье, где мне предстояло работать.

После беседы батька Кривонос вчитываясь в моё заявление не стал и не обратил внимания на лишнюю букву в конце своей фамилии, написанной в дательном падеже. Быстрым росчерком пера распорядился принять меня на работу, став таким образом моим крёстным отцом в геологии.

Последующие встречи с Валентином Филипповичем были уже скорее бытовыми, но не менее запоминающимися. Так, спустя год после моего прибытия на работу мою Эбеляхскую партию передавали в Чернышёвскую ГРЭ, и Кривонос появился на Эбеляхе подавленным, сникшим и выглядел лет на десять старше того молодцоватого руководителя, которого я увидел в Нюрбе. Тогда Амакинская экспедиция переживала не лучшие времена, вступив в череду реорганизаций и оптимизации, которая закончилась лишь спустя два с лишним десятка лет...

Чуть позже мы встретились с Кривоносом в Чернышёвском, где он работал главным геологом экспедиции по поискам, а затем – начальником Арктической тематической партии. Вместе с Сергеем Александровичем Грахановым ему пришлось почти с нуля налаживать производственно-научные тематические работы по оценке перспектив коренной и россыпной алмазности громадной территории площадью порядка миллиона квадратных километров. Сегодня это – поле деятельности ОАО “Алмазы Анабара”, и от той работы зависела во многом нынешняя судьба этого молодого предприятия.

В посёлке Чернышёвском мы часто жили в гостинице по соседству с домом Кривоноса и даже как-то толпой геологов помогли занести в его дом тяжёлое пианино для дочери... Он живо интересовался моими достижениями на Эбеляхе, мы часто контактировали с ним по совместному направлению работ, и от него можно было получить дельные и конкретные советы.

Во время частных бесед у Валентина Филипповича неизменно проскальзывали суровые отцовские нотки, но он умел корректно делать замечание, не унижая человеческого достоинства. Очень запомнилось мне его яркое выступление в марте 1991 года на научно-техническом совете Чернышёвской экспедиции при защите нашего отчёта с подсчётом запасов по Томтору (объекты Онкучахский и Амакинский). Он назвал итог изучения Томтора событием особой важности.

Спустя ещё несколько лет судьба забросила Валентина Филипповича в Мирный, в институт Якутнипроалмаз, где они вместе с В. Н. Щукиным и А. Д. Курнаевым занимались технико-экономическим обоснованием кондиций. Это тяжёлая и кропотливая работа, требующая колоссального объёма знаний и личного опыта “делать месторождения”.

Среди геологов бытует хорошо известное мнение: *мало открыть месторождение, его нужно сделать*. Возможно, именно поэтому первое месторождение алмазов, открытое в Якутии, – трубка “Зарница” – до сих пор, можно сказать, “не доделано”...

Когда Валентин Филиппович работал в институте, мне довольно часто приходилось встречаться с ним по совместной работе. Мы часто обсуждали подходы к геолого-экономической оценке и подготовке геологической части технико-экономического обоснования алмазных месторождений. Именно по этой причине Валентин Филиппович оказался в числе первооткрывателей месторождений трубок “Ботуобинская” и “Нюрбинская”. Звания и значки за их открытие были получены им совсем недавно, всего три года назад.

У нас было много встреч в неизменно доброй и всегда весёлой компании с Джемсом Саврасовым, Игорем Богатых, Владимиром Щукиным, Георгием Балакшиным и режиссёром Валентином Венделовским, воспевающим геологов-алмазников в своих незабываемых кинокартинах, начиная с пронзительно яркого фильма “Якутские зарницы”. Воспоминания уводили седовласых ветеранов в далёкие уголки Якутии – на Молодо, Эбелях, Оленёк и Анабар...

Это были настоящие вечера воспоминаний о незабываемых пятидесятих-шестидесятих-семидесятих годах легендарной Амакинки и её младшей “дочери” – Ботуобинки, судьбы воспитанников которых тесно переплелись за 70 лет. Джемс Ильич, Игорь Иванович, Владимир Николаевич и Георгий Дмитриевич – амакинцы в той же степени, что и ботуобинцы. Но, тем не менее, между ветеранами часто вспыхивали ожесточённые споры и дискуссии о роли каждой экспедиции в алмазной истории.

Мне приходилось участвовать в этих спорах в качестве оппонента или адвоката. К счастью, самые последние реорганизации геологоразведочного комплекса поставили точку в этой многолетней дискуссии, потому что ныне геологи АК “АЛРОСА” не делят совместное будущее, но гордятся каждый по отдельности своей историей. Это правильно, потому что, сливаясь в единый геологоразведочный комплекс, каждая организация привнесла в него свой колорит, своё видение и понимание в прогнозировании и поисках алмазных месторождений.

В последний раз мне посчастливилось очутиться в компании Балакшина, Щукина и Кривоноса в Академгородке на юбилее у Николая Петровича Похиленко в октябре 2016 года, когда именитый академик отмечал 70-летний юбилей. Согласно суровой небесной канцелярии, уже через полгода после этой встречи ушёл из жизни Владимир Николаевич Щукин, и эту утрату Валентин Филиппович воспринял как свою личную трагедию.

Любой геолог имеет сложную личную биографию, на которую накладывает отпечаток его неугомонная профессия. Валентин Филиппович – типичный представитель беспокойного племени геологов. Он неравнодушно относится к переменам, происходящим за последние годы в Якутии и по всей стране. Искренне сочувствует неудачам геологов и радуется новым открытиям. Он открыт для общения, полон сил и энергии.

Но, тем не менее, он сумел остаться верным профессии и сохранить добрые отношения со своими детьми. Сам считает себя счастливым человеком с удавшейся судьбой. Сегодня Валентин Филиппович – уважаемый ветеран, отдавший геологии 55 лет, самый именитый из всех ныне живущих ветеранов Амакинки, первооткрыватель месторождений алмазов – разрабатываемой ныне россыпи “Молодо” и трубок “Ботуобинская” и “Нюрбинская”.

ГОРЖУСЬ ЗНАКОМСТВОМ С НИМ

Валерий Макарович Подчасов – человек удивительный, сыгравший важную роль в моей судьбе. Видимо, неспроста наши жизненные дороги часто пересекались. В своём эссе о первых годах работы в Амакинской экспедиции я уже рассказывал о нашей первой встрече в 1985 году с Валерием Макаровичем. Строгий, подтянутый, немногословный, с пронизательным умным взглядом, он долгое время олицетворял для меня образ настоящего главного геолога экспедиции. По счастливой случайности, мы с ним оказались выпускниками одного учебного заведения – Старооскольского геологоразведочного техникума – с той лишь разницей, что я окончил его на 20 лет позже. И у нас, естественно, нашлись общие знакомые, выпускники, преподаватели, которых мы вспоминали добрым словом.

Родился Валерий Макарович за полгода до начала войны на благодатной белгородской земле, которая в то довоенное время была удивительно похожа на Украину. Это южная окраина России, перемежающаяся половецкими степями с редкими хуторами, со своим колоритным малороссийским говорком. Курская дуга, ознаменовавшая собой коренной перелом в Великой Отечественной войне, пролегла как раз по этим благодатным белгородским, орловским и курским землям. Мы, студенты техникума, спустя четыре с половиной десятилетия после этого грандиозного танкового сражения находили на картофельном поле пули, осколки разорвавшихся снарядов, искорёженного и поржавевшего металла, а то и вовсе человеческие кости, поднятые плугом трактора. . .

Несмотря на высокие звания первооткрывателя месторождения россыпей рек Эбелях и Маят, первооткрывателя Томторского месторождения, наличие государственных наград – ордена “Знак Почёта”, медалей и многочисленных ведомственных наград, – нельзя сказать, что карьера и жизнь Валерия Макаровича складывались легко и удачно. Для меня он навсегда останется первым

автором проекта на поисково-оценочные работы Томтора, который он вручил мне в самом их начале, благодаря чему получил знак “Первооткрыватель месторождения”.

Отличаясь прямолинейным характером, Валерий Макарович Подчасов долгое время занимал высокие геологические и административные должности, имея среднее специальное образование техника-геолога. И лишь в зрелом возрасте он заочно окончил вуз в Иркутске, когда наличие высшего образования стало крайне необходимым по должности. А в восьмидесятых Подчасова назначили главным геологом Амакинки. Этот период в тандеме с начальником Валентином Филипповичем Кривоносом стал фактически завершающим аккордом легендарной экспедиции. После их ухода закатилась былая слава Амакинки – первооткрывательницы алмазов в Западной Якутии и прародительницы алмазных экспедиций.

Хорошо известный во время заката золотого века алмазной геологии шарж начальника Тематической партии Льва Александровича Зимина изображал Амакинку в виде бедной несчастной медведицы, оставшейся на льдине, которую покинули все богатые и заживевшие “дети” – стационарные партии, норовившие стать самостоятельными экспедициями: Айхал, Молодо, Эбелях, Алакит...

Это было тяжёлое время, полное надежд и неопределённости. Но именно тогда, в 1986 году Валерий Макарович был направлен на повышение в Якутское ПГО начальником геологического отдела. Взвалив на себя судьбу геологов всей Якутии, он взялся за дело. В те времена персональная ответственность руководителей зачастую увязывалась с отдельными личностями, поэтому Валерию Макаровичу пришлось много раз незаслуженно выслушивать нелестные упреки в том, что это именно он “бросил” на растерзание, а то и вовсе “развалил” Амакинку, и основная вина лежит именно на нем, хотя вопрос о будущем геологии Якутии и, в частности, алмазной геологии решался не одним человеком и уж точно не на этом уровне. Тем не менее, Валерий Макарович с тяжёлым сердцем вспоминает нелёгкое время, когда на глазах рушилось то, что создавалось годами и десятилетиями целыми поколениями геологов-подвижников, для которых непреходимые таёжные тропы были повседневной реальностью. Прежде чем сесть в кресло в уютном кабинете, пришлось пройти тысячи километров бездорожья, покормить тучи гнуса и выжить на санях, увозящих молодого техника-геолога на участок горных работ в пятидесятиградусный январский мороз или апрельский буран. Такова нелёгкая судьба геолога Валерия Подчасова.

В то самое время завершения идей перестройки, когда перемены касались всех и каждого, а неизбежность благополучных шестидесятых-семидесятых-начала восьмидесятых рушилась и рассыпалась на глазах, хорошо помню рабочее совещание в посёлке Чернышёвском. Мы рассматривали результаты научно-исследовательских работ по Томторскому месторождению. С докладами выступали научные сотрудники из многочисленных подрядных организаций. К завершению поисково-оценочных работ таких скопилось довольно много. По этой причине с виду интеллигентный Валерий Макарович, будучи начальником геологического отдела “Якутскгеологии”, выслушав долгие доклады, уединившись со мной и главным геологом экспедиции Александром Тимофеевичем Васильевым, напрямую спросил у нас:

– Ну что, геологи, кого отшивать будем?

Для нас это было и смешно, и сурово, потому что мы и сами знали, что приглашённые для научного сопровождения институты присутствовали в избытке, а объёмы финансирования сокращались ежегодно, да и результаты их говорили сами за себя. Тем не менее, мы сообща нашли возможность выбрать наиболее работоспособные коллективы, отличающиеся максимальной результативностью, и решили продолжить с ними сотрудничество.

А уже в начале нулевых, при назначении меня главным геологом Ботуобинской экспедиции, мне довелось снова встретиться с Валерием Макаровичем в Мирном. Михаил Иванович Лелюх, начальник отдела поисковой геологии, организовал нам эту встречу в геологическом отделе. Именно от Подчасова я и получил одобрение на вступление в эту должность. Посетовав ему, своему бывшему главному геологу экспедиции, на высокое назначение, я выразил некоторые сомнения, справлюсь ли. Рассудительный и прямой Подчасов убил меня своими доводами:

— Да брось ты! У тебя же за плечами первоклассная амакинская школа, техникум, университет, широкая география и кандидатская учёная степень. И это ты-то не готов?! Вот у меня, когда меня назначили главным геологом Амаки, действительно грамотёшки не хватало. Ведь, кроме техникума, никакого серьёзного образования у меня не было, не считая заочного Иркутска. Но заочное отличается от дневного, как кварц от алмаза. Ты справишься! Точно справишься!

И в самый последний раз десять лет спустя мы повстречались с Валерием Макаровичем в Москве, в Государственной комиссии по запасам при защите запасов Нюрбинской россыпи. Подчасов в тот раз выступал в роли эксперта ГКЗ по нашему отчёту и довольно сурово отнёсся к подсчёту запасов. Были у него серьёзные замечания по методике оконтуривания россыпи, по опробованию и обогащению. Как опытный специалист, разведчик россыпей, он сразу же обратил внимание на двухслойное строение россыпи, и нам не удалось доказать ему, что эти два различных генетических типа алмазной россыпи должны подсчитываться отдельно. Мы поразились энциклопедическим знаниям и опыту Валерия Макаровича, ведь за его плечами были разведка россыпей рек Молодо, Эбеляха, Моторчуны и африканские непроходимые джунгли и саванна. Будучи специалистом-разведчиком высшего разряда, Валерий Подчасов с давним другом по Молодо Виктором Минориным выпустили книгу по россыпям алмазов всего мира. Это поистине большой научный труд.

Воспоминания Валерия Макаровича о первых годах его работы в Амакинке очень ценны. Сегодня, накануне 70-летнего юбилея открытия первого алмаза на косе Соколиной, честные рассказы живых свидетелей пятидесятих-шестидесятих годов важны, как никогда. Многие фамилии и имена персонажей алмазной истории хорошо известны, а некоторые стёрлись из памяти, но их сохранили соратники, считающие своим долгом донести память о них до нас. Воспоминания Валерия Макаровича поражают откровенностью и честностью крайне порядочного человека, каким мы и знаем его.

При этом Подчасов пишет: "... мне нечем особенно гордиться в этот период своей геологической биографии: месторождений я, увы, не открыл, умных книг не написал, собственных учеников не вырастил. Всё это было потом, но этим я во многом обязан именно той замечательной школе и тем замечательным людям, с которым мне посчастливилось работать в Приленье...".

Поистине, скромность — главная черта этого удивительного геолога, человека с большой буквы. Нынче это большая редкость. От себя добавлю только то, что горжусь своим знакомством с ним.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 10

КОЖИНОВ И БАХТИН (Продолжение)

16 марта 1962 года в газете “Литература и жизнь” появилась статья Кожинова “Литература и литературоведение”, в которой он дал по-своему уничтожающую характеристику, по сути, всей официальной науке о литературе того времени. “...Наше литературоведение, – писал он, – в сущности, очень мало и плохо исследует само литературное произведение как таковое... Работы чаще всего пишутся преимущественно *по поводу* произведений, в связи с ними, но не о них самих... Главное – нет ясного и конкретного исследования целостного искусства писателя в его неповторимом и богатом своеобразии... Конечно, произведение искусства отражает реальную жизнь. И всё же оно есть именно особый мир, созданный и живущий в художественной речи. Задача науки – проникнуть в *самый* этот мир, понять и оценить *его* с позиции жизни. А литературовед как бы “обходит” мир по кругу. Этот “метод”, прежде всего, антиматериалистичен. Вместо того чтобы исследовать словесную форму в её реальном содержании, литературовед, бросив “общий взгляд”, начинает произвольно конструировать отвлечённые соображения о содержании и ценности вещи. В результате литературоведение – одна из самых сложных гуманитарных наук, требующих большого и подлинно творческого труда – оказывается делом лёгким и простым...” То есть никому не нужным.

После этого зачина, в котором современные “зубры литературной науки” обвинялись в “антиматериалистичности” (при всей их приверженности “материализму”), более того, в “лженаучности”, Кожинов перешёл к самому главному – к тому, ради чего он и писал эту статью: подлинная наука о литературе есть. И есть её живой представитель – Михаил Бахтин, в ещё не переизданной книге которого “творчество Достоевского исследуется именно как целостный “мир”, живущий в конкретной материи художественной формы... На протяжении всей работы мы вместе с автором тщательно анализируем *сами произведения* Достоевского, проникая через сюжет, через образные детали в их содержание... Сама работа эта не проста, она требует от читателя внимания и напряжения...”

Стоит вчитаться в эту фразу молодого Кожинова, чтобы по достоинству оценить лихое умозаключение автора недавно изданной биографии Бахтина в серии “Жизнь замечательных людей”: “Тот... кто открывал страницы “Проблем поэтики Достоевского”, неизбежно начинал испытывать ощущение, что

в самые кратчайшие сроки способен освоить технику бахтинского возвышенно-мудрого говорения”. Непонятно, зачем понадобилась сему автору апелляция к так называемым “бахтинистам” более поздней эпохи, поднатюрившим в жонглировании бахтинской терминологией. В начале 1960-х всё было совершенно иначе.

Кожин прозорливо писал, что “тот, кто изучит её вдумчиво и серьёзно... поднимется на новую ступень в понимании того, что такое литература и что такое наука о литературе”. И это, действительно, было непростое чтение. Непривычные термины в непривычном контексте (“диалог”, “полифония”, “хронотоп”) только оттеняли глубину исследовательского проникновения в самую суть с л о в а. И на первых порах это совместное постижение в процессе чтения казалось погружением в неведомый мир без скафандра.

“...Дело переиздания книги, — бил в набат Кожин, — продвигается крайне медленно. Между тем потоком выпускаются работы о литературе, которые в лучшем случае никто не станет читать”.

И это было лишь вступление. Далее — о главном. О необходимости издания книги “Франсуа Рабле в истории реализма” (так называется диссертация, хранящаяся в архиве ИМЛИ).

И Кожин пишет о “другой эстетике”, воплощённой в этом труде:

“В истории искусства есть ряд значительных явлений, красота которых во многом прямо-таки недоступна для нас сегодня. В поэзии, скульптуре, пантомиме, танце ранней античности или азиатского и даже европейского Средневековья мы обнаруживаем такие тенденции, которые при непосредственном восприятии осознаются чуть ли не как безобразные” (далее идёт цитата из Гегеля, писавшего о сюжетах “Рамаяны”, как об “отвратительных карикатурных вымыслах”).

“Иная эстетическая мера”, “другая “система отсчёта” — вот что нужно, по мысли Кожина, чтобы войти в мир книги Бахтина, а через неё — и в мир самого Франсуа Рабле. “Всё человечество прошло через этот этап эстетического развития; на Востоке он просто получил наиболее монументальное выражение в искусстве, средневековая Европа быстрее прошла данную стадию. Однако ещё Рабле мог мерить этой эстетической мерой” — и потому невозможно односторонне воспринимать его “Гаргантюа и Пантагрюэля” как сатиру. Кожин цитирует из неопубликованного Бахтина:

“Нельзя понять этих телесных образов, их своеобразной художественной логики, их поражающей глубины и силы, если смотреть на них глазами художественных канонов XVII и последующих веков... В отличие от канонов нового времени, это тело неограниченное, незавершённое, неготовое, перерастающее себя самого, выходящее за свои пределы... И дана здесь эта стихия вовсе не в частно-эгоистической форме и вовсе не в отрыве от остальных сфер жизни. Материально-телесное начало здесь воспринимается как универсальное и всенародное... Поэтому всё телесное здесь так грандиозно, преувеличенно, безмерно... Ведущий момент во всех этих образах материально-телесной жизни — плодородие, рост, бьющий через край избыток. Все проявления материально-телесной жизни и все вещи отнесены не к единичной биологической особи и не к частному эгоистическому человеку, но как бы к народному, коллективному, родовому телу...”

Кожин подчёркивает, что “отголоски этой, казалось бы, забытой стихии” можно найти и в XX веке — в полотнах Гогена и в скульптурах Эрзи, в живописи Диего Риверы и в поэзии Пабло Неруды, “не говоря уже о современном искусстве народов Азии, Африки, Океании”... И, как следствие, “кажется несомненным, что, не став всецело исторической, эстетическая наука обрекает себя не только на узость, но и на топтание на месте”...

В письме Бахтину от 31 марта Кожин писал: “Читали ли Вы мою статью о Вашей книге?.. Если даже она Вам не понравится, я всё же не без торжества сообщаю, что именно в тот же самый день (во второй половине его) директор издательства дал указание включить Вашу книгу в план (а дело о ней месяца два лежало у него на столе)...”

Проходит почти 2 месяца — и в Саранск летит новое письмо с изложением обстоятельств, осложняющих выход книги в “Советском писателе”.

“...Не хочу от Вас скрывать — на днях возникло одно осложнение. Есть такая особа — Е. Книпович — (..... <цензурный пропуск>). Узнав об издании Вашей книги, она очень “заинтересовалась” (она влиятельный член

правления издательства) и заявила, что хочет поддержать книгу, которая, как она помнит, ей в своё время понравилась. В редакции обрадовались и доставили ей экземпляр (кстати, с большими трудностями) издания 1929 г. И она добровольно (и бесплатно!) написала пространную рецензию весьма мерзкого свойства.

Она совершенно зачёркивает первую часть книги, кроме главы “Идея у Достоевского”. Так, она заявляет (цитирую), что “автор как “вклад” и “величие” Достоевского поднимает те черты реллятивизма (написано именно через 2 “л”) и антиисторизма, которые в творчестве его были и которыми объясняется то, что в каком-то отношении у него (у слабых его сторон) учились и учатся (!) Пруст, Джойс, Кафка”...

Далее Кожинов сообщал, что, по мнению Книпович, “вторая часть прямо противоположна первой”, и делился следующими соображениями:

“Всё это достаточно печально, но я полагаю, что можно будет отвести все эти обвинения... Очевидно, всё образует. Но опасность всё же есть, и я не хочу скрывать это от Вас. Как говорил Гёте, нет ничего страшнее действительного невежества. Ведь рецензия Книпович – совершенно добровольный акт защиты “истинных ценностей”...”

И далее он пишет о своей новой книжке:

“Посылаю Вам брошюрку, которую я случайно издал... Вы её лучше не читайте, разве только стр. 47, на которой Ваша книга уже издана (надо творить действительность всеми способами!) и стр. 18–20, где хорошие слова Л. Н.”.

Имеется в виду “брошюрка” “Основы теории литературы (Краткий очерк)”, вышедшая в издательстве “Знание”, где на указанной странице книга “Проблемы поэтики Достоевского” объявлялась уже вышедшей в 1962 году и стояла в списке рекомендованной литературы (!)... Кожинов, поистине, “творил действительность всеми возможными способами”... Также обращает на себя внимание цитата из Л. Н. Толстого, на “хорошие слова” которого он указал Бахтину:

“...Существование насильственных правительств отжило своё время <...> в наше время правительственными людьми <...> могут быть только люди, стоящие на самой низкой ступени нравственного развития. Люди эти потому и находятся на таких местах, что они нравственно вырожденные люди <...> Теперешние <...> властители, учредители всякого рода насилий и убийств, уже до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже и негодовать. Они только гадки и жалки”.

Обращая внимание Бахтина на эти слова, Кожинов не сомневался: патриарх (как и он сам) безусловно отнесёт их к самой наисовременнейшей современности.

И он мог процитировать не только Толстого. Слишком многое у русских классиков говорило и о нынешней жизни в целом и о власти преобладающей, в частности. Так, читая Герцена, невозможно было не остановиться на строчках из письма Тургеневу, посвящённого “Семейной хронике” Сергея Тимофеевича Аксакова: “...Народы прощают многое – варварство Петра и разврат Екатерины, прощают насилия и злодейства, если они только чувствуют силу и бодрость мысли. Но непонимание воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, ни народ, ни история никогда не прощают, какое там доброе сердце ни имей”.

Впрочем, ни о каком “добром сердце” нынешнего управителя на самом деле говорить не приходилось.

* * *

Когда сплошь и рядом говорят и читают о “поколении детей XX съезда”, имеют в виду, в первую очередь, генерацию 1930-х годов рождения. Эти молодые люди, на самом деле, очень по-разному восприняли хрущёвский доклад на XX съезде и последующую “расправу” нового первого секретаря с его бывшими единомышленниками и сопративителями – Молотовым, Маленковым, Кагановичем и “примкнувшим к ним Шепиловым”. Кто-то надолго (если не навсегда) потерял покой и веру во всё происходящее. Кто-то не мог отделаться от обилия вопросов, на которые не давала ответа ни власть, ни окружающая

жизнь. Кто-то становился убеждённым антикоммунистом и антисоветчиком. Кто-то — наоборот — преисполнялся веры в “обновлённую партию” и вступал в неё с чистым сердцем. Кто-то дышал полной грудью, и голова у него кружилась от ощущения наступившей свободы. А кто-то полагал, что разоблачения Сталина “недостаточны”, и считал своим долгом подтолкнуть власть к действиям ещё более решительным.

Вадим Кожин относился, пожалуй, к тем, кто дышал полной грудью, но у кого отнюдь не кружилась голова — она, скорее, пухла от обилия подступавших вопросов. Ответы он искал тогда в послереволюционной истории и послереволюционной литературе — единственной, признаваемой им за литературу “социалистического реализма”, в том числе и в произведениях, созданных тогда, когда этого термина ещё не существовало в природе. В поэзии Маяковского, в первую очередь.

Прошло время. Случилась великая встреча с книгами Бахтина, а потом с ним самим. И общение это — личное и эпистолярное — совпало с очередным взрывом в общественной жизни. С XXII съездом КПСС.

К этому времени уже прозвучал хрущёвский лозунг “Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла!” (Кожин вспоминал, как он и его друзья смеялись, читая начертанное на кузовах грузовиков “Не уверен — не обгоняй!”). Это “догнать и перегнать” достигалось забоем скота, в результате чего в начале 1960-х начались перебои с мясом на магазинных прилавках. Ликвидация машинно-тракторных станций, передача техники колхозам привела к её массовому разрушению. Началась “кукурузизация” всей страны одновременно с уничтожением так называемых “неперспективных деревень”. И если с 1953 года началось возрождение деревни, то после 1958-го оно практически остановилось, а потом “процесс пошёл” в обратном направлении.

О том, что творилось на селе в начале 1960-х, вряд ли кто-то расскажет лучше Евгения Ивановича Носова, замечательного русского писателя, причисленного недалёкими классификаторами к “разряду” так называемых “деревенщиков”: “Вопреки ещё не успевшим выцвести, не смытым дождями оптимистическим диаграммам роста надоев и привесов, с прилавков магазинов стало исчезать мясо и всё мясное. Потом всё молочное... Куда-то девались пшено и гречка, как потом оказалось, на целые десятилетия... Пришла мысль посягнуть и на саму травопольную систему, выбросить из севооборота травы-предшественники, а вместо них внедрить ту же кукурузу. Для оправдания этого посягательства был изруган и дискредитирован основоположник этой системы академик Вильямс... Были ликвидированы и чистые пары, вместо них, даввших отдых земле, внедрялась опять та же кукуруза... Вспомним печальное постановление о лошадях. Они были обозваны дармоедами, поедающими чужой корм, позорящими социалистическую Россию бездельным ржанием и тяжёлым скрипом... Было запрещено выдавать корма на лошадей, их исключили из всех видов отчётности, то есть фактически объявили вне закона, и колхозы волей-неволей вынуждены были отправить их на убой. И потянулись на живодёрни эти скорбные, понурые шестивые лошадей по дорогам России, которую они много веков кормили, опахивали, окашивали и берегли от врагов... А насаждение декоративных агрогородов?! Ради такой театрализованной жизни, случалось, силком, с милиционером переселяли в казённые многоквартирные дома с общим туалетом под забором. А тем временем покинутые деревеньки объявлялись бесперспективными, дворы зарастали чертополохом, кособочились и падали радиостолбы, осыпались колодцы и ветер трепал истлевший белёсый флаг, забытый над крышей заколоченной школы...”

Но и этого мало. Была проведена денежная реформа, фактически обесценившая денежные знаки, в результате чего начался рост всех цен. И это сразу почувствовали на себе как сельские, так и горожане.

Безграмотный в отношении экономики, самоуверенный и самовлюблённый партийный интриган, ощутивший, что почва уходит из-под ног, Хрущёв не мог не видеть, что в результате его действий многие люди начинают всё больше и больше добрым словом поминать Сталина. И на XXII съезде он начал ещё более решительную и безоглядную атаку на покойного вождя, чем на XX-м. Борец против “культ личности” сам с помощью своего окружения, уже не стесняясь, сооружал свой личный “культ” “верного ленинца, выдающегося политического деятеля и теоретика марксизма-ленинизма”. На трибуне появилась старая большевичка, отсидевшая в лагерях 77-летняя Дора Лазурки-

на, заявившая буквально следующее: “Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной, как живой, стоял и сказал: “Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии”.

Сталин был вынесен из Мавзолея, захоронен у Кремлёвской стены, и началось массовое сокрушение его памятников по всей стране.

Из Конституции СССР, по предложению Хрущёва, была изъята 131-я статья: “Каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа”. А из программы партии было изъято следующее положение: “В партии не может быть двух дисциплин: одна – для руководителей, другая – для рядовых... Быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытий и искажений правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии... На любом посту коммунист обязан подбирать кадры по признакам политических и деловых качеств. Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства – несовместимы с пребыванием в рядах партии”.

Так был фактически открыт путь к будущему, сначала “тихому”, а потом и открытому разграблению общенародной собственности и к проникновению в партию волны карьеристов и проходимцев, приведших её к бесславному концу.

Этого всего как будто не замечали многие молодые литературные “звёзды”, уже окрещённые в журнале “Юность” “шестидесятниками” и буквально опьяневшие от “антисталинизма”. Более того, они с радостью и воодушевлением приняли очередную “новацию” Хрущёва и его окружения, как бы “подзабытую” с конца 1920-х – начала 1930-х годов: остервенелое, поистине революционное наступление на Русскую Православную Церковь.

Ещё 7 июля 1954 года ЦК КПСС принял постановление “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения”, негласно понимая под “крупным недостатком” частичную реабилитацию Православия при позднем Сталине. Ко времени XXII съезда борьба с этими “недостатками” вошла поистине в патологическую фазу. В 1959 году было закрыто 364 церковных прихода, в 1960-м – 1398, в 1961-м – ещё 1390. Иные храмы просто взрывались, как в 1930-х годах. Был запрещён колокольный звон, закрыт доступ к святым источникам. Верующие выгонялись с работы, исключались из вузов, лишались родительских прав за “незаконное” крещение детей или посещение с ними храмов. Повсеместно закрывались духовные семинарии.

“Шестидесятники” преисполнялись восторгом при виде возвращения “ленинских норм” жизни. В только что вышедшей книги стихов Андрея Вознесенского “Парабола”, тут же поднятой критикой “на щит”, можно было прочесть характерное для того времени стихотворение под названием “Загорская лавра”:

*Сопя носами сизыми
И подоткнувши рясы —
Кто смотрит телевизоры,
Кто просто точит ляды.*

*Я рядом с бледным служкою
Сижу и тоже слушаю
Про денежки, про ладанки
И про родню на Ладоге...*

*Я говорю: — Эх, парень,
Тебе б дрова рубить,
На мотоцикле шпарить,
Девчат любить!*

.....

*И колокол по парню
Гудит окрест.
Крест — на решётке.
На жизни — Крест.*

Нельзя не вспомнить и набравшего большую популярность прозаика Владимира Тендрякова. Кожинов вспоминал о его творениях того памятного десятилетия: "... Молодой в то время писатель ... Тендряков, который, между прочим, позднее превратился в радикального "либерала", в 1954 году опубликовал повесть "Не ко двору", на основе которой... в 1956 году был снят... кинофильм "Чужая родня" (его и сейчас время от времени крутят по телевизионным каналам. — **С. К.**), крайне резко, как нечто отвратительное, обличавший "пережитки" собственничества в крестьянстве (помимо прочего, один из героев фильма, первоклассный плотник, был заклеимён за то, что хотел получать от колхоза плату за свой труд!...). В 1958 году Тендряков сочинил воинствующую антирелигиозную повесть "Чудотворная", тоже превращённую в 1960-м в обошедший все экраны одноимённый кинофильм. (К слову: фильма я лично не помню, но повесть помню прекрасно. В середине 1960-х я учился в начальной школе, и это тендряковское творение входило в программу обязательного литературного чтения. Мы, совсем ещё дети, сердечно сочувствовали мальчишке, нашему сверстнику, избиваемому старой бабкой — православной фанатичкой — ребром доски разломанной им иконы. Степень писательской подлости стала, естественно, очевидной много позже. — **С. К.**) Через много лет Тендряков написал воспоминания о встрече Хрущёва с писателями и всячески поносил Никиту Сергеевича, но в 1950-1960-х годах он явно был его вернейшим сподвижником... И есть основания утверждать, что кинофильмы, снятые на основе повестей Тендрякова, имели не менее сильное (хотя и иное по своему характеру) воздействие на поведение и сознание молодёжи, чем многочисленные хрущёвские речи, — особенно если учесть, что в фильме "Чужая родня" в роли борца с "собственничеством" выступал обаятельнейший молодой актёр Николай Рыбников".

Одновременно шло "обновление" городского пейзажа. Сносились без остатка целые кварталы с вековой историей. "В конце 1950-х — начале 1960-х годов, — вспоминал Кожинов, — вновь начались ломки и перестройки в Кремле, и особенно в самом ближайшем его окружении. Чувствовалось, что всё это может привести к самым печальным последствиям".

Эти последствия не заставили себя ждать. Старой Москвы, столь любимой Кожиновым, которую он прекрасно знал, оставалось всё меньше и меньше. Нещадно истреблялся в центре города "московский ампи́р" во время уничтожения уникального района — Собачьей площадки — под ликующий аккомпанемент ещё одного входившего в моду "шестидесятника" Юрия Панкратова: "Сметая замшелую пошлость домов, прикорнувших горбато, // ведутся на полную мощность работы в районе Арбата".

Через много лет Вадим Валерианович, собирая в единое историческое целое, тогда — в 1960-е — представлявшееся чередой жутких фрагментов, пишет ещё об одном "деянии" власти: "... Поставив в самом центре древней русской столицы памятник уже несколько подзабытому основоположнику (по своему замечательное — типичное — нагромождение: Маркс, сработанный Кербелем, на площади имени Свердлова), партаппарат приступил к новому агрессивному нажиму на крестьянство, Церковь (при Хрущёве, как точно установлено, за несколько лет было уничтожено больше храмов, чем за прошедшие четыре десятилетия) и саму природу России (воспетые многочисленными евтущенками авантюристическое "освоение целины", сооружение громадных плотин и прочее)..."

Кожинов, в ранней молодости переболевший "сталинизмом", не просто избавился от следов преклонения перед каким-либо "культом". Он на полном серьёзе относился к Хрущёву и его присным, как к "нравственно вырожденным людям", которые "стоят ниже нравственных требований большинства". Никакой речи о вступлении в партию и быть не могло. Более того, он исключил для себя возможность защиты докторской диссертации, предпочитая остаться, как и его любимый Бахтин, кандидатом наук.

Всю свою человеческую энергию он тратил в это время на пробивание бахтинских изданий. Что касается его собственного душевного состояния,

здесь, пожалуй, уместно процитировать Евгения Боратынского из книги “Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма”, вышедшей в 1951 году, которую Кожинов, конечно же, внимательно и вдумчиво читал:

“Мы свергнули старые кумиры и ещё не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение.

Русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить”.

* * *

Кожинова тянет к Бахтину с силой непреодолимой. 66-летний, на внешний взгляд – старик, Михаил Михайлович извергает потоки энергии, выжигающие в его молодом, 30-ти с лишним лет собеседнике всё наносное, случайное, несущественное... Кожинов читает рекомендованного Бахтиным Розанова (с большим трудом доставая его книги): “Среди русских художников”, “Опавшие листья”, “Уединённое”, “Апокалипсис нашего времени”... А также ошеломляющее сочинение “Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови”.

“Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в “грехе”, – мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когда она, наконец, умрёт и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, – тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого...”

“Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их... Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает...”

“Нужно разрушить политику. Нужно создать аполитичность. “Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью”, “обманом, жестокостью”...”

“Если “политика” и “политики” так страстно восстали против религии, поэзии, философии, то ведь давно надо было догадаться, что, значит, душа религии, поэзии и философии в равной степени враждебна политике и пылает против неё... Что же скрывать? Политики давно “оказывают покровительство” религии, позволяют поэтам петь себе “достойные стихосложения”, “глядят по головке” философов, почти со словами: “Ты существо хотя и сумасшедшее, но мирное”. Вековые отношения... У “политиков” лица толстые, лоснятся... Но не пора ли им сказать, что дух человеческий решительно не умещается в их кожу, что дух человеческий желает не таких больших ушей; что копыта – это мало, нужен и коготь, и крыло...”

“Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем и лицо его выразительнее, не похожее на других. То, что называется общечеловеческою физиономиею, значит не что иное, как на одно лицо со всеми, т. е. физиономия пошлая”.

“... Как же мы мало знаем еврейство и евреев! Мы ведь их совсем не знаем. Как они умело скрывают под фиговым листом невинности силу громадную, мировую силу, с которой с каждым годом приходится всё больше и больше считаться”.

Читать хотелось ещё и ещё... И один вопрос наслаивался на другой, и все вместе они требовали ответа – каждый своего.

Кожинов снова приехал к Бахтину. На сей раз один...

– Михаил Михайлович! Вы советовали читать Розанова – прежде всего. Но ведь он был страшный антисемит!

– Ну, в таком случае Вам придётся считать антисемитами почти всех великих мыслителей и писателей России.

– Как же так?!

– А так! Представьте себе, что многое у них замалчивается, многое просто не публикуется. И это касается не только Достоевского. То же самое относится к Гоголю, Толстому, Лескову, Чехову, Блоку... А взять Андрея Белого,

Сергия Булгакова, Льва Карсавина? А наш с Вами современник Лосев?.. Читайте классику по старым изданиям.

“...Имела место, — писал позднее Кожин, — своего рода “цензура” по еврейскому вопросу, которая особенно неукоснительно действовала в интеллигентской среде. И к моменту знакомства с М. М. Бахтиным... в моё сознание было прочно внедрено представление, что подлинно “интеллигентный” и действительно “культурный” человек **не может** ни думать, ни тем более высказывать публично что-либо критическое в адрес евреев... Словом, мне стало ясно, что издавна действующий в интеллигентской среде “запрет” на критические суждения об **одной** из национальностей — явление сугубо ложное и, в конечном счёте, вредное даже и для самой этой национальности, ибо оно стимулирует либо даже вообще порождает в тех или иных людях экстремистские, “крайние” — и также заведомо ложные — негативные представления о евреях... Без всякого преувеличения скажу, что тогда, в 1962 году, Михаил Михайлович был **единственным** в мире человеком, который мог убедить меня изменить давно, с 1940-х годов внедрившееся в моё сознание представление об этом “предмете”, и убедить не какими-либо аргументами, а самой своей личностью...”

Впрочем, “перемена” — слишком неточное слово. В Кожинове произошёл фундаментальный п е р е в о р о т всего мировоззрения. И “национальный вопрос” был здесь лишь одним из сегментов.

“Помню, как однажды в Саранске, — вспоминал Вадим Валерианович, — он в течение нескольких часов, затянувшихся далеко за полночь, говорил мне о Боге и Мироздании, говорил так, что я ушёл в гостиницу в буквальном смысле слова потрясённый и не мог уснуть до утра, пребывая в никогда не испытанном духовном состоянии... На вопрос о соотношении христианских конфессий Бахтин, не задумываясь, сказал (как о давно решённом), что человек, причастный России, может исповедовать именно и только Православие... Только религия, говорил он, определяет ничем не ограниченную свободу мысли, ибо человек абсолютно не может существовать без какой-либо веры, и отсутствие веры в Бога неизбежно оборачивается идолопоклонством, то есть верой в нечто заведомо ограниченное временными и пространственными рамками и не дающее действительной, полноценной свободы мысли...”

— Царство Божие не внутри нас и не вне нас; оно — между нами...

Это было совершенно иное и з о б р а ж е н и е диалога, чем то, как его до сих пор воспринимал бахтинский собеседник.

Бахтин говорил о том, что настоящая религиозность рождается на тончайшей грани веры и безверия, а трагизм — на грани, на срезе жизни и смерти. И иллюстрировал поразительным примером: “Во время войны люди, с именем Сталина бросавшиеся под танки, не верили, что умирают. Они считали, что клич: “За Сталина!” — переносит их в какую-то иную жизнь”.

В самом бытии Вадима Кожина менялось всё. Он уезжал от Бахтина иным человеком.

* * *

Как уже упоминалось, в “Литературной газете” появилось письмо Виктора Виноградова, Николая Любимова и Константина Федина: “...Мы считаем очень важным и своевременным издание выдающегося исследования о Рабле, принадлежащего одному из интереснейших наших литературоведов — Михаилу Михайловичу Бахтину. Многим известна его прекрасная книга “Проблемы творчества Достоевского”, опубликованная ещё в 1929 году. Сейчас этот труд издаётся “Советским писателем”; одновременно он будет опубликован — по договорённости с “Международной книгой” — прогрессивным итальянским издательством Эйнауди”.

Николай Любимов, заново переведший “Гаргантюа и Пантагрюэля”, тоже вспоминал: “То, что Бахтин наконец выплыл, — заслуга Вадима Валериановича Кожина. Он и обратился ко мне с предложением написать письмо в “Литературную газету” о необходимости издания “Творчества Ф. Рабле”. Компания, в которую я попал, подобралась хоть куда — Федин, академик В. В. Виноградов. Но сначала вышла книжка о Достоевском, а потом уж Рабле. Я-то читал её в рукописи, и она мне очень помогла. Когда я показывал

куски переводов М. М., он одобрил мой метод – использование русских поговорок, поговорок. Уже гораздо позднее мы стали соседями, и время от времени я его навещал...”

В этот же день, когда было напечатано письмо, Кожинов пишет Бахтину: “Дорогой Михаил Михайлович!

Давно не писал Вам – всё дожидался, пока опубликуют письмо о Вашем Рабле в “Литературной газете” (сегодня, наконец!). Долго задерживали всякие типы. Это письмо важно тем, что теперь книга о Достоевском пройдёт без сучка и задоринки. А вторая – ещё посмотрим. Во всяком случае, интриги противной Книпович сорваны...

О себе писать мне нечего... Мы сдаём в издательство 2-й том нашей “Теории литературы”, где мне принадлежит более половины текста, и надо возиться со всякими доделками и редакционными поправками. Работа особенно скучна потому, что уже сданный 1-й том проходит в изд. Очень плохо, чёркают целые страницы (больше всего – в текстах Гачева), и обидно работать впустую. Быть может, вообще не издадут, ибо в теоретической работе всё явно, голо – “вредные” мысли не опредмечены в материале, в конкретном анализе. К тому же изд. АН самое мрачное. Сидят какие-то неизменяющиеся куклы. (Поэтому книгу о Рабле лучше всё-таки отдать в Гослитиздат – там, в основном, люди симпатичные...) Пинский соглашается быть научным редактором. Он считает Вашу книгу гениальной и самой глубокой в русском литературоведении. Правда, в то же время считает её односторонней.

Простите, что ничего не могу написать о Вашей главе, присланной “для отзыва”. Это виноваты Бочаров и Палиевский, которые вообще принципиальные кунктаторы. Они всё ещё читают и перечитывают...

Посмотрите статью Палиевского в № 6 “Нового мира” за этот год – по моему, превосходнейшая вещь. Жаль, что сильно смягчена, обеззублена купюрами (она должна быть напечатана в одном сборнике полностью).

Получили ли Вы какие-нибудь сведения из Турина? Я слышал из третьих рук, что книга Ваша уже переведена на итальянский...”

И далее автор письма спрашивал мнение Бахтина о статье Пиамы Гайденоко в “Вопросах литературы”, о философии Хайдеггера, где цитировался поздний Бердяев, а также послал стихотворение тогда любимого и читаемого Мандельштама “Кувшин”.

Статья Палиевского, о которой писал Кожинов, была посвящена анализу буржуазного мира в романах Грэма Грина. Из Турина никаких сведений не было...

ПЁТР ТКАЧЕНКО

“ВО МГЛЕ МЕРЦАЮЩИЕ СТРОЧКИ...”

Поэты, как правило, приходят не оттуда, откуда их ждут. Если ждут вообще... Так, видимо, устроено восприятие и постижение мира, что зачастую люди судят о настоящем по предшествующим образцам. А потому так часто не узнают своих поэтов. Или же принимают за поэзию то, что ею не является. Как правило, от поэта ждут подтверждения своих представлений, порой основанных на случайных влияниях. А он являет нам неведомое, ибо он — «единственная новость, которая всегда нова» (Б. Пастернак). Подняться к нему труднее, чем низвергнуть с духовной бытийной высоты в быт и повседневность, подстроить под себя, что и делается обыкновенно.

Но дело поэта, назначение его состоит вовсе не в том, чтобы удивить, а то и ошарашить человека, выбить его из привычного хода жизни и повергнуть в растерянность. А напротив, явить извечную красоту мира, ибо он — сын гармонии. Явить духовную природу человека, во все времена неизменную. Явить, на какую духовную высоту может подняться человек, а не то, как он может пасть, до какой низости может прийти. Представить наше краткое земное бытие в общем течении жизни его неповторимым и необходимым звеном.

Поэзия непереложима на язык обыденной логики, иначе в ней отпала бы всякая необходимость. Она ничем не доказуема, кроме её самой. И именно в таком виде даёт нам то, что не могут дать другие сферы сознания. Но это вовсе не значит, что мы не должны предпринимать попыток её понять и объяснить, несмотря на то, что «Кому само дело не говорит за себя, тому уже не помогут толкования» (В. Белинский). В какой-то мере мы приближаемся к пониманию истинного поэта, рассматривая тип его сознания, то, какие ценности он исповедует. Но не в первую очередь через блеск или нищету его версификаторства. Это общее положение, относящееся не только к поэзии и справедливое во все времена: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Евангелие от Матфея, 10; 19).

Пожалуй, всегда, во все времена поэты жаловались на отсутствие поэзии, на вытеснение её из жизни, на покушение на неё: «Исчезнули при свете просвещения/ Поэзии ребяческие сны» (Е. Боратынский); «Теперь тебе не до стихов,/ О, слово русское родное» (Ф. Тютчев); «К поэзии чутьё утратил гордый век» (Я. Полонский); «Теперь она, как в дымке, островками» (Н. Рубцов). Но было бы наивностью понимать это в прямом смысле слова, так как жалующиеся как раз и являли высочайшие образцы поэзии, вершинные проявления человеческого и народного духа. Эти же нескончаемые жалобы — ско-

рее приметы и признаки того, как поэзия борется за своё существование, за своё право быть среди людей, оставаться в их душах. Это характеризует не поэта, а людей, слышащих поэта или отказывающихся его понимать и изгоняющих его из общества. Но дело поэта не устаревает и остаётся неизменным во все времена.

Представляя современного поэта, приходится начинать издалека, предварять это длинным вступлением, так как без этого многое останется непонятным как в поэте, так и в нашей жизни. Впрочем, это вовсе и не ново. Так В. Белинский представлял, к примеру, М. Лермонтова. Мы же, говоря об одном из самых талантливых ныне в России поэте Николае Зиновьеве из города Кореновска Краснодарского края, вынуждены это делать и потому, что переживаем в нашей духовно-мировоззренческой и культурной жизни беспрецедентное, ранее не встречаемое положение. Вот уже четверть века как у нас в России произошло неслыханное и, казалось, невозможное. Русская литература настойчиво и целенаправленно вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Причём вся – как классическая, так и современная. Разгром русской литературной традиции во многом уже состоялся.

В большинстве своём это делается не из злого умысла, а вроде бы из доброго намерения и стремления быстрее продвижения по пути прогресса и цивилизации. Несмотря на все печальные результаты такого “продвижения”. Конечно, это следствие не только нашего российского, но общемирового попущения – утраты смыслов, нарушения иерархии ценностей, перепутанности добра и зла. Но от этого не легче. Это стало возможным как результат преобладания сознания, которое можно определить как революционное, при господстве которого нещадно искореняется всякая традиция, как якобы мешающая “прогрессу”. И всё же недопущение литературы в общество является в основном рукотворным, так как носит информационно-коммуникативный характер. Доказательство тому – быстрота, с которой произошла “ликвидация” русской литературы. Рейдерский захват какого-нибудь предприятия невозможно осуществить с такой стремительностью, с какой у нас в России была “упразднена” русская литература...

Всё это характеризует не поэтов и не литературу, а переустроителей жизни на “новых”, а по сути – старых, как мир, началах. Разумеется, такое тотальное неолиберальное наступление на русскую культуру, а литературу в особенности, является проявлением общей экспансии, имеющей уже далеко не литературные и не культурные цели. Ведь у нас в России была одна безусловная величина мирового масштаба – это великая русская литература, через которую мы были слышны в мире. С пресечением литературной традиции мы утрачиваем и своё мировое значение, так как подвергаемся духовной и культурной деградации.

Результаты такой экспансии хорошо известны, не раз подтверждались нашей трагической историей. О них, к примеру, писал А. Блок в “Записке о театре” в начале миновавшего революционного века, сто лет назад: “Государству ничего не стоит при каком угодно режиме закрыть двери театров и университетов”. А мы добавим, – не только государству, но и иным, вполне определённым силам, имеющим влияние и на государство: “Но если это случится, то горе государству в будущем. Щупальцы его отсохнут, ослабеют; ответом на всю его мрачную деятельность в прошлом будет неслыханная и дикая анархия, которая затмит собой все ужасы его прошлых войн; это будет слепой бунт людей, долго пребывавших во мраке; справедливое возмездие тем, кто полагает, что человек может быть доволен единым хлебом”.

Но и в таких условиях русская литература ещё продолжает жить. Ведь литература может закончиться лишь тогда, когда окончательно погаснет дух человеческий и народный. И в таких условиях она продолжает жить по каким-то неведомым законам, обществу, по сути, неизвестная. И, конечно, не там, где преобладает “успех”, а вместо литературного процесса всё ещё буйствует премиально-фуршетный дурман... Как она продолжает существовать в условиях устроенной ей информационной блокады? Попытка понимания этого и должна стать нашей первой задачей.

Но было бы наивностью и непростительным упрощением сводить эту “блокаду” литературы к открытому запрету. Есть вещи поковарней и пострашнее чуткой цензуры. Бывает “болезнь”, неведомая земным врачам, поражающая человека и всё общество, о которой писал Ф. М. Достоевский

в “Преступлении и наказании”, когда люди начинают “сумасшествовать”: “Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина, и мучился, глядя на других...”. Это периодически возвращающаяся “болезнь”. Это о ней, как о “повальном сумасшествии”, писал в “Окаянных днях” И. Бунин. Мы не знаем её природы, но мы знаем её причину – насилие над человеком, над его духовной сущностью, и видим её безобразные симптомы. И последствия, точно выраженные А. Блоком: “Когда осилила тревога, / И он в тоске обезумел, / Он разучился славить Бога / И песни грешные запел”. Она поражает всех без исключения, и в первую очередь тех, кто эти “блокады” устраивает, считая их “спасением”. Далеко не все в этой болезни уцелевают, но лишь те, кто находит в себе силу духа ей сопротивляться.

На этом фоне, в литературном, да и не только литературном безвременье удивительна творческая судьба поэта Николая Зиновьева. Родился он в 1960 году на Кубани, в станице Кореновской Краснодарского края. Ныне – город Кореновск. Там и живёт. Учился в профтехучилище и университете. Первая книжка стихотворений “Я иду по земле” вышла в 1988 году в Краснодарском книжном издательстве. Сегодня он автор многих книг и лауреат литературных премий. Вся его творческая жизнь пришлась на продолжающееся время подавления литературы в обществе, когда имена писателей если и удерживались в информационном пространстве, то не иначе как потускневшие ампулы предшествующего времени. Войти в общественное сознание новому имени, таланту, продолжающему русскую литературную традицию, стало практически невозможно. Для этого были перекрыты все пути. Прежде всего информационные. Нет, “литературная жизнь” продолжалась. Проходили шумные презентации и помпезные выставки, вручались бесконечные премии, не имеющие абсолютно никакого общественного значения. И чем всё это было крикливей, тем дальше от подлинной литературы...

С поэзией Николая Зиновьева произошло, казалось бы, невероятное – она всё более и более проникла в общество, причём в самые разные его слои. Это при том, что сам он по характеру и складу души не отличается общественной активностью. И всё-таки случилось то, что можно назвать феноменом Николая Зиновьева. А ведь установка на литературную традицию, на приверженность русской литературной классике для него принципиальна. Во времена предшествующие образованная часть общества была приучена к тому, что новое поэтическое имя появлялось не иначе как через натужное оригинальничанье, экзальтацию, бунт, скандал. Но такая “эстрадная” поэзия “шестидесятничества”, как теперь уже ясно, не удержалась ни на площадях, ни в душах людей. Это было predetermined предыдущим периодом, когда “гражданственность” поэзии понималась не иначе, как *революционность*. Со времён революционных демократов, со странной альтернативой “поэт” и “гражданин”, хотя за десять лет до некрасовского “Поэта и гражданина”, в 1846 году Ф. Глинка писал:

*И порицают лиры сына
За то, что будто гражданина
Условий не снесёт поэт...*

Литература зачастую толковалась или с точки зрения “передовых” революционных идей, или господствующей идеологии. До такой степени, что история русской литературы оказалась подменённой историей революционного движения, “освободительного движения” в собственной стране... Революционное сознание оказалось преобладающим во всех слоях общества. Традиционное же, – по сути, изгнано напрочь.

В самое нелитературное время стихи Николая Зиновьева нашли и находят отклик в широких слоях читателей, в том числе и вовсе далёких от литературы. Так случилось, видимо, потому, что он напоминает в своих стихах о чём-то для нашей человеческой и общественной жизни очень важном, традиционном, что некогда удерживалось в обществе, но оказалось утраченным. А почти единственный отклик читателей на его поэзию свидетельствует о том, что в людях сохранилась человеческая основа, что они давно уже ждали возвращения в нашу жизнь сокровенного смысла слова, духовных, литературных, человеческих понятий и представлений. Выбор пал на него, Николая Зиновьева.

Его стихи отличаются удивительным свойством — они злободневны и вместе с тем далеко не декларативны, от чего их спасает глубина и оригинальность мысли. Но главное состоит в том, что поэтический мир Николая Зиновьева отличается удивительной цельностью. Это — редкое явление в наше фрагментированное время. Такую цельность поэзии Зиновьева придаёт глубокая вера. Так может писать лишь истинно православный человек. Видимо, это в его стихах и привлекает внимание читателей, измученных смысловой кавкафонией и мировоззренческим плюрализмом.

Но менее всего хочется, указуя на него, сказать: вот истинно православный поэт, его эталон. Не хочется потому, что в наше время возвращение к исконной вере было понято слишком уж упрощённо. После долгого атеистического периода истории иначе, видимо, и не могло быть. Но факт остаётся фактом. Догматизм и начётничество оказались преобладающими. Ведь “духовная поэзия” остаётся всё-таки тематической. Она усваивает догмат, оставаясь в большей мере приверженной ему, а не образной природе. Большинство литераторов посчитали, что в нашей литературе наступила “тема православия”, как и всякая другая тема — производственная, сельская, военная... Совсем иначе обстоит всё в мире Николая Зиновьева, который постигает не только социальную, но прежде всего духовную сущность человека и жизни. А потому в его стихах есть то, что так разнится с общепринятым и казалось спасительным:

*Ужасная эпоха!
За храмом строим храм.
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам.*

Каким-то неведомым чутьём он распознал, что нынешнее возвращение к вере не может быть таким простым, как это многим представлялось. Как не может быть возрождения Церкви при упадке творческой, производственной и в целом народной жизни:

*Вот сменила эпоха эпоху.
Что печальнее в этом всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.*

Это вовсе не значит, что поэт не знает радости обретения веры. Он просто не знает трагедии её утраты. А потому пишет так, словно исполняет некое послушание, поручение свыше. И исполняет его последовательно и достойно, ибо “Такое мнение бытует. Поэт лишь пишет. Бог диктует”. Вера в его мире не является лишь “темой”, но — человеческой сущностью. Это сказалось в полной мере уже в ранних его стихах, и как бы без всякого ученичества:

*Меня учили: “Люди — братья,
И ты им верь всегда, везде”.
Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте.*

*Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.*

В этом стихотворении уже была задана та духовная высота, от которой мы начали отвыкать. Между тем — извечное стремление истинно верующего человека — распознать и пойти крестным путём, который ему предназначен. Неизменное стремление, постигаемое русской поэзией. Скажем, в стихах А. Блока.

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —*

*Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, —*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...*

Да, разумеется, поэзия постигает и выражает жизнь: “Поэзия есть выражение жизни, или сама жизнь” (В. Белинский). Так скажет позитивист и материалист и не задастся вопросом: зачем нужна жизнь вымышленная, если есть жизнь настоящая? Потому что он остаётся на уровне *социальном*, не поднимаясь, не проникая на уровень *духовный*. Потому что он не знает извечного противоречия между искусством и жизнью: “Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони” (А. Блок). И если видит художника борцом, то не иначе как за переустройство и “улучшение” мира. Истинный же поэт ведёт борьбу за духовную природу человека, за удержание его на духовной высоте среди мировых сил зла, борьбу прежде всего в своей душе:

*Пусть речь моя порой бессвязна,
Пускай гребу одним веслом,
Одно в стихах должно быть ясно:
Что гибну я в борьбе со злом,
Во мне живущим ежечасно.*

Кажется, что можно было бы обойтись и без последней строчки — “Во мне живущим ежечасно” — ведь строфа вполне закончена. Нет, нельзя обойтись без неё, так как поэт спасает не мир, а свою собственную душу. Ведь мир спасётся лишь тогда, когда спасётся человек. И никак иначе.

Следы этой ничем не устранимой борьбы, происходящей в душе, мы постоянно видим в мире Николая Зиновьева. Это — “тоска существования”. У иных поэтов это — “недуг бытия”. У философов — “тяжба о бытии”. У великого М. Лермонтова — “жизни тяготень”. Это то извечное борение в душе человеческой, которое люди церковного звания точно называют *бранью духовной*. И всякое сомнение при этом является не следствием слабости поэта, а проявлением крепости его духа:

*Всё чаще я осознаю,
Что не могу спасти стихами
Ни душу бедную свою,
Ни жизнь, кишащую грехами.*

Стихи Николая Зиновьева по глубине и необычности мысли жесткие до беспощадности. Но мы были бы опрометчивы, если бы посчитали, что это и есть та *обличительность* мира, людей, всего сущего, во имя их “исправления”, свойственная нашей литературе в её революционно-демократическом направлении. Нет, конечно. И прежде всего потому, что всё в его стихах освящено идеалом веры.

*Ликуют Каины и Хамы,
И всё длиннее бедствий ряд.
Друзья мои, идите в храмы,
Пока они ещё стоят.*

*Пока в них славят Иисуса,
А не сгустившуюся мглу.
Пока усердно чья-то Муза
Всё ещё молится в углу.*

Поразительно точное соотношение веры и поэтического творчества, так редко встречаемое у наших нынешних поэтов. То соотношение, которое задано пятнадцатилетним М. Лермонтовым в его гениальном стихотворении

“Молитва” (“Не обвиняй меня, Всесильный...”) и которое так и осталось в нашем общественном сознании неуяснённым.

*Всюду попраны напрочь святыни,
Всюду славят Златого тельца.
Человек в беспредельной гордыне
Отвернулся от лика Творца.*

*Эти старые общие фразы
Я пишу, понимая вполне,
Что и ваши не новы гримасы,
И слова, что вы скажете мне...*

Но как быть “безвременья поэту”, как он себя называет, когда “Под погребальный марш прогресса/ Стремимся к бездне всё быстрее”, поэту, остающемуся в литературной традиции?.. Видимо, только так:

*Я взял классическую лиру,
Безмолвна каждая струна.
Играть не хочет лира миру,
Которым правит сатана.*

*Кто из поэтов не философ?
И мне мир нынешний не мил.
И я поставлен пред вопросом:
Сменить мне лиру или мир?..*

С творчеством Николая Зиновьева я знаком давно. Доводилось составлять его первую московскую книжку стихотворений “Дни, дарованные свыше”. И теперь, годы спустя, могу отметить некоторую эволюцию. Состоит она в том, что в его стихах последнего времени появилась “музыка”. Они стали более гармоничными и менее преднамеренно угловатыми, при сохранении глубины и необычности мысли:

*Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
А сердце вовсе не болело.*

*Душа сияла чистотой,
И васильки синели в поле.
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господня воля...*

Или вот — “В гостях у мамы”. Сельское подворье, окутанное воспоминаниями детства:

*Стоит рассохшаяся кадка
И видит в снах себя с водой.
Здесь от царившего порядка
Остался отблеск золотой.*

Своё дарование, творчество он видит как Божие поручение.

*Пока я не пошёл ко дну,
Одетый в смертную сорочку,
Господь, даруй мне хоть одну,
Во мгле мерцающую строчку.*

И Господь воздаёт ему по вере его. И не одной строчкой, мерцающей именно “во мгле”... “Во мгле” нашего безверия...

Николай Зиновьев покори́л читателей не упованием на “новую литературу”, не установкой на её “современность”, помня о том, что “несовременно-го искусства не бывает” (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Но — установкой на “классическую лиру”, вполне осознавая, как это “несовременно”, наконец, как это не выгодно в обществе, в котором рукотворно, наряду с “рыночной”, создаётся индустрия “новой литературы”.

И всё же ему удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось бы, без каких-то особых усилий с его стороны. Удалось потому, что его мир, понимание вещей отличаются удивительной цельностью. Валентин Распутин назвал его поэтом *особенным*, что “его сравнить не с кем, там, откуда он берёт свои слова, никто никогда не бывал, это словно бы и не взгляд, и не суд современника, а доносящееся из земных глубин суровое и праведное о нас мнение тех, кто имеет на него право”.

Николай Зиновьев — человек редкого миропонимания для нашего невнятного времени, сочетающий большое поэтическое дарование и христианскую веру. В нынешней литературе это удаётся совсем немногим писателям. К сожалению, большинство литераторов не устояло под новым натиском революционного сознания, позитивизма и материализма, по сути, согласившись с этим попущением. Логика тут во все времена одинакова: “Мир меняется очень быстро, происходит размытие классической нравственности и морали, литература не успевает за этими процессами...” (Кирилл Алейников, “Литературная Россия”, № 36, 2019 г.). Слово в другие времена было иначе. Так было всегда. Но разве поэзия должна “успевать” за теми духовными вывертами, которым подвержен человек, впадая в искушение? Нет, конечно. Мало указать на зло ещё не избавляет нас от него. Необходимо представить, как духовная сущность человека преодолевает зло этого мира, и прежде всего в себе самом.

Такое суждение о литературе, когда она должна за чем-то “успевать”, основано на перепутанности понятий, когда *духовное* объясняется *социальным*, так как социальность почиталась реальней и выше всякой трудноопределимой духовности.

И когда оказались поколебленными те основы, на которых мир стоял извечно, многие ринулись искать “новые”, “другие” основы, на которых мир и общество должны удержаться и обрести естественное состояние. Но никакой одной идеи, отмычки для этого не существует. Кроме как остаться человеку в пределах духовной природы, а поэту в пределах дарования, “По торжищам влача тяжёлый крест поэта...” (Я. Полонский). Ведь подобную невнятную ситуацию духовной нетвёрдости и мировоззренческой прострации мы переживали, и не столь уж давно. Для моих ровесников — это поколение наших дедов, переживших революционное крушение страны в начале XX века.

Припомним, как мучительно работал Александр Блок над поэмой “Двенадцать”. В условиях всеобщего отступничества, “богоискательства”, поисков “другого” символа веры, он задавался трудным вопросом: “Опять Он? А должен быть Другой?” И оставил в конце концов людей с Ним, с Христом. Правда, имя Спасителя поставив не в привычном синодальном написании — Иисус, а в старообрядческом — Исус, чего так и не заметили исследователи, а литераторы в большинстве своём поняли превратно. Значит, всё дело в том — устоял или не устоял поэт против этой извечной бездуховной напасти. И перед современным поэтом вновь предстаёт всё тот же вопрос, которым задавался Н. Гоголь: “Зачем ты не устоял противу всего этого?": “Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом — мало ли на что можно сослаться. У человека вдруг явятся тесные обстоятельства... Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. Оно сделает упрек ему, а не им. Зачем ты не устоял противу всего этого?”

Но этот неизбежный вопрос встаёт теперь не только перед поэтами, но перед каждой живой душой. Если говорят, что теперь литература никому не нужна, что теперь не до неё, это свидетельствует о согласии с этим варварством. Свидетельствует о том, что “противу всего этого” не устояли. Неужто это

и должно определять жизнь личности, общества, народа, государства, страны?.. Но ведь не определяет и не определит...

По всем приметам такого поэта, как Николай Зиновьев, вроде бы и быть не должно. Впрочем, так уже было в миновавшем революционном XX веке. Так вопреки всему появился М. Шолохов, потом – Н. Рубцов... Таким теперь кажется и появление Н. Зиновьева... Вроде бы откуда ему было взяться после атеистического века, завершившегося разрушением русской литературной традиции? Всё это свидетельствует о том, что мы по обыденной логике всё-таки ждём поэта не оттуда, откуда он приходит...

Но теперь мы уже можем сказать, что поэт Николай Зиновьев против новой и очередной напасти, выпавшей на нашу долю, устоял. Об этом свидетельствуют его “во мгле мерцающие строчки”.

БОРИС КУРКИН

СОБАЧЬЯ ЛИРА “ПРОЛЕТАРСКОГО ПОЭТА”

*Однажды товарищ Сталин взял за пюгову поэта Маяковского и задушевно, как один он только и мог, сказал ему:
— Товарищ Маяковский, вы безусловно лучший и талантливейший советский поэт. Вы писали о Грузии, об украинской ночи. Что мешало вам написать что-нибудь хорошее и о России?
В ответ Маяковский пробормотал что-то невнятное, а придя домой, умер.*

(Апокрифическое)

В самом центре Москвы, на площади, носившей когда-то название Триумфальной, стоит его каменный истукан. Вернее, не его, а того образа, что сформировала советская пропаганда. Имя сему идолу — Маяковский. Новой власти с самого начала не были нужны Триумфальные победы России, а вот идола требовались в изрядном количестве.

Он был, бесспорно, демонической личностью — достаточно посмотреть фильм 1918 года “Барышня и хулиган” с его участием. Демонизм прочитывается и на его фотопортретах, сделанных крупным планом. Магическая персона. Он умел подчинять себе людей, и те потом недоумевали, как такое могло с ними произойти, что подействовало на них, ведь они вовсе не собирались уступать ему? Об этом писал в своих дневниках редактор “Нового мира” В. Полонский.

Он не лез за словом в карман.

Он мог быть грубым, развязным, хамоватым. И даже просто хамом — не в библейском, а в сугубо бытовом смысле.

Дикарём. И умело изображал из себя такового.

Он чётко (и вполне в духе “конструктивизма”) продумывал свои перформансы и после того, как выкинул на помойку жёлтую блузу. В чём выходить на сцену? Как себя вести? Поносить ли всемирные авторитеты? Всё это не было экспромтом, а тщательно продумывалось заранее. Даром что ли он хотел знать, как вёл себя в сходных случаях У. Уитмен!

Он был одинок. Гордыня, неутолимая жажда земного поклонения обрекают человека на одиночество, отнимая у него шаг за шагом всё и оставляя в итоге ни с чем. Но стоит ли много говорить об этом, когда уже написан “Доктор Фаустус”?

За прошедшие годы не было недостатка ни в восторженных поклонниках, ни в хулителях Маяковского. Находились в изрядном количестве и те, кто принимал поэта в одном и отвергал в другом. И те, и другие, и третьи исходили при оценке его творчества из самых разных и порой прямо противоположных критериев — “классового подхода”, “личностного” (“биографического”), “художественной выразительности” и т. д. и т. п. Все они были субъективными, подверженными времени, его условиям и условностям. Попробуем же взглянуть на творчество Маяковского через оптику вечных ценностей, вечных евангельских установлений — объективно существующих и не подверженных переменчивой конъюнктуре человеческого своеволия.

Важно заранее определиться, как следует понимать творчество поэта, какие критерии брать за основу. Разумеется, всяк волен уподобиться режиссёру с его сакраментальным: “Я так вижу!” — и в большей степени выражать самого себя, нежели автора. Однако в таком случае мы будем иметь дело исключительно с субъективной интерпретацией, а не поиском и обнаружением истины.

И ещё одно замечание: важно не то, что хотел сказать и выразить автор, а то, что он на деле сказал. Слово есть дело. Да и сама формулировка “автор хотел сказать” звучит нелепо. Кто же знает, что творилось в момент написания в голове автора? Часто он и сам не отдаёт себе отчёта в том, что пишет и что выходит из-под его пера, а осознаёт это, лишь завершив свой труд. Да и это мы не можем утверждать с полной уверенностью. Разумеется, речь не идёт о таких вещах, как “Стихи о советском паспорте” или “Нигде кроме, как в Моссельпроме”. Здесь смысл сказанного однозначен.

Прочтём же внимательно его тексты.

Литературный критик Троцкий, променявший, увы, перо на штык, лиру на маузер, а газету “Киевская мысль” на “Правду”, отмечал в статье “Самобытность Маяковского”, размещённой в очередном Бюллетене оппозиции: “У Маяковского были проблески гениальности. Но это был не гармоничский талант”¹. И тут же оговаривался: “Откуда было взяться гармонии в такое время?”

“Великий поэтический трибун революции, — говорил о нём тотчас же после его гибели Бухарин. — Он **чертовски хорошо** (выделено мной. — Б. К.) подходил к революции”².

“Ценнейшая и оригинальнейшая фигура пролетарской поэзии”, — скажет в другое время и в другом месте всё тот же Бухарин.

По сравнению с бухаринским “великий” сталинское “талантливейший” звучит скромнее. И ещё от Бухарина, очень точное: “У него не было старой культуры. Но у него была величайшая активная дерзость. <...> Какого злого, сильного, “кусачего” врага нашло себе в Маяковском наше мешанство, чиновничество, перерожденческое подхалимство! Каким кубарем летели под ударами Маяковского канарейки, горшки с геранью, двухспальные кровати и прочие атрибуты мизерабельного счастья!”

Какие великолепные громы и молнии обрушивал Маяковский на духовную заскорузлость, идеологический склероз, тину и слякоть ленивой мысли, “мыслительное” лежанье на печи, оказёнивание быта и нравов, бюрократизм больших и малых чинуш и сутяг! — вопиял над гробом “поэта-главаря” любимец партии³.

Через три года Бухарин скажет, что Маяковский “устарел”. И это вызвало энергичный протест тех, кто уже воспринял прежние оценки Бухарина как руководство к действию и активно перестроился. Одним словом, на советском литературном фронте царил определённая вольница, и железные каноны ещё не оформились.

Троцкий был скупее в своих оценках: “Большой талант”, — отмечая, что тот “умеет поворачивать много раз виденные вещи под таким углом, что они кажутся новыми.

Он владеет словом и словарём, как смелый мастер, работающий по собственным законам, — независимо от того, нравится ли нам его мастерство или нет. Многие его образы, обороты, выражения вошли в литературу и останутся в ней если не навсегда, то надолго. У него своё построение, свой образ, свой ритм, своя рифма.

Художественный замысел Маяковского почти всегда значителен, иногда грандиозен. Поэт вводит в свой круг и войну, и революцию, и рай, и ад. Маяковский враждебен мистике, ханжеству всех видов, эксплуатации человека человеком, — его симпатия целиком на стороне борющегося пролетариата⁴.

Что верно, то верно: никакой мистики — даже в антирелигиозных и антицерковных агитках — у Маяковского нет. Её он и взаправду не жаловал. Вот что говорил он на диспуте о драматургии наркомпроса А. В. Луначарского в 1920 году: “Маги” — пьеса мистическая и философская. <...> И если расшифровать эту символику, то мы получим типичную мелкобуржуазную, анархистскую философию, которая готова принять весь мир и равно благословить и правую, и левую стороны, и коммунизм, и белогвардейщину, и Ленина, и Врангеля”.

Вернёмся к Троцкому и его оценке творчества Маяковского: “Патетичность достигает у него нередко чрезвычайнейшей напряжённости, но не всегда за этой напряжённостью — сила”⁵.

Встречаются у литературного критика Троцкого (жаль, что он бросил это занятие!) и вполне остроумные замечания. Такое, например: “О своей любви, т. е. о самом интимном, Маяковский говорит так, как если бы дело шло о переселении народов.

Но по этой же причине он не находит другого словаря для революции. Он всегда стреляет на пределе — а, как известно артиллеристу, такая стрельба даёт наименьшее <число> попаданий и тяжелее всего отзывается на орудии”⁶.

С Троцким в данном случае нельзя не согласиться. “Великим, народным поэтом Республики” окрестил Маяковского известный республиканец Д. Бурлюк⁷. “Маяковский дышал лёгкими миллионами. Революционер, материалист, он каждый день пылал злобой этого дня”⁸. Это уже Фридлянд (“М. Кольцов”).

Всё верно: безбожник, “злободневщик”. И далее: “В другое время, может быть, даже одним месяцем позже, любовная лодка не разбилась бы о быт. Нельзя с настоящего полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство. Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание”⁹.

Звучит весьма двусмысленно.

Самоубийство поэта, как отмечала группа товарищей во главе с чекистом Я. Аграновым, отвечавшим за истребление инакомыслия в российской интеллигенции, было ошибкой “гигантского человека, <...> полного творческой энергии, планов, тем, заданий, с большим подъёмом готовившегося к поездке в совхоз “Гигант””¹⁰.

Вот уж действительно, издёвка судьбы! Только “судьбы” ли? Судьба — это Рок, которому не в силах противостоять человек, а в случае Маяковского — сознательный выбор.

Относительно того, что Маяковский был перед смертью “полон творческой энергии”, “друг Аграныч” (как звал его Маяковский, “милый Янечка” — по версии Лили Брик) явно лукавил, но лукавство было его естеством и неотъемлемой частью работы.

Внешне чуть более сдержанной оказалась газета “Правда”, поместившая 5 декабря 1935 года статью “Владимир Маяковский”. В ней он назывался уже не “талантливейшим” (как назвал его Сталин в своём письме Ежову)¹¹, а просто “талантливым”. Зато далее следовало: “Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление”¹².

В этом же номере газеты было опубликовано и корявое стихотворение, в котором поминается имя товарища Сталина:

*...о работе стихов
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин...*

Заканчивается же оно так:

*...в Союзе
республик
пониманье стихов
выше
довоенной
нормы.*

Через три года, когда каждое слово обретёт особый вес и смысл, Политбюро ЦК ВКП(б) в своём Постановлении “Об архиве В. В. Маяковского” от 3 октября 1938 года повысит статус т. Маяковского до “лучшего и талантливейшего”¹³.

У запоздалого “футуриста” Владимира Маяковского, писал Троцкий, пафос соседствует с вульгарностью (“вульгарность против пафоса и для его ограждения”). Изгнанный вождь не мог отказать себе в удовольствии указать на социально-политические причины самоубийства Маяковского. Кажется, он это сделал одним из первых, если не первым, в то время как официальные голоса толковали о чисто личных мотивах суицида.

Чего стоит один этот пассаж! “Официальное извещение о самоубийстве торопится языком судебного протокола, отредактированного в “секретариате”, заявить, что самоубийство Маяковского “не имеет ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта”. Это значит сказать, что добровольная смерть Маяковского никак не была связана с его жизнью или что его жизнь не имела ничего общего с его революционно-поэтическим творчеством, словом, превратить его смерть в приключение милицейского порядка. И неверно, и ненужно, и... неумно! “Лодка разбилась о быт”, – говорит Маяковский в предсмертных стихах об интимной своей жизни.

Это и значит, что “общественная и литературная деятельность” перестала достаточно поднимать его над бытом, чтобы спасти от невыносимых личных толчков. Как же так: “не имеет ничего общего”?

Что ж, Троцкий со своим вульгарным социологизмом – порождением экономического материализма – выглядел едва ли остроумнее ненавистных ему советских официальных и официозных кругов.

Но сквозили в Бюллетене и вполне здравые мысли-наблюдения. “Нынешняя официальная идеология “пролетарской литературы”, – писал Троцкий, – борьба за “пролетарскую культуру” <...> стала попросту системой бюрократического командования искусством и – опустошения его. Классиками мнимо-пролетарской литературы были объявлены неудачники буржуазной литературы, вроде Серафимовича, Gladкова и пр. Юркие ничтожества, вроде Авербаха, были назначены в Белинские... “пролетарской” (!) литературы. Высшее руководство художественным словом оказалось в руках Молотова, который есть живое отрицание всего творческого в человеческой природе”¹⁴.

И, наконец, политическое резюме: “Маяковский не стал и не мог стать прямым родоначальником “пролетарской литературы” – по той же причине, по которой нельзя построить социализм в одной стране”¹⁵.

Социализм всё же построили. А в итоге получилось всё то же сакраментальное – “среда заела”.

Кажется, для этой последней фразы всё и было писано. Что ж, “оставим мёртвым погребать мертвецов их”.

Но и то: в своём последнем публичном выступлении – на похоронах своего бывшего подчинённого по части иностранных дел А. Иоффе (за три года до самоубийства Маяковского) – Троцкий сказал: “Такие акты, как самовольный уход из жизни, имеют в себе заразительную силу”¹⁶. Вот и пойми его.

... Язык не поворачивается назвать Маяковского русским поэтом, хотя говорил, писал и думал он по-русски и других языков, кроме грузинского, не знал. А ещё он понимал мову и даже собирался переводить с неё, но не успел: наложил на себя руки.

Думается, что виной тому рождение и пребывание нашего героя в чужой языковой среде, ведь родился и вырос он в грузинской глубинке, в городке Багдади, переименованном в 1940 году в Маяковски. Он даже называл себя “грузином”. В сущности, это был русский человек, говоривший о себе, что он

не из кацапов-разинь.
Я —
дедом казак,
другим —
сечевик,
а по рождению
грузин.

А ещё он не любил “русопетов”, о чём и говорил в том же ломаном стихе. Одним словом, русским он себя не ощущал. Он ощущал себя бунтарём и хулиганом.

В своей биографии он запишет, что с детства “возненавидел сразу — всё древнее, всё церковное и всё славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм”. Не похоже, что бы он лукавил.

Маяковский не был укоренён в русской культуре. Он был “беспочвенником”. Идейной “почвой” его были химера футуризма и революция, в которой он под конец жизни горько разочаровался. Но виду, однако, старался не подавать.

Читал ли он русскую литературу? Читал ли вообще? Бог весть. Во всяком случае, “Евгения Онегина” он открыл для себя лишь незадолго до смерти.

Понятия “перформанс”, “инсталляция”, “флешмоб” ещё не родились, но акционизм, пусть и не имевший тогда своего имени, уже практиковался. Эпатаж породил спрос у публики, а спрос стал рождать предложение.

А ещё он был дворянин. Так писал он в одном из своих стихотворений и показаниях, данных им в Охранном отделении, куда он залетел по своей неизбыточной глупости и любви к тому, что нынче зовётся “движухой”. Но таких бунтарей-дураков народилось в те поры немало. Увы, увы, увы...

В сущности, это был так и не повзрослевший “ужасный ребёнок”, которого всю жизнь вели за ручку и направляли некие дяди и тётки, главной среди которых стала Лиля Брик — “красная Мессалина” советской литературно-чехкистской богемы. В письмах к ней Маяковский подписывался “твой Щен” и непременно пририсовывал щенка. Она же вертела им, как хотела, и унижала, как могла, — из милости. За это он содержал её и её мужа.

Злоязычный Иван Бунин описал одну из своих встреч с Маяковским на званом обеде: “Собрались на него всё те же — весь “цвет русской интеллигенции”, то есть знаменитые художники, артисты, писатели, общественные деятели, новые министры и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции. Но над всеми возобладал поэт Маяковский. Я сидел с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошёл к нам, вдвинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов. Галлен глядел на него во все глаза — так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы её, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся. Маяковский это заметил.

— Вы меня очень ненавидите? — весело спросил он меня.

Я без всякого стеснения ответил, что нет, слишком было бы много чести ему. Он уже было раскрыл свой корытообразный рот, чтобы ещё что-то спросить меня, но тут поднялся для официального тоста министр иностранных дел, и Маяковский кинулся к нему, к середине стола. А там он вскочил на стул и так похабно заорал что-то, что министр оцепенел. Через секунду, оправившись, он снова провозгласил: “Господа!” Но Маяковский заорал пуще прежнего. И министр, сделав ещё одну и столь же бесплодную попытку, развёл руками и сел. Но только что он сел, как встал французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уж перед ним-то русский хулиган не может не ступаться. Не тут-то было! Маяковский мгновенно заглушил его ещё более зычным рёвом. Но мало того: к безмерному изумлению посла, вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство вся зала: заражённые Маяковским, все ни с того ни с сего заорали, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и — тушить электричество. И вдруг всё покрыл истинно трагический вопль какого-то финского художника, похожего на бритого моржа. Уже хмельной и смертельно бледный, он, очевидно, потрясённый до глубины души этим излишеством свинства и желая выразить

свой протест против него, стал что есть силы и буквально со слезами кричать одно из немногих русских слов, ему известных:

— Много! Многоо! Многоо! Многоо!”¹⁷

Он привык эпатировать публику — то была роль, маска, которую он надевал. Так робкие мальчики, не знающие, как вести себя с девочками, дёргают их за косы. Он не был приучен вести себя прилично, но хотел постоянно быть в центре внимания.

Великий русский человек и композитор Г. В. Свиридов сказал о Маяковском так: “Это был по своему типу совершенно законченный фашист, сформировавшийся в России, подобно тому, как в Италии был Маринетти. Сгнивший смолоду, он смердел чем дальше, тем больше, злобе его не было пределов. Он жалил, как скорпион, всех и всё, что было рядом, кроме Власти и Полиции, позволяя себе лишь безобидные для них намёки на бюрократизм, омещанивание и т. д. Наконец, в бешенстве, изнемогая от злобы, он пустил жало в свою собственную голову. На его примере видно, как опасен человек без достаточного своего ума, берущийся за осмысление великого жизненного процесса, который он не в состоянии понять, ибо живёт, “фаршированный” чужими идеями. Это человек, якобы “свободный”, а в самом деле “раб из рабов”, ибо не в состоянии не только осознать, но даже и подумать о своём жалком рабском положении. <...> Человек, продавший за деньги (или честолюбие), лишён любви, ибо одно исключает другое. Сколько вреда нанесли эти люди, и как их несёт на своих плечах современное зло. Оно благословляет и плодит только им подобных”¹⁸.

С Маринетти Маяковский столкнулся нос к носу в “Бродячей собаке”. Без скандала, как водится, не обошлось и в тот раз. Однако ни тот, ни другой футурист не оставили на сей счёт никаких воспоминаний. Ничего удивительного: кто был на тот момент времени Маринетти и кто — Маяковский? Став убеждённым фашистом, и уже в пожилом возрасте итальянец добровольно пошёл на фронт (он воевал под Сталинградом) и уже одним тем оказал, что его слово не расходится с делом. Маяковский же своим примером показал обратное. Биографы не любят вспоминать, что в 1914 году он взялся за сочинение агиток. Когда же получил повестку явиться на призывной пункт, с ним приключилась истерика. Благо, нашлись заступники, и Маяковский остался в тылу, получив даже офицерское звание. Так он стал “золотопогонником”, которых люто ненавидел в своих стихах.

* * *

Бытует версия, что его застрелил ответработник ГПУ Я. Агранов — один из основателей ГУЛага. История тёмная, мутная, со смущающими деталями. По этому поводу скажем, что версия суицида выглядит более органичной, более логичной и более естественной во всей своей противоестественности. Однажды Маяковский уже пытался наложить на себя руки, но неудачно: “пушка” дала осечку. Так что суицидальная склонность в нём присутствовала, а это, как утверждают медики, дурной признак.

Сам же Агранов сочинил на смерть поэта — нет, не облитое горечью и злостью стихотворение, — а газетную заметку (в соавторстве с Н. Асеевым и др.), в которой первым назвал поэму о Ленине “гениальной”¹⁹.

Самострел Маяковского озадачил всех. Неофициально признанный первым виршеплётот Страны Советов Д. Бедный недоумевал: “И это жуткое своей незначительностью предсмертное письмо. Разве это мотивировка? Чего ему недоставало, этому талантливейшему и признаннейшему поэту?”

Иначе, как внезапным, временным провалом сознания, потерей внутренней ориентировки, болезненной обострённостью личных переживаний, острым психозом не могу всё это объяснить”.

Действительно:

*Сегодня надо кастетом
Кроитья миру в черепе.*

И на тебе!

Когда говорят и пишут о Маяковском, то непременно поминают слова Сталина, сказанные о поэте: “лучший и талантливейший”. Однако многие ли знают, что впервые эти слова были сказаны в служебном письме вождя железному карлику — секретарю ЦК ВКП (б) Н. И. Ежову. А поводом для него стало письмо Л. Брик, буквально требовавшей от вождя увековечить должным образом память своего “Щена”. Проще говоря, обеспечить себе за счёт покойника безбедное существование.

Шёл 1935 год, и вождь счёл за благо не дразнить богему с её тройным дном, а уступить ей. В его письме к Ежову чувствуется тщательно упрятанная ирония. Он предпочитал делать неугодные ему или сомнительные для его репутации дела чужими руками.

Да, вождь аплодировал Маяковскому, когда тот читал в Большом театре свою поэму “Владимир Ильич Ленин”. Думается, аплодировал вполне искренно, ибо образ, созданный Маяковским, точно укладывался в схему “Ленин”, которую Сталин выстраивал для того, чтобы превратить её в дубину, которой он позже примется гвоздить соратников по борьбе — пресловутую “ленинскую гвардию”.

Образ Ильича, созданный Маяковским, пришёлся товарищу Сталину в пору. Неизвестно, вспоминал ли вождь стихи Маяковского, когда вставал на могилу Ленина, чтобы с её высоты принимать поклонение масс. Увы, открыто восхититься этим символическим “попранием змия” было невозможно. Публика могла оценить это, лишь помалкивая.

* * *

Учиться Маяковский не любил и едва не стал отпетым двоечником. Как писал он в своей биографии, “перешёл в четвёртый (класс гимназии. — Б. К.) только потому, что мне расшибли голову камнем (подрался), — на переэкзаменовках пожалели”. Оправдывался он тем, что настал 1905 год и стало не до учёбы.

... Всё началось с литературного кафе под названием “Бродячая собака”, просуществовавшего с 1911 по 1915 год, куда петроградская полиция не обнаружила в подвале запрещённое в условиях “сухого закона” спиртное, после чего градоначальник (т. е. начальник полиции) велел прикрыть заведение.

Отличительной чертой кафе был эпатаж —

Желающие получают от меня в морду!

Публике это нравилось, публика приходила в восторг.

Как писал главный редактор “Нового мира” В. П. Полонский, плотно работавший с этим автором и знавший всю его подноготную, “Горький объяснял его “наглу” манеру держаться его внутренней “застенчивостью”. То же самое говорил А. Н. Тихонов. Меня это не убеждало. Застенчивости я никогда в нём не замечал. Страшная развязность, безбоязненность и необычайное желание быть в центре внимания. Голод его честолюбия был неутолим. Им двигало чаще всего именно честолюбие и славолубие. Он был счастлив, когда гремели аплодисменты. Он мрачнел, делался чёрным, когда было обратное. Он не терпел конкурентов. Он требовал подчинения.

Самолубие его было огромно. Обиды он помнил и мстил”²⁰.

“Он наслаждался злобой, какую возбуждал” (тоже Полонский).

Это то, что зовётся у православных гордыней.

Уже в ранней юности у него возникло немало претензий и к Богу. По наблюдению К. Чуковского, “Маяковский не может пройти мимо Бога, чтобы не кинуться на него с сапожным ножом”²¹.

*Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
Отсюда до Аляски.*

Или вот ещё (обращаясь к Богу):

— А в Рае опять поселим Евочек: // прикажи, — сегодня ночью ж // со всех бульваров красивейших девочек // я наташу тебе. Хочешь?

Или это:

Я, может быть, самый красивый из всех твоих сыновей,

говорит он перед образом Божией Матери.

Он изображал себя тринадцатым апостолом (читай: Иудой), замазывал в своих виршах икону на царских воротах и малевал на ней бандитскую рожу Стеньки Разина.

*Нам до Бога дело какое?
Сами со святыми себя упокоим.*

Он ещё много наговорил из того, что может стерпеть лишь бумага и что никак не спишешь на юношескую глупость или игру гормонов в организме.

Приятель Маяковского Чуковский относился к нему за это не слишком строго — “слегка за шалости бранил” и предлагал читающей публике “попробовать полюбить” юного кощунника и богохульника, хотя и называл его “вдохновенным громилой”. Воистину, “кто-то другой” “завладел ослабленной психикой поэта”. Нет, это не просто идиот (“Идиот Полифемович”, как прозывали его в гимназии). Тут всё гораздо глубже и страшнее.

Большевицкая власть не любила футуризм и зажимала нос, когда ей чудился модернистский запашок. Уже в 1921-1922 годах она продемонстрировала, что дальнейшие выкрутасы нежелательны и следует заняться делом пропаганды. Маяковский так и не стал для большевиков своим. “Революционный индивидуализм Маяковского восторженно влился в пролетарскую революцию, но не слился с ней”, — скажет Троцкий²². “С нами, а не наш”, — если пользоваться известной ленинской формулой.

Он был “попутчиком”, за которым тянулся шлейф буржуазной поэтики и эстетики, и власть зафиксировала у Маяковского тяжёлый анамнез. Даже благоволивший к нему пошлейший незадавшийся литератор А. В. Луначарский — и тот не считал его подлинно “пролетарским” поэтом. За образец “подлинно нашего” им выдавался человек с говорящей фамилией А. Безыменский — человек, по словам Троцкого, “духовно родившийся в коммунизме” (в отличие от Маяковского)²³. И пусть в глазах нашего современника то был очередной Иван Бездомный или Рюхин. Что с того?

“Воспитанный на Некрасове” Ленин говорил, что не понимает таких поэтов, как Маяковский. 6 мая 1921 года вождь посылает Луначарскому следующую записку: “Как не стыдно голосовать за издание “150 000 000” Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. Помоему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм. Ленин”²⁴.

Футуризмом всерьёз заинтересовался незадавшийся литературный критик Троцкий, написавший в 1923 году после консультации с самим Маяковским пространное и не лишённое здравого смысла эссе “Футуризм”. В нём были, между прочим, и такие строки: “Русский футуризм родился в обществе, которое <...> готовилось к демократическому февралю”²⁵. Бедою же футуризма становилось, по Троцкому, то, что “он не чувствует себя в революционной традиции. Мы вошли в революцию, а он обрушился в неё”²⁶.

Как видим, и здесь не обошлось без марксистской прокладки. И угодить было невозможно не только товарищу Ленину, а позже товарищу Сталину, но и товарищу Троцкому: “Футуристы стали коммунистами. Тем самым они вступили на почву более глубоких вопросов и отношений, далеко выходящих за пределы старого их мирка и органически не проработанных их психикой.

Оттого футуристы, в том числе и Маяковский, художественно слабее всего в тех своих произведениях, где они законченнее всего как коммунисты”²⁷.

Лёд тронулся лишь после публичного прочтения в Большом театре поэмы Маяковского о Ленине. Всеми забытый ныне критик утверждал, что она является “черновой работой поэта над изучением марксизма: в ней он стремится уйти от неуместной уже истеричности, от фетишизма вещей, от пережитков божемского индивидуализма, подойти к быту рабочих масс”. В конце заметки, опубликованной в журнале “Октябрь”, автор её А. Осенев (С. А. Родов) предрекал, что “отрывки из “Похорон Ильича” несомненно, войдут в литературу”²⁸.

Эту оду Ильичу можно считать для Маяковского переломной: из футуриста он окончательно перекаленился в коммуниста и, “наступив на горло собственной песне”, пустился в сочинение рекламных слоганов, типа “нигде кроме, как в Моссельпроме”. Сам же он предпочитал мануфактуру заграничного пошива, хотя и писал, что “по совести”, кроме свежесмытой сорочки, ему ничего не надо.

Реклама от Маяковского

Из восьми последних лет жизни более двух лет он провёл за границей, куда его охотно выпускала власть. Отпустить человека за границу означало для советской власти высшую форму доверия. И в этом смысле он был уникальный экземпляр на советской литературной фабрике.

Впрочем, за пределами СССР он не только отдыхал, но и работал, выполнял функцию агитатора-пропагандиста советского образа жизни. Он не был алкоголиком, был идейно выдержанным, политически грамотным. Однажды он даже публично грозился сорвать спектакль “Дни Турбинных”, намереваясь ради такого дела комсомольцев-хулиганов – советских предшественников китайских хунвэйбинов. Угрозы, впрочем, так и остались угрозами.

Он умел держать себя в руках, а потому лучшей кандидатурой для выполнения функций разъездного поэтического главаря в распоряжении советской власти, пожалуй, и не было. Правда, агитировал он не бомонд, а пролетариев. Но какой бомонд стал бы выслушивать за свои деньги его большевистские агитки?

Информация относительно выступлений Маяковского перед европролетариями крайне скупа. И это понятно: с трудом представляется, что французские рабочие выучивали язык, на котором говорил Ленин, с тем чтобы адекватно, а не через толмача, воспринимать стихи Маяковского в оригинале (французский язык Маяковский так и не выучил). Скорее всего, дело ограничивалось лекциями на всякие-разные темы, главным образом, об СССР. А на такие цели партия народных денег не жалела.

Из письма Маяковского к Л. Ю. Брик от 20 октября 1928 года:

“Дорогой, милый, изумительный и родной Кис.

К сожалению, я в Париже, который мне надоел до бесчувствия, тошноты и отвращения. Сегодня еду на пару дней в Ниццу (навернулись знакомицы) и выберу, где отдохнуть. Или обоснуюсь на 4 недели в Ницце, или вернусь в Германию.

Без отдыха работать не могу совершенно!

Разумеется, ни дня больше двух месяцев я в этих дохлах для меня местах не останусь”²⁹.

Думается, не следует обманываться пламенной и всепожирающей любовью Маяковского к Революции, Ленину, Дзержинскому, ГПУ, Моссельпрому. Всё чаще в его виршах советской поры звучит плохо скрываема издёвка.

А ещё он открывал для себя Америку.

Ну, как тут не пожалеть человека, привозящего автомобили последних марок!

Он чётко улавливал импульсы, источаемые властью, и всегда оказывался в первых рядах “строителей коммунизма”.

31 октября 1926 года, в самый разгар кампании “украинизации”, в газете “Известия ВЦИК” было опубликовано стихотворение В. Маяковского “Долг Украине”, переведённое, разумеется, на мову. Нынче этот стих считают своим долгом цитировать в бывшей “радянської неньке” представители всех политических течений и умозрений. Вот несколько строк из него:

*...товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых, —
эта мова
величава и проста.*

Напомним, что дворянином (шляхтичем) был и сам Маяковский. Особую пикантность имеет то обстоятельство, что редактор вычеркнул из кощунственного стихотворения следующие строки:

*Спросите, руку твою протяни:
казнить или нет человечьи дни.
Не встать мне на повороте.
Живые — так можно в зверинец их,
промежду гиеной и волком.
И как ни крошечен толк от живых —
от мёртвого меньше толку.
Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
не может быть кровожаден.*

Отметим также, что в черновике кощунственной “лесенки” есть ещё и такие строки (в первом варианте):

*Я вскину две моих пятерни,
Что я голосую против...*

Во втором:

*Я сразу вскину две пятерни:
Я голосую против...*

“Коммунист и человек”, по Маяковскому, “не может быть кровожаден”. А вот бросить людей, включая детей, “в клетку между гиеной и волком” человек и Маяковский — может.

Ну, разве кто заставлял его писать ТАКОЕ?

И невольно возникает вопрос: “Людоед с ножом и вилок — это прогресс?”

Впрочем, ещё задолго до этого юный бузотёр писал: “Я люблю смотреть, как умирают дети”.

Надо сказать, что советское литературоведение обходило — скорее всего, из деликатности — эту тему стихосложенца стороной. Едва ли не единственным, кто всерьёз вознамерился поразмышлять над сказанным, стал Ю. А. Карабчиевский, печатавшийся исключительно в зарубежных изданиях. Впрочем, вдаваться в пространные размышления на сей счёт он благоразумно не стал. Тем не менее, — а куда деваться-то! — литературознавец отметил, что от кощунственности этих строк “горбатится бумага, со строчки, которую никакой человек на земле не мог бы написать ни при каких условиях, ни юродствуя, ни шутя, ни играя, — разве только это была бы игра с дьяволом”³⁰.

Тем не менее, “смягчающие вину” автора обстоятельства были критиком приисканы. Он предлагал перечитать жуткие строки, чтобы осмыслить их “через боль и жалобу”. Не правда ли, задавался вопросом Карабчиевский, в этом свете строки выглядят “немного иначе?”³¹ В результате выходило, как гласит модный слоган, что “здесь не всё так однозначно”.

В отличие от Карабчиевского, Г. В. Свиридов был категоричен: “Человек, который написал: “Я люблю смотреть, как умирают дети”, — не может быть назван человеком. Это выродок”³².

В позднесоветское время стал усиленно насаждаться культ Маяковского, выражением чего стал каменный идол работы А. Кибальникова. По рассказам скульптора, он пообещал своим конкурентам, что непременно выиграет конкурс, на котором его проект поначалу зарезали. И он выиграл его. Но поздравлять художника с этой победой было бы опрометчиво.

Причины развернувшейся в 1929 году вроде бы ни с того ни с сего травли Маяковского загадочны. Власть не третировала его: внешне партия была вполне равнодушна к исправному исполнителю её воли. Едва ли “борьба с бюрократизмом”, присущая поделкам Маяковского поздней поры, могла стать причиной начальственного неудовольствия. А тем более, гнева. Хотя да:

съездить в очередной раз в Париж, по которому уже гуляли члены его почти “шведской семьи” — Лиля и Ося, — ему не позволили, что стало для Маяковского неожиданным и тяжёлым ударом. Формально язвило Маяковского не государство, а “гражданское общество” в лице “политико-литературной ответственности” — “тамо гади их же несть числа”.

1929 год недаром называют “годом великого перелома” — ломалось, трещало и скрежетало буквально всё: перспектива катастрофы для режима и страны в целом становилась более чем реальной, пути выхода из сложившейся ситуации виделись всем по-разному, а посему оппозиции плодились одна за другой.

Маяковский умел нравиться начальникам — в том числе и тем, что были вхожи в высочайшие кабинеты. Это хорошо в мирные времена, но когда хватаются за ножи, друг всем становится врагом всех.

Думается всё же, что Маяковский просто всем надоел, и “инвалюту” на него решено было больше не тратить. Это было воспринято им как знак высочайшей немилости, что вполне понятно: человека лишили возможности иметь отдушину и обеспечивать себе комфорт. Для фигуры, привыкшей быть “выездной”, это было равносильно катастрофе, ибо больно било не просто по самолюбию, но и по социально-политическому статусу, по “положению в свете”.

К тому же он явно исписался, а реклама Моссельпрома в условиях вновь возникшего дефицита всего и вся становилась никому не нужной. Что оставалось Маяковскому? Воспевать трудовые будни. Но для умного циника, каким он был, это давно опостылело и утомляло. Навсегда ушло то время, когда можно было плевать в лицо публике, получая в ответ её бурные аплодисменты. Власть Советов — это вам не проклятый царизм!

Смерть поэта стала шоком не только для начальников РАПП. Их наспех сочинённое письмо в Политбюро с самооправданием типа “это не мы!” свидетельствовало о том, что эти “пролетарские вожачки” в литературе, действовавшие по привычной программе, и впрямь были ни при чём или же были разграничены втёмную³³.

Но кого они только не третировали? Булгакова в том же 1929 году они чуть не свели в могилу! Доставалось от РАПП и вполне своим: есть друг друга поедом давно уже стало для “пролетарских писателей и поэтов” образом жизни. Это было способ их существования, смысл их жизни. Сам же литературный процесс, как и куда более важные процессы управления страной, на тот момент ещё не был под полным контролем, если об этом стоило говорить вообще. Так что невольно возникающие вопросы “кто?” и “за что?” в их историко-политическом плане, скорее всего, совсем останутся без ответа. Через два года начальники РАПП крупно подставятся, воздав хвалу очередной оппозиции. И тогда им припомнят их прежние грехи, а саму контору разгонят. Чуковский в своём дневнике назовёт литературно-политическую ситуацию 1932 года “либерализмом”³⁴. Кончится же новая “литературная вольница” тотчас же после убийства Кирова.

В Страстной понедельник 14 апреля 1930 года — в день смерти Маяковского — “Литературная газета” поместила объявление, в котором говорилось, что 19 апреля, на которое приходилась Великая суббота, то есть в канун православной Пасхи, “в Красном уголке РЖСК”³⁵ им. Л. Красина (проезд Художественного театра, д. 2) состоится антипасхальный вечер. Выступят И. Батрак, М. Голодный, А. Иркутов, В. Маяковский, М. Светлов, Д. Хайт”³⁶.

Что собирался читать в тот вечер Маяковский?

Не исключено, что вот этот богоборческий и богохульный вирш, состряпанный наспех ещё в 1923 году и тоже накануне православной Пасхи — в Страстную (Великую) субботу. Назывался он “Наше воскресенье”. В нём были и такие строки:

*Вырывай у бога вожжи!
Что морочить мир чудесами!* (подч. мной. — Б. К.)

*Человечьи законы
— не божьи! —
на земле
установим сами*³⁷.

Ну да, “сам человек и правит”, – как говорил известный булгаковский персонаж.

Конец советского футуриста – и как человека, и как стихотворца – был одновременно и банален, и страшен, и закономерен.

Похороны Маяковского, ставшие своего рода “перформансом”, как это именуют в наше время, были исполнены мрачной – мрачнее некуда! – символики, злой иронии и даже издёвки. Гроб бывшего русского дворянина и офицера (сей факт биографии нераскаянного футуриста звучит поистине издевательски!) везли на обитом железом грузовике, символизировавшем броневик. То была придумка В. Татлина, Д. Штернберга и Дж. Левина. На “броневике” везли того, кто ездил на новейших иномарках и одевался во всё заграничное.

Разумеется, на траурном митинге выступил Луначарский. “Маяковский, – говорил он, – был “куском напряжённой, горящей жизни”, а после того, как он сделал себя “рупором величайшего общественного движения”, стал таким ещё в большей степени. “Прислушайтесь к звуку его песен, – взывал бывший богостроитель, бывший нарком и действительный академик, – вы нигде не найдёте ни малейшей фальши, ни малейшего сомнения, ни малейшего колебания”³⁸.

Сказал своё надгробное слово и “пролетарский критик”, а заодно главарь РАПП Л. Авербах – родственник Горького. Цинизм товарища Леопольда удивлять никого не должен.

“С чувством горечи, тяжести и неимоверной боли, – говорил он, – мы, пролетарские писатели Советского Союза, прощаемся с Маяковским. Ещё недавно, когда мы принимали его в свою организацию, мы с радостью и гордостью видели, как Маяковский всё больше и больше героически вырастает в подлинно-пролетарского поэта во всём великом значении этого слова, которого ещё мало кто заслуживает. Маяковский показал нам пример того, как надо перестраиваться человеку, сознательно, искренно и последовательно ведущему себя по пути внутреннего очищения от прошлого, от влияния своего класса, к подлинной свободе. Маяковский показал пример того, как надо перестраиваться и как трудно перестроиться. В своём последнем письме Маяковский обратился к РАППовцам с призывом не осуждать его. Но мы осуждаем его поступок, – говорит Л. Авербах, – ибо для нас понять Маяковского – ещё не значит его оправдать. Мы осуждаем Маяковского, но преклоняемся перед гигантским творческим путём, который он прошёл”³⁹.

Давка на похоронах была страшная. Чтобы разогнать мешавшую процессии толпу, милиции пришлось даже стрелять в воздух.

Останки нераскаянного поэта были преданы революционному огню и пламени Донского крематория. Кое-кто спустился вниз по лестнице, чтобы посмотреть в глазок, как они превращаются в пепел. Воспевал ли кремацию в своих рекламных лесенках Маяковский – неизвестно.

Примечателен был и траурный венок поэту, составленный его единомышленниками. “Железному поэту – железный венок”, – гласила надпись под ним. Четыре металлические пластины создавали подобие циркуля и наугольника. “Натюрморт” из металла обрамлял выполненный в форме пентаграммы моток проволоки толщиной в палец – не то венок, не то венец терновый или и то, и другое одновременно. От него веяло жутью: то был совершенно неприкрытый конструктивистский вариант изображения мasonicкого Бафомета, сидящего с оттопыренными лапами на земном шаре (шестерёнке). Силуэт его просматривается весьма отчётливо. Символ нечисти был изображён старательно и небесталанно. Инсталляция сия была, разумеется, посланием посвящённым.

Это расстарался художник-авангардист А. Лавинский – муж художницы Е. Лавинской, родившей от Маяковского сына. Ничего скандального в том для причастных ко всякого рода мистериям-буфф не было: все они были одной большой “семьёй”.

Свои провожали своего.

P. S.: Слово Маяковского и поныне стучится в иные сердца, память о нём соблазняет “малых сих”. Вот что говорится в заметке “Маяк из будущего”, помещённой в народном издании “Красноярская газета” от 6.12.2019. № 77–78 (2656) на странице 6: “Уже много лет с нами нет

В. В. Маяковского — “агитатора, горлана, главаря”, но его поэзия живёт в сердцах потомков и так же будит в них романтические чувства и ведёт за собой на борьбу со злом, косностью, рутинной.

Она сегодня — чистый глоток свежего воздуха.

И действительно, стих Маяковского, “трудом громаду лет прорвав, явился нам весомо, грубо, зримо”: на днях в Литературном театре Литературного музея им. В. П. Астафьева (художественный руководитель, член правления КРО “Русский Лад” В. Н. Наговицын) прошёл спектакль “Маяк из будущего”.

Артисты Наталья Сафронова, Римма Чучилина, Валерия Шпагина, Михаил Титов, Елена Минина, Лариса Гайтанова прекрасно читали стихи поэта.

Звучали до боли знакомые и любимые ещё со школьных лет “Стихи о советском паспорте”, “Товарищу Нетте, пароходу и человеку”, “Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским...”, “Сергею Есенину”. Шквалом аплодисментов награждали зрители чтецов этих стихов⁴⁰.

А мы будем помнить о том, что поэт, обратившийся к нам: “Слушайте, // товарищи потомки, // агитатора, // горлана-главаря...”, жизнью своей продемонстрировал откровенный цинизм, двуличие и презрение по отношению к тем, кого агитировал. И верить в то, что Господь воздаст каждому по делам его.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Париж, 1930. № 11. Май. С. 39.
- ² Бухарин Н. Этюды. М.: Книга, 1988. Репринтное воспроизведение издания 1932 года. Москва-Ленинград: Техничко-теоретическое издательство, 1932. С. 192, 195.
- ³ Бухарин Н. И. Цит. изд. С. 198.
- ⁴ Троцкий Л. Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 года. М.: Политиздат, 1991. С. 118.
- ⁵ Троцкий Л. Д. Цит. изд. С. 119.
- ⁶ Троцкий Л. Д. Цит. изд. С. 120.
- ⁷ Бурлюк Д. На смерть Владимира Владимировича Маяковского. В кн.: В. В. Маяковский: pro et contra, антология. Т. 2. СПб: РХГА, 2013. С. 462.
- ⁸ Кольцов М. Что случилось? Там же. С. 474.
- ⁹ Кольцов М. Что случилось? Там же.
- ¹⁰ Агранов Я., Асеев Н., Беспалов И. и др. Памяти друга. Там же. С. 459.
- ¹¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 годы. С. 272.
- ¹² Владимир Маяковский. // “Правда” № 344 (6580) от 5 декабря 1935. — С. 4. В том же номере газеты сообщалось и о решении Моссовета переименовать Гендриков переулок, в котором жил пропагандист-горлопан, в переулок Маяковского. Таково его название, увы, и днесь.
- ¹³ Власть и художественная интеллигенция. Цит. изд. С. 421.
- ¹⁴ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Цит. изд. С. 40.
- ¹⁵ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Там же.
- ¹⁶ См.: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991; Иоффе Н. А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: ТОО “Биологические науки”, 1992. С. 76.
- ¹⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. // Полное собрание сочинений в XIII томах. Том 6. М.: Воскресенье, 2006. С. 323.
- ¹⁸ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 184.
- ¹⁹ Агранов Я., Асеев Н., Беспалов И. и др. Цит. изд. С. 458.
- ²⁰ Полонский В. Дневник 1931 года. Там же. С. 584.
- ²¹ Чуковский К. Ахматова и Маяковский. // Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2004. С. 527.
- ²² Троцкий Л. Д. Литература и революция. Цит. изд. С. 119.
- ²³ Троцкий Л. Д. Там же. С. 117.
- ²⁴ Ленин о Маяковском. В кн.: Литературное наследство. Том шестьдесят пятый. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 210.

- ²⁵ Троцкий Л. Д. Литература и революция. Цит. изд. С. 105.
- ²⁶ Троцкий Л. Д. Литература и революция. Цит. изд. С. 107.
- ²⁷ Троцкий Л. Д. Литература и революция. Цит. изд. С. 117.
- ²⁸ Осенев А. (С. А. Родов). Маяковский. – Владимир Ильич Ленин. В кн.: В. В. Маяковский: pro et contra, антология. Цит. изд. С. 133.
- ²⁹ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Том тринадцатый. Письма и другие материалы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 145.
- ³⁰ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. Мюнхен: Издательство “Страна и мир” [Verlag Strana i Mir (Das Land und die Welt å. V.), München], 1985. С. 11.
- ³¹ Карабчиевский Ю. Там же. С. 12.
- ³² Свиридов Г. В. Музыка как судьба. Цит. изд. С. 292.
- ³³ В ЦК ВКП(б) тов. Сталину и Молотову. (Письмо) Копия тов. Стеценко. // Правда. № 204 (25556). 22.07.1988. С. 4.
- ³⁴ Чуковский К. И. Дневник 1922–1935. Цит. изд. С. 550.
- ³⁵ РЖСК(Т) – Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество (РЖСКТ) “Крестьянская газета” имени Л. Б. Красина (*холодного убийцы, террориста и циника*. – **Б. К.**). После заселения получил название “Дом писателей” или “Дом писательского кооператива”.
- ³⁶ Литературная газета № 15 (52). 14 апреля 1930. С. 4.
- ³⁷ Известия № 77 (1814) от 7.04.1923. С. 1.
- ³⁸ Литературная газета № 16 (53). 21 апреля 1930. С. 2.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Маяк из будущего // Красноярская газета № 77-78 (2656) 6.12.2019.

ЕВГЕНИЙ ЧЕБАЛИН

АДЪЮТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ДУХА

*Беседа с художественным руководителем Малого театра
Соломиным Юрием Мефодьевичем*

Перед вами – диалог с уникальной в истории театрального искусства личностью: художественным руководителем Малого театра, возглавляющим прославленный коллектив почти тридцать лет. Этот живой, пульсирующий организм снискал славу и известность в России и на планете тем, что долгие годы аккумулировал и отдавал миллионам зрителей энергию добра, сострадания, человечности. Это единственный театр в России, являющийся членом театрального Совета Европы, которому Указом президента России присвоен статус национального достояния – как Большому театру, Третьяковской галерее и Эрмитажу. Перечислить звания и регалии Юрия Мефодьевича Соломина в этом материале нет возможности – они займут страницы. Беседа с ним нередко выходила за рамки театрального искусства: мнение Мастера о сиюминутном времени, об истории, педагогике, о театре, о событиях в России и мире, думается, будет столь же интересно читателю, как и профессиональное дарование Юрия Соломина – первого среди равных, несущего соотечественникам через свой театр национальные, русские традиции.

Евгений Чебалин: Юрий Мефодьевич, мы живём в жестокое время для нашей страны, против которой развязана третья мировая война. Эта жестокость наиболее беспощадна и разрушительна для всей нашей культуры, в колбе которой Запад выращивает человекообразного гомункулуса – Хама безродного и бесстыдного. Ныне этот субъект нередко внедряется и в театр – в качестве режиссёра.

Вы и ваш театр выситесь над этим патологическим разгулом незыблемой колокольней, русским национальным храмом, откуда разносится над Русью и Европой духовный перезвон истинного искусства. Под этим явственно просматривается изначальная – детская платформа: врождённая тяга к высокой культуре. Изысканный режиссёрский и актёрский вкус, исповедуемая вами глубинная, классическая мировая культура могли зародиться и окрепнуть лишь в детстве. Каким оно было – ваше детство?

Юрий Соломин: Приверженность и исповедальное служение культуре закладывается именно в детстве. Я ходил в школу-сруб, который топился печкой. Чтобы начать учебный процесс, учителям и ученикам нужно было заготовить дрова, нагреть школу, разгрести сугробы, научиться азам какого-либо

ремесла, переделать массу необходимой работы, которая творилась совместно. Это сближало, и это была та почва, на которой всходили ростки взаимного уважения, любознательности, терпимости – на всю оставшуюся жизнь. Помню и сохраняю сердечную привязанность к своей первой учительнице – Наталье Павловне Большаковой, надеюсь, как и она ко мне. После окончания школы она следила за мной, как и за остальными учениками: писала мне письма, разбирала фильмы с моим участием и делала замечания. Помнят и нежно относятся к ней и мои одноклассники. Жизнь разбросала нас по разным городам, профессиям: полковник, врач, учёный, инженер, артист. Но мы, собираясь, вспоминаем Наталью Павловну с не остывающим теплом.

Е. Ч.: Ваше детство протекало в Чите. Чем обогатил вас этот забайкальский город? Что запомнилось более всего?

Ю. С.: Культурной жизнью. Массовым, каким-то неистовым поклонением культуре. Мои родители были музыканты, так сказать – местного, забайкальского разлива. В конце 20-х годов оба поступили в Ленинградскую консерваторию, успешно учились в ней. Но мама заболела, почти утратила слух, и они вынуждены были вернуться в Читу. Вернувшись, родители посвятили свою жизнь тому, без чего не могли жить – искусству. Благодаря им, я, “выдёргиваемый” ими с футбольного поля, смотрел и постепенно очаровывался многими операми в театрах Читы и Улан-Удэ, Иркутска. Там была едва ли не лучшая оперетта в СССР. Мы слушали приезжавшего на гастроли Вертинского, сопереживали актеру Зубову, наезжавшему из Манчжурии, Каширскому, Муринскому, Загурскому и многим другим корифеям того времени.

Дома стояло пианино. Мама и отец играли на нём. Отец, Мефодий Викторович, играл виртуозно на всех струнных инструментах, организовал струнный оркестр. Мама, Зинаида Ананьевна, прекрасно пела. Оба преподавали музыку, вели музыкальные кружки в городском Доме пионеров, Доме железнодорожников, Доме народного творчества, который выпестовал отец. Эта была самодеятельность, но высочайшего уровня. Достаточно сказать, что воспитанники папы стали потом профессионалами: бас Лхасаран Линховоин признан впоследствии лучшим в Советском Союзе исполнителем партии Кончака в “Князе Игоре”, а затем стал одним из самых успешных в стране директоров оперного театра в Бурятии. Виктор Кулешов – солист музыкального театра имени Станиславского, Заслуженный артист. Впоследствии он руководил Казачьим народным хором.

Е. Ч.: Уникальное время раскрепощенного народного Духа, который, как государственный приоритет, культивировала в стране Советская власть. Вы описали культурную жизнь Забайкалья, а я тепло, с ностальгией вспоминаю аналогичный, удивительно схожий процесс на другом конце Союза – в Чечено-Ингушетии. Моё детство прошло в Чечен-Ауле. Но и там к нам приезжали солисты филармонии, драматический театр им. Лермонтова и симфонический оркестр из Грозного, а отцы и матери моих друзей помогли сколотить в ауле небольшой струнный оркестрик из шестиклашек. Мы давали концерты в клубе, играли на торжествах, на свадьбах и на танцах в клубе. Затем, во время учёбы в институте, многие из студентов пели у нас в операх знаменитого на весь Северный Кавказ Грозненского народного оперного театра при Доме культуры им. Ленина – под управлением блестящего худрука и педагога Виктора Анатольевича Соколова, поставившего в театре около десяти опер. Мой сокурсник чеченец Ахмед Гучигов был признан впоследствии на Кавказе лучшим исполнителем партии Ленского в “Евгении Онегине”. У нас почти год пел Онегина и Риголетто прибывший из Баку выпускник Бакинской консерватории Муслим Магомаев, который не сработался с руководством Бакинской филармонии. Солист оперы бас Эдуард Стадниченко, закончив нефтяной институт, ушёл из нефтяного кадрового бомонда и всю остальную жизнь посвятил опере, был солистом оперного театра Донецка. Во время службы в армии я был солистом и концертмейстером в ансамбле песни и пляски Краснознамённой Каспийской флотилии. Рая Кошелева, Эмма Орлова, Эдуард Эйдлер, выйдя из альма-матер Соколова, тоже стали оперными певцами-профессионалами.

Ю. С.: Поклонение культуре действительно плескалось морем различным по всей территории Советского Союза. И у него были свои Прометей-учителя. Этот феномен Советского государства не забыт, бережно хранится в памяти у миллионов. Не столь давно на гастролях в Ростове-на-Дону,

на пресс-конференции ко мне подошла женщина и сказала, что знает, помнит и любит моих родителей, их музыкальное служение народу, назвала их имена-отчества. Я не смог сдержать слёз. Их душевный свет плеснул в меня из прошлого. Это стало возможным, превратилось в повседневную реальность благодаря неисчерпаемой, генетически заложенной в славянстве тяге к гармонии и нравственной чистоте. В них пульсировал врождённый талант творцов, которым в полной мере обладали народные педагоги – ваш Соколов, мои родители, мои педагоги и соратники в Щепкинском училище: Игорь Ильинский, Вера Пашенная, Михаил Царёв и тысячи им подобных. Их чтят и помнят. Моя супруга Ольга Николаевна, с которой мы вместе учились у Пашенной, теперь – преподаватель Щепкинского училища, профессор, однажды предложила: давай назовём наш курс именем Веры Николаевны Пашенной. Назвали. Не так давно идём на выпускной экзамен четвёртого курса им. Веры Пашенной. Зашли в вестибюль с портретами наших великих учителей и замерли: под портретом Пашенной свежие цветы – у неё день рождения. Студенты знают её, чтят, преклоняются: память о ней жива.

В России лучшие в мире театральная, вокальная, балетная, научная школы. Это стало неоспоримой реальностью потому, что у нас были тогда совершенно другие, в отличие от европейских и мировых, взаимоотношения между учителем и учеником, во многом напоминающие семейные. Это не заскорузлый, командорский диктат мастера подмастерью. У нас учитель не только и не столько учил. Он, в первую очередь, воспитывал. Он вкладывал во вверенное ему существо чувства и душу, он делился с ним своим мироощущением и мировоззрением, обогащал подопечного взрослым опытом, тем самым оберегал от невзгод и будущих потрясений. Вероятно, именно это позволило выжить, сохранить миллионам свое достоинство, духовное “я” в хаосе, который обрушила на нас перестройка.

Советская педагогическая школа – уникальное мировое явление. Она воспитывала в своих подопечных духовный “Русский мир”, в котором одинаково комфортно чувствовали себя 197 национальностей Советского Союза, говорящих на 299 языках и наречиях.

Е. Ч.: Русский мир – как мировоззренческая парадигма “Я – для мира”.

Ю. С.: Русский мир – это полифония, симфония, которую веками творили наши предки, ковали традиции в хлебобобовом и на ратном поле, где не было места выгоде, гешефтмахерству и ростовщичеству. Её стержневая тема, основной лейтмотив не “выгодно-невыгодно”, а “справедливо-несправедливо”.

Е. Ч.: Вы говорите о деянии учителей в прошлом времени: “учили”, “воспитывали”, “вкладывали”, “возводили”. Это не случайно?

Ю. С.: Не случайно. Функционеры от образования изуродовали саму миссию учителя, приравняв её к ремеслу банщика, массажиста, косметолога, обязанных ублажать тело на ложе потребительской технократии и её примитивного ЕГЭ, а не обогащать душу гармонией. Сколько я об этом говорил, взывал, предостерегал как актёр, режиссёр, педагог. Мы ещё долго будем ощущать катастрофические последствия этого ига.

Е. Ч.: “Учитель... позволь пред именем твоим смиренно преклонить колени”. Не столь давно все мы пережили, можно сказать, явление нового министра образования народу Ольги Юрьевны Васильевой. Явление сопровождалось воплями либерал-образованцев из ливановской компании после того, как Васильева озвучила свое видение российского образования, свою предстоящую миссию в нём. Ключевая фраза, стержень этой миссии: “Учитель, врач, священник – это не специальность. Это служение”.

Ю. С.: Её дополняют долгожданные намерения нового министра реанимировать лучшее из советской образовательной системы. Чего стоит убеждение: “Без трудолюбия... без навыков трудиться ежечасно, ежесекундно... мы не сможем жить”. И, в соответствии с этим, внедрение в школы фундаментальной программы полномасштабного трудового воспитания. Ольга Юрьевна программирует поистине революционный по нынешним временам постулат: прекратить воспитывать потребителя и оздоровить ЕГЭ. Ведь каждый год переживают стресс многие тысячи выпускников, не сдавшие экзамен. Ныне им дано право: сдать русский язык, математику и получить диплом о среднем образовании. Будет запущен процесс пересмотра варварски сотворённого,

зачастую бездумного объединения вузов. Не менее революционный сдвиг: введение “Золотого канона” — обязательный для изучения список школьной литературы. Это должно сформировать у детей, по словам министра, “целостное воспитание русской литературой, а значит — русской культурой”. Проблема бескультурья, безграмотности поистине вопиюща в наши дни. Кто ныне поступает в вузы? Не столь давно мы принимали вступительные экзамены в нашу “Щепку”. Спрашиваю у абитуриента: что читал в последнее время? Отвечает: Достоевского. Что именно у Достоевского? Юноша долго растерянно мнётся, морщит лоб, наконец, отвечает: “Рассказ. Что-то про деревню”. “О чём рассказ? Как называется деревня?” В ответ — полный ступор. Чувствую: кипят клиповые, айфонные мозги у бедолаги от перенапряжения. Подсказываю: “Село Степанчиково?” “Да!!” Радость безмерная на лице великомученика: наконец добрались до истины.

Васильева, конечно же, знает о подобном уровне. И намерена, вопреки всей травле, сопротивлению, поднимать его на должный, прежний уровень — лучший в мире. За это ей большое спасибо. Ведь именно в школе зарождаются навыки, мировоззрение и характеры будущих экономистов, министров, депутатов, директоров заводов. И от того, каков будет их нравственный, интеллектуальный уровень, зависит благополучие народа и статус нашего государства в мире.

Е. Ч.: Юрий Мефодьевич, вы сыграли в 60 фильмах, 52 спектаклях своего театра, среди них вдумчивые, задушевные роли в кино “Бессонная ночь”, “Даурия”. И как апогей вашей актерской киносудьбы — капитан Кольцов в “Адъютанте его превосходительства”. Поистине неодолимым магнитом он притянул к себе восторженное почитание и любовь миллионов зрителей. Почти месяц вся страна ломилась вечерами к экранам телевизоров, чтобы насладиться образом великолепного чекиста, озарённого Красной идеей, но надёжного неповторимым дворянским шармом и государственным разумом. Вам противостоят созданные мастерской режиссёрской рукой противники из стана Белой гвардии. К чести режиссёра Евгения Ташкова, эти личности не примитивизированы, он отверг карикатурную трактовку. На российской необъятной арене не на жизнь, а на смерть схлестнулись две великие, трагические правды, у каждой стороны — своя. И эта правда по-прежнему, вот уже столетие, бурлит либо угрюмо тлеет в наших соотечественниках, разъединяя их: здесь и в зарубежной эмиграции.

Просматриваю исторические исследования функционеров ЦК КПРФ, читаю “Правду”, статьи маститого, профессионального критика в прессе — старорого коммуниста. В их позициях непримиримо бурлит непререкаемый большевизм. Всё дурное: крепостное право, самодуры и хапуги городничие, нищета крестьян — всё порождение сатрапов Романовых. Если Столыпин, то при нём непременно “столыпинские галстуки и вагоны”, а также разгром крестьянской общины, если Романовы, то обязательно их порождение — “кровавый Николашка”. В своих зарубежных поездках я нередко слышал от наших соотечественников иные, не менее закостеневшие обвинения Советам: “красный террор”, “грядущий хам” и прочее — из “Окаянных дней” Бунина. Плюс — обвинение в репрессиях 36–38 года. В нашем государстве мало найдётся семей, которых не зацепил размах “сталинских чисток” в эти годы. Вашей семье они коснулись?

Ю. С.: Напрямую. 30 декабря 1938 года был арестован мой дед — без права переписки. Зачастую это означало расстрел, но он был закамуфлирован этим ярлыком — “Без права переписки”, и подвешивал семью “врага народа” в мучительной неизвестности на долгие годы. После ареста мы годы жили в каком-то подвале, помню три сырых, скользких ступени вниз. В 1955 году в наш подвал впорхнул какой-то важный, правительственный документ. Бабушка прочла, у неё подкосились ноги. Нам сообщали, что дед реабилитирован.

Я не испытываю восторга перед Сталиным, хотя и не присоединяюсь к тем, кто охаивает его с пеной у рта. Просто надо понять: каждому времени, ломящемуся к своей цели, соответствуют средства её достижения. В конечном счёте, Советская власть дала мне и тысячам моих коллег по искусству то, что я теперь имею: любимую профессию, признание и возможность служения музам.

Е. Ч.: Самое время задаться сакральными вопросами: из какого источника, у кого учились военному делу советские маршалы Жуков, Буденный, Тимошенко? Кто обогатил изначальным научным багажом Нобелевского лауреата, советского учёного Ивана Павлова, теоретика и пророка советской космонавтики Циолковского? Где получили блистательную школу балерина Павлова, хореограф Петипа, бас Шаляпин, писатель Горький, создатель Третьяковской галереи Третьяков, композиторы, пианисты Кабалевский, Глиэр? С чего бы это товарищ Ленин “слямзил” идею ГОЭЛРО у его превосходительства Столыпина?

Какова ваша позиция в этой почти столетней химере противостояния “белого” и “красного”, разбросавшей нас по разные стороны баррикады. Вы чей, Юрий Мефодьевич?

Ю. С.: Вы поставили меня в сложное положение. Думаю, что мыслящие личности по обе стороны обветшавшей за годы баррикады, за исключением ортодоксов, давно и мучительно жалеют и скорбят о случившемся противостоянии и, вследствие этого, — оскудении русского генофонда. Нас травлили в революцию и Гражданскую войну для того, чтобы мы иссякли силой и разумом, ведь в схватках погибали лучшие. Белые и красные того времени были совсем иные. И в том, и в другом лагере хватало как праведников, так и негодяев.

Всю свою сознательную жизнь я служу театру, исповедую красоту и гармонию. И потому преклоняюсь перед великой русской культурой, личностями, которых подарила нам эпоха Романовых: Фонвизина, Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского, Чехова, всех Толстых. И чем дальше во времени они отдаляются от нас, тем величественнее становятся. Их знает весь мир. Поэтому в своих знакомствах и своих контактах с коллегами по ремеслу я вполне объяснимо избегаю Иванов, не помнящих родства. И ценю тех, кто сохраняет в памяти имена и творения этих великанов Духа.

Мы были на гастролях в Париже, играли в Версале “Дядю Ваню” и “Вишнёвый сад”. На спектакль пришли эмигранты первой волны — с томиками пьес Чехова, чтобы следить за текстом. Пришло старое русское дворянство: князья, графы, их родственники и домочадцы с детьми, внуками, правнуками. Многие из них плакали на спектакле. После спектакля мы долго беседовали с ними и были потрясены их верностью Родине: они не растворились в инородчине, приютившей их, бережно сохранили язык, любовь к России, её гениям, её традициям.

Е. Ч.: Слёзы зрителей на спектакле. Это как Георгиевский крест, как медаль “За отвагу” в сражении. Идёт не прекращающееся сражение за людские души. Сейчас эта схватка в апогее, воспалена до предела. Поэтому так важна реанимация театров, способных порождать не ржание доморощенного олигофрена на первом “мажорном” ряду, а “добывать” сострадание и слезу на своих спектаклях.

Ю. С.: Особенно, если это слеза ребёнка. В давнем случае — еврейского. Помню гастроли в Израиле. До этого в Москву приехал их менеджер, смотрел практически все театры. Наконец приглашает нас в ресторан ВТО. Делится впечатлениями от просмотренных спектаклей и вгоняет в шок: “Ваш театр для меня вне конкуренции. Первыми хочу видеть в Израиле вас. С “Царём Фёдором Иоанновичем” и Чеховым”. Кстати, знаю многих менеджеров из Европы, которые приезжают к нам в Москву и на периферию — в губернии, отбирают актеров, спектакли, поставленные в традиционном стиле, без шокирующих выкрутасов, и прокатывают их по своим городам, относясь к нашей сценографии с предельной бережливостью. Европа высоко ценит русскую, традиционную, театральную школу, систему Станиславского, заимствует у нас лучшее, в отличие от нас.

Е. Ч.: Израиль... еврейский менеджер... в Москве того времени много его этнических соплеменников: Плучек в Сатире, Эфрос на Малой Бронной, Любимов в театре на Таганке, Розовский “У Никитских ворот”. Но безальтернативно зван на гастроли в еврейское государство русский традиционный Малый театр, с исконно русским репертуаром. В чем, по-вашему, “волапюк” израильского менеджера?

Ю. С.: В величии русских, всечеловеческих ценностей, которые исповедует наш театр: любовь, сострадание, осуждение порока. Они понятны

и близки всем нациям и народам. Но – к израильской слезе ребёнка... Мы отыграли Чехова, “Вишнёвый сад”, занавес. Овации вставших зрителей. А на переднем ряду сидит и безутешно плачет мальчишка, родители пытаются его утешить. Мы завели их на сцену, спрашиваем: что случилось, отчего слёзы? И слышим в ответ потрясающее признание от малыша: “Дедушка Фирс умер... жа-а-алко!”

Мы смеёмся, успокаиваем: ах ты жалостливая кроха, успокойся, не умер дедушка, жив. Не верит, плачет. Я зову: Носика из гримёрки на сцену, быстро! Приходит Валера Носик, ещё в гриме, мы всё ему рассказываем. Он садится на корточки перед мальцом: вот он я, живой и здоровый! Можешь потрогать. Малыш трогает и успокаивается. Подобное врезается в память навсегда. Это можно нести по жизни как самую высшую награду.

Е. Ч.: К сожалению, недоступную ныне многим – если не большинству. Вы отважились взять на себя функции иммунной системы русского театра, сражаясь против бактерий чванливого самодурства так называемой “элитарной” режиссуры, её невежества и бесстыдства. Ныне этими бактериями во многом заражён наш традиционный театральный великан. И всю эту вакханалию курирует СТД. Вам в нём комфортно?

Ю. С.: Я не состою в СТД. Вышел из него давно, хотя и обладатель “Золотой маски”. Дали, вероятно, за долголетние заслуги в театре. Я не хочу состоять в организации, где корёжат, уродуют классиков. Яшу (слугу из “Вишневого сада”) режиссёр заставляет “заниматься любовью” на сцене со служанкой Дуняшей. Но этого нет и не могло быть у Чехова! После подобных сцен в то время всю трупку вместе с режиссёром городской отправил бы принудительно в сумасшедший дом!

Е. Ч.: Из этих же “эскириментов”: на авансцене публично мочатся, справляют туалетную нужду. Режиссёр выходит на сцену к зрителю нагишом, прикрывшись театральной программкой...

Ю. С.: ...Раневская волею режиссёра посажена ни иглу, она наркоманка. Чехов, вероятно, переворачивается в гробу от творящегося: классиков русской драматургии нещадно корёжат со своей “кочки зрения”, обезьянничают. Делается всё, даже самое непотребное, чтобы затащить зрителя в театр и заработать деньги. Я двадцать пять лет играю царя Фёдора, и двадцать пять лет зритель идёт на спектакль, где нет трескучего авангарда, нет трюкачества и вычурной завлекаловки, а есть подлинные, высокие человеческие страсти, есть история России. Если мне будут платить за игру не рублями, а долларами, я разве стану лучше играть? Цель заработать деньги, валюту – не главная, хотя многие театры сброшены в каторжный режим самоокупаемости. Но мы не зарабатываем деньги, мы обязаны исповедоваться перед зрителем, нести ему идеи гуманизма, добра, сострадания, которые заложил классик в пьесу. У театра и СТД жизненно важная миссия: художественными средствами приобщить зрителя к генеалогии предков, напитать его память и самосознание гордостью за принадлежность к своей, великой, никем не искажённой истории. И зритель верит нам, идёт в театр, чтобы познать не только её, но и самого себя в ней.

К слову: СТД ныне начинает меняться, становится более вменяемым. Думаю, что это заслуга министерства культуры.

Е. Ч.: Вы сказали “великой, не искажённой истории”. Несколько лет назад я побывал на истерически распиаренной, “мировой премьере” Ростроповича, Слонимского и Стура “Видения Иоанна Грозного”. Это была сценическая бурда из русофобии, тотальной лжи вне Соловьёва, Ключевского, Карамзина, ненависти к одной из великих фигур нашего русского социума – Иоанну IV. После рецензии на этот пасквиль в газете “Завтра” “Шизофренические видения Ростроповича” на мою электронную почту хлынули отклики. В том числе и претензии молодежи. Их суть: да, спектакль льёт помой на нашу историю. Но “куда пойти, чтобы было интересно, чтобы с нами разговаривали на нашем языке?”

Ю. С.: На кастрированном интернет-языке вперемешку с матом? Этот язык подходит для тыкания кнопок в компьютерах и айфонах, когда практически отключаются мозги. С какой стати мы должны учитывать мыслительный уровень этой категории, ориентироваться на неё, идти у неё на поводу? Такой

зритель у нас, к счастью, не преобладает. На спектакли приходит много умной молодёжи, чудом сохранившей интеллект. И её нужно оберегать, готовить репертуар, ориентироваться на неё – на будущее России. А для современных бой-френдов нужно уже, наверное, другое. Мы трагически упустили их ещё на стадии начальной школы. Внуков украли у нашего поколения. На них необходимо иное воздействие, из метода Макаренко, связанной с трудотерапией, которую намерена ввести в программы школ и профессиональных, может специальных, учебных заведений новый министр Васильева.

Е. Ч.: Стержневая тематика театра: исторические личности.

Бисмарк у пруссов и его арийский двойник у руссов Столыпин – это пара социо-национальных гигантов XVIII–XIX веков, бесстрашно повернувших штурвалы империй навстречу девятому валу революций от Ротшильдов, Парвусов и Рокфеллеров. И они со всей геополитической мощью победно оседлали этот вал, загнав хищные деньги банкиров в государственную клетку. И лишь после их кончины революции вцепились в горло Германии и России. Любопытный штрих: Бисмарк, будучи посланником Вильгельма при дворе Александра II, звал к объединению политических и военных потенциалов двух империй, делал всё возможное для этого, пророчески предвидя итог подобного симбиоза: несокрушимое могущество германских и славянских ариев на планете, исповедующих трудолюбие, лад и независимость.

Юрий Мефодьевич, вы не чувствуете некой бреши в репертуарном ряде театра без этих фигур – Бисмарка и Столыпина?

Ю. С.: Вероятно, брешь есть. Мы сознаём особый статус этих исторических фигур. Но репертуар театра верстается в тесной взаимосвязи с драматургическим материалом. Если есть пьеса соответствующего уровня – надо решать вопрос о взятии её в репертуар. К сожалению, пока у нас нет драматургии подобного плана, соответствующей этим личностям. Но продолжим разговор о тематической бреши. В своё время я остро чувствовал настоящую необходимость поведать россиянам о незаслуженно забытой гигантской фигуре Миклухо-Маклая – здесь была художественная, информационная брешь для России. Есть улицы Миклухо-Маклая, заповедники, пароход. Но каков он как человек? Миклухо-Маклай приезжал в Европу, и его принимали в своё время, как принимали в XX веке Юрия Гагарина. Его имя до сих пор знают дети в Новой Гвинее, а его самого называют “человеком с планеты луна”. И обо всей этой фактуре появился сценарий. В итоге я снял трёхсерийный фильм “Берег его жизни” о Миклухо-Маклае. Как эпилог: Миклухо-Маклая принимал и очень долго беседовал с ним на равных сам канцлер Бисмарк. Круг замкнулся: наша планета – одна уютная квартира для таких личностей.

Е. Ч.: На Руси под игом Золотой орды построил монашескую обитель на берегу реки Кончуры преподобный святой Сергей Радонежский. Главным стержнем этого творения был Устав монастыря (ныне – Сергиево-Троицкий лавра), который обязывал монашескую братию “жить плодами рук своих в добросердечии и согласии”. Ваш театр в окружении “чужебесия” тоже своеобразный монастырь со своим Уставом, где актёрские нравы и эмоции далеко не монашеские. Но вот уже много лет вы ведёте по жизни уверенной рукой этот живой, бурлящий страстями организм, ведёте по штормам и передрыгам постсоветской России, руководствуясь уложением Сергия Радонежского: жить в просветительских трудах, “плодами рук своих”. Вы избирались и переизбирались коллективом многократно, ибо столь же многократно проводили этот восьмисотчеловечий ковчег между Сциллой раздора и Харибдой распада. Разламывались и распадались на антагонистические концепции Таганка, МХАТ, “Современник”. А вы лишь крепили и обретали мировую известность, бережно сохраняя традиционность. Чего бы вы хотели от власти ныне? Какое участие её в ваших делах и заботах было бы для вас предпочтительным?

Ю. С.: Чтобы в наш “монастырь” не совались с чужим Уставом, чтобы наш статус был избавлен от каких-либо повелительных распоряжений и наставлений. Они предельно необходимы ныне для театральных “авангардистов”, о которых мы говорили выше. Но пока на них навешивают, в качестве поощрения, “Золотые маски”.

Помню выражение глаз у Михаила Ивановича Царева, когда в Малый театр пришло распоряжение сверху: “Сократить коллектив театра на 25 процентов”. Он прочел его перед трупной на худсовете. Обвел актёров взглядом.

Вздыхнул, переспросил: значит, на двадцать пять процентов? И положил бумагу в стол: “Что ж, будем думать”. Думаем до сих пор. И сохраняем сотрудников, актёров с их опытом, можно сказать, пожизненно.

Ещё одно пожелание – сроки присвоения званий: “Заслуженный”, “Народный”, “Лауреат” и прочее. Немыслимо, недопустимо, когда артист, сжигающий свои нервы, психику на сцене годами, ждёт этого присвоения двадцать лет. Да он сгорает, не дождавшись заслуженной награды! Она становится практически не нужна пеплу, в который превращается его душа и сердце.

Е. Ч.: Есть рассказ о капитане рыболовного сейнера, вышедшего на промысел. Неделю рыбы нет. Команда ропщет. Вторая неделя безрыбья. Команда в ярости. Назревает бунт, капитана поносят, шельмуют: какого чёрта торчишь на капитанском мостике, если не можешь найти рыбу?! Третья неделя с пустыми сетями: над палубой дикий рев вперемешку с адресным матом. Наконец, капитан выводит сейнер на рыбы косяки. Три дня бешеной работы, и сейнер с полными трюмами развернулся к дому. Капитана качают, обливают покаянной патокой. После чего он идёт в каюту и пускает себе пулю в лоб. Вы сами когда дождались присвоения?

Ю. С.: Я получил “Заслуженного” в 39. До этого звание лежало в столе какого-то чиновника несколько лет. Но вмешался его величество случай. Прихватил меня радикулит, да так свирепо, что без костылей двигаться не мог, так и являлся на репетиции. В театр зачем-то прибыла Фурцева. Входит в лифт, а там я спускался. Спрашивает: ты чего с костылями? Отвечаю всё как есть – радикулит, Екатерина Алексеевна, будь он неладен. “А что ж тогда на работе?”. Отшучиваюсь: так без меня театр станет. “Даже так? Ну, выздоравливай”. Вышла. И через две недели пришло распоряжение о присвоении “Заслуженного”.

Е. Ч.: В прошлом начальник Управления театрами Грибанов совместно с ВТО создал при Министерстве культуры СССР постоянно действующие драматургические семинары. На них выступали с обзорами театральной жизни страны блестящие критики Владимир Бондаренко и Юрий Любимов, оттачивали мастерство драматурги: сибиряки Зот Тоболкин, Роман Солнцев, Александр Вампилов, камчадал Владимир Космачевский, белорус Анатолий Дударев, татарин Юнус Сафиуллин, москвич Михаил Варфоломеев. Мы, можно сказать, заполонили репертуары московских театров того времени, меня поставили в театрах Сатиры и им. Вахтангова, остальных – на Малой Бронной, театре Ермоловой, театре им. Станиславского.

Наползала перестройка. И её прозападные кураторы в ЦК, в противовес этой драматургической когорте, где чтились традиции русского театра, предложили драматургу Розову создать нечто вроде творческого инкубатора, где бы он воспитывал молодых драматургов с “новым мышлением”.

В этой экспериментальной колбе зародилось обильное финансируемое племя разухабистых драмоделов, которое вдруг отпочковалось от нравственной сценографии самого Розова и самым вульгарным образом вписалось в разрушительный шабаш перестройки с “хромым бесом” Александром Яковлевым. Помню восторженный пресс-катаклизм того времени по поводу пьесы Арро “Смотрите, кто пришёл!”, драм-иезуитчину Петрушевской, Галина и прочих.

Драматургия, её воздействие катарсисом на миллионы зрителей всегда были мощной платформой, на которой строилась идейная, нравственная парадигма нации. И она всегда была под прицелом врагов.

Малый театр стал всероссийским, европейским центром духовности. У вас не появлялась мысль о создании при театре совместно с министерством культуры некой секции (семинара, курсов), чьей миссией станет возрождение исконно национальной, нравственной драматургии?

Ю. С.: Если не ошибаюсь, подобные семинары или курсы есть, действуют при СТД и их региональных отделениях. Но мы в них не участвуем. Мне знакомы фамилии драматургов, которые вы перечислили – и грибановских, и воспитанников Розова. Сам я неоднократно играл в его пьесах. Это была добротная, действительно традиционная драматургия.

Мне всё время предлагают роли в кино. От многих я отказываюсь – не хочу тратить время и энергию на заезженное клише из ментов, олигархов и их любовниц. Есть и очень хорошие сценарии. Но на такие, как правило, у ру-

ководства и TV нет денег. Гнетёт ощущение, что кинематограф Феллини, Бергмана, Куросавы, Тарковского умер. Ему на смену явился серийный андеграунд, где снимают спальню через замочную скважину.

Мы не должны, задрав штаны, бежать за авангардом, где сейчас зачас-тую правят бал глупость, пошлость. Андеграунды приходят и уходят, а традиционный русский театр, где первична жизнь Духа, совесть и законы эстетики, будет жить вечно. Остаётся надеяться, что судьба позволит дожить до времени, когда на массовую сцену, на киноэкран вернуться великие творения, которые способен породить славянский генофонд.

Е. Ч.: На этом можно ставить точку. Здоровья и новой творческой, фееричной жизни вам, Юрий Мефодьевич, вашим соратникам и единомышленникам по сцене в отреставрированном здании Малого, занимающего в культурной жизни России столь огромное место. Вас однажды назвали “Большой хранитель Малого”. Продолжая мысль, можно добавить: “Малый – хранитель Большой России”.

Не забудьте подписаться
на "Наш современник" —
на второе полугодие 2020 года!

Почта России		ф. СП-1									
АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/> (индекс издания)									
НАШ СОВРЕМЕННИК		Количество комплектов									
На 2020 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда <input type="text"/>											
(почтовый индекс)								(адрес)			
Кому _____				Линия отреза				-----			
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		<input type="text"/>						
ПВ	место	литер									
На газету журнал		НАШ СОВРЕМЕННИК		(наименование издания)							
Стои- мость	подписки	руб.	Количество								
	переадрес.	руб.	комплектов								
На 2020 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
(почтовый индекс)		город		_____							
		село		_____							
		область		_____							
		район		_____							
		улица		_____							
дом	корпус	квартира	(фамилия и о.)								

Подписные индексы журнала
"Наш современник"

По каталогу "Роспечать" на 6 месяцев — 73274

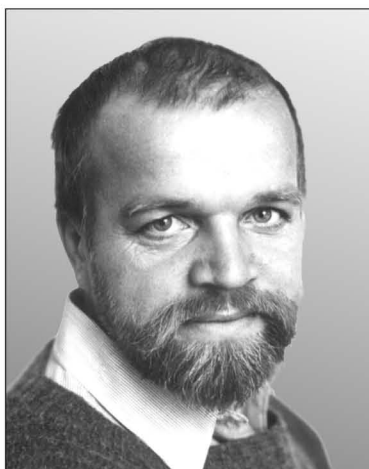
По каталогу "Роспечать" на 12 месяцев — 72336

По каталогу "Почта России" — П4254

275 лет Денису Ивановичу Фонвизину

Фонвизин взял героев *Недоросля* прямо из житейского омута, и взял, в чем застал, без всяких культурных покрытий, да так и поставил их на сцену со всей неурядицей их отношений, со всем содомом их неприбранных инстинктов и интересов. Эти герои, выхваченные из общественного толока для забавы театральной публики, оказались вовсе не забавны, а просто нетерпимы ни в каком благоустроенном обществе. Эти незабавные люди, задумывая преступные вещи, туда же мудрят и хитрят, но, как люди глупые и растерянные, к тому же до самозабвения злые, они сами вязнут и топят друг друга в грязи собственных козней. На этом и построен комизм *Недоросля*. Глупость, коварство, злость, преступление вовсе не смешны сами по себе; смешно только глупое коварство, попавшееся в собственные сети, смешна злобная глупость, обманувшая сама себя и никому не причинившая задуманного зла. *Недоросль* — комедия не лиц, а положений. Ее лица комичны, но не смешны, комичны как роли, и вовсе не смешны как люди. Они могут забавлять, когда видишь их на сцене, но тревожат и огорчают, когда встречаешь вне театра, дома или в обществе. Фонвизин заставил печально-дурных и глупых людей играть забавно-веселые и часто умные роли. В этом тонком различении *людей* и *ролей* художественное мастерство его *Недоросля*; в нем же источник того сильного впечатления, какое производит эта пьеса. Сила впечатления в том, что оно состоит из двух противоположных элементов: смех в театре сменяется тяжелым раздумьем по выходе из него. Пока разыгрываются роли, зритель смеется над положениями себя перехитрившей и самое себя наказывающей глупости. Но вот кончилась игра, ушли актеры, и занавес опустился — кончился и смех. Прошли забавные положения злых людей, но люди остались, и, из душного марева электрического света вырвавшись на пронизывающую свежесть уличной мглы, зритель с ущемленным сердцем припоминает, что эти люди остались и он их встретит вновь прежде, чем они попадутся в новые заслуженные ими положения.

Берлинская наступательная операция, проведённая Красной армией в апреле-мае 1945 года, стала апофеозом Великой Отечественной войны. Взятие Красной армией Берлина, гибель и пленение военной и политической верхушки Третьего Рейха поставили точку в войне на европейском театре.

В ознаменование 75-й годовщины Великой Победы в “победном” пятом номере журнал “Наш современник” начинает публикацию новой книги постоянного автора Сергея Михеенкова. Дни и ночи последнего штурма показаны в ней через судьбы его участников – солдат и генералов, командиров корпусов и рядовых разведчиков, танкистов, пехотинцев. Некоторые герои книги прошли войну от западных границ Советского Союза до Москвы, а затем, через Сталинград, Курск, Смоленщину, Белгородчину, Донбасс, Белоруссию и Польшу, до Берлина.

Читайте в следующем номере: Сергей Михеенков “Берлин-45”.